МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РАН НА ТЕРРИТОРИИ ДНР

ISNN 2664-7362 (PRINT)
ISNN 2664-7370 (ONLINE)

МАТЕРИАЛЫ
XI Международной научной конференции

Донецкие чтения – 2026:
образование, наука, инновации, культура и вызовы современности



Том 8 | **Юридические науки. Часть 1**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

Представительство федерального государственного
бюджетного учреждения «Российская академия наук»
на территории Донецкой Народной Республики

XI Международная научная конференция

Материалы конференции

Донецкие чтения – 2026:

образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 8

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Часть 1

г. Донецк
10–12 ноября 2026 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2026

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (гл. ред.), А.В. Белый (зам. гл. ред.),
Н.В. Асеева, Е.А. Матвиенко, Е.М. Сынкова,
О.А. Левендаренко, В.Ю.Поляков, Е.В. Щербинина,
К.С. Ушакова (отв. секр. секции), М.В. Фоменко.

Д672 **Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности:** Материалы XI Международной научной конференции (Донецк, 10–12 ноября 2026 г.). – *Том 8: Юридические науки. Часть 1* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. – 305 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В восьмой том материалов X Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам юридических наук. Рассматриваются вопросы административного, финансового и экологического права, конституционного и международного права, уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, гражданского права и процесса, теории и истории государства и права.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны студентам и аспирантам, докторантам, преподавателям и специалистам-практикам, проводящим исследования в области юридических наук.

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)

© Коллектив авторов, 2026
© Донецкий государственный университет, 2026

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Панченко Владислав Яковлевич, вице-президент Российской академии наук, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Сопредседатель:

Беспалова Светлана Владимировна, ректор Донецкого государственного университета, руководитель Представительства Российской академии наук на территории Донецкой Народной Республики, д-р физ.-мат. наук, профессор (г. Донецк).

Члены программного комитета:

Алексеев Игорь Александрович, ведущий научный сотрудник лаборатории физической географии и биогеографии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, д-р геогр. наук (г. Иркутск).

Андреев Дмитрий Александрович, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва), д-р ист. наук, доцент (г. Москва).

Аноприенко Александр Яковлевич, ректор Донецкого национального технического университета, канд. техн. наук, профессор (г. Донецк).

Бабурин Сергей Николаевич, президент Ассоциации юридических вузов, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, профессор, почётный профессор Донецкого государственного университета (г. Москва).

Бахтин Станислав Геннадиевич, декан химического факультета Донецкого государственного университета, канд. хим. наук, доцент (г. Донецк).

Белозеров Геннадий Александрович, заместитель генерального директора Автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов».

Белый Александр Владимирович, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого государственного университета, канд. хим. наук, доцент (г. Донецк).

Блинова Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой прикладной психологии и развития личности Херсонского государственного педагогического университета, д-р психол. наук, профессор (г. Херсон).

Вартанова Елена Леонидовна, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р филол. наук, академик РАО (г. Москва).

Варюхин Виктор Николаевич, научный руководитель Донецкого физико-технического института им. А. А. Галкина, д-р физ. мат. наук, профессор, член-корр. РАН, (г. Донецк).

Воронова Ольга Евгеньевна, профессор кафедры литературы и журналистики, руководитель Центра региональных проектов и межрегиональных связей Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, д-р филол. наук, профессор (г. Рязань).

Ганиева Ирина Александровна, директор АНО «Научно образовательный центр „Кузбасс“», д-р экон. наук, доцент (г. Кемерово).

Глухов Александр Захарович, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета, д-р биол. наук, профессор (г. Донецк).

Головчан Алексей Витальевич, директор Донецкого физико-технического института им. А. А. Галкина, канд. физ. мат. наук, доцент (г. Донецк).

Данилюк Даниил Анатольевич, и. о. директора Института прикладной математики и механики, канд. физ. мат. наук (г. Донецк).

Журавлёва Екатерина Васильевна, Советник президента РАН, советник Председателя Совета директоров ГК «ЭФКО», д-р с.-х. наук, профессор РАН (г. Белгород).

Зенченко Светлана Вячеславовна, проректор по научной работе Северо-Кавказского федерального университета, д-р экон. наук, профессор (г. Ставрополь).

Зинченко Юрий Петрович, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р психол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик РАО (г. Москва).

Игнатенко Григорий Анатольевич, ректор Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького, д-р мед. наук, профессор, академик РАН (г. Донецк).

Ильинский Владимир Викторович, и. о. зав. кафедрой общей экологии и гидробиологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, профессор (г. Москва).

Исаков Владимир Борисович, профессор НИУ «Высшая школа экономики», д-р юрид. наук, профессор (г. Москва).

Калмыков Степан Николаевич, вице-президент Российской академии наук, д-р хим. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Керимов Александр Джангирович, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, д-р юрид. наук, профессор (г. Москва).

Кирпичников Михаил Петрович, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Кожухов Игорь Борисович, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники», д-р физ. мат. наук, профессор (г. Москва).

Крамаренко Артём Александрович, заместитель Председателя Правительства Донецкой Народной Республики, Министр сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности (г. Донецк).

Красильников Павел Владимирович, декан факультета почвоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, член-корреспондент РАН (г. Москва).

Липгарт Андрей Александрович, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р филол. наук, профессор (г. Москва).

Лубков Алексей Владимирович, ректор Московского педагогического государственного университета, д-р ист. наук, профессор, академик РАО (г. Москва).

Макаров Кирилл Борисович, заместитель Председателя Правительства Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Матишов Геннадий Григорьевич, заместитель президента РАН, научный руководитель Южного научного центра РАН, д-р геогр.наук, профессор, академик РАН (г. Ростов-на-Дону).

Месхи Бесарион Чохоевич, ректор Донского государственного технического университета, председатель Совета ректоров вузов Ростовской области, д-р техн. наук, профессор, академик РАО (г. Ростов на Дону).

Минаев Андрей Иванович, профессор Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, д-р ист. наук, доцент (г. Рязань).

Некипелов Александр Дмитриевич, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Нечаев Владимир Дмитриевич, ректор Севастопольского государственного университета, д-р полит. наук, доцент (г. Севастополь).

Овечко Сергей Викторович, заместитель Института биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН, канд. биол. наук (г. Севастополь).

Пармон Валентин Николаевич, научный руководитель Института катализа СО РАН, д-р хим. наук, академик РАН (г. Новосибирск).

Плугатарь Юрий Владимирович, директор Ордена Трудового Красного Знамени Никитского ботанического сада – Национального научного центра РАН, председатель Совета ботанических садов России, д-р с.-х. наук, профессор, академик РАН (г. Ялта).

Половян Алексей Владимирович, директор Института экономических исследований, д-р экон. наук, доцент, (г. Донецк).

Понедельников Алексей Борисович, руководитель отдела «Северо-Азовский» Южного филиала ФГБНУ «ВНИРО» (г. Мариуполь).

Приходько Светлана Анатольевна, директор Донецкого ботанического сада, канд. биол. наук, ст. науч. сотр. (г. Донецк).

Прутцков Григорий Владимирович, профессор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики», д-р филол. наук (г. Москва).

Рябичев Виктор Дронович, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля, д-р техн. наук, профессор (г. Луганск).

Садовничий Виктор Антонович, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Секиринский Дмитрий Сергеевич, заместитель Министра науки и высшего образования Российской Федерации.

Скуратовская Екатерина Николаевна, врио директора Института биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН, канд. биол. наук (г. Севастополь).

Сократов Сергей Альфредович, зам. декана географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, канд. геогр. наук, доцент (г. Москва).

Тедеев Вадим Ботазович, ректор Юго Осетинского государственного университета имени А. А. Тибилова, канд. техн. наук, профессор (г. Цхинвал).

Тохтарь Валерий Константинович, директор Ботанического сада Белгородского государственного национального исследовательского университета, д-р биол. наук, с. н. с. (г. Белгород).

Трофимов Олег Владимирович, Министр образования и науки Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Тулупов Владимир Васильевич, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета, д-р филол. наук, профессор (г. Воронеж).

Туранина Неонила Альфредовна, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры, д-р филол. наук, профессор (г. Белгород).

Федянин Андрей Анатольевич, проректор – начальник управления научной политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, д-р физ. мат. наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва).

Харламенкова Наталья Евгеньевна, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, заместитель директора Института психологии РАН, д-р психол. наук, профессор (г. Москва).

Хомутова Екатерина Валерьевна, директор Института физико-органической химии и углехимии им. Л. М. Литвиненко, канд. биол. наук (г. Донецк).

Шебалков Алексей Викторович, Министр природных ресурсов и экологии Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Административное, финансовое и экологическое право

УДК 342.9

О ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Анкудинова Я. С., ORCID 0000-0002-4712-3118,
Бирюкова Н. Ю., ORCID 0009-0001-1197-8579,
Суркова В. А., ORCID 0009-0005-9832-1420
Крымский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университета прокуратуры РФ», г. Симферополь, РФ
e-mail: Birukova2006@inbox.ru, i@surkova-v.ru, yana_ponomaryova@mail.ru

Введение. Цифровая эпоха охватывает практически все сферы общественной жизни современного мира. Стремительно развиваются информационно-коммуникационные технологии, в том числе искусственный интеллект. Наряду с положительным его влиянием, использование новых технологий сопряжено со значительным ростом правонарушений, создающих угрозу для нормального функционирования и развития общественных отношений. В связи с этим особое значение приобретает вопрос правильной квалификации совершаемых правонарушений с целью соблюдения прав и свобод человека и гражданина и создания правовой и судебной практики по делам данной категории. Актуальность проблемы подтверждается принятием ФЗ от 01.04.2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1].

Цель исследования. Одним из эффективных инструментов воздействия на административные правонарушения выступает институт административной ответственности, являющийся одним из способов правовой охраны общественных отношений в сфере государственного управления.

Основная часть. Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей административной ответственности за правонарушения в цифровой среде, необходимо определиться с понятием цифровой среды. Анализ определений цифровой среды позволяет выделить два теоретических подхода к исследованию данного понятия: это технологический подход и медийный подход. Технологический подход рассматривает цифровую среду как обособленную технологию и пространство объектов, в свою очередь как медийный подход рассматривает цифровую среду как искусственную среду обитания, которая является доминирующей формой коммуникации XXI в. и

объединяет средства, такие как, например, Интернет или любую другую электронную коммуникационную систему, позволяющие субъектам взаимодействовать. При анализе административных правонарушений в цифровой среде данный подход и будет взят за основу. Благодаря возможностям технического характера информация, существующая в цифровой среде, распространяется очень быстрыми темпами. Проблема в том, что такая информация может иметь не только положительный, но и негативный характер, посягая на охраняемые государством общественные отношения. В случае совершения административного правонарушения в цифровой среде виновное лицо должно быть привлечено к административной ответственности.

Являясь видом административных информационных правонарушений, административное правонарушение в цифровой среде можно определить как противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, посягающее на установленный порядок государственного управления в информационной сфере, совершаемое при использовании Интернета или любой другой электронной коммуникационной системы, за совершение которого установлена административная ответственность. Большинство норм законодательства об административных правонарушениях в цифровой среде сосредоточены в гл. 13 КоАП РФ «Административные правонарушения в области связи и информации». За последние годы введено более 90 новых составов, изменения затронули более 20 статей и коснулись вопросов, в том числе связанных со злоупотреблением свободой массовой информации, неисполнением обязанностей операторами связи, нарушением законодательства в области персональных данных, централизованного управления сетью связи общего пользования, требований по обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры.

Административная ответственность за правонарушения в цифровой среде имеет следующие отличительные особенности. Первая особенность заключается в том, что фактическим основанием является административное правонарушение в цифровой среде. Вторая особенность состоит в принудительной основе и наказательном характере: административно-принудительные меры характеризуются властно-обязывающим воздействием, которое выражается в негативных последствиях, например, ограничениях личного или имущественного характера. Третья особенность выражается в межотраслевой природе общественных отношений, возникающих в цифровой среде, поскольку совершаются и административные правонарушения, и преступления, в связи с чем важно понимать правовое различие – административные меры носят преимущественно профилактический характер и не равны уголовным мерам. Четвертая особенность состоит во множественности субъектов применения норм об административной ответственности: меры административной ответственности применяются широким кругом уполномоченных субъектов административной юрисдикции, при этом законодатель характеризует суд, как субъект, обладающий расширенной компетенцией и исключительными полномочиями. Пятую

особенность мер административной ответственности можно проследить в особом процессуальном порядке их реализации – производстве по делам об административных правонарушениях, которое отличают публичность и гласность, простота, экономичность, обеспечивающие достижение истины по делу в возможно короткие сроки и без существенных затрат государственных и общественных средств.

Трансграничный характер многих правонарушений создаёт дополнительные коллизии: действия могут совершаться с территории одного государства, а последствия наступать на территории другого. Это затрудняет определение юрисдикции, сбор доказательств и исполнение постановлений, а также требует слаженного международного взаимодействия.

Ключевой особенностью является стремительное развитие технологий, которое опережает темпы законотворчества: новые инструменты формируют ранее неизвестные модели противоправного поведения, для которых отсутствуют чёткие критерии квалификации. В результате правоприменитель вынужден использовать устаревшие юридические конструкции, что снижает эффективность института административной ответственности.

Заключение. Для повышения качества квалификации административных правонарушений в цифровой среде требуется комплексный подход: уточнение и систематизация составов в КоАП РФ с учётом технологических особенностей, разработка единых методических рекомендаций по сбору и оценке цифровых доказательств, усиление профессиональной подготовки должностных лиц и развитие механизмов международного сотрудничества. Перспективным направлением также является внедрение цифровых инструментов в производство по делам об административных правонарушениях – при условии соблюдения гарантий прав и свобод граждан и обеспечения прозрачности принимаемых решений [3].

Список литературы

1. Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ (в ред. от 26.07.2026) «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502182/ (дата обращения: 07.10.2026)
2. Денисенко, В. В. Проблемы квалификации административных правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий / В. В. Денисенко, С. Г. Денисенко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2025. – № 2 (68). – С. 81–86.
3. Кириленко, Н. Е. Перспективы развития административной ответственности в сфере цифровизации / Н. Е. Кириленко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 50 (601). – С. 336-338.
4. Телятицкая, Т. В. Административная ответст венность в цифровую эпоху: современные вызовы и подходы (Статья) Т. В. Телятицкая // Социальные новации и социальные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 105–119. – DOI: 10.31249/iajpravo/ 2025.04.08

УДК 349.6

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАЧЕСТВА И ТАРИФОВ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ВОДОСНАБЖЕНИЯ И ВОДООТВЕДЕНИЯ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Барбашова Н. В., д-р юрид. наук, проф., ORCID 0000-0001-7088-1382,
Алексеева Т. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: tanyuschcka2512@gmail.com, n.barbashova@mail.ru

Введение. Для поддержания стабильности централизованного водообеспечения гражданского населения и индустриальных объектов Правительством ДНР был инициирован комплекс нормативно-правовых мер, включающий временную модификацию стандартов качества поставляемой воды, а также введение понижающих коэффициентов к действующим тарифам на услуги водоснабжения и водоотведения. На повышение эффективности правового регулирования в области водных отношений на территории Донецкой Народной Республики в условиях чрезвычайной ситуации с водоснабжением направлены нормы Закона Донецкой Народной Республики «О полномочиях органов государственной власти Донецкой Народной Республики» в области водных отношений» [1].

Цель. Проанализировать эффективность и целесообразность применяемых нормативно-правовых актов, регламентирующих качественные параметры питьевой воды и ценообразование в сфере водоснабжения и водоотведения на территории Донецкой Народной Республики.

Основная часть. Эксплуатация водных объектов для нужд питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения регулируется ч. 1 ст. 43 Водного кодекса Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ [2], согласно которой использование поверхностных и подземных источников разрешается исключительно при наличии санитарно-эпидемиологических заключений об их пригодности. Базовые требования к качеству воды устанавливаются следующими документами: СанПиН 2.1.3684-21, СанПиН 1.2.3685-21, СП 2.1.5.1059-01.

С февраля 2022 года вследствие разрушения инфраструктуры канала «Северский Донец – Донбасс» и водопроводных сооружений на территории Республики введен режим чрезвычайной ситуации (код 10830). Функционирование фильтровальных станций ГУП ДНР «ВОДА ДОНБАССА» производится в соответствии с документом «Технологический режим подготовки питьевой воды в условиях чрезвычайной ситуации», предусматривающим снижение нормативных требований к качеству воды (согласования РЦ СЭН ГСЭС МЗ ДНР от 01.07.2022 № 3239/04; управления Роспотребнадзора по ДНР от 04.12.2024 № 5416-2024).

Согласно Программе финансового оздоровления ГУП ДНР «ВОДА ДОНБАССА», утвержденной Постановлением Правительства ДНР от 27.08.2026 г. № 82-5 [3], гидрогеологическая обстановка характеризуется следующими параметрами:

«Подземные источники: высокая жесткость, повышенная минерализация, превышение ПДК по нитратам, фтору и литию.

Поверхностные источники: нестабильный состав, высокое солесодержание, повышенные значения перманганатной окисляемости и макрокомпонентной минерализации. Отсутствие систем водоподготовки на водозаборах делает невозможным доведение физико-химических показателей до норм СанПиН 1.2.3685-21 без внедрения локальных очистных сооружений.»

Динамика тарифов на 2026 год установлена Постановлением Комитета по тарифам ДНР от 22.12.2025 № 20/4 [4]:

I–III кварталы: для населения – 63,33 руб./м³ (с НДС); для прочих потребителей – 54,87 руб./м³ (без НДС).

IV квартал: для населения – 83,28 руб./м³ (с НДС); для прочих потребителей – 70,94 руб./м³ (без НДС).

Рост тарифов по сравнению с 2025 годом обусловлен увеличением ставки НДС и пересмотром параметров регулирования, что диссонирует со стагнацией качественных характеристик ресурса и сохранением режима ЧС.

Для минимизации социальной напряженности Распоряжением Правительства ДНР от 14.08.2025 г. № 80-Р27 [5] утвержден временный понижающий коэффициент на услуги водоснабжения (0,1815) для отдельных муниципальных образований. Результирующие тарифы для населения данных территорий составляют:

I–III кварталы 2026 г.: водоснабжение – 7,59 руб./м³ (с НДС), водоотведение – 0,00 руб./м³;

IV квартал 2026 г.: водоснабжение – 9,64 руб./м³ (с НДС), водоотведение – 0,00 руб./м³.

Таким образом, прослеживается позитивная деятельность государственных органов по принятию нормативных актов, устанавливающих пониженные коэффициенты на услуги водоснабжения и водоотведения для населения, а также по принятию программ, выявляющих существующие проблемы водоснабжения и водоотведения на территории Донецкой Народной Республики и регулирующие пути их решения.

Тем не менее, анализ правоприменительной практики выявляет ряд противоречий и правовых лакун. Несмотря на фиксацию фактов отсутствия водоснабжения или предоставления услуг ненадлежащего качества (в том числе несоответствие сниженным требованиям) в социальных сетях, действующий механизм защиты прав потребителей неэффективен. Позиция профильных ведомств («сообщить в водоканал»), озвученная на заседании Комитета по конституционному законодательству, государственному строительству и местному самоуправлению Народного Совета [6], не

устанавливает механизма перерасчета начислений. Кроме того, ежегодная индексация тарифов, включая косвенное повышение за счет изменения налогового законодательства, транслируется на конечного потребителя вопреки отсутствию улучшения качества услуги.

Заключение. На основании проведенного анализа предлагается реализация следующего комплекса мероприятий:

Институционализировать применение понижающего коэффициента к тарифам на период действия режима чрезвычайной ситуации и подачи воды со сниженными требованиями к качеству, распространив его действие как на категорию населения, так и на прочих потребителей.

При формировании тарифной сетки Комитету по тарифам Донецкой Народной Республики руководствоваться принципом покрытия фактических затрат ГУП ДНР «ВОДА ДОНБАССА», исключив необоснованную индексацию стоимости ресурса, качество которого не соответствует базовым стандартам.

Разработать и утвердить специальный административный регламент установления факта непредоставления услуги водоснабжения или ее предоставления ненадлежащего качества, содержащий прозрачный алгоритм освобождения абонентов от начисления платы за соответствующий расчетный период.

Список литературы

1. Закон ДНР от 10.07.2023 г. № № 460-IIНС «О полномочиях органов государственной власти Донецкой Народной Республики» в области водных отношений». URL: https://glavadnr.ru/doc/zakony/zII460.pdf (дата обращения: 19.09.2026).
2. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ : ред. от 13.06.2023 // СЗ РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.
3. Программа финансового оздоровления ГУП ДНР «ВОДА ДОНБАССА» : Постановление Правительства ДНР от 27.08.2026 г. № 82-5. – Текст : электронный // Справочно-правовая система «Гарант». – URL: https://internet.garant.ru/#/document/414832989/paragraph/1:0 (дата обращения: 17.09.2026).
4. Об установлении тарифов на услуги водоснабжения и водоотведения на 2026 год : Постановление Комитета по тарифам ДНР от 22.12.2025 № 20/4. – Текст : электронный // Справочно-правовая система «Гарант». – URL: https://internet.garant.ru/#/document/413482230/paragraph/21/doclist/956/1/0/0/Об%20установлении%20тарифов%20на%20услуги%20водоснабжения%20и%20водоотведения%20на%202026%20год%20постановление%20комитета%20по%20тарифам%20ДНР%20от%2022.12.2025%20№%2020%7C4:6 (дата обращения: 17.09.2026).
5. О применении временного понижающего коэффициента к тарифам на услуги водоснабжения : Распоряжение Правительства ДНР от 14.08.2025 г. № 80-Р27. – Текст : электронный // http://gisnpa-dnr.ru/npa/0030-80-r27-20250814/ (дата обращения: 17.09.2026).
6. Тарифы и нормы по водоснабжению стали темой обсуждения в Народном Совете. – Текст : электронный // Народный Совет Донецкой Народной Республики : официальный сайт. – 2024. – URL: https://dnrsovet.gov.ru/tarify-i-normy-po-vodosnabzheniyu-stali-temoj-obsuzhdeniya-v-narodnom-sovete/ (дата обращения: 17.09.2026).

УДК 349.6:347.9

КОЛЛИЗИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ВООХРАННЫХ ЗОН И ПРИБРЕЖНЫХ ЗАЩИТНЫХ ПОЛОС

Барбашова Н. В., д-р юрид. наук., проф., ORCID 0000-0001-7088-1382,
Загорская Е. Д., ORCID 0009-0009-0032-2169
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: n.barbashova.donnu.jur@mail.ru; liza.zagorskaya.24.03@mail.ru

Введение. Правовое регулирование водоохранных зон и прибрежных защитных полос в РФ характеризуется наличием коллизий, обусловленных пересечением природоохранных и хозяйственных интересов: необходимость защиты водных объектов от загрязнения и истощения сталкивается с потребностями землепользования и застройки, а несогласованность норм отраслевого законодательства порождает правовую неопределённость и риски нарушения экологического режима.

Цель исследования – выявить основные коллизии в регулировании водоохранных зон и прибрежных защитных полос и на базе анализа законодательства, судебной практики и научных подходов предложить способы устранения противоречий в нормативно-правовой базе.

Основная часть. Правовой режим водоохранных зон и прибрежных защитных полос закреплён в ст. 65 ВК РФ. Ими являются территории у береговой линии со специальным режимом хозяйственной деятельности. Ширина водоохранной зоны 50–200 м для рек, 500 м – для морей; в её пределах выделяют прибрежные защитные полосы с дополнительными ограничениями (ч. 17 ст. 65 Водного кодекса РФ (далее – ВК РФ) [1]. Несмотря на кажущуюся последовательность регулирования, на практике возникают коллизии из-за неточности границ, противоречий между кодексами и конфликта частных и публичных интересов.

Одна из острых коллизий – несовпадение подходов Водного и Земельного кодексов к статусу береговой полосы. По ч. 6 ст. 6 она шириной 20 м предназначена для общего пользования, а по п. 8 ст. 27 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ) [2] участки в её пределах не подлежат приватизации. Таким образом, закон изначально не допускает, чтобы такие территории были в частной собственности. Имеющиеся в настоящее время многочисленные примеры приватизации земельных участков, относящихся к береговой полосе, во многом возникли вследствие неопределенности законодательства в период массовой приватизации объектов недвижимости в 1990-2000 годах, в частности земельных участков, значительная часть которых получила статус частной собственности.

Отметим, что береговая полоса не включена в перечень зон с особыми условиями использования территорий (ЗОУИТ) (ст. 105 ЗК РФ). По мнению ряда исследователей [3, с. 173], этот факт ограничивает использование ЗОУИТ,

порождает правовую неопределённость, затрудняет кадастровый учёт и ведёт к ошибкам при формировании земельных участков. Видится дискуссионным предложение о включение береговой полосы в перечень ЗОУИТ с закреплением её двойственного статуса – как территории общего пользования и зоны ограниченного использования.

Основной характеристикой права общего природопользования является его общедоступность, т.е. оно гарантируется всем физическим лицам, находящимся на территории государства, без исключения. Право общего природопользования осуществляется бесплатно и без специальных разрешений. Право общего природопользования по сути является правом человека на удовлетворение своих жизненно важных потребностей, на пользование здоровой и благоприятной окружающей средой, на использование в целях личного потребления ресурсов животного и растительного мира относится к естественным правам человека, что роднит его с основополагающим экологическим правом человека – правом на благоприятную окружающую среду, закрепленному ст. 42 Конституции Российской Федерации.

В настоящее время с целью восстановления законности в части восстановления правового статуса территорий, являющихся береговыми полосами вокруг водных объектов, находящихся в федеральной собственности, а именно, переводу этих объектов в федеральную собственность, прокуратура повсеместно обращается в суды с исками о признании права собственности отсутствующим в части наложения участка на береговую полосу. Аргументация в судах ответчиков о пропуске срока давности (3 года), на недопустимость обратной силы закона и на законность приобретения участков не являются основаниями, как отмечается в Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 01.07.2026 N 18А/2026 «Об утверждении Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2026)», препятствующими изъятию земельных участков, относящихся к береговой полосе, в федеральную собственность [4].

Верховным судом РФ также даны разъяснения по поводу неприменимости в данном случае положений статьи 302 «Истребование имущества от добросовестного приобретателя» Гражданского кодекса Российской Федерации, так как установленные действующим законодательством Российской Федерации ограничения в использовании береговой полосы направлены на обеспечение общественно значимых интересов, в частности на обеспечение безопасности судоходства и свободного доступа к водным объектам общего пользования (части 1, 2, 6 и 8 статьи 6, часть 2 статьи 8, статья 11 Водного кодекса Российской Федерации, пункт 8 статьи 28 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. N 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества" и пункт 8 статьи 27, пункт 12 статьи 85 Земельного кодекса Российской Федерации)». В данном контексте видятся неприемлемыми рекомендации о предоставлении

соразмерной компенсации или альтернативного участка владельцам изъятых из их собственности земельных участков [5].

Необходимо отметить исключения из публичного статуса береговой полосы. Так положениями ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» № 52-ФЗ и санитарным правилам «СанПиН 4060-85. Лечебные пляжи. Санитарные правила устройства, оборудования и эксплуатации» для лечебных пляжей установлены обязательные требования, предполагающие, в частности, организацию ограждения и пропускной режим с целью обеспечения сохранности своей собственности и обеспечения безопасности санаторно-курортных услуг для жизни, здоровья и имущества потребителей. Согласно этим требованиям береговая полоса не может быть объектом общего пользования и в отношении нее не может быть установлен режим доступа неограниченного круга лиц.

Вторая коллизия связана с динамичностью береговой линии и статичностью кадастровых записей. Часть 4 статьи 5 ВК РФ определяет береговую линию по среднемноголетнему уровню вод, а Правила (постановление Правительства РФ от 29.04.2016 № 377) предусматривают её уточнение не реже одного раза в 25 лет. На практике границы в ЕГРН не пересматриваются десятилетиями, а фактический урез воды смещается на десятки метров из-за русловых процессов, абразии берегов или антропогенных факторов. В результате таких воздействий земельный участок, сформированный например в 1990-е годы, в настоящее время может оказаться либо частично «под водой», либо – между его границей и границей береговой линии возникнет полоса «ничейной» земли. Кадастровые координаты для данных случаев остались прежними. Принимая во внимание естественные колебания уровней рек и озёр как результат сложного взаимодействия климатических, геологических и антропогенных факторов, видится обоснованным предложение определять береговую линию не по среднегодовому уровню (ч. 4 ст. 5 ВК РФ), а по максимальному за период 25 лет.

Третья проблема – наложение водоохранных зон и зон санитарной охраны источников питьевого водоснабжения. Когда водный объект служит источником хозяйственно-питьевого снабжения, наряду с водоохранной зоной (ст. 65 ВК РФ) устанавливается зона санитарной охраны, режим которой регулируется отдельными правилами (СП 2.1.4.2625-10). Эти зоны могут совпадать территориально, но регулируются разными актами, имеют разные процедуры установления и контролирующие органы. Собственник участка, попавшего одновременно в обе зоны, получает дублирующие, а иногда взаимоисключающие ограничения: водоохранная зона допускает строительство при наличии очистных сооружений (ч. 16 ст. 65 ВК РФ), а зона санитарной охраны может полностью его запрещать. Выход видится в разработке единого регламента взаимодействия пересекающихся ЗОУИТ: при совпадении территорий применяется более строгий режим, но с уведомлением правообладателя обо всех ограничениях в одном документе.

Видится формальным положение ч. 16 ст. 65 ВК РФ допускающим строительство в водоохранной зоне при наличии очистных сооружений, поскольку участок может одновременно находиться как в прибрежной защитной полосе (где строительство фактически запрещено), так и в зоне санитарной охраны и зоне затопления. Совокупность ограничений делает невозможным строительство объектов на данном участке. Так, в практике 2024–2026 годов суды признавали самовольными постройками дома, возведённые с очистными сооружениями, но в пределах прибрежной защитной полосы (ч. 17 ст. 65 ВК РФ) [6]. Для разрешения коллизии необходимо уточнить ч. 16 ст. 65 ВК РФ, добавив оговорку «за пределами прибрежной защитной полосы», чтобы исключить ложное представление о возможности застройки всей водоохранной зоны.

Заключение. Анализ правового режима водоохранных зон и прибрежных защитных полос выявляет системные коллизии – от несогласованности Водного и Земельного кодексов до противоречий при наложении зон с особыми условиями использования территорий и проблем ретроспективного применения ограничений. Для их разрешения нужен комплексный подход: включить береговую полосу в перечень ЗОУИТ, чаще актуализировать границы, разработать единый регламент взаимодействия пересекающихся зон, закрепить неприменение новых ограничений к ранее возникшим правам (с компенсациями) и уточнить нормы о строительстве.

Список литературы

1. Водный кодекс Российской Федерации» от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ (в ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. – 2006. – № 23, ст. 2381.
2. Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. – 2001. – № 44, ст. 4147.
3. Цаплина, А. М. Проблема применения обратной силы закона в правовом регулировании режима водоохранной зоны / А. М. Цаплина // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 10(190). – С. 170–172. – DOI 10.47643/1815-1329_2020_10_170. – EDN LDHHGZ.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2026) (утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июля 2026 г. № 18А/2026). URL: https://base.garant.ru/414501415/?ysclid=mu8jtl8lwh999194060 (дата обращения: 19.09.2026).
5. Козырев, В. М. Правовой режим земель водоохранных зон / В. М. Козырев // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2026. – № 7(298). – С. 36-44. – EDN UJQCWM.
6. Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 13/2026 «О судебной практике по делам, связанным с самовольным строительством»: утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июля 2026 г. № 16А/2026. – Текст: электронный // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://base.garant.ru/414500993/ (дата обращения: 11.09.2026).

УДК 349.6

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Барбашова Н. В., д-р юрид. наук., проф., ORCID 0000-0001-7088-1382,
Ракитянский Р. А., ORCID 0009-0002-5554-3048
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: n.barbashova.donnu.jur@mail.ru; renat.rakityanskiy@mail.ru

Введение. Тема правового и организационного обеспечения ответственности за экологические правонарушения приобретает особую актуальность в условиях обострения глобальных и национальных экологических проблем и возрастающей техногенной нагрузки на природу.

Основная часть. Юридическая ответственность выступает в качестве самостоятельного института экологического права и является важнейшим составным элементом правового обеспечения рационального природопользования и охраны окружающей среды. Юридическая ответственность за нарушение требований экологического законодательства представляет собой совокупность правовых отношений между государством в лице специально уполномоченных органов и физическими и юридическими лицами, совершившими экологическое правонарушение, в которых с помощью правовых норм обеспечивается добровольное или принудительное соблюдение требований законодательства, регулирующего отношения в сфере использования природных ресурсов, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности населения [1, с. 260]. В данном контексте неоценима роль органов прокуратуры, поскольку как отмечает Винокуров А.Ю., «в системе государственных органов именно прокуратура в силу своего статуса и полномочий играет центральную роль в надзоре за единообразным и неуклонным исполнением экологического законодательства всеми субъектами права» [2, с. 65]. Важнейшей задачей надзорной деятельности является реализация установленного статьей 42 Конституции Российской Федерации права каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Как отмечается в Приказе Генеральной прокуратуры от 15.04.2021 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» [3], экологические правонарушения характеризуются своей направленностью в части создания угроз экологического характера для отдельного человека и общества в целом. Экологически противоправное поведение означает несоответствие действий субъекта требованиям экологического законодательства. Оно может

выражаться в полном или частичном невыполнении требований законов и подзаконных актов, регулирующих общественные отношения в экологической сфере.

Комплексный анализ мнений ученых позволяет выявить системные проблемы правоприменения и определить пути оптимизации надзорной практики. Объективная сторона экологических правонарушений представляет собой противоправность действий правонарушителя, посягающего на установленный государством экологический правопорядок в обществе. Противоправность может проявляться: в превышении норм и лимитов использования природных ресурсов; превышении нормативов предельного содержания вредных веществ в сбросах и выбросах; в результате непринятия мер по предупреждению аварий на производственном объекте, повлекших загрязнение окружающей среды; в непредоставлении полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды и др.

Исследуя сущность экологического правонарушения, ученые подчеркивают сложность и многоаспектность данного явления. Ранее в ст. 81 Федерального закона «Об охране окружающей природной среды» использовалось легальное определение, под которым предлагалось понимать «виновное, противоправное деяние, нарушающее природоохранительное законодательство и причиняющее вред окружающей природной среде и здоровью человека».

В действующем Кодексе РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) соответствующие деяния объединены в главу 8, которая охватывает «административные правонарушения в области охраны окружающей природной среды, природопользования и обращения с животными». Глава 8 КоАП РФ предусматривает ответственность за несоблюдение экологических требований при обращении с отходами производства, с веществами, разрушающими озоновый слой, а также за сокрытие экологической информации. При этом, как отмечает О.Л. Дубовик, разрозненность экологических норм в различных нормативных актах свидетельствует об отсутствии должного уровня системности правового регулирования, что существенно усложняет правоприменительную практику и прокурорский надзор [4, с. 82].

По мнению О. С. Капинус [5, с. 6], наблюдаемые разнонаправленные тенденции (снижение количества выявленных экологических преступлений происходит на фоне ухудшения состояния природной среды и не коррелирует с динамикой нарушений природоохранного законодательства) приводят к выводу о том, что сокращение показателей регистрации экологических преступлений происходит главным образом «за счет повышения уровня их латентности, повышенной сложности расследования фактов преступных посягательств на окружающую среду, а также совершения преступлений, как правило, в условиях неочевидности, при отсутствии «прямых» потерпевших, а причиняемый ими вред нередко проявляется лишь по истечении

продолжительного периода времени, что вынуждает использовать специфические методики расследования соответствующих уголовных дел, привлекать профильных специалистов, назначать и проводить различного рода экспертизы».

На практике административные штрафы остаются основным видом наказания, однако их размеры зачастую носят относительно мягкий характер и не стимулируют нарушителей к соблюдению закона. В то же время такая эффективная мера, как административное приостановление деятельности, применяется судами крайне редко, и наблюдается устойчивое снижение случаев ее использования. Подобная «пассивность» уполномоченных органов объясняется во многом политическими причинами «новой экологической политики», когда интересы экономики оказываются более приоритетными, нежели интересы экологии. Данное обстоятельство требует от прокуратуры жесткого надзора за правоприменительной практикой контролирующих органов, чтобы не допускать фактов попустительства экологическим нарушениям и защищать публичный интерес.

На актуальность данной проблемы указывается в приказе Генеральной прокуратуры [3], который указывает на необходимость особого внимания выполнению обязанностей по предъявлению исков о возмещении вреда окружающей среде, взысканию платы за природопользование. При выявлении случаев неисполнения органами государственного экологического контроля (надзора), органами местного самоуправления полномочий по предъявлению иска в суд либо неправомерного перерасчета размера причиненного вреда ставить вопрос об ответственности виновных должностных лиц. Мерами прокурорского реагирования добиваться, в том числе в судебном порядке, устранения нарушений законодательства, пресечения нелегального использования природных ресурсов, возмещения ущерба, причиненного окружающей среде.

Следует рассматривать как оперативное реагирование на многочисленные правонарушения в экологической сфере, в первую очередь на факты коррупции [6], требования Генеральной прокуратуры уделять особое внимание выявлению коррупционных проявлений, в частности, злоупотреблений полномочиями должностными лицами органов власти, курирующими вопросы экологии, охраны окружающей среды и природопользования, несоблюдения ими установленных запретов и ограничений, неправомерного предоставления хозяйствующим субъектам преференций, льгот, в том числе при проведении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля. Реагировать на случаи непринятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. При наличии оснований ставить вопрос об освобождении лиц от занимаемой должности в связи с утратой доверия [3].

Организационные основы прокурорского надзора в данной сфере базируются на строгом соблюдении принципа законности, планировании

проверочных мероприятий и четком определении пределов вмешательства. Прокурор не подменяет собой контролирующие и хозяйствующие субъекты. Планирование надзорной деятельности основывается на анализе экологической обстановки в регионе, где приоритетными для проверок являются территории с высокой концентрацией промышленных предприятий и зоны экологического бедствия. Задача прокурора заключается в выявлении нарушений и использовании специфических актов реагирования: протестов на незаконные правовые акты, представлений об устранении нарушений закона, а также постановлений о возбуждении дел об административных правонарушениях.

Также, стоит отметить, что важнейшим элементом организации надзора является использование специальных познаний и судебных экспертиз. Особое внимание уделяется исковой работе, поскольку, как отмечает Н.В. Кичигин, существуют серьезные правовые проблемы возмещения экологического вреда в Российской Федерации, и прокурорские иски в защиту интересов неопределенного круга лиц или государства выступают важнейшим механизмом компенсации ущерба [7, с. 51].

Заключение. Проведённое исследование правовых и организационных основ прокурорского надзора за исполнением законодательства об ответственности за экологические правонарушения позволяет сделать ряд существенных выводов. Экологическое правонарушение представляет собой сложное, многоаспектное явление, правовая квалификация которого сопряжена с рядом теоретических и практических трудностей, в том числе с дефектностью критерия виновности при причинении вреда источником повышенной опасности и с недостаточной системностью экологических норм, разрозненных по различным нормативным актам.

Анализ действующего административного законодательства, в частности главы 8 КоАП РФ, выявил ключевую проблему несовершенства юридико-технических конструкций составов правонарушений и дисбаланса применяемых санкций. Административные штрафы, являясь основным видом наказания, не обладают достаточным превентивным потенциалом, а такая действенная мера, как административное приостановление деятельности, применяется судами крайне редко, что во многом обусловлено приоритетом экономических интересов в рамках «новой экологической политики». Данное обстоятельство объективно требует от прокуратуры усиления надзора за правоприменительной практикой контролирующих органов в целях недопущения попустительства экологическим нарушениям.

Вместе с тем дальнейшее совершенствование прокурорского надзора за исполнением законодательства об экологической ответственности невозможно без усиления его превентивной составляющей, внедрения современных геоинформационных технологий для анализа экологических рисков, расширения применения специальных познаний и судебных экспертиз, а более активного использования координирующей функции прокуратуры во взаимодействии с иными государственными органами. В данном контексте

видится особенно важным акцентирование внимания указания Генеральной прокуратуры [3], согласно которому предлагается для решения наиболее актуальных вопросов в сфере экологической безопасности создавать постоянно действующие межведомственные рабочие группы с участием правоохранительных органов, органов государственной власти, органов местного самоуправления, научных организаций, общественности.

Список литературы

1. Барбашова Н.В. Экологическое право: учебник для специалитета – Москва : ИНФРА-М, 2022. – 538 с. – DOI 10.12737/1081758.
2. Винокуров, А. Ю. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране окружающей среды и природопользовании: учебное пособие / А. Ю. Винокуров. – Москва: Академия Генеральной прокуратуры РФ. – 2020. – 165 с.
3. Приказ Генеральной прокуратуры от 15.04.2021 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере». URL: https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Genprokuratury-Rossii-ot-15.04.2021-N-198/?ysclid=muzcofkb3297799297 (дата обращения: 08.10.2026).
4. Дубовик, О. Л. Юридическая ответственность за экологические правонарушения / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. О. Л. Дубовик. – Москва: Ин-т государства и права РАН. – 2012. – 170 с.
5. Капинус О.С. Экологические преступления: проблемы уголовной ответственности [Текст] / О.С. Капинус // Вестник университета прокуратуры РФ. – 2020. – № 5(79). – С. 5-11.
6. Барбашова Н.В. Обеспечение экологической безопасности – основная задача экологического права России / В сборнике: Научные труды. Российская академия юридических наук. Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXV Международной научно-практической конференции. – М., 2025. – С. 581-587.
7. Кичигин, Н. В. Правовые проблемы возмещения экологического вреда в Российской Федерации / Н. В. Кичигин // Журнал российского права. – 2022. – № 8. – С. 45-58.

УДК 342

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ И СОВРЕМЕННЫЙ ВЫЗОВ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Бесчастнов В. В., Жарова К. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: kseniya.zharova.2000@mail.ru

Введение. Институт административной ответственности в таможенной сфере прошёл путь от разрозненных штрафов в Киевской Руси до системного правового регулирования. Первые кодифицированные нормы появились в Таможенном уставе СССР 1924 г. (закрепление понятия контрабанды, мер принуждения) и Таможенном кодексе СССР 1928 г. (введение форм вины). В советский период ответственность носила фискально-карательный характер, дела рассматривались без судебного контроля.

Цель исследования – обосновать пути преодоления неопределённости критериев малозначительности административных правонарушений в таможенной сфере для обеспечения единообразия правоприменения и баланса публичных и частных интересов.

Основная часть. Кардинальные изменения произошли в постсоветское время: Таможенный кодекс РФ 1993 г. ввёл административную ответственность юридических лиц, а КоАП РФ 2001 г. сократил число составов нарушений таможенных правил с 40 до 22. В 2004 г. глава 16 КоАП была приведена в соответствие с новым Таможенным кодексом. Современный этап (2020–2024 гг.) характеризуется либерализацией: расширение возможности замены штрафа предупреждением, введение «дисконта» при уплате штрафа (ФЗ № 70-ФЗ от 26.03.2022), развитие института освобождения от ответственности при самостоятельном выявлении нарушений, цифровизация производства и дифференциация субъектов (индивидуальные предприниматели выделены в отдельную категорию в проекте нового КоАП).

Однако, несмотря на прогрессивные изменения, нарастает системная правоприменительная проблема, которая нивелирует многие законодательные новеллы и подрывает доверие участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) к институту административной ответственности.

Центральной проблемой современного этапа эволюции института является отсутствие законодательно закреплённых и единообразно применяемых критериев малозначительности правонарушений в таможенной сфере (ст. 2.9 КоАП РФ). Это приводит к серьёзным негативным последствиям:

– доля дел, прекращённых за малозначительностью, выросла с 12,3 % (2021) до 24,8 % (2024);

– число постановлений таможенных органов, отменённых судами в связи с неправильной квалификацией малозначительности, увеличилось на 43 %;

– по отдельным категориям (например, нарушение сроков подачи декларации при незначительном опоздании) разброс судебных решений достигает 80 % – одни суды усматривают малозначительность, другие – нет.

Особую остроту проблема приобретает в условиях кардинального изменения структуры правонарушений: доля валютных нарушений возросла с 23,1 % до 33,5 %, а классические нарушения таможенных правил (недостоверное декларирование, недекларирование) снизились. Однако существующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ (Постановление от 24.10.2006 № 18, с изменениями) не содержат чётких индикаторов малозначительности для таможенных деликтов, а ведомственные акты ФТС носят рекомендательный характер и не имеют обязательной силы для судов.

Корни проблемы лежат в несоответствии между либеральной риторикой законодателя и консервативной судебной практикой, а также в отсутствии унифицированных подходов к оценке общественной опасности таможенных правонарушений. Как справедливо отмечает С. А. Агамагомедова, «критерий малозначительности фактически превратился в инструмент судейского усмотрения, что противоречит принципу правовой определённости». Исследования Е.И. Козловой показывают, что в советском праве малозначительность применялась крайне редко и только при отсутствии существенного вреда, тогда как сегодня она используется для освобождения от ответственности даже при наличии формального состава, что приводит к «скрытой декриминализации» многих правонарушений.

Практические последствия выражаются:

– в росте числа обжалований (с 31,2 % до 51,2 % от всех вынесенных постановлений);

– в увеличении нагрузки на судебную систему;

– в снижении превентивного эффекта административного наказания, поскольку участники ВЭД осознают высокую вероятность прекращения дела.

Для преодоления обозначенной проблемы предлагается комплекс мер, сочетающих законодательные, организационные и методические элементы:

а) законодательное закрепление формализованных критериев малозначительности для таможенных правонарушений в проекте нового КоАП (например, пороговые значения суммы неуплаченных платежей, длительности просрочки, отсутствия повторности и умысла);

б) разработка и утверждение обязательных для таможенных органов и судов методических рекомендаций ФТС России совместно с Верховным Судом РФ, содержащих перечни типовых ситуаций, при которых малозначительность применяется или не применяется;

в) внедрение цифровых алгоритмов в автоматизированные системы таможенных органов для предварительной оценки признаков

малозначительности, что позволит унифицировать решения на этапе возбуждения дела;

г) дифференциация санкций – замена фиксированных штрафов на «плавающие» диапазоны с учётом смягчающих обстоятельств, что снизит потребность в обращении к ст. 2.9 КоАП;

д) усиление роли института предупреждения – расширение случаев, когда нарушение, не повлёкшее тяжких последствий, автоматически влечёт предупреждение (по аналогии с ч. 2 ст. 3.4 КоАП), что исключит субъективизм.

Заключение. Эволюция института административной ответственности в таможенной сфере демонстрирует безусловный прогресс в направлении гуманизации и либерализации. Однако несогласованность между новыми законодательными тенденциями и устаревшими правоприменительными подходами порождает острый конфликт, центральным узлом которого становится неопределённость критериев малозначительности. Решение данной проблемы лежит не в ужесточении или либерализации как таковых, а в формировании единой, прозрачной и предсказуемой системы оценки тяжести правонарушений, что позволит реализовать принцип справедливости и повысить эффективность административно-правового воздействия на участников ВЭД. Предложенные меры, основанные на анализе судебной практики и научных разработках, способны обеспечить баланс публичных и частных интересов, что является конечной целью эволюции любого правового института.

Список литературы

1. Агамагомедова, С. А. Административная ответственность в области таможенного дела: проблемы правоприменительной практики / С. А. Агамагомедова // Вестник Российской таможенной академии. – 2020. – № 3(52). – С. 131-135. – EDN JHHOKZ.
2. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Административная ответственность за нарушения таможенных правил: историко-правовой анализ. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 256 с.
3. Отчёт о результатах мониторинга правоприменительной практики Федеральной таможенной службы за 2024 год // Официальный сайт ФТС России. – Электронный ресурс. – URL: https://customs.gov.ru (дата обращения: 05.09.2026)

УДК 342.9:004.056

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ РЕЖИМА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ УЧЁТА ЛИЦ, ЛИШЁННЫХ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Вересов В. Н., канд. юрид. наук, доц.,
Читах Ю. А.
ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет», г. Геническ, Херсонская обл., РФ
e-mail: yuliachitakh@gmail.com, veresovvn@mail.ru

Введение. Учёт лиц, лишённых права управления транспортными средствами, необходим для исполнения судебных постановлений и проверки правового положения водителя. Ошибочная запись может повлечь отказ в выдаче удостоверения, а незаконное удаление сведений – затруднить выявление нарушения.

Цель исследования – разграничить основания юридической ответственности за нарушение конфиденциальности, целостности и доступности учётных данных с учётом статуса нарушителя.

Основная часть. Статья 17 Федерального закона «О полиции» разрешает обработку данных, необходимых для исполнения обязанностей полиции, и требует их защиты от неправомерного и случайного доступа [1]. Сведения о лишении права управления являются основанием для отказа в выдаче удостоверения по пункту 197.2 Административного регламента МВД России. Однако удаление записи не отменяет судебного наказания [2]. По статье 32.7 КоАП РФ срок лишения исчисляется с момента вступления постановления в законную силу и прерывается при уклонении от сдачи удостоверения. Поэтому запись должна подтверждаться соответствующими документами [3].

Сведения об определяемом по ним водителе относятся к персональным данным. Законное основание обработки при исполнении публичных полномочий не разрешает использовать их для личных целей. Разглашение нарушает конфиденциальность, необоснованное изменение срока лишения – целостность, а уничтожение или блокирование сведений – доступность учёта [4].

Дисциплинарная ответственность сотрудника органов внутренних дел наступает за виновное нарушение служебной дисциплины. Закон № 342-ФЗ предусматривает взыскания от замечания до увольнения; их применение требует соблюдения установленной процедуры [5]. Согласно статье 2.5 КоАП РФ сотрудники со специальными званиями за правонарушения, не включённые в перечень ч. 2 этой статьи, несут дисциплинарную ответственность. Статьи

13.11 и 13.14 в этом перечне отсутствуют, поэтому предусмотренные ими штрафы нельзя автоматически назначать такому сотруднику [3].

Административная ответственность по статье 13.11 КоАП РФ связана с нарушением законодательства о персональных данных, а по статье 13.14 – с разглашением информации ограниченного доступа при отсутствии предусмотренных законом исключений. Примечания к статье 13.11 разграничивают должностных лиц государственных органов и операторов – юридических лиц; государственные органы исключены из определения оператора для корпоративных штрафов частей 10–18. Следовательно, санкции за утечки необходимо применять с учётом статуса участника обработки и признаков конкретного состава [3].

Уголовная ответственность требует установления всех признаков преступления. Статья 272 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, повлекший её уничтожение, блокирование, изменение или копирование, с исключением для статьи 272.1. Последняя касается незаконных действий с информацией, содержащей персональные данные, полученной незаконным путём. Её нельзя считать автоматическим основанием ответственности за любую случайную передачу выписки [6].

При намеренном искажении записи проверяются также признаки служебного подлога и злоупотребления полномочиями. Для статьи 292 УК РФ необходимо установить признаки официального документа, заведомую ложность сведений и корыстную либо иную личную заинтересованность. Статья 285 требует использования должностным лицом полномочий вопреки интересам службы, указанной заинтересованности и существенного нарушения охраняемых прав или интересов. Халатность по статье 293 предполагает статус должностного лица, неисполненную обязанность, причинную связь и предусмотренные законом последствия. Персональные данные не всегда составляют личную или семейную тайну, охраняемую статьёй 137, применяемой с учётом исключения для статьи 272.1 [6].

Гражданско-правовая ответственность направлена на возмещение вреда. По статье 1069 ГК РФ вред от незаконных действий государственных органов и их должностных лиц возмещается за счёт соответствующей казны; имущественный вред и причинную связь необходимо доказать [7]. Статья 24 Закона о персональных данных предусматривает возмещение морального вреда независимо от имущественного. Наказание виновного само по себе не исправляет запись и не разрешает вопрос о компенсации [4].

Для предупреждения нарушений предлагается разделять права просмотра и редактирования, сохранять прежние значения полей и документальные основания изменений, регистрировать действия пользователей и проверять восстановление резервных копий. При передаче данных, повлекшей нарушение прав субъектов, статья 21 Закона о персональных данных устанавливает уведомление Роскомнадзора в течение 24 часов и предоставление результатов

внутреннего расследования в течение 72 часов с момента выявления нарушения [4].

Заключение. Ответственность за нарушения учёта определяется содержанием сведений, основанием доступа, статусом нарушителя, виной и последствиями. Необходимо отдельно оценивать действия работника и исполнение обязанностей оператором. Законность учёта обеспечивается подтверждением записей документами, сохранением истории изменений и своевременным исправлением ошибок.

Список литературы

1. О полиции : федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ : ред. от 04.08.2026 // КонсультантПлюс. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 01.10.2026).
2. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений : приказ МВД России от 20.02.2021 № 80 : ред. от 26.05.2025 : зарегистрирован в Минюсте России 22.03.2021 № 62837 // Петербургский правовой портал. – Текст : электронный. – URL: https://pravo.ppt.ru/prikaz/mvd/n-80-247730 (дата обращения: 01.10.2026).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : от 30.12.2001 № 195-ФЗ : ред. от 04.08.2026 // КонсультантПлюс. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.10.2026).
4. О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ : ред. от 26.07.2026 // КонсультантПлюс. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 01.10.2026).
5. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ : ред. от 04.08.2026 // КонсультантПлюс. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 01.10.2026).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ : ред. от 04.08.2026 // КонсультантПлюс. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.10.2026).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : от 26.01.1996 № 14-ФЗ : действующая редакция на 01.10.2026 // КонсультантПлюс. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 01.10.2026).

УДК 342.9

К ВОПРОСУ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гарькавенко Л. В., ORCID 0009-0004-1004-0476
Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Донецк, РФ
e-mail: gorkayL7@gmail.com

Введение. В данной работе рассматриваются вопрос профилактики правонарушений в сфере обеспечения общественного порядка и охраны общественной безопасности на территории новых субъектов Российской Федерации.

Профилактика правонарушений является одним из основных направлений государственной политики, направленной на выявление и нейтрализацию причин и условий нарушения норм права с целью последующего построения правого государства. Ведущая роль в решении этого вопроса принадлежит правоохранительным органам, непосредственно органам внутренних дел, средь главных задач которой является противодействие правонарушениям.

Цель. Изучить и проанализировать профилактику правонарушений в сфере обеспечения общественного порядка и охраны общественной безопасности на территории новых субъектов Российской Федерации.

Основная часть. Профилактика правонарушений является одной из действенных средств в отношении уменьшения количества преступлений и правонарушений в стране. Особое беспокойство вызывают негативные тенденции совершения преступлений повторно, а также совершаемых несовершеннолетними, что свидетельствует про неэффективность социальной адаптации лиц, освобожденных с мест лишения свободы и системы образования и воспитания молодежи в контексте выполнения норм действующего законодательства.

В.В. Путин выступил на ежегодной коллегии МВД России 04 марта 2026 года, на которой он отметил одним из направлений по усилению работы по профилактике подростковой агрессии в учебных заведениях, так: «Особую тревогу вызывают случаи агрессивного поведения подростков в школах, колледжах, а также в общественных местах. МВД совместно с другими правоохранительными органами необходимо значительно усилить акцент на профилактике и предотвращении подобных преступлений». Как пояснил президент: «Практика показывает, что молодых людей нередко

целенаправленно втягивают в преступную деятельность, вербуют в криминальную среду» [3].

Действительно, за последние несколько лет, в связи с проведением специальной военной операции, участилось количество случаев, когда подростки совершают правонарушения под влиянием как иностранных спец. служб, так и криминогенных элементов на территории новых субъектов и всей России.

По данным МВД РФ в 2025 году число правонарушений, совершенных несовершеннолетними, увеличилось на 10% по сравнению с предыдущими годами – с 26 тысяч до 29 тысяч. Количество правонарушений совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий составляет 30,4%, данный показатель вырос на 14% – с 7700 тысяч до 9000 тысяч. Первое место занимает – участие несовершеннолетних в наркотрафике (закладки). Также не редки случаи участия подростков в экстремисткой и террористической деятельности, что показывает определенный рост в 2025 году – 2,5 раза с 98 случаев до 391 (249 – привлечены по статьям террористического характера и непосредственно 142 случая – это экстремизм)[4].

Отметим тот факт, что в зону риска попадают подростки не только из социально незащищенных слов населения, но и из достаточно благополучных семей. Так, ключевым фактором для них является желание получить денежные средства (быстрые деньги), но именно это чревато административным или уголовным наказанием.

Выполнение обозначенных заданий Президентом и обществом, требует реализации разных средств, и в первую очередь, на общегосударственном уровне Министерства внутренних дел Российской Федерации. Укажем, на то, что приоритетными направлениями деятельности подразделений, выступает защита граждан от преступных посягательств обеспечения общественного спокойствия и порядка в общественных местах путем проведения широкого комплекса профилактических мероприятий.

Как известно, проблема преступности в нашем обществе не новая, а в особенности на территориях, на которых действуют особые условия. Государство пытается принять решительные действия для ее решения, непосредственно путем профилактики правонарушений, что находит свое отражение в нормативно правовых актах.

Так, еще в 2016 году был принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон) [1]. Предметом регулирования, которого, являются общественные отношения, возникающие в сфере профилактики правонарушений в России.

В законе приведен термин правонарушение, что дает нам следующее его понимание: «правонарушение – преступление или административное правонарушение, представляющие собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность».

Так же, приведем понятие профилактики правонарушений, согласно данного закона, так: «профилактика правонарушений – совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения» [1].

Важным нормативным актом в данном вопросе, выступает распоряжение Правительства РФ от 28.05.2026 N 1272-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года» (вместе с «Планом мероприятий на 2026 – 2036 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года») [2].

Концепция представляет собой систему взглядов, принципов и приоритетов в профилактической работе с несовершеннолетними, предусматривает основные направления развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних для достижения приоритетных задач в этой сфере.

Достаточно важным аспектом является финансирование любой Концепции, более того реализации государственной политики в сфере профилактике правонарушений. Поэтому для исполнения данной Концепции необходимо и соответствующее финансирование.

Так по данным МВД РФ на патриотическое воспитание выделяется 21 миллиард 300 рублей, на все НКО социальной направленности выделяется 460 миллиардов рублей. На дополнительное образование – кружки, секции – в 2024 году было выделено 22 миллиарда рублей, в 2025 году – 16 миллиардов рублей, в 2026 год – 20 миллиардов рублей, а на 2027 год заложено – 17 миллиардов рублей [4].

Как мы можем видеть, из приведенной аналитики статистических данных, вопросу профилактики правонарушений среди молодежи уделяется особое внимание, но вместе с тем, необходимо совершенствовать данную систему иначе эскалация подростковой преступности будет только расти, что негативно скажется на все правоохранительной системе.

Хотя, не стоит забывать и про работу с широкими категориями населения, повышения уровня правовой культуры, обеспечения нормальных условий труда, отдыха, воспитания молодежи, прекращения социального напряжения на территории новых субъектов РФ и другое.

Помимо этого, также необходимы и реальные критерии и независимая оценка эффективности выполнения профилактики правонарушений, так как только количественные показатели не дают реального положения ситуации, анализа и не всегда совпадают с основными статистическими данными, при этом необходимо также учитывать мнение граждан по данному вопросу.

Заключение. Таким образом, рассматривая проблемы профилактики правонарушений в сфере обеспечения общественного порядка и охраны общественной безопасности на территории новых субъектов Российской Федерации, отметим, что, в целом проблема профилактики правонарушений является комплексной.

Решение данного вопроса, требует не только стратегического планирования, соответствующей правовой базы, единого вектора государственной политики, реальных источников финансирования, а также высокой квалификации правоохранителей и широкого внедрения информационно-телекоммуникационных систем и искусственного интеллекта в обеспечение общественного порядка и охраны общественной безопасности.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 N 182-ФЗ: Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 10.09.2026).
2. Распоряжение Правительства РФ от 28.05.2026 N 1272-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года» (вместе с «Планом мероприятий на 2026 – 2036 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года»): Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 10.09.2026).
3. Расширенное заседание МВД России от 04.03.2026 г. Текст: электронный // http://kremlin.ru/events/president/news/79255 (дата обращения: 01.10.2026).
4. МВД РФ, статистика и аналитика. Текст: электронный // https://мвд.рф/%20dejatelnost/%20statistics (дата обращения: 01.10.2026).

УДК 342.9

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОХРАНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Голобородько В. И.[1], Храпинский Б. Л.[2]

[1] Ясиноватский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Ясиноватая, ДНР, РФ

[2] ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ

e-mail: goloborodko-1960@mail.ru; bl.hrapinsky@bk.ru

Введение. Право собственности в его объективном смысле представляет собой возможность индивиду владеть, использовать и распоряжаться собственным имуществом на свое усмотрение, при условии соблюдения законодательства Российской Федерации. Главный гарантия этого права – Конституция России, в частности статья 35, которая утверждает, что каждый

человек имеет право «владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами» [1]. Конституция также защищает частную собственность, обеспечивая защиту от лишения имущества в случае, если человек владеет им добросовестно, только по решению суда. Поэтому защита прав собственников становится важнейшей задачей правового порядка. Посягание на право собственности защищается как Уголовным кодексом, так и Кодексом об административных правонарушениях РФ.

Цель статьи – исследование ключевых аспектов административных правонарушений, связанных с охраной собственности.

Основная часть. Административная ответственность заключается в привлечение лиц к ответственности за совершение административных правонарушений – это нарушения норм, установленных административным законодательством. Основная цель административного права – предотвращение правонарушений и восстановление общественного порядка. В отличие от уголовной ответственности, административная применяется к правонарушениям, не подразумевающим преступного умысла и не наносящим значительного ущерба. В сфере имущественных отношений административная ответственность, как правило, применяется к первым правонарушениям, которые наносят минимальный имущественный вред, подлежащий компенсации. Уголовный кодекс РФ определяет, что ущерб считается значительным, если его сумма превышает пять тысяч рублей, или если имущественное положение пострадавшего свидетельствует о значительности данного ущерба [2].

Уголовная ответственность наступает за совершение деяний, представляющих общественную опасность и предусмотренных Уголовным кодексом. Основное направление этого вида ответственности – наказание правонарушителя, предотвращение преступлений и восстановление правопорядка.

Д. Н. Бахрах выделяет ключевые признаки административной ответственности:

1. Основой административной ответственности служит правонарушение.
2. Она выражается в применении к субъектам различных административных взысканий.
3. Привлечение к административной ответственности осуществляется уполномоченными на это органами.
4. Существует специальный порядок привлечения к административной ответственности.
5. Данный вид ответственности регулируется нормами административного права, которые содержат исчерпывающие списки административных нарушений, взысканий и уполномоченных органов, детализируя весь процесс и создавая нормативную базу административной ответственности [3, с. 281].

Таким образом, основные характеристики административной ответственности включают в себя признаки противоправности, виновности и наказуемости. Уникальной чертой этого вида ответственности является то, что административное правонарушение влечет за собой соответствующие меры наказания.

Объектом административного правонарушения в сфере охраны собственности выступают противоправные общественные отношения. Основным родовым объектом здесь являются правоотношения по собственности, в то время как видовым объектом выступает форма собственности (частная, государственная или муниципальная). Законодатель одинаковым образом защищает все формы собственности, независимо от их категории. Объективная сторона правонарушения включает незаконные действия в области охраны собственности, такие как уничтожение, кража, неправомерное завладение или использование имущества не по назначению.

Предметом данного правонарушения могут быть как физические объекты, так и интеллектуальные права, а также результаты интеллектуальной деятельности. Субъекты административного правонарушения в этой области могут включать физических и юридических лиц, достигших возраста административной ответственности, а также должностных лиц, чьи действия или отсутствие действий могут привести к имущественным последствиям из-за ненадлежащего исполнения обязанностей. Субъективная сторона может быть представлена лицами, осознающими свою вину и стремящимися причинить ущерб, действуя неправомерно в отношении чужого имущества.

Каждый из нас должен понимать, что Конституция РФ – это основной защитник права собственности, и охрана собственности является приоритетной задачей государства, которое направлено на поддержание общественного порядка и защиту законных интересов как физических, так и юридических лиц. В Кодексе об административных правонарушениях выделена отдельная глава, посвященная профилактике правонарушений в области охраны собственности.

Контроль за соблюдением правопорядка в сфере охраны собственности возложен на органы исполнительной власти. Эти органы наделены полномочиями составлять административные протоколы, которые затем передаются для рассмотрения в судебные инстанции с целью пресечения противоправных действий, направленных на посягательство на чужое имущество.

Заключение. Таким образом, административные правонарушения в рамках охраны собственности представляют собой нарушения, которые, как правило, приводят к причинению незначительного ущерба владельцам имущества. Такие нарушения затрагивают право собственников на защиту и обеспечение сохранности их собственности, что влечёт за собой возможность применения административных мер воздействия.

Наказания, предусмотренные Кодексом об административных правонарушениях РФ за подобные действия, могут колебаться от наложения

штрафов до административного ареста, в зависимости от тяжести совершённого правонарушения и его последствий. Следует подчеркнуть, что цель административной ответственности заключается не только в том, чтобы наказать правонарушителя, но и в предотвращении аналогичных поступков в будущем, а также в защите прав и законных интересов собственников.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Бахрах, Д. Н. Административное право России : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности Юриспруденция / Д. Н. Бахрах, В. Г. Татарян. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Эксмо, 2009. – 602 с.

УДК 342.9:347.191

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРОЦЕДУРА: ПОРЯДОК, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Гордиенко Г. Г., Репина А. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

e-mail: g.gordienko.dongu@mail.ru, nastyanasttt@gmail.com

Введение. Государственная регистрация коммерческих организаций представляет собой одну из важнейших административных процедур, посредством которой государство осуществляет контрольно-удостоверительную функцию в сфере предпринимательской деятельности. Именно с момента государственной регистрации юридическое лицо приобретает правоспособность (ст. 49, 51 ГК РФ) [1]. Правовую основу данной процедуры составляют Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон № 129-ФЗ), а также административные регламенты Федеральной налоговой службы [1; 2].

Цель – раскрыть особенности государственной регистрации коммерческих организаций как административной процедуры.

Основная часть. По своей правовой природе государственная регистрация коммерческих организаций является административной процедурой разрешительно-удостоверительного характера. Она осуществляется уполномоченным федеральным органом исполнительной

власти – Федеральной налоговой службой – в рамках предоставленных ей публично-властных полномочий [2]. Данная процедура характеризуется наличием чётко определённого круга участников, обязательностью соблюдения установленной формы и последовательности действий, а также наступлением юридически значимых последствий.

Порядок осуществления государственной регистрации включает несколько последовательных стадий.

На первой стадии заинтересованное лицо (учредитель или его представитель) формирует и представляет в регистрирующий орган необходимый пакет документов. Согласно статье 12 Закона № 129-ФЗ к числу обязательных документов относятся: заявление о государственной регистрации по установленной форме; решение о создании юридического лица; учредительные документы (за исключением случаев использования типового устава); документ об уплате государственной пошлины (при наличии обязанности по её уплате) [2]. Документы могут быть представлены непосредственно в налоговый орган, через многофункциональный центр, нотариуса либо в электронном виде с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи.

Вторая стадия заключается в приёме и регистрации представленных документов. Регистрирующий орган обязан выдать (направить) расписку в получении документов в день их представления.

Третья стадия – проверка документов и принятие решения. В соответствии с пунктом 1 статьи 8 Закона № 129-ФЗ срок государственной регистрации не может превышать три рабочих дня [2]. В рамках проверки регистрирующий орган устанавливает наличие всех необходимых документов, соблюдение формы их оформления, а также отсутствие оснований для отказа в регистрации.

Четвёртая стадия – принятие решения о государственной регистрации либо об отказе в ней и внесение соответствующей записи в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ). Именно с момента внесения записи в ЕГРЮЛ юридическое лицо считается созданным.

Особое значение в административной процедуре имеют основания отказа в государственной регистрации. Статья 23 Закона № 129-ФЗ устанавливает исчерпывающий перечень таких оснований [2]. Наиболее распространёнными на практике являются: непредставление необходимых документов; представление документов в ненадлежащий регистрирующий орган; наличие сведений о недостоверности адреса юридического лица; несоответствие наименования требованиям законодательства; нарушение порядка проведения процедуры в случаях реорганизации.

Несмотря на достаточно детальную регламентацию, практика применения административной процедуры государственной регистрации коммерческих организаций выявляет ряд проблем. К числу основных следует отнести: сохранение элементов формализма при оценке документов;

недостаточную эффективность механизмов проверки достоверности сведений об адресе места нахождения; определённые сложности электронного взаимодействия в отдельных регионах; наличие административных барьеров при регистрации организаций на территориях новыхсубъектов Российской Федерации [6; 7]. Кроме того, сохраняется проблема «отказных» решений, принимаемых по формальным основаниям, что создаёт дополнительные временные и финансовые издержки для заявителей.

Перспективы совершенствования рассматриваемой административной процедуры связаны прежде всего с дальнейшей цифровизацией. Расширение практики подачи документов исключительно в электронном виде, внедрение системы межведомственного электронного взаимодействия, использование реестровой модели и типовых уставов позволяют существенно сократить административные барьеры. Важным направлением является также повышение прозрачности деятельности регистрирующего органа и усиление гарантий защиты прав заявителей, включая совершенствование механизмов обжалования отказов в регистрации (как в административном, так и в судебном порядке).

Заключение. Таким образом, государственная регистрация коммерческих организаций представляет собой классическую административную процедуру, детально урегулированную законодательством Российской Федерации. Дальнейшее её развитие должно быть направлено на упрощение порядка взаимодействия заявителей с регистрирующим органом, повышение достоверности сведений ЕГРЮЛ и снижение административной нагрузки на бизнес при сохранении необходимого уровня государственного контроля.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : от 30.11.1994 № 51-ФЗ : ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ : ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3431.
3. Об обществах с ограниченной ответственностью : Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ : ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
4. Об акционерных обществах : Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ : ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) : от 05.08.2000 № 117-ФЗ : ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
6. Суханов, Е. А. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / Е. А. Суханов. – 5-е изд., стер. – Москва : Статут, 2023. – 958 с.
7. Белов, В. А. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / В. А. Белов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2024. – 512 с.

УДК 347.73:336.77

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА МИКРОФИНАНСОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Евдокимов О. Г., ORCID 0009-0000-7260-3271
ТОО «ALK», г. Алматы, Казахстан
e-mail: seleb@yandex.ru

Введение. Реформа российского микрофинансового рынка 2026 года изменила содержание самого правового статуса микрофинансовых организаций (МФО). Федеральный закон от 2 июля 2010 года № 151-ФЗ в действующей редакции прямо связывает возникновение статуса микрофинансовой организации с внесением сведений о юридическом лице в государственный реестр МФО. Соответствующее право возникает со дня записи в реестре, а прекращается со дня исключения записи [3]. Для российского рынка 2026 год характеризуется дальнейшим усилением реестрового принципа и переходом от формального допуска к непрерывной проверке соответствия организации установленным требованиям.

Правовая конструкция существенно отличается от классического лицензирования. Лицензия создает самостоятельный разрешительный документ, тогда как для МФО юридически значимым фактом является состояние государственного реестра. Банк России принимает решение о внесении сведений после проверки представленных документов, срок рассмотрения составляет до 30 рабочих дней. После внесения записи организация получает статус МФО, причем речь идет о двух правовых формах, МФК и МКК [3]. Сам Банк России относит внесение сведений в государственный реестр к самостоятельному виду допуска на финансовый рынок наряду с лицензированием, государственной регистрацией и присвоением специального статуса [1]. Реестровая модель здесь работает как публично-правовой механизм подтверждения законности деятельности.

Цель статьи состоит в выявлении тенденции трансформации правового статуса микрофинансовой организации на основе анализа Федерального закона от 02.07.2010 № 151-ФЗ, актов и статистики Банка России за 2026 год.

Основная часть. Изменение статуса в 2026 году стало практически измеримым. В I квартале 2026 года 12 микрофинансовых компаний изменили вид МФО и перешли в категорию микрокредитных компаний. Банк России связал это с вступившими в силу требованиями по идентификации и аутентификации граждан через Единую биометрическую систему при дистанционной выдаче займов [6]. Получается показательная правовая ситуация. Запись в реестре перестала выполнять исключительно информационную функцию, поскольку изменение содержащегося в ней вида МФО непосредственно связано с возможностью продолжать определенную

бизнес-модель. Для компании переход из МФК в МКК означает сокращение ряда разрешенных операций, но одновременно позволяет отказаться от части требований, применимых к дистанционной выдаче микрозаймов МФК.

Различие между МФК и МКК закреплено в самом механизме правоспособности. МФК вправе привлекать денежные средства от физических лиц, не являющихся ее участниками, при соблюдении законодательных ограничений, включая минимальный размер вложения в 1,5 млн рублей. МКК такого права не имеет. Предельный размер основного долга физического лица по микрозаймам МФК составляет 1 млн рублей, для МКК установлен предел 500 тыс. рублей. Для МФК предусмотрено требование к собственным средствам в размере не менее 70 млн рублей, тогда как для МКК такого общего требования нет [5]. Реестровая запись поэтому фиксирует факт присутствия компании на финансовом рынке, и она же определяет границы ее специальной правоспособности.

Реформа 2026 года усилила еще одну характеристику реестровой модели, зависимость статуса от постоянного соблюдения требований. Банк России в августе 2026 года исключил из государственного реестра сведения об одной МКК за неоднократное неисполнение предписаний и несоответствие руководителя установленным требованиям к опыту работы в финансовой сфере [4]. Юридическое значение такого решения принципиально отличается от административного штрафа. Исключение записи прекращает статус МФО, а вместе с ним исчезает специальная правоспособность, основанная на Федеральном законе № 151-ФЗ. В соответствии со статьей 7 указанного закона юридическое лицо считается исключенным из реестра со дня внесения соответствующей записи [3]. Реестр превращается в механизм текущей юридической фильтрации рынка.

Статистику первого полугодия 2026 года нельзя отделять от этой трансформации. В I квартале выдачи МФО составили 482 млрд рублей, сократившись на 7% квартал к кварталу. Совокупный портфель при этом вырос на 4% и достиг 796 млрд рублей, а доля просроченных займов свыше 90 дней в потребительском сегменте составила 40,2%, увеличившись за квартал на 1,3 процентного пункта [6]. Во II квартале объем выдач восстановился до 490 млрд рублей, однако потребительские займы сократились еще на 4%, до 426 млрд рублей [2]. Регуляторная реформа поэтому разворачивается одновременно с ухудшением качества части розничного портфеля. Юридическое усиление требований в такой ситуации выполняет функцию фильтрации кредитных моделей, которые перестают соответствовать новым требованиям к оценке заемщика и дистанционной выдаче.

Заключение. Особое значение получил запрет использовать невалидированные Банком России внутренние методики определения дохода заемщика. С 1 января 2026 года МФО лишились возможности применять такой модельный подход при займах до 50 тыс. рублей и автозаймах. В I квартале большинство компаний стало рассчитывать доход по меньшему значению из

среднедушевого регионального дохода и суммы, указанной заемщиком в заявлении. Банк России зафиксировал почти трехкратное снижение доли заемщиков с высокими ежемесячными доходами, которые ранее преимущественно принимались к расчету со слов клиента [6]. Юридический статус МФО вследствие этого приобретает модель содержательной зависимости. Наличие записи в реестре уже недостаточно для характеристики законности деятельности, если конкретная технология принятия кредитного решения не соответствует обязательным регуляторным требованиям.

Еще один показатель трансформации связан с Федеральным законом от 31 июля 2025 года № 283-ФЗ, вступившим в силу 1 апреля 2026 года. Закон сформировал самостоятельный правовой режим деятельности по предоставлению сервиса рассрочки и предусмотрел специальный реестр операторов сервиса рассрочки. Микрофинансовая организация получила возможность совмещать микрофинансовую деятельность с деятельностью оператора сервиса рассрочки после включения соответствующих сведений в отдельный реестр [6].

Список литературы

1. Допуск на финансовый рынок. – Текст : электронный // Банк России : официальный сайт. – 2026. – URL: https://www.cbr.ru/admissionfinmarket/ (дата обращения: 01.10.2026).
2. О деятельности по предоставлению сервиса рассрочки : Федеральный закон от 31.07.2025 № 283-ФЗ. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310014 (дата обращения: 03.10.2026).
3. О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях : Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ (ред. от 09.04.2026, ст. 4–7, 12, 14). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102112 (дата обращения: 04.10.2026).
4. Об исключении из государственного реестра микрофинансовых организаций сведений об ООО «МКК «Паритет». – Текст : электронный // Банк России : официальный сайт. – 2026. – URL: https://www.cbr.ru/rbr/rbr_fr/doc?id=51270 (дата обращения: 02.10.2026).
5. Сравнение микрофинансовых организаций в виде микрофинансовой компании и микрокредитной компании. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197071/ac5ce1242515b96fc4c199dcbec00aeed182b4c0/ (дата обращения: 19.09.2026).
6. Тенденции на рынке МФО за II квартал 2026 года. – Текст : электронный // Банк России : официальный сайт. – 2026. – URL: https://www.cbr.ru/analytics/microfinance/mfo/mfommt_2026_2/ (дата обращения: 02.10.2026).

УДК 342.9

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Каблов Д. С., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-0241-4196,
Белых Е. М.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: d.kablov.donnu.jur@mail.ru, k.bbelux01012001@gmail.com

Введение. Государственная инспекция безопасности дорожного движения Министерства Внутренних Дел Российской Федерации является ключевым органом, ответственным за обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации.

Совершенствование деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства Внутренних Дел Российской Федерации требует согласования двух результатов: снижения дорожного травматизма и обеспечения законности административных решений. Количество выявленных нарушений характеризует объём контрольной работы, однако само по себе не показывает, стали ли дороги безопаснее.

Цель исследования – обосновать направления совершенствования деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства Внутренних Дел Российской Федерации через сопоставление динамики аварийности, установленных полномочий и конкретной практики автоматической фиксации нарушений.

Основная часть. Исследование было основано на анализе Федерального закона «О полиции» [1], итоговых показателей аварийности за 2025 год [2] и официального разъяснения Министерства Внутренних Дел России по правоприменительной ситуации в Саратовской области [3]. В работе использованы формально-юридический метод, индексное сопоставление и анализ отдельного случая.

В данном анализе внимание уделяется исследованию отдельного случая – подробному изучению одного примера (например, конкретного региона, организации или проекта). Однако, такой метод не позволяет сделать достоверные выводы о том, как часто подобные проблемы возникают в целом по стране или в других регионах.

Пункты 19 и 19.1 части 1 статьи 12 Федерального закона «О полиции» закрепляют полномочия по обеспечению безопасности дорожного движения, включая контроль, надзор за участниками движения и государственный учёт показателей [1]. Для сопоставления изменений аварийности показатели 2024 года приняты за 100%; результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Индексы аварийности в России (2024 г. = 100%)

Показатель	2024 г., %	2025 г., %	Изменение, %
Количество ДТП	100,0	97,5	−2,5
Число погибших	100,0	96,8	−3,2
Число раненых	100,0	97,0	−3,0

Источник: составлено автором по данным МВД России [2].

По итогам 2025 года число погибших сократилось на 3.2%, количество дорожно-транспортных происшествий на 2.5%, количество раненых на 3%. Таким образом, улучшение общего результата сопровождалось менее выраженным изменением последствий одного происшествия [2].

К основным направлениям совершенствования деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства Внутренних Дел Российской Федерации можно отнести:

1. Адресное планирование профилактики и надзора.

Предлагается формировать задания подразделениям на основе сочетания трёх признаков: места происшествия, времени его совершения и нарушения, предшествовавшего столкновению. Для каждого участка дороги следует сопоставлять число дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими и тяжесть последствий за одинаковые календарные периоды. Повторяющиеся сочетания (например, несколько серьёзных аварий на участке с ограниченной видимостью, или серия лёгких столкновений в зоне пешеходного перехода) сигнализируют о системных проблемах: недостатках инфраструктуры (недостаток освещения, плохая разметка, сложный поворот), нарушениях правил дорожного движения водителями или другими факторах. На основе анализа принимаются решения: где усилить патрулирование (разместить дополнительные наряды), какие профилактические меры внедрить (установка камер, нанесение разметки, организация дополнительных пешеходных переходов, улучшение освещения). Оценивать результат адресной меры следует по изменению аварийности на выбранном участке с учётом интенсивности движения. Рекомендуется сравнивать анализируемый участок с «контрольным» – другим участком близкой категории и с сопоставимой интенсивностью движения, где аналогичная мера не проводилась.

2. Повышение качества взаимодействия с владельцами дорог.

Предлагается вести единую карточку выявленного опасного участка: обстоятельства дорожно-транспортных происшествий, дорожные условия, ответственный участник взаимодействия, согласованная мера, срок и результат повторного обследования. Устранение недостатка должно подтверждаться проверкой фактического состояния участка.

3. Правовая проверка результатов автоматической фиксации.

В июле 2026 года Министерства Внутренних Дел России разъяснило ситуацию со штрафами водителям, находившимся в очередях на АЗС

Саратовской области. После того как в Саратовской области ввели временный лимит на продажу бензина, у ряда АЗС образовались очереди. В результате чего, часть водителей получила штрафы за остановку и стоянку в неположенном месте. Нарушения фиксировали два комплекса региональных органов власти. С 1 июля фиксация ими была прекращена по инициативе региональной Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства Внутренних Дел Российской Федерации. Ведомство указало на возможность отмены постановлений в установленном порядке и рассмотрения обращений с учётом малозначительности либо крайней необходимости [3].

Для предупреждения повторения таких ситуаций предлагается регистрировать однотипные обращения по месту и времени фиксации, проводить дополнительную проверку материалов. Основания пересмотра должны устанавливаться по каждому делу – нельзя автоматически отменять постановления только потому, что поступила серия жалоб. Такая организация позволяет использовать обращения как сигнал для проверки серии постановлений, сохраняя индивидуальное рассмотрение обстоятельств.

Заключение. Расчётные индексы показывают, что снижение общего числа пострадавших в 2025 году сопровождалось небольшим сокращением их числа на одно дорожно-транспортное происшествие. Это говорит о том, что масштаб снижения числа аварий (и, соответственно, людей в них) был примерно таким же, как и сокращение тяжести последствий (когда в одной аварии пострадало меньше людей). То есть фокус сместился: удалось снизить и количество инцидентов, и тяжесть каждого из них. Поэтому приоритетами совершенствования Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства Внутренних Дел Российской Федерации являются адресное предупреждение тяжёлых происшествий, проверяемое устранение опасных дорожных условий и контроль качества административных решений. Рассмотренный случай автоматической фиксации обосновывает включение анализа обращений в управление надзорной работой.

Список литературы

1. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 04.08.2026. – Текст: электронный // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 08.09.2026).
2. Пресс-центр МВД России. Сегодня российской Госавтоинспекции исполняется 90 лет. – Текст: электронный // МВД МЕДИА. – 2026. – 3 июля. – URL: https://mvdmedia.ru/news/official/segodnya-rossiyskoy-gosavtoinspektsii-ispolnyaetsya-90-let/ (дата обращения: 08.09.2026).
3. Пресс-центр МВД России. В МВД России разъяснили ситуацию с вынесением штрафов водителям, вынужденно стоявшим в очередях на АЗС в Саратовской области. – Текст: электронный // МВД МЕДИА. – 2026. – 15 июля. – URL: https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-razyasnili-situatsiyu-s-vyneseniem-shtrafov-voditelyam-vynuzhdenno-stoyavshim-v-ocheredya/?ysclid=mtttdmoetk978915581 (дата обращения: 08.09.2026).

УДК 342.9

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ» И «ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ КОДИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Каблов Д. С., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-0241-4196,
Казус Н. Е.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: d.kablov.donnu.jur@mail.ru, Dikevich411@mail.ru

Введение. Вопросы определенности, системности и логической непротиворечивости юридической терминологии традиционно находятся в фокусе внимания фундаментальной правовой доктрины. Стабильность правоприменительной практики напрямую зависит от того, насколько точно законодатель отделяет базовые правовые институты на уровне нормативного текста. В условиях масштабных кодификационных процессов, ознаменовавших развитие отечественного процессуального права в последние десятилетия, особую актуальность приобретает критический анализ понятийного аппарата новых кодифицированных актов.

Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) стало важнейшим шагом на пути обособления и специализации публично-правовых споров. Однако нормативный текст сохранил, а в некоторых аспектных проявлениях и усугубил системные терминологические коллизии, свойственные смежным отраслям права. Ключевое противоречие заключается в очевидном смешении и отождествлении категорий «процессуальное принуждение» и «процессуальная ответственность». Данная деформация наиболее отчетливо проявилась в Главе 11 КАС РФ, которая получила собирательное наименование «Меры процессуального принуждения». Совместив в рамках единого института разнородные правовые средства, законодатель создал ситуацию доктринальной неопределенности, когда принципиально отличные правовые явления подчиняются общему нормативному режиму [3, с. 114].

Цель исследования заключается в проведении комплексного сравнительно-правового анализа институтов процессуального принуждения и процессуальной ответственности в КАС РФ, ГПК РФ и АПК РФ, выявлении теоретико-практических деформаций нормативного совмещения данных категорий и разработке предложений по модернизации структуры административно-процессуального законодательства для устранения терминологических коллизий.

Основная часть. Системно-структурный анализ Главы 11 КАС РФ позволяет с очевидностью разграничить закрепленные в ней меры на две

самостоятельные, качественно отличные по своей внутренней сущности группы.

К первой группе следует отнести пресекательно-обеспечительные меры, такие как привод (ст. 120 КАС РФ), обязательство о явке (ст. 121 КАС РФ) и удаление из зала судебных заседаний (ст. 119 КАС РФ). Данные инструменты обладают выраженной функциональной направленностью на будущее поведение участников процесса. Их ключевая цель – пресечение текущего противоправного состояния «здесь и сейчас» и непосредственное обеспечение физического присутствия лица в судебном заседании для беспрепятственного отправления правосудия. В механизме реализации указанных мер полностью отсутствует карательный (штрафной) элемент; они выступают в качестве практичного технологического инструмента правосудия. Аналогичные пресекательные меры закреплены в Главе 12 ГПК РФ и Главе 11 АПК РФ, где они также традиционно трактуются научным сообществом как обеспечительные механизмы судебного познания [2, с. 84].

Вторую группу мер, необоснованно объединенных под той же темой «принуждения», составляют меры штрафного и карательного характера, центральное место среди которых занимает судебный штраф (ст. 122 КАС РФ) и процессуальное предупреждение. В отличие от привода или обязательства о явке, судебный штраф всегда выступает в качестве ретроспективной реакции государства на уже совершенное, оконченное правонарушение, выражающееся, как правило, в проявлении неуважения к суду или злостном неисполнении процессуальных обязанностей. По своей природе судебный штраф является классической карательной санкцией. Он влечет за собой возникновение у правонарушителя дополнительных обременений имущественного характера, которые не сводятся к простому понуждению к исполнению ранее возложенной обязанности. Также аргументом в пользу разделения этих понятий служит анализ правовых последствий их применения. Меры обеспечения и пресечения (например, удаление из зала заседаний по ст. 119 КАС РФ или ст. 159 ГПК РФ) прекращают свое действие в момент достижения цели или окончания процессуального действия. Они не влекут для лица состояния «наказанности» в его материально-правовом понимании. Напротив, судебный штраф как мера ответственности оставляет за собой длящийся правовой след в виде обязанности по его уплате в бюджет, а повторное совершение аналогичного нарушения в рамках того же процесса влечет за собой применение санкции в повышенном размере, что прямо закреплено, например, в ч. 3 ст. 122 КАС РФ. Это полностью дублирует институты повторности и рецидива из классического материального права, что еще раз доказывает именно карательную, а не обеспечительную природу штрафа [4].

Сравнительно-правовой анализ КАС РФ, ГПК РФ и АПК РФ демонстрирует, что все три процессуальных кодекса страдают от общего недостатка: они квалифицируют штрафные санкции исключительно как

разновидность процессуального принуждения. Так, ст. 105 ГПК РФ и Глава 11 АПК РФ фактически выводят карательную сущность штрафа за рамки института ответственности. Однако такое нормативное конструирование входит в противоречие с общетеоретическими постулатами юриспруденции. Государственное принуждение и юридическая ответственность соотносятся как инструмент и последствие правонарушения. Принуждение шире ответственности: оно включает в себя меры защиты, меры безопасности и иные некарательные механизмы [1, с. 240]. Ответственность же представляет собой реализацию государственного принуждения в форме претерпевания лицом санкции за виновное нарушение. Игнорирование этого деления на уровне КАС РФ влечет за собой глубокие теоретические и практические деформации. Если судебный штраф является всего лишь «мерой принуждения» наряду с приводом, то становится необъяснимым, почему к порядку его наложения применяются фундаментальные принципы и правила юридической ответственности: исследование категории вины субъекта, оценка соразмерности и справедливости наказания, учет смягчающих и отягчающих обстоятельств. Привод лица осуществляется независимо от его вины – по объективному факту неявки, в то время как штраф без установления виновного умысла или грубой неосторожности немыслим в правовом государстве. Налицо терминологическая коллизия, когда форма (наименование главы кодекса) полностью искажает реальное материально-правовое содержание института.

Заключение. На основании изложенного можно сделать вывод, что смешение понятий «процессуальное принуждение» и «процессуальная ответственность» в рамках одной главы КАС РФ создает грубую методологическую ошибку. Государственное принуждение выступает формой реализации ответственности, но не тождественно ей. Судебный штраф по своей карательной природе, наличию элементов вины и карательной цели является классической санкцией, а следовательно – мерой юридической ответственности, что должно быть четко отражено в структуре административно-процессуального законодательства. Для преодоления указанного теоретического хаоса и гармонизации текста закона предлагается осуществить модернизацию структуры КАС РФ посредством проведения четкой границы между инструментами обеспечения и мерами наказания. Представляется необходимым разделить существующую Главу 11 КАС РФ на два самостоятельных материально-процессуальных института: 1. Глава 11. «Меры процессуального обеспечения», куда должны быть отнесены исключительно пресекательно-обеспечительные механизмы (удаление из зала заседаний, привод, обязательство о явке, фиксация правонарушения). 2. Глава 11.1. «Меры процессуальной ответственности», предметом регулирования которой станут карательные санкции (предупреждение и судебный штраф), налагаемые по правилам и принципам классической деликтной ответственности. Реализация данной законодательной инициативы позволит

устранить коллизии между КАС РФ, ГПК РФ и АПК РФ, очистить доктрину от ложных теоретических конструкций и повысить авторитет судебной власти.

Список литературы

1. Административное судопроизводство : учебник для студентов вузов / под редакцией В. В. Яркова. – Москва : Статут, 2023. – 682 с. – Текст : непосредственный.
2. Шерстюк, В. М. Современные проблемы гражданского и арбитражного процессуального права / В. М. Шерстюк. – Москва : Статут, 2018. – 320 с. – Текст : непосредственный.
3. Актуальные проблемы и перспективы административного и административно-процессуального права : сборник статей. – Москва : РГУП, 2020. – 348 с. – Текст : непосредственный.
4. Гордеев, Л. А. К вопросу определения цели, задачи и функций административного штрафа / Л. А. Гордеев. – Текст : электронный // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 2. – URL: [указать рабочий URL] (дата обращения: 26.06.2026).
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ : ред. от 9 апреля 2026 г. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ : ред. от 15 декабря 2025 г. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ : ред. от 4 августа 2026 г. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

УДК 35.073

ЦЕЛИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ОБОРОНЫ

Каблов Д. С., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-0241-4196,
Тимохович А. А., ORCID 0009-0002-2287-553X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: d.kablov.donnu.jur@mail.ru, ablackfury@bk.ru,

Введение. Обеспечение информационной безопасности в оборонной сфере подразумевает защиту ключевых интересов личности, общества и государства от угроз как внутреннего, так и внешнего характера. Эти угрозы возникают при использовании информационных технологий в военно-политических целях, которые не соответствуют нормам международного права. Эти цели и направления определены Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 05.12.2016 №646.

Для того, чтобы полноценно обеспечивать информационную безопасность государства, данное направление имеет свои цели и задачи, систематизированные и выстроенные сообразно потребностям общества.

Цель работы – выявить ключевые разновидности направлений информационной безопасности в сфере обороны в России на сегодняшний день.

Основная часть. В первую очередь, цели и задачи информационной безопасности, а также средства их реализации должны соответствовать принципам законности и верховенства права. Следует сказать, что любой участник информационных отношений обязан иметь соответствующий уровень правовой осознанности, соблюдать законодательство, чётко понимать возможные результаты своих действий и степень ответственности, которая наступает при нарушении ключевых интересов отдельной личности, социума и государства в целом.

Как правило, предлагается реализация целей и задач информационной безопасности посредством двух форм – информационного патроната, кооперации и противоборства.

Под информационным патронатом понимается сочетание двух менее крупных форм – информационного обеспечения и информационной защиты. Функцией обеспечения является доведение до компетентных государственных органов данных о том, какие имеются потенциальные угрозы системе информационной безопасности. В свою очередь, информационная защита подразумевает комплекс инструментов по обеспечению безопасности юридических и физических лиц, а также государства в информационной сфере.

Деятельность, именуемая информационным обеспечением, включает в себя мониторинг информации, которая может помочь в выявлении возможных

угроз. Далее происходит анализ такой информации, что входит в компетенцию конкретных государственных органов, а затем реализуется в таких направлениях деятельности, как разведка, контрразведка, оперативно-информационные мероприятия.

Чтобы обеспечить достойную и качественную информационную оборону, государству необходимо разработать систему нормативных правовых актов, где будут закреплены полномочия компетентных органов в данном вопросе, а также разработаны алгоритмы судебной защиты нарушенных информационных прав в оборонной сфере.

Иной термин, информационная кооперация, подразумевает под собой инструмент для информационной безопасности. Его спецификой является сотрудничество между субъектами информационных отношений, находящихся на одном уровне, которые взаимодействуют друг с другом с целью распространения информации о потенциальных угрозах, а также о поиске способов их предотвращения и ликвидации.

Информационное противоборство, в свою очередь, представляет собой вид конфликтного взаимодействия между сторонами, при котором используются специализированные инструменты и подходы (включая политические, экономические, дипломатические, военные и другие) для целенаправленного влияния на информационное пространство оппонента, а также для обеспечения защиты собственной информационной среды. Основная цель таких действий – достижение заранее определенных задач и интересов.

В процессе реализации информационного противоборства может начаться информационная война, имеющая как локальный, так и крупный межгосударственный охват. Она может охватывать не только политические образования, но и субъекты частной экономики и бизнеса, а также иные.

Основные векторы защиты информации в оборонной сфере включают:

– стратегическое сдерживание и предотвращение военных конфликтов, которые могут возникнуть в результате применения информационных технологий;

– совершенствование системы обеспечения информационной безопасности Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, включающей в себя силы и средства информационного противоборства;

– прогнозирование, обнаружение и оценка информационных угроз, включая угрозы Вооруженным Силам в информационной сфере, и др.

Следует отметить, что деятельность информационных технологий охватывает разные направления обороны, ключевую роль здесь играет именно Интернет.

Так, важной технологией является возможность обнаружения противника, обработки цифровой информации о местности. Роль интернет-технологии по важности из второстепенной стала основополагающей. Это вызвано динамикой системы вооружения армии.

Например, интернет-технологии стали играть важную роль в таких направлениях, как аддитивные технологии, робототехника, беспилотная авиация, системы «технического зрения».

В информационном обеспечении современных вооруженных сил главными направлениями являются топогеодезическое и навигационное обеспечение. При стратегическом планировании используются в основном классические топографические карты, но после роста динамики современных военных действий увеличились и объемы носителей топогеодезической информации.

Заключение. Таким образом, информационная безопасность является обязательным элементом, который затрагивает все разновидности вооружённых сил. В частности, важными инструментами являются информационный патронат, информационное противоборство и информационная кооперация.

В информационном обеспечении современных вооруженных сил главными направлениями являются топогеодезическое и навигационное обеспечение.

Таким образом, информационная безопасность является обязательным элементом, который затрагивает все разновидности вооружённых сил. В частности, важными инструментами являются информационный патронат, информационное противоборство и информационная кооперация. Они, в свою очередь, могут быть подразделены на более мелкие формы взаимодействия.

Список литературы

1. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // Официальный сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 08.09.2026). – Текст : электронный.
2. Дубень, А. К. Вопросы правового обеспечения информационной безопасности в условиях новых вызовов и угроз / А. К. Дубень // Право в вооруженных силах – военно-правовое обозрение. – 2021. – № 12 (293). – С. 61–64. – Текст : непосредственный.
3. Дубень, А. К. Информационная безопасность вооруженных сил / А. К. Дубень // The Scientific Heritage. – 2021. – № 80. – С. 42–44. – Текст : непосредственный.

УДК 347.73

НАРУШЕНИЯ ФИНАНСОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Карпов К. А., канд. юрид. наук, ORCID 0000-0001-5496-0515
ФГАОУ ВО «Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва, РФ
e-mail: karpov.moscow@gmail.com

Введение. В современной России наблюдается существенное развитие рынка ценных бумаг, как части финансового рынка нашей страны [1]. Необходимо заметить, что данный рынок обладает определенной особенностью, отличной от иных элементов финансового рынка: многоаспектность, заключающаяся в том, что рынок ценных бумаг охватывает не только общественные отношения, которые рассматриваются иными юридическими науками [2] (конституционное право, уголовное право, гражданское и др.), но также являясь и экономической отношения. Следовательно, можно говорить о комплексном подходе к регулированию рынка ценных бумаг.

Цель статьи – показать, что стремительное развитие рынка ценных бумаг в России и массовый приход розничных инвесторов порождают риски (низкая финансовая грамотность, манипулирование рынком, недостоверная информация в цифровых каналах) и обусловливают необходимость укрепления финансово-правового регулирования этого рынка и защиты интересов розничных инвесторов.

Основная часть. Так, Е.А. Ровинский считал, что одной из важнейших особенностей финансовых правоотношений является их юридическая форма закрепления и выражения этих отношений, которые в свою очередь являются определенной формой отношений в сфере экономики [3]. Е.Ю. Грачева, указывает на один из существенных признаков финансового права – это тесная взаимосвязь с экономикой, что является исключительной особенностью науки о публичных финансах [4]. Более того, Е. Ю. Грачева справедливо выделяет финансовые правоотношения, касающиеся регулирования рынка ценных бумаг и денежного обращения в качестве самостоятельного вида финансовых правоотношений [5]. А.А. Ситник считает что, «можно проследить взаимосвязь права денежного обращения с иными элементами системы финансового права, например с институтом государственного кредита, финансово-правового регулирования рынка ценных бумаг, страховой деятельности и другими» [6]. Также, Н.М. Артемов указывает на то, что ценные бумаги, являясь инструментом, выполняющим денежные функции, являются объектом валютного регулирования, в свою очередь которое является одним из элементов права денежного обращения (денежного права) [7].

Можно проследить не только многократное увеличение числа розничных инвесторов. Так, с конца 2017 года по март 2021 года количество розничных инвесторов, зарегистрированных на ПАО «Московская биржа» увеличилось многократно: с 1 893 678 физических лиц в декабре 2017 года до 41,6 млн. человек к июню 2026 года [8].

Указанная тенденция связана со значительным понижением ключевой ставки Центральным банком Российской Федерации (Банком России) в 2020 году, а также с введением с 1 января 2021 года 13% НДФЛ на процентные доходы со вкладов более, чем на 1 миллион российских рублей, также как и на доходы со вкладов, процентная ставка которых превышает за отчетный период [9] ключевую ставку Банка России [10]. Кроме того, на увеличение количества уникальных инвесторов повлияла и общедоступность электронных платформ – все действия, включая подписание договора о брокерском обслуживании, могут быть совершены дистанционно.

Целесообразно заметить, что большинство розничных инвесторов не обладает специальными знаниями по экономике и, в частности, по регулированию фондовых рынков.

В свою очередь, государство уделяет особое внимание рынку ценных бумаг, но также и значительное увеличение количества нарушений законодательства РФ в этой сфере.

Однако, данная ситуация приводит к определенным рискам для розничных инвесторов. В связи с низкой финансовой грамотностью повышается интерес среди лиц, которые не являются профессиональными участниками рынка ценных бумаг по «консультированию», манипулированию и в том числе по «доверительному управлению» брокерскими счетами граждан Российской Федерации. Так, благодаря цифровизации появляется большое количество не только You-tube каналов, но также и телеграмм-каналов, которыми руководят анонимные администраторы. В большинстве своем главная их цель – это введение в заблуждение розничных инвесторов. Одним из таких ярких примеров стали информационные сообщения в телеграмм-канале «MarketTwits» от 25 октября 2019 года. В тот день на канал было подписано 44 000 пользователей. Была опубликована «молния» с сообщением о том, что нефтяная компания ПАО «Сургутнефтегаз» хочет купить контрольный пакет акций другой – ПАО «Лукойл». Пост появился в 18:53 по Московскому времени, в нем стояла ссылка на источники информационного агентства «Интерфакс». Позже было установлено, что агентство данную новость не публиковало. На самом деле, почти двумя часами ранее новость появилась на сайте издания «Нефтегазовая вертикаль». Вечером того же дня Президент ПАО «Лукойл» В.Ю. Алекперов опроверг слухи о покупке контрольного пакета акций компании. В течение трех дней перед этим событием акции ПАО «Сургутнефтегаз» на Московской биржи без видимых причин выросли на 26%. По мнению источников издания «Forbes», рост вызвали именно неподтвержденные слухи о сделке [11].

Также Центральный банк Российской Федерации в марте 2021 года [12] выявил несколько попыток влияния на рыночные котировки нескольких российских ценных бумаг посредством использования манипулятивной технологии “Pump and dump” [13] (P&D) (накачать и сбросить). Так, 5 марта во время торговой сессии на Московской бирже в течение часа произошло существенное увеличение объемов торгов акциями «Россети Юг». Банк России посредством использования автоматических систем выявил несколько Telegram-каналов, посредством которых была распространена информация среди розничных инвесторов, направленная на создание искусственной волатильности на рынке данных акций. Для предотвращения дальнейших злоупотреблений на рынке, Центральным банком Российской Федерации было принято решение о блокировке брокерских счетов данных инвесторов. Позднее 9 марта 2021 года с целью предотвращения дальнейших манипуляций на фондовом рынке (предупреждения нарушения запрета, предусмотренного частью 2 статьи 6 Федерального закона от 27.07.2010 года № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») Банк России выдал соответствующие предписания крупнейшим российским брокерам [14].

Для повышения финансовой грамотности граждан страны Банк России создал информационно-просветительский ресурс: Fincult.info. По мнению мегарегулятора, финансовая культура – это больше, чем финансовая грамотность. Она предполагает не только знания, но и ответственное отношение к финансам, а также формирование и применение навыков управления личным бюджетом. Высокий уровень финансовой культуры – это важнейшее условие стабильного развития страны, от которого в конечном счете зависит и благополучие каждого гражданина [15].

Заключение. Считаем, что дальнейшее развитие фондового рынка неразрывно связано с упрочнением финансово-правового регулирования рынка ценных бумаг. Фактически главная цель Центрального банка Российской Федерации заключается в защите и представлении интересов розничных инвесторов нашей страны. Также, не менее важным является повышение инвестиционной привлекательности нашего рынка для иностранных капиталов, что в том числе даст существенную возможность для увеличения капитализации российского рынка.

Список литературы

1. Гузнов, А. Г. Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации : монография / А. Г. Гузнов, Т. Э. Рождественская. – Москва : Юрайт, 2017. – 425 с. – Текст : непосредственный.
2. Кутафин, О. Е. Избранные труды : в 7 т. Т. 7. Российский конституционализм : монография / О. Е. Кутафин. – Москва : Проспект, 2011. – 528 с. – Текст : непосредственный.

3. Ровинский, Е. А. Международные финансовые отношения и их правовое регулирование / Е. А. Ровинский // Советское государство и право. – 1965. – № 2. – С. 60–68. – Текст : непосредственный.
4. Грачева, Е. Ю. К вопросу о сущности финансового права / Е. Ю. Грачева // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 9 (73). – С. 31–32. – Текст : непосредственный. – DOI: 10.17803/2311-5998.2020.73.9.026-032
5. Финансовое право / ответственный редактор Е. М. Ашмарина, С. О. Шохин. – Москва, 2009. – 346 с. – Текст : непосредственный.
6. Ситник, А. А. Финансово-правовое регулирование денежного обращения в Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / А. А. Ситник. – Москва, 2010. – 187 с. – Текст : непосредственный.
7. Правовое регулирование денежного обращения (Денежное право) : монография / Н. М. Артемов, И. Б. Лагутин, А. А. Ситник, М. Н. Урда. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 288 с. – Текст : непосредственный.
8. Итоги мая на Мосбирже: смена приоритетов частных инвесторов. – URL: https://alfabank.ru/alfa-investor/posts/t/9867b322-c267-f111-91c8-0050569e1fd0/ (дата обращения: 04.07.2026). – Текст : электронный.
9. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 20.11.2020 № 03-04-07/101287 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.
10. ФНС России разъяснила особенности порядка обложения НДФЛ процентов, полученных по вкладам в банках. – URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/10237437/ (дата обращения: 14.07.2026). – Текст : электронный.
11. Невидимая рука рынка: как анонимы в Telegram научились двигать котировки и почему это опасно. – URL: https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/392643-nevidimaya-ruka-rynka-kak-anonimy-v-telegram-nauchilis-dvigat-kotirovki (дата обращения: 25.08.2026). – Текст : электронный.
12. ЦБ впервые выявил попытку повлиять на цену акций с помощью Telegram-каналов. – URL: https://www.rbc.ru/finances/10/03/2021/60487c3f9a79471c371cba15 (дата обращения: 15.08.2026). – Текст : электронный.
13. Perminov, S. Trendocracy and Stock Market Manipulations / S. Perminov. – Stock Market Institute, 2008. – 42 p. – Текст : непосредственный.
14. Вестник Банка России. – 2021. – № 18 (2258). – С. 3–4. – Текст : непосредственный.
15. О сайте. – URL: https://fincult.info/about/ (дата обращения: 26.08.2026). – Текст : электронный.

УДК 342.92

АДМИНИСТРАТИВНО- И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОТ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ: КЛАССИЦИКАЦИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Колоколов А. В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0003-0959-1188
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, РФ
e-mail: Al.Vl.Kolokolov@yandex.com

Введение. Распространение деструктивной идеологии рассматривается как инструмент информационной войны, подрывающий способность гражданского общества адекватно оценивать вызовы [1, с. 206], цифровая среда придает этому явлению новое качество [2, с. 14]. Среди разнообразных проявлений такой идеологии – национальная и религиозная нетерпимость, неофашизм, неоколониализм, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и отказа от деторождения, «группы смерти» и опасные интернет-челленджи. Правовой основой противодействия служат Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее – Основы) [3], относящиеся к актам стратегического планирования смешанной правовой природы [4, с. 50]. Особенность данной сферы правового регулирования заключается в преобладание неправовых форм и косвенных методов управления [5, с. 8], при этом эффективность государственного управления снижается из-за терминологической неопределенности и разрозненности правовых норм.

Цель: систематизировать административно- и уголовно-правовые меры противодействия распространению деструктивной идеологии в зависимости от объекта правовой охраны и обосновать направления совершенствования законодательства, прежде всего понятийного аппарата.

Основная часть. Противодействие деструктивной идеологии обеспечивается установлением в КоАП РФ [6] и УК РФ [7] ответственности за совершение проступков и преступлений за соответствующие деяния. Наибольшую общественную опасность имеют дискредитация ВС РФ, призывы к агрессивной войне, возбуждение ненависти либо вражды и реабилитация нацизма; историческая память при этом выступает нравственным ориентиром общероссийской гражданской идентичности [8, с. 266–267].

В зависимости от объекта правовой охраны административно-правовые меры защиты (КоАП РФ) дифференцируются на шесть групп: противодействие терроризму, экстремизму и реабилитации нацизма (ст. 14.1.1-1, 14.20, 15.23.2, 15.27–15.27.1, 15.27.3, 15.39); защита от посягательств на права граждан (ст. 5.26, 5.35.1–5.37, 5.61–5.61.1, 5.62); защита от посягательств на

общественную нравственность (ст. 6.11–6.12, 6.17, 6.20–6.21.2, 6.26–6.27); защита от посягательств в области связи и информации (ст. 13.15, 13.37, 13.41); противодействие незаконной деятельности иностранных агентов (ст. 19.34, 19.34.2); защита от посягательств на общественный порядок и общественную безопасность, а также противодействие деятельности нежелательных организаций (ст. 20.3–20.3.4, 20.29, 20.33).

Уголовно-правовые меры защиты (УК РФ) по объекту правовой охраны образуют пять групп: государственный суверенитет, территориальная целостность, обороноспособность и государственная безопасность (ст. 207.3, 275–276, 279, 280.1–280.4, 353–354); религиозные чувства верующих, историческая память, включая правду о роли советского народа в победе над фашизмом во Второй мировой войне, культурное наследие, человеческое достоинство, противодействие реабилитации нацизма (ст. 148, 239, 243–243.1, 243.4, 282, 354.1); противодействие экстремизму (ст. 282–282.3); противодействие терроризму (ст. 205–205.5); противодействие иностранному недружественному вмешательству (ст. 284.1, 330.1, 330.3).

Классификации показывают, что составы рассредоточены по разным главам и защищают разнородные объекты. Состава, непосредственно описывающего распространение деструктивной идеологии, нет ни в УК РФ, ни в КоАП РФ; ответственность предусмотрена далеко не за посягательство на каждую из семнадцати ценностей, перечисленных в п. 5 Основ. В числе причин – неопределенность объекта охраны: перечень сочетает ценности либеральной и консервативной традиций. В.С. Хижняк предлагает критерии отнесения ценностей к традиционным (принадлежность к наследию народов России, соответствие демократическим принципам, гуманистическая направленность) [9, с. 37], И.А. Умнова-Конюхова – сформировать «каталог» духовно-нравственных ценностей [10, с. 14], а В.В. Аристархов исходит из представления о традиционных ценностям как части более широкого по объему понятия конституционных ценностей [11, с. 100]

Определение деструктивной идеологии в п. 14 Основ носит описательный характер, а ее признаки образуют «примерный перечень»; правовая интерпретация терминов «эгоизм», «вседозволенность», «безнравственность» затруднена, а передача их толкования на усмотрение суда или экспертов представляется нецелесообразной. Положение осложняет несогласованость смежных понятий. Юридизация идеологической по своей природе категории сопряжена с риском нарушения принципа правовой определенности; дефиниции должны опираться на конкретные объекты посягательства.

В качестве первоочередной меры предлагается внести поправки в Закон о безопасности [12], дополнив его статьей 2.1 «Основные понятия». В указанной статье необходимо закрепить следующие дефиниции: 1) «традиционные российские духовно-нравственные ценности» – духовные и нравственные основы жизни и деятельности многонационального народа РФ, указанные в

перечне, установленном п. 5 Основ; 2) «деструктивная идеология» – система взглядов, идей и убеждений, распространение которых направлено на: а) подрыв государственного суверенитета, территориальной целостности, конституционного строя, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и общероссийской гражданской идентичности; б) дезорганизацию публичной власти и дезинтеграцию гражданского общества; в) дискредитацию традиционных институтов семьи, брака, материнства, отцовства и детства, а также подрыв доверия к ним; г) умаление чувства патриотизма и гордости за Отечество, ценности веры в Бога, любви к Родине, почитания памяти предков и исторической правды, включая правду о роли советского народа в победе над фашизмом; д) дестабилизацию общества путем разжигания вражды и ненависти между народами РФ, а также розни в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к социальной группе, социального, имущественного, должностного положения, места рождения, места жительства или иных обстоятельств. С учетом указанных дефиниций, на наш взгляд, могут быть разработаны соответствующие изменения и дополнения в КоАП РФ и УК РФ, устанавливающие конкретные составы правонарушений, направленные на защиту традиционных ценностей и противодействие распространению деструктивной идеологии.

Заключение. Классификация мер по объекту правовой охраны показала, что защита традиционных ценностей от деструктивной идеологии осуществляется фрагментарно и не подкреплена единым понятийным аппаратом. Закрепление в Законе о безопасности понятий «традиционные российские духовно-нравственные ценности» и «деструктивная идеология» позволит преодолеть терминологическую неопределенность, сформировать единообразную правоприменительную практику и создаст основу для специальных ставов, целесообразность введения которых остается дискуссионной. Перспективным направлением представляется разработка показателей эффективности соответствующих мер.

Список литературы

1. Барабаш, В. В. Государственная пропаганда и информационные войны : учебное пособие / В. В. Барабаш, Г. А. Бордюгов, Е. А. Котеленец. – Москва : АИРО-XXI, 2015. – 400 с. – Текст : непосредственный.
2. Кокурин, А. В. О деструктивных воздействиях в цифровой среде в публикациях современных зарубежных психологов / А. В. Кокурин, В. М. Поздняков // Психология и право. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 2–19. – Текст : непосредственный. – DOI: https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150401
3. Мамяшева, Д. Р. Правовая природа актов стратегического планирования / Д. Р. Мамяшева // Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 50–59. – Текст : непосредственный. – D0I: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.7
4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026) // Собрание

законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977 ; 2026. – № 10. – Ст. 1127. – Текст : непосредственный.
5. Фиалковская, И. Д. Методы государственного управления: вопросы теории : монография / И. Д. Фиалковская. – Казань : Бук, 2019. – 174 с. – Текст : непосредственный.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1 ; 2026. – № 32. – Ст. 4492. – Текст : непосредственный.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954 ; 2026. – № 32. – Ст. 4497. – Текст : непосредственный.
8. Раттур, М. В. О формировании правовых основ мемориальной политики в Российской Федерации / М. В. Раттур // Правовая политика и правовая жизнь. – 2025. – № 2. – С. 263–272. – Текст : непосредственный.
9. Хижняк, В. С. Охрана и защита традиционных духовно-нравственных ценностей как один из приоритетов деятельности публичной власти в Российской Федерации / В. С. Хижняк // Правовая политика и правовая жизнь. – 2025. – № 3. – С. 31–44. – Текст : непосредственный. – DOI: 10.24412/1608-8794-2025-3-31-44
10. Умнова-Конюхова, И. А. Духовное право: природа, миссия и конституционные основы / И. А. Умнова-Конюхова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 7–24. – Текст : непосредственный. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.01
11. Аристархов, В. В. Лекции по основам государственной культурной политики : учебное пособие / В. В. Аристархов. – Москва : Институт Наследия, 2025. – 320 с. – Текст : непосредственный.
12. О безопасности : Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 2 ; 2023. – № 29. – Ст. 5304. – Текст : непосредственный.

УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Коробейникова К. В., канд. экон. наук, ORCID 0009-0000-7972-114X,
Калита Е. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: k.korobeinikova@bk.ru kalitaliza1322@xmail.ru

Введение. Административная ответственность является важным инструментом в механизме обеспечения режима законности, обладающая профилактическим эффектом, не только предотвращает мелкие нарушения

(административные правонарушения), но и снижая риск более серьезных преступлений, обеспечивая порядок и безопасность в обществе, применяемая в различных сферах, направлена на защиту прав граждан, государственных органов и организаций.

Основная часть. Глава 20 КоАП РФ содержит более 35 статей[1], регулирующие административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, включает множество деяний, таких как мелкое хулиганство, нарушение порядка проведения митингов, пропаганда экстремизма, нарушение требований пожарной безопасности, а также нетрезвое состояние в общественных местах и незаконное потребление наркотиков. Несмотря на интенсивное развитие законодательства, практика его применения сталкивается с существенными трудностями. Наличие размытых формулировок, пробелов в регулировании и дисбаланса в санкциях снижает возможность предотвращения правонарушений с помощью административной ответственности, создавая риски нарушения прав граждан.

Одной из фундаментальных проблем является отсутствие в главе 20 КоАП РФ легальных дефиниций базовых категорий, таких как как «общественный порядок», «общественная безопасность» и «общественное место». Отсутствие четких определений в законодательстве создает серьезные препятствия для единообразной квалификации деяний, поскольку правоприменитель вынужден руководствоваться субъективными представлениями о границах этих понятий [3].

В доктрине административного права предпринимаются многочисленные попытки сформулировать определения рассматриваемых категорий. Так, общественный порядок традиционно понимается как упорядоченность общественных отношений, достигаемая посредством соблюдения норм права, морали и обычаев, а общественная безопасность –как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от реальных и потенциальных угроз.

Не менее важной является проблема систематизации норм внутри самой главы 20 КоАП РФ, где некоторые статьи (например, ст. 20.21 или 20.25 КоАП РФ) не посягают напрямую на общественную безопасность как родовой объект, что свидетельствует о необходимости пересмотра структуры Особенной части КоАП РФ и более строгой группировки составов по видовым объектам посягательства, что повысило бы логичность построения кодекса и облегчило бы правоприменение [2].

Еще одной проблемой является определение объективной стороны многих составов, которые имеют бланкетный характер, т.е. правовая норма, не содержит полного описания правила поведения, а ссылается на другие нормативные акты для его конкретизации. Отсылка к подзаконным актам делает законодательство гибким, однако множественность и неоднородность этих актов порождают коллизии и коррупционные риски.

Нельзя не отметить проблему эффективности административной ответственности, которая напрямую зависит от соразмерности наказания содеянному. Исследователи отмечают неоправданно широкую дифференциацию наказаний в санкциях ряда статей главы 20 КоАП РФ. Наиболее ярким примером является ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство), которая предусматривает как штраф от 500 до 1000 рублей, так и административный арест на срок до 15 суток [1].

Законодатель не закрепляет четких критериев, когда следует применять штраф, а когда – арест. В результате выбор меры наказания зависит не от закона, а от внутреннего убеждения конкретного судьи, что приводит к неравномерной судебной практике и нарушению принципа справедливости. С другой стороны, за некоторые деяния, сопряженные с высокой потенциальной опасностью (например, ст. 20.9 КоАП РФ – установка приспособлений для бесшумной стрельбы), предусмотрены несоразмерно мягкие штрафы (до 2500 рублей), которые не выполняют функцию общей и частной превенции [5].

Отдельного внимания заслуживает проблема разграничения административной и уголовной ответственности за деяния экстремистской направленности, которая приобрела особую актуальность после частичной декриминализации деяния, предусмотренного частью 1 статьи 282 УК РФ, и введения статьи 20.3.1 КоАП РФ.

Трудности разграничения новых составов (ст. 20.3.1 КоАП РФ, ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, ст. 5.61 КоАП РФ), требуют четкого установления мотива и цели деяния, а также необходимости гармонизации терминологии уголовного и административного законодательства. Распространение норм, предусматривающих ответственность за экстремистские проявления, по разным главам КоАП РФ создает не только сложности в правоприменении, но и риск разнобоя в судебной практике[4].

На основе проведенного анализа можно предложить принятие следующих мер:

1) внести легальные определения «общественного порядка», «общественной безопасности», «общественного места» и «неприличной формы» в КоАП РФ, например, в виде примечаний к статье 20.1;

2) расширить перечень наказаний за экстремистские правонарушения (ст. 20.3, 20.3.1, 20.3.2, 20.29 КоАП РФ), включив административный арест и обязательные работы для физических лиц;

3) пересмотреть санкции ряда статей главы 20 КоАП РФ (например, ст. 20.9, 20.10, 20.23, 20.24) в сторону их ужесточения и приведения в соответствие с общественной опасностью деяний;

4) провести систематизацию норм главы 20 КоАП РФ, возможно, с выделением норм об экстремистской направленности (ст. 20.3, 20.3.1, 20.3.2, 20.29 КоАП РФ) в отдельную главу, и унифицировать терминологию с уголовным законодательством;

5) совершенствование профилактических инструментов.

Проведенный анализ проблем регулирования административной ответственности за нарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, показывает, что действующее законодательство нуждается в существенной корректировке. Наличие оценочных понятий, бланкетных норм, неэффективных и несоразмерных санкций, а также процессуальных сложностей создает барьеры для эффективной правоприменительной деятельности и может приводить к нарушению прав граждан.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения:05.10.2026)
2. Алексеев С. Н. Об административной ответственности за нарушения общественного порядка/С. Н. Алексеев // Академическая мысль. – 2023. – №2 (23). – С. 19-22. – Текст : непосредственный.
3. Жанакуева, Д. Х. Особенности административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность / Д. Х. Жанакуева. // Молодой ученый. – 2025. – № 52 (603). – С. 185-187. – Текст : непосредственный.
4. Селюк, Д. А. Тонкая грань между уголовной и административной ответственностью за деяния в сфере экстремизма / Д. А. Селюк, К. А. Турченко// Молодой ученый. – 2025. – № 1 (552). – С. 172-174. – Текст : непосредственный.
5. Уянаева, Д. З. Правовые пробелы и проблемы реализации административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и безопасность / Д. З. Уянаева.// Молодой ученый. – 2024. – № 49 (548). – С. 648-650. – Текст : непосредственный.

УДК 347.73

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОХОДОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ

Коробейникова К. В., канд. экон. наук, ORCID 0009-0000-7972-114X,
Манжула И. А., ORCID 0009-0004-6649-4428
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: k.korobeinikova@bk.ru, tatyana.manzhula88@mail.ru

Введение. Формирование доходной части федерального бюджета является одним из ключевых элементов бюджетного процесса, обеспечивающим финансовую устойчивость государства. В условиях трансформации налоговой системы, связанной с изменением параметров НДПИ, введением новых налоговых режимов и изменением порядка

распределения неналоговых поступлений, правовое регулирование доходов сталкивается с существенными вызовами. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления дефектов правового механизма, закрепленного в нормах Бюджетного кодекса РФ, и их влияния на фактическое исполнение бюджета.

Цель работы – проанализировать правовые проблемы формирования доходов федерального бюджета и предложить направления совершенствования законодательства.

Основная часть. Нормативное закрепление доходной базы федерального бюджета осуществляется посредством ст. 50 БК РФ, определяющей её налоговые и неналоговые источники. Вместе с тем правоприменительная практика демонстрирует, что процесс прогнозирования указанных поступлений зачастую вступает в противоречие с принципом достоверности, установленным ст. 37 БК РФ. Содержание данного принципа предполагает опору бюджетных показателей на объективные оценки макроэкономической динамики и фискального потенциала. Однако результаты исполнения доходной части федерального бюджета за 2025 год свидетельствуют о наличии значимых отклонений между плановыми ориентирами и фактическими поступлениями.

Так, согласно данным табл. 1, фактическое исполнение составило 103,2% от утверждённых назначений, что формально может интерпретироваться как перевыполнение плана. Тем не менее, углублённый структурный анализ выявляет существенные дисбалансы, свидетельствующие о системных недостатках правового механизма бюджетного прогнозирования.

Таблица 1

Исполнение доходов федерального бюджета в 2025 году (по данным Счетной палаты РФ)

Показатель	План, млрд руб.	Факт, млрд руб.	Отклонение, %
Доходы всего	36 562,2	37 265,5	+2,0
Нефтегазовые	8 653,9	8 476,8	−2,0
Ненефтегазовые	27 908,3	28 788,7	+3,2
Дефицит	1 173,4	5 662,6	+382,6

Исполнение нефтегазовых доходов составило 98,0% от планового значения – 8 476,8 млрд руб. при запланированных 8 653,9 млрд руб. Указанное отклонение обусловлено падением цен на энергоносители и волатильностью валютного курса. Подобная динамика обнажает недостаточную адаптивность механизма корректировки бюджетных показателей, регламентированного ст. 83 БК РФ. Данная норма допускает пересмотр прогнозируемых доходов лишь при существенном изменении макроэкономических параметров, однако правоприменительная практика демонстрирует его низкую оперативность, следствием чего становится аккумуляция отклонений в течение финансового года.

Параллельно с этим прирост ненефтегазовых доходов на 12,6% к уровню 2024 года был обеспечен не фундаментальным расширением налоговой базы, а преимущественно разовыми поступлениями, включая доходы от управления средствами ФНБ в объеме 84,1 млрд руб. В этой связи возникает проблема правовой квалификации подобных поступлений. Ст. 55 БК РФ относит к неналоговым доходам платежи от использования государственного имущества, однако их разовый характер исключает возможность рассматривать их в качестве устойчивого источника бюджетных поступлений, что вступает в противоречие с принципом сбалансированности бюджета, закрепленным в ст. 32 БК РФ.

Существенное воздействие на доходную часть оказали также изменения налогового законодательства: исключение с 2024 года коэффициента Кв=0,5 при исчислении НДПИ повлекло выпадающие доходы в размере 230 млрд руб. Данный факт указывает на недостаточную проработанность инструментария оценки налоговых расходов и их влияния на бюджетные показатели. Несмотря на то что ст. 174.1 БК РФ обязывает учитывать при прогнозировании изменения налогового законодательства, фактическая точность такой оценки остается невысокой, что в итоге приводит к значительным отклонениям.

Отдельного внимания заслуживает проблема балансирования доходов и расходов. Ненефтегазовый дефицит в 2025 году достиг 14 139,4 млрд руб. (6,6% ВВП), что ставит под сомнение соблюдение принципа сбалансированности (ст. 33 БК РФ). Данный принцип предполагает, что объем расходов должен соответствовать объему доходов, однако в условиях трансформации налоговой системы достижение такого соответствия становится все более сложным. Компенсация дефицита за счет роста государственного внутреннего долга до 30 654,8 млрд руб. усиливает долговую нагрузку и создает риски для устойчивости бюджетной системы в долгосрочной перспективе. При этом следует отметить, что ст. 107 БК РФ устанавливает предельные размеры государственного долга, однако фактическое приближение к этим пределам свидетельствует о необходимости пересмотра подходов к долговой политике.

Заключение. Проведенный анализ выявил системные проблемы правового регулирования формирования доходов федерального бюджета: недостаточная гибкость корректировки прогнозов, зависимость от разовых неналоговых поступлений и несбалансированность при снижении нефтегазовых доходов, усугубляемая ростом государственного долга.

В целях совершенствования законодательства предлагается:

Закрепить в ст. 174.1 БК РФ обязательность консервативного сценария прогнозирования нефтегазовых доходов.

Расширить основания для корректировки бюджета (ст. 83 БК РФ) при отклонении фактических поступлений от прогнозных более чем на 5%.

Отнести разовые неналоговые поступления к отдельной группе доходов (ст. 55 БК РФ), не учитываемой при формировании базовых показателей.

Предусмотреть в ст. 107 БК РФ ограничение роста госдолга при нефтегазовом дефиците для соблюдения принципа сбалансированности (ст. 33 БК РФ).

Реализация указанных предложений позволит повысить достоверность бюджетного прогнозирования, укрепить устойчивость доходной базы федерального бюджета и снизить риски несбалансированности бюджетной системы в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3823. – Текст : непосредственный.
2. Отчет Счетной палаты РФ об исполнении федерального бюджета за январь–декабрь 2025 года. – URL: https://ach.gov.ru/audit/oper-2025 (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.
3. Поветкина, Н. А. Доходы федерального бюджета: правовые аспекты / Н. А. Поветкина // Финансовое право. – 2025. – № 3. – С. 12–18. – Текст : непосредственный.
4. Пауль, А. Г. Прогнозирование доходов бюджета: проблемы и пути решения / А. Г. Пауль // Налоги и финансовое право. – 2024. – № 5. – С. 33–38. – Текст : непосредственный.

УДК 342.9

ОСКОРБЛЕНИЕ И УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА КАК АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ СОСТАВОВ

Косяк Е. Л., канд. юрид. наук, ORCID 0000-0003-3903-4438
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: e.kosyak.dongu@mail.ru

Введение. Право человека и гражданина на защиту достоинства гарантировано ст. 21 Конституции Российской Федерации, в которой провозглашен принцип недопустимости умаления достоинства личности. Данное конституционное положение особенно актуально в условиях современного информационного общества. В существующем информационном пространстве достаточно часто распространяется информация, унижающая достоинство человека или группы лиц, в том числе в связи с их государственной и общественной деятельностью, что требует надлежащей правовой оценки и принятия мер реагирования в соответствии с действующим законодательством российской Федерации. Разновидностями правовых норм, защищающих достоинство личности, являются ст. ст. 5.61 и 20.3.1 Кодекса об

административных правонарушениях Российской Федерации (далее по тексту – КоАП РФ), предусматривающие ответственность за оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ) и за унижение достоинства человека или группы лиц (ст. 20.3.1 КоАП РФ). Несмотря на то, что указанные охранительные правовые нормы находятся в различных разделах КоАП РФ, различающихся по объекту посягательства, круг потерпевших от указанных деяний, а также их объективная сторона имеют некоторое сходство, что на практике вызывает определённые сложности в правовой квалификации содеянного.

Цель. В настоящей публикации на основе анализа составов приведенных административных правонарушений сделана попытка выработать практические рекомендации по их квалификации и недопущению возможных коллизий в правоприменении.

Основная часть. Для раскрытия освещаемой темы необходимо, прежде всего, разграничить понятия «оскорбление» как предмета административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.61 КоАП РФ и «унижение человеческого достоинства» в контексте ст. 20.3.1 КоАП РФ. Определённой сложностью разграничения является то, что согласно диспозиции ст. 5.61 КоАП РФ под оскорблением также понимается унижение достоинства другого лица.

Как правильно отмечают А.В. Басов, Д.П. Ищенко и Г.К. Ищенко, для оскорбления как унижения чести и достоинства другого лица, выраженного в неприличной форме, характерны действия по их унижению, в крайней степени противоречащие нормам общечеловеческой морали, этики и общепринятым правилам общения между людьми [1, с. 285]. При этом, для квалификации содеянного именно как оскорбления обязательно требуется неприличная форма выражения негативной оценки личности.

Неприличная форма при оскорблении может заключаться в использовании обсценной лексики (нецензурные выражения), бранной лексики (использование унизительных ассоциаций, например, с видами отходов жизнедеятельности человека). В отдельных случаях при оскорблении используются криминальный жаргон («петух», «козёл» и пр.), а также слова и выражения, которые соотносят адресата оскорбления с антисоциальным образом жизни (вор, попрошайка) или с определёнными профессиями, вызывающими общественное осуждение (проститутка и пр.). Наряду с существительными-названиями, в оскорблениях могут применяться также глаголы, имеющие прямую негативную оценку.

Например, постановлением мирового судьи судебного участка № 23 Куйбышевского судебного района г. Самары Самарской области лицо признано виновным по ст. 5.61 КоАП РФ за размещение в сети Интернет доступных неограниченному кругу лиц записей, в которых потерпевшая называлась «чучелом», «очкастой», «зубрилкой», что было расценено судьёй как унижение чести и достоинства посредством использования слов, противоречащих установленным нравственным нормам, общепринятым правилам поведения в

обществе, манере обращения между людьми в целом и особенностям отношений между виновным и потерпевшим, правилам морали [2].

В отличие от деяний, предусмотренных ст. 5.61 КоАП РФ, унижение человеческого достоинства в контексте диспозиции ст. 20.3.1 КоАП РФ, относится не столько к конкретным личностям, сколько к социальным группам. Унижение достоинства может совершаться по ограниченному кругу критериев – пол, раса, национальность, язык, происхождение, отношение к религии, принадлежность к конкретной социальной группе. При этом, неприличная форма не всегда является обязательным признаком унижения человеческого достоинства при квалификации содеянного по ст. 20.3.1 КоАП РФ. К унижению человеческого достоинства В.И. Табанакова относит также выражение «дискриминационного отношения» к какой-либо социальной группе [3, с. 195]. Под дискриминацией следует понимать «ограничение в правах, лишение равноправия» [4, с. 402].

Так, постановлением Октябрьского районного суда г. Красноярска (Красноярский край) фигурант признан виновным по ст. 20.3.1 КоАП РФ за размещение в публичном доступе в сети Интернет «ВКонтакте» комментария на публикацию «Как Донбасс пережил эти 8 лет настоящего ада», согласно содержанию которого «граждане РФ захватили власть в Донецке и Луганске, создав там уголовные республики и угрожая местному населению», при этом указанная социальная группа характеризовалась как «колорадские нацисты и фашисты совковые рашкинские». Содержание комментария признано унижающим достоинство социальной группы «граждане РФ» вследствие использования в нём приведенных унизительных характеристик [5].

Как видно из приведенного судебного решения, в комментарии не содержалось обсценной лексики, криминального жаргона, ассоциирования потерпевших с антиобщественной деятельностью и определёнными профессиями. Упомянутые характеристики социальной группы признаны унижающими достоинство ввиду ассоциации с социальными группами «фашистов» и «нацистов», деятельность которых ранее была осуждена на международном уровне как такая, которая нарушала права человека, а также якобы в связи с совершением фигурантами противоправных действий (захват власти, угрозы населению), что может подпадать под дискриминацию. Кроме того, в первом примере негативные характеристики относились к конкретному лицу, во втором случае – к социальной группе.

Заключение. При схожести диспозиций ст. 5.61 КоАП РФ и ст. 20.3.1 КоАП РФ различие содержится в потерпевшем – соответственно конкретное лицо и социальная группа, кроме того, в контексте ст. 20.3.1 КоАП РФ не обязательно использование неприличной формы унижения достоинства.

Список литературы

1. Ищенко, Д.П. Правовая оценка оскорбления, как административного правонарушения и уголовно наказуемого деяния / Д.П. Ищенко, А.В. Басов, Г.К. Ищенко // Ученые записки

Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – т. 7 (73) № 2 – С. 265-274.
2. Постановление мирового судьи судебного участка № 23 Куйбышевского судебного района г. Самары Самарской области от 09 декабря 2022 года. – Текст : электронный // «Антонов и партнёры. Адвокатское бюро»: официальный сайт. – 2026. – URL: https : // pravo163 . ru / resheniem – mirovogo – sudi – sudebnogo-uchastka – no – 23 – kujbyshevskogo – sudebnogo – rajona – g – samary – lico – privlecheno-k-administrativnoj-otvetstvennosti-za-oskorblenie-sovershennoe-v-otnoshenii-doveritelya/ (дата обращения 01.10.2026).
3. Табанакова, В.И. Характеристика объективной стороны возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства / В.И. Табанакова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 4 (115) – С. 190-202.
4. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – РАН: Институт лингвистических исследований: Москва: Русский язык: ПОЛИГРАФРЕСУРСЫ, 1999. – В 4-х т.
5. Постановление Октябрьского районного суда г. Красноярска (Красноярский край) от 08 апреля 2022 года по делу № 5-678/2022. – Текст: электронный // Гражданское законодательство законы | комментарии | судебная практика: официальный сайт. – 2026. – URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/postanovlenie-_-5-678_2022-ot-08.04.2022-oktyabrskogo-rayonnogo-suda-g.-krasnoyarska-(krasnoyarskiy-kray) / (дата обращения 01.10.2026).

УДК 342.9

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Косяк Е. Л., канд. юрид. наук, ORCID 0000-0003-3903-4438,
Новиченко А. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: e.kosyak.dongu@mail.ru, hashivskaya@rambler.ru,e.

Введение. В условиях стремительной цифровой трансформации экономики интеллектуальная собственность становится ключевым активом, требующим надежной правовой охраны. В настоящее время интеллектуальная собственностьподлежит особой правовой охране в следствие реализации правозащитной функции в сфере инновационно-правовой политики государства.

Однако, как показывают исследования А. И. Орды, Д. А. Спаниди и Ю. И. Чернова, «с усилением роли интеллектуальной собственности как фактора ускорения инновационного развития страны и повышения ее конкурентоспособности на мировой арене растет и число правонарушений при использовании результатов интеллектуальной деятельности»[1, с. 165].

Основная часть. В связи с вышесказанным административная ответственность выступает одним из наиболее востребованных и оперативных инструментов государственного реагирования на противоправные посягательства.

Анализируя природу административно-правового механизма, А. И. Орда и соавторы указывают, что «административно-правовой механизм защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации можно определить как сложную систему правовых норм, институтов, а также конкретных инструментов решения уполномоченными органами задач, связанных с предупреждением, выявлением и пресечением правонарушений в сфере интеллектуальной собственности».

Следовательно, устранение административных проступков в рамках общей превенции служит основной для эффективной борьбы с общественно опасными деяниями в соответствующей сфере общественных отношений».

Несмотря на наличие сформированной нормативной базы, опирающейся на положения Гражданского кодекса РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях, правоприменительная практика сталкивается с рядом системных проблем.

Одной из ключевых проблем является юридико-техническая несогласованность диспозиций норм. А. А. Кирилловых обращает внимание на когнитивный диссонанс, возникающий из-за использования в ст. 7.12 КоАП РФ термина «изобретательские права», который отсутствует в гражданском законодательстве[2, с. 111].Опираясь на анализ И. А. Большовой о соотношении уголовно-противоправных и административно наказуемых деяний, А. А. Кирилловых делает обоснованный вывод о том, что «изобретательские права подлежат исключению из перечня охраняемых прав и из наименования статьи 7.12 КоАП РФ».

Кроме того, законодатель использует оценочные и расплывчатые формулировки, такие как «иные нарушения», что порождает правовую неопределенность. Административное законодательство не раскрывает сущность нарушения авторских прав. Логично, что описание этих нарушений вынесено за скобки, и применение данной нормы следует проводить в совокупности с положениями гражданского права. Нарушением будет несоблюдение требований гражданского законодательства об авторском праве и смежных правах.

Существенной проблемой, ограничивающей сдерживающий потенциал административной юрисдикции, является неадекватность санкций. А. И. Орда, Д. А. Спаниди и Ю. И. Чернов констатируют: «Одной из них, на наш взгляд, является относительная мягкость административных мер в части размеров штрафов, которые в ряде случаев не соразмерны экономической выгоде, полученной нарушителями при незаконном использовании объектов интеллектуальной собственности».

Ситуация усугубляется в цифровой среде. Как отмечают А. Р. Тонкоштан, Е. М. Соколова и Ю. И. Чернов, административные интернет-

правонарушения требуют специфических способов выявления и предупреждения, а В. Д. Конорев подчеркивает необходимость адаптации административно-правовых средств защиты к условиям глобальных экономических изменений [3, с. 147]. Механизм защиты не адаптирован к трансграничному характеру нарушений в сети Интернет, из-за чего значительная часть деликтов остается латентной.

Пути совершенствования административной ответственности лежат в плоскости как законодательных, так и организационных мер. А. А. Кирилловых предлагает радикальное юридико-техническое решение: разделить состав ст. 7.12 КоАП РФ на две самостоятельные нормы – «Нарушение авторских и смежных прав» и «Нарушение патентных прав», а также дифференцировать объективную сторону в зависимости от того, посягает ли деяние на личные неимущественные или на имущественные права автора.

В свою очередь, А. И. Орда и соавторы предлагают дифференцировать санкции, привязав их к обороту контрафактной продукции или стоимости незаконно используемых объектов, а также расширить составы правонарушений за счет цифровых форм и внедрить технологии искусственного интеллекта для мониторинга сети. Не менее важно создание устойчивых форм межведомственной координации и повышение компетенции должностных лиц в сфере сбора и фиксации цифровых доказательств.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ мнений ученых показывает, что институт административной ответственности за нарушение интеллектуальных прав нуждается в глубокой модернизации. Только путем устранения законодательных коллизий, обеспечения соразмерности санкций и внедрения цифровых технологий контроля можно обеспечить действенную защиту прав авторов и правообладателей в современных экономических реалиях.

Список литературы

1. Орда, А. И. Административно-правовой механизм защиты интеллектуальных прав и его основные проблемы / А. И. Орда, Д. А. Спаниди, Ю. И. Чернов // Публично-правовые (государственно-правовые) науки. – 2026. – № 1. – С. 163-170. – Текст: непосредственный.
2. Кирилловых, А. А. К вопросу о совершенствовании административной ответственности за нарушение прав в сфере интеллектуальной собственности / А. А. Кирилловых // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 3(67). – С. 109-113. – Текст: непосредственный.
3. Конорев, В. Д. Административно-правовые средства обеспечения защиты интеллектуальных прав в условиях глобальных изменений в экономике / В. Д. Конорев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2025. – № 2. – С. 144-152. – Текст: непосредственный.

УДК 342.9

РАСШИРЕНИЕ ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Котляр А. В., ORCID 0009-0000-6012-5225,
Бернацкая М. С., ORCID 0009-0001-1298-8306
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: a.kotlyar.donnu.jur@mail.ru, novoseelova-m@mail.ru

Введение. На заре XX столетия проблема детства рассматривалась через призму острых социальных угроз: незаконной эксплуатации несовершеннолетних на производстве, их похищения и вовлечения в теневые сферы. Именно эти вызовы заставили мировое сообщество впервые задуматься о юридической защите подрастающего поколения.

Целью работы выступает комплексный анализ историко-правовых предпосылок формирования системы защиты прав несовершеннолетних и обоснование необходимости расширения административной ответственности членов семьи как инструмента повышения эффективности профилактики семейного неблагополучия.

Основная часть. В 1924 году Лига Наций приняла Женевскую декларацию, закрепившую базовые принципы заботы о детях. В 1959 году ООН провозгласила Декларацию прав ребёнка, определившую ключевые ориентиры благополучия детей и необходимость их дополнительной опеки.

К концу 70-х годов стало ясно, что декларативных установок недостаточно. В 1974 году была принята резолюция о безопасности женщин и детей в условиях военных действий, а в 1986 году – акт об устройстве детей в семьи, включая усыновление.

Завершающим этапом стало принятие Конвенции о правах ребёнка Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года. В её основе – мысль о том, что интересы ребёнка должны стоять на первом месте, а дети-сироты, дети с ОВЗ и вынужденные переселенцы нуждаются в особенно надёжной защите [3, с. 112].

В российском праве на родителей и других законных представителей возложена обязанность всесторонне развивать ребёнка, обучать его и материально обеспечивать. Но в реальной жизни на становление личности, нравственные ориентиры и взгляды ребёнка нередко влияют и другие родственники, которые живут с ним одной семьёй. Поэтому воспитание должно быть общей задачей всех членов семьи, а не только матери и отца.

Если взглянуть на государственную политику в сфере детства, становится, заметен перекос: больше внимания уделяется устранению последствий уже допущенных нарушений, а их причины часто остаются без

должного внимания. Из-за этого административно-правовая защита несовершеннолетних действует не так результативно, как могла бы.

Поэтому пора предусмотреть ответственность для любого члена семьи, если его поведение мешает нормальному развитию ребёнка. Такие меры нужны не только как наказание, но и как способ создать в семье здоровую атмосферу. С учётом курса на сохранение традиционных семейных ценностей и приоритета воспитания в родной семье предлагается закрепить понятие «семейное воспитание» как равное право обоих супругов заботиться о детях, рождённых как в браке, так и вне его.

Нужно отметить, что государственные органы проводят профилактическую работу с родителями, которые ненадлежащим образом исполняют свои обязанности. Основание для этого содержится в пункте 2 статьи 5 Федерального закона № 120-ФЗ: там сказано, что субъекты профилактики должны вести индивидуальную работу с законными представителями, если они не обеспечивают нормальное воспитание, обучение или содержание детей, а также допускают жестокое обращение.

Однако при внимательном анализе закона видно, что такие меры распространяются только на родителей и опекунов. Другие родственники, которые тоже напрямую влияют на жизнь ребёнка, по сути, остаются вне правового поля. Поэтому профилактика нарушений с их стороны действует слабее, а риск психологического давления, физического насилия и роста девиантного поведения подростков, напротив, увеличивается.

Конституционная реформа 2020 года закрепила детей как один из ключевых приоритетов государственной политики. Это означает не только признание их прав на бумаге, но и реальную защиту безопасной семейной среды. Поэтому разумно изменить пункт 2 статьи 5 ФЗ № 120 и добавить в него слова «в отношении членов семьи».

Предложенная поправка даст возможность распространить меры профилактики на всех, кто участвует в воспитании детей, а также позволит быстрее применять административные меры для защиты законных интересов несовершеннолетних. Если инициативу примут, система раннего выявления семейного неблагополучия станет заметно эффективнее [1, с. 52–53].

Одна из ключевых задач в развитии правозащитных институтов в детской сфере – повышать правовую грамотность подростков и молодёжи. Когда в учебные программы включают правовые темы, проводят интерактивные занятия и выдают детям понятные материалы, они не просто узнают о своих правах, но и понимают, как отстаивать их на практике. Это помогает и в формировании гражданской позиции.

Не менее важно и развитие восстановительной помощи. Если ребёнок получил психологическую травму, ему нужна всесторонняя поддержка: лечение, помощь психолога, а ещё сопровождение в возвращении к учёбе и в выборе профессии. Такой подход помогает легче пережить последствия стресса, снова начать доверять людям и быстрее адаптироваться в обществе.

Нужно сильнее развивать независимый контроль за тем, как соблюдаются права ребёнка дома, в школе и в социальной сфере. Если использовать современные методы проверки и делать отчётность открытой, проблемы можно замечать раньше и быстрее на них реагировать.

Анализ того, как сегодня в России защищают законные интересы детей, выявил несколько системных слабых мест. Исследование позволило выделить три основные проблемные зоны.

Во-первых, у несовершеннолетних очень низкая правовая грамотность. Многие дети не знают, какие у них есть права и как на практике ими воспользоваться. Во-вторых, нарушения прав ребёнка по-прежнему встречаются в семье, в образовательных учреждениях и в других сферах. В-третьих, не хватает работающих механизмов, которые позволяли бы восстанавливать нарушенные права и получать компенсацию.

По итогам исследования предложен комплекс мер по модернизации законодательства: обеспечение свободного доступа детей к правовым знаниям через образовательные инициативы и интернет-ресурсы, расширение программ социальной реабилитации пострадавших, усиление надзора за соблюдением детских прав в учреждениях, а также активизация международного сотрудничества.

«Восстановление нарушенных прав и свобод несовершеннолетних следует рассматривать как неотъемлемый элемент их защиты, поскольку именно в этом процессе раскрывается гуманистическая сущность права и выявляются причины, способствовавшие нарушению» [2, с. 405–406].

Заключение. Так, в практической плоскости видится разумным дополнить статью 5.35 КоАП РФ новой частью, распространяющей ответственность на деяния, совершенные членами семьи ребёнка. Под таковыми следует понимать лиц, совместно проживающих с несовершеннолетним и воздействующих на его воспитание и развитие.

Таким образом, реализация этого шага способна ощутимо укрепить правовую защиту детей. Совершенствование системы охраны прав детей – это стратегическая задача, решение которой требует объединения усилий государства, институтов гражданского общества и международного сообщества. Лишь совместная работа способна создать условия, гарантирующие каждому ребёнку безопасность, благополучие и возможность полноценного развития.

Список литературы

1. Веренич, А.В. Административно-правовая защита несовершеннолетних при нарушении их прав членами семьи / А.В. Веренич // АЮВ. – 2021. – №3 (35). – С.49-53. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovaya-zaschita-nesovershennoletnih-pri-narushenii-ih-prav-chlenami-semi (дата обращения: 25.09.2026). – EDN MYZLOJ.
2. Давыдова, Ю.А. Существующие проблемы правовых механизмов по отношению к несовершеннолетним в Российской Федерации / Ю.А. Давыдова // Вестник науки. – 2023. – №6 (63). – С.398-407. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschestvuyuschie-

problemy-pravovyh-mehanizmov-po-otnosheniyu-k-nesovershennoletnim-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 25.09.2026). – EDN KGQDPE.
3. Мовчан, В.Н. Защита прав ребёнка в Российской Федерации / В.Н. Мовчан, А. А. Пастушенко // Вестник магистратуры. – 2024. – №1-3 (148). – С.112-113. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-rebyonka-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 25.09.2026).

УДК 342

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Котляр А. В., ORCID 0009-0000-6012-5225,
Седина И. О.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: a.kotlyar.donnu.jur@mail.ru , sedinaira785@gmail.com

Введение. В условиях структурных преобразований экономики и цифровизации социума особое научно-практическое значение приобретает вопрос соответствия системы правовых гарантий новым социально-политическим реалиям службы в органах внутренних дел. Возникает необходимость в усилении правового и социального обеспечения тех граждан, на которых возложена функция по обеспечению общественной безопасности Российской Федерации.

Целью исследования является комплексный анализ административно-правовых гарантий статуса государственного служащего в органах внутренних дел, выявление причин недостаточной эффективности механизмов их реализации в современных условиях и обоснование предложений по совершенствованию нормативной правовой базы, направленных на минимизацию кадрового дефицита.

Основная часть. Служба в органах внутренних дел сопряжена с выполнением социально значимых функций: защита жизни и здоровья граждан, обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. Сотрудники правоохранительных органов ежедневно вступают в противодействие с криминально активной, агрессивной частью населения. Выполнение задач, поставленных обществом перед правоохранительными органами, возможно при условии, что каждый гражданин, проходящий службу, будет уверен, что государство гарантирует надежную защиту его прав и свобод не только как человека, но и как представителя государственной власти, занятого опасным, тяжелым трудом.

В теории права под гарантиями подразумевают «правовые средства и способы, с помощью которых в обществе обеспечивается реализация прав и свобод граждан» [1, с. 32]; «система условий, обеспечивающих удовлетворение интересов человека» [2, с. 275]; «система общих условий и специальных (юридических) средств, которые обеспечивают правомерную реализацию прав и свобод, а в необходимых случаях их охрану».

Применительно к статусу государственного служащего в органах внутренних дел в Российской Федерации целесообразно выделить три основные группы гарантий:

– гарантии профессиональной деятельности. Включают презумпцию законности требований сотрудника полиции, государственную защиту жизни и здоровья сотрудника и его близких, а также недопустимость вмешательства в законную служебную деятельность (ст. 30 ФЗ «О полиции» [3]);

– социально-экономические гарантии. Охватывают систему денежного довольствия, медицинское и санаторно-курортное обеспечение, право на пенсионное обеспечение и жилищные льготы (ФЗ № 247-ФЗ [4]);

– гарантии трудовых прав. Регулируют вопросы служебного времени и отдыха, защиту от необоснованного увольнения, порядок проведения служебных проверок и обжалования их результатов (ФЗ № 342-ФЗ [5]).

Несмотря на наличие в Российской Федерации развитой системы законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих административно-правовые гарантии сотрудников органов внутренних дел, предусмотренные меры не всегда компенсируют риски, связанные с исполнением ими служебных обязанностей по обеспечению законности и правопорядка. Увеличенная служебная нагрузка правоохранителей и возросшие служебные риски сотрудников сигнализируют обществу и государству о необходимости изменения подхода правоприменителя к объему правовых гарантий статуса государственных служащих и в дальнейшем их пересмотра в сторону увеличения.

В Донецкой Народной Республике указанная проблема приобретает дополнительную остроту. Регион длительное время находился в условиях сложной военно-политической и социальной обстановки. Это обусловило повышенную нагрузку на сотрудников правоохранительных органов, необходимость решения большого объёма задач по обеспечению законности, защите населения, предупреждению преступности и укреплению правопорядка.

Серьёзные недостатки в системе социального обеспечения сотрудников органов внутренних дел наглядно проявляются в значительном кадровом дефиците. Кадровый дефицит в подразделениях МВД по Донецкой Народной Республике является одной из существенных организационных проблем, способных влиять на результативность правоохранительной деятельности. Недостаточная укомплектованность должностей повышает нагрузку на действующих сотрудников, затрудняет своевременное реагирование на

заявления и сообщения граждан, проведение профилактической работы, раскрытие и расследование преступлений, а также обеспечение общественного порядка. Для преодоления кадрового дефицита необходим комплексный подход:

– повышение заработной платы. Ежегодная индексация денежного довольствия сотрудников органов внутренних дел носит ограниченный характер и не достигает того уровня, который необходим для материальной защищенности государственного служащего в современных экономических условия. В связи с чем, предлагается комплексный подход к модернизации системы материальных гарантий, включающий не только реальное повышение окладов выше уровня инфляции, но и законодательное закрепление системы дополнительных региональных коэффициентов и надбавок за службу в органах внутренних дел;

– повышение престижа и развитие института наставничества посредством стимулирования нахождения на службе сотрудников со стажем работы более 20 лет;

– обеспечение жильем. В качестве действенной меры по укреплению социальных гарантий государственного служащего в органах внутренних дел в Российской Федерации представляется целесообразным внедрение накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения. Подобный механизм, успешно апробированный в отношении военнослужащих в рамках Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ [6], позволит обеспечить прозрачность и доступность реализации права на жилье для каждого сотрудника. Принятие Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения сотрудников органов внутренних дел» существенно упростит процедуру приобретения недвижимости и станет стимулом для привлечения квалифицированных кадров в систему МВД России.

Заключение. Таким образом, административно-правовые гарантии сотрудника органов внутренних дел представляют собой необходимый элемент их специального правового статуса. При этом следует признать, что предусмотренные государством гарантии не всегда компенсируют риски, связанные с исполнением ими служебных обязанностей по обеспечению законности и правопорядка.

Список литературы

1. Лукашева, Е. А. Социалистическая законность в современный период / Е. А. Лукашева // Советское государство и право. – 1968. – № 3. – С. 29-33. – EDN WNFHTD.
2. Мордовец, А. С. Гарантии прав личности: понятие и классификация / А. С. Мордовец // Теория государства и права / под редакцией Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2001. – 776 с. – Текст : непосредственный.
3. О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Российская газета. – 2011. – № 25. – Текст : непосредственный.
4. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации :

Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ // Российская газета. – 2011. – № 157. – Текст : непосредственный.
5. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Российская газета. – 2011. – № 275. – Текст : непосредственный.
6. О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих : Федеральный закон от 20.08.2004 № 117-ФЗ // Российская газета. – 2004. – № 182. – Текст : непосредственный.

УДК 351.74

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ И МЕСТО В НЕЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.

***Котляр А. В.*[1]**, ORCID 0009-0000-6012-5225,
***Швец А. В.*[2]**, ORCID 0009-0005-2935-6363
[1] ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
[2] ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
e-mail: a.kotlyar.donnu.jur@mail.ru, shvets.dmp@mail.ru

Введение. Одним из основных требований борьбы с правонарушениями является системность профилактической деятельности, которая предусматривает использование достижений науки управления субъектов, объектов и содержания предупредительного влияния. На уровне нормативных правовых актов четко предусмотрено применение именно системного подхода к осуществлению профилактических мер.

Цель статьи: рассмотрение места общественных объединений правоохранительной направленности в системе субъектов профилактики.

Основная часть. В ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [1] под профилактикой правонарушений рассматривается комплекс мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера. Такие меры направлены на выявление и устранение факторов и обстоятельств, способствующих совершению противоправных действий, а также на проведение воспитательной работы с гражданами, с целью предотвратить с их стороны нарушение закона в будущем.

Кроме того, ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» предусматривает профилактические задачи общественных объединений правоохранительной направленности по превенции, как преступлений, так и административных правонарушений [2].

Авторы монографии «Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы» под редакцией А. И. Алексеева считают, что профилактика

правонарушений – это влияние соответствующих субъектов на причины и условия не только преступлений, но и других видов неправомерного поведения [3, с. 12].

Профилактика направлена против причин и условий правонарушений (и тем самым против самих правонарушений, различных их видов, групп и категорий), против лиц, ведущих асоциальный образ жизни, их среды, а также других обстоятельств, изменение которых может отразиться на поведении людей. В результате профилактического воздействия все должно сводиться к тому, чтобы, с одной стороны, предупредить совершение правонарушений, а с другой – прекратить юридически неправомерные действия. При этом люди всегда остаются основным объектом профилактического воздействия, поскольку они являются носителями общественных отношений [4, с. 101].

Так, следует согласиться с мнением В.М. Кудрявцева, что деятельность по профилактике различных деликтов, это не исключительно задача государственных структур. В ряде стран, как и в нашей, существует не задействованный до конца потенциал общественных и добровольных объединений, включая благотворительные фонды, которые могут взять на себя существенную долю такой работы [5, с. 341].

Реализация гражданами профилактических задач посредством участия в специализированных структурно оформленных объединениях признается более действенной. Именно общественные объединения правоохранительной направленности могут выполнять наибольший объем профилактической работы.

Так, в статье 11 ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» устанавливаются направления деятельности общественных объединений правоохранительной направленности:

– содействие ОВД (полиции) и другим правоохранительным органам в обеспечении охраны общественного порядка;

– принятие мер по профилактике и пресечению административных правонарушений и преступлений;

– распространение правовых знаний, разъяснение норм и правил поведения в общественных местах [2].

Общественные объединения правоохранительной направленности при участии в охране общественного порядка имеют право в пределах территории, на которой они созданы:

1) уведомлять органы МВД (полицию) и прочие органы правопорядка о выявленных нарушениях и потенциальных угрозах для общественной безопасности;

2) по запросу правоохранительных органов оказывать практическую помощь в проведении мероприятий, направленных на охрану общественного порядка;

3) реализовывать прочие права, установленные федеральным законодательством и другими нормативными актами [2].

На необходимость вступать общественные объединения правоохранительной направленности в организационные отношения, то есть взаимодействовать с другими субъектами системы профилактики, также указывается в ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

Следует обратить внимание на то, что ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в ст. 5 не устанавливает в качестве субъекта профилактики общественные объединения. Однако ст. 13 говорит о том, что «общественные объединения и иные организации реализуют свои права в сфере профилактики правонарушений посредством участия в формах предупреждения правонарушений через участие в предусмотренных данным законом формах профилактического воздействия, содействие реализации государственных и муниципальных программ, направленных на предотвращение противоправных действий, выявление факторов и обстоятельств, способствующих их совершению, подготовку и проведение мер по их устранению, а также участие в обеспечении общественного порядка и иных социально значимых инициативах в рамках законодательства Российской Федерации[1].

Но общепризнано мнение, что успешная работа общественных объединений по профилактике правонарушений во многих аспектах зависит от того, насколько правильно и действенно осуществляется деловое взаимодействие с правоохранительными органами и, прежде всего, с органами внутренних дел.

Заключение. Таким образом, общественные объединения соответствуют признакам, которые относятся к субъекту профилактики, активно осуществляют предупредительные меры и, как отмечалось выше, относятся к группе субъектов непосредственного управления отдельными направлениями и участками профилактической деятельности. В связи со сказанным предлагаем поддержать мнение авторов о необходимости внесения изменений в ст. 5 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и отнести общественные объединения к субъектам профилактики.

Список литературы

1. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (ч. I). – Ст. 3851. – Текст : непосредственный.
2. Об участии граждан в охране общественного порядка : Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 14. – Ст. 1536. – Текст : непосредственный.
3. Алексеев, А. И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы : монография / А. И. Алексеев, С. И. Герасимов, А. Я. Сухарев. – Москва : НОРМА, 2001. – 496 с. – Текст : непосредственный.
4. Гербеков, И. И. Понятие и виды профилактики правонарушений / И. И. Гербеков // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 4 (42). – С. 99–105. – Текст : непосредственный. – EDN ZXRFDB.
5. Кудрявцев, В. Н. Стратегии борьбы с преступностью / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Юристъ, 2003. – 235 с. – Текст : непосредственный.

УДК 35.08:174

РОЛЬ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Круть Ю. И., ORCID 0009-0006-9293-9972,
Лёгенькая В. А., ORCID 0009-0006-1537-1877
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: iura.krut@mail.ru, viktoriakolomo@gmail.com,

Введение. Современная практика государственного управления в Российской Федерации демонстрирует ряд острых проблем, непосредственно связанных с нарушением этических стандартов должностными лицами. Резонансные уголовные дела о получении взяток в особо крупных размерах чиновниками регионального и муниципального уровней, выявляемые с завидной регулярностью, свидетельствуют о том, что антикоррупционные механизмы не всегда способны превентивно воздействовать на сознание государственных служащих. Также, не менее тревожной представляется проблема формального, бездушного отношения чиновников к гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации: инвалидам, ветеранам специальной военной операции, семьям погибших военнослужащих.

Цель. Указанные негативные явления обусловливают необходимость обращения к этическим нормам как системообразующему элементу деятельности государственного служащего. Как справедливо отмечает Калиничева Е. П. право представляет собой «низший предел или минимальный предел нравственности, равно для всех обязательных» [1, с. 412].

Основная часть. В этой связи концепция Л. Фуллера о «внутренней морали права» приобретает особую значимость: без нравственного наполнения правовая система утрачивает легитимность и трансформируется в инструмент формального произвола [2, с. 164]. Именно поэтому на наш взгляд этическое регулирование служебной деятельности не может рассматриваться как факультативное дополнение к правовым нормам – оно является необходимым условием эффективности государственного аппарата.

Центральным нормативным актом, закрепляющим этические стандарты поведения должностных лиц, выступает Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренный решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21).

Так, пункт 11 Типового кодекса закрепляет перечень основополагающих принципов служебного поведения, среди которых особое значение имеют: обязанность исполнять должностные обязанности добросовестно и на высоком профессиональном уровне (подп. «а»); приоритет признания, соблюдения и

защиты прав и свобод человека и гражданина как основного смысла деятельности государственных органов (подп. «б»); требование проявлять корректность и внимательность в обращении с гражданами и должностными лицами (подп. «к»); обязанность проявлять терпимость и уважение к обычаям и традициям народов России (подп. «л»).

Принципиальное значение для противодействия формализму и чёрствости чиновников представляют пункты 25–27 Типового кодекса. Так, пункт 25 обязывает государственного служащего исходить из конституционных положений о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

В свою очередь, пункт 26 прямо запрещает грубость, проявления пренебрежительного тона, заносчивость, предвзятые замечания, предъявление неправомерных и незаслуженных обвинений, а также угрозы, оскорбительные выражения или реплики, действия, препятствующие нормальному общению или провоцирующие противоправное поведение. Наконец, пункт 27 устанавливает, что государственные служащие должны быть вежливыми, доброжелательными, корректными, внимательными и проявлять терпимость в общении с гражданами и коллегами.

Между тем, как показывает практика, именно вышеуказанные нормы чаще всего нарушаются при взаимодействии с социально уязвимыми категориями граждан – инвалидами, пожилыми людьми, ветеранами боевых действий, – всё это является прямым нарушением указанных положений, однако, как правило, не влечёт никаких последствий.

А. А. Саморуков обоснованно подчёркивает, что «профессионализм государственной и муниципальной службы неразрывно связан с нравственными качествами служащего» [3, с. 35], однако действующий механизм ответственности не обеспечивает реальной связи между этическим проступком и наступлением неблагоприятных последствий.

А-С.Р. Ховалыг, рассматривая этические нормы как часть квалификационных требований к должности, указывает, что «самое важнейшее моральное основание деятельности госслужащего выражается в критерии законности, в понимании им верховенства Конституции РФ и федеральных законов над всеми другими нормативными актами» [4, с. 71].

Ю. С. Высыпкова обращает внимание на ещё один аспект проблемы: «низкая оценка гражданами деятельности государственных учреждений негативно отражается на внутреннем восприятии сотрудниками собственной значимости и успешности труда. В результате снижается профессиональная самооценка, утрачиваются чёткость моральных ориентиров и устойчивость этических установок» [5, с. 142].

Р. А. Парнюк предупреждает, что несоблюдение этических стандартов ведёт к тому, что «государственный служащий дискредитирует государство перед его гражданами, вызывает негативное отношение граждан к органам власти и государству в целом» [6, с. 198].

В качестве конкретных предложений по совершенствованию правового инструментария представляется целесообразным следующее.

Во-первых, необходимо дополнить Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» специальной нормой, квалифицирующей грубое нарушение этических стандартов общения с гражданами, в том числе проявление формализма, чёрствости и пренебрежительного отношения к социально уязвимым категориям лиц (инвалидам, ветеранам боевых действий, членам семей погибших военнослужащих), как самостоятельное дисциплинарное правонарушение, влекущее применение конкретных мер взыскания.

Во-вторых, следует модифицировать пункт 29 Типового кодекса, заменив формулировку «моральное осуждение» на дифференцированную систему последствий: обязательное прохождение этической переподготовки, депремирование, понижение в должности, а при систематических нарушениях – прекращение служебного контракта.

В-третьих, предлагается законодательно закрепить обязанность государственных органов вести учёт жалоб граждан на неэтичное поведение должностных лиц с последующим включением данных сведений в аттестационные материалы и учитывать их при формировании кадрового резерва.

В-четвёртых, необходимо разработать и утвердить на уровне Правительства РФ Методические рекомендации по этическому стандарту взаимодействия государственных служащих с гражданами, относящимися к социально уязвимым категориям, включающие конкретные алгоритмы действий, запрет на использование формальных отписок и обязанность предоставления индивидуализированной консультации.

В-пятых, целесообразно ввести практику регулярного независимого мониторинга качества этического климата в государственных органах посредством анонимного анкетирования граждан, обратившихся за получением государственных услуг, с обязательным опубликованием результатов.

Заключение. Проведённое исследование позволяет заключить, что этические нормы являются не факультативным дополнением, а системообразующим элементом деятельности государственного служащего, определяющим как эффективность государственного управления, так и уровень общественного доверия к институтам власти.

Список литературы

1. Калиничева, Е. П. Об этической стороне деятельности государственных и муниципальных служащих / Е. П. Калиничева // Вопросы устойчивого развития общества. – 2022. – № 3. – С. 411-415. – Текст: непосредственный.
2. Фуллер, Л. Мораль права / Л. Фуллер; перевод с английского Т. Даниловой под редакцией А. Куряева. – Москва: ИРИС ЭН, 2007. – 308 с. – Текст: непосредственный.
3. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.)

(протокол N 21). – Текст электронный. // КонсультантПлюс. – URL: https://base.garant.ru/55171108/?ysclid=mu5hw97bll705816040 (дата обращения: 15.09.2026).
4. Саморуков, А. А. Этическое регулирование поведения государственных служащих / А. А. Саморуков // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 32-37. – Текст: непосредственный.
5. Ховалыг, А. С. Р. Этические нормы как часть квалификационных требований к должности государственного служащего / А. С. Р. Ховалыг // Инновационная наука. – 2020. – № 1. – С. 70-72. – Текст: непосредственный.
6. Высыпкова, Ю. С. Поведение государственных служащих: роль и необходимость формирования в высшей школе / Ю. С. Высыпкова // Инновационные педагогические технологии : материалы IV Международной научной конференции (г. Казань, май 2016 г.). – Казань: Бук, 2016. – С. 141-143. – Текст: непосредственный.
7. Парнюк, Р. А. Этика и этикет государственного служащего / Р. А. Парнюк // Инновационная наука. – 2019. – № 3. – С. 197-199. – Текст: непосредственный.

УДК 349.6

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ

Круть Ю. И., ORCID 0009-0006-9293-9972,
Рябикина К. А., ORCID 0009-0005-8324-9163
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: iura.krut@mail.ru, ryabikinakarina@mail.ru

Введение. Законодательное регулирование экологической безопасности в сфере недропользования на территории РФ отражает сложную взаимосвязь экономических интересов и природоохранных задач: необходимость освоения минерально-сырьевой базы сопряжена с потребностью минимизировать антропогенное воздействие на уязвимые экосистемы, вследствие чего правовая база должна обеспечивать сбалансированный подход, позволяющий сочетать развитие добывающей отрасли с устойчивым состоянием окружающей среды и защитой публичных интересов.

Цель исследования – выявить ключевые проблемные аспекты законодательного регулирования обеспечения экологической безопасности при недропользовании на территории РФ и на основе анализа действующих правовых норм, правоприменительной практики и доктринальных подходов определить наиболее эффективные пути совершенствования нормативно-правовой базы в данной сфере.

Основная часть. Законодательство о недрах и природоохранное законодательство в Российской Федерации формировались разнонаправленно и

в значительной мере автономно друг от друга, что привело к рассогласованности базовых понятий и требований. Так, Закон РФ от 21 февраля 1992 года № 2395-1 «О недрах» [1] в статье 21 закрепляет обязанность недропользователя соблюдать требования по охране окружающей среды, однако содержание этих требований отсылает к иному – экологическому – законодательству, прежде всего к Федеральному закону от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Федеральный закон «Об охране окружающей среды») [2].

Проблема заключается в том, что терминология и критерии оценки экологического вреда в указанных актах не полностью совпадают: недропользователь, строго следуя предписаниям одного закона, может оказаться нарушителем в рамках другого.В частности, Закон РФ «О недрах» оперирует понятием «нарушение требований по охране недр» и «ущерб, причинённый недрам», тогда как Федеральный закон «Об охране окружающей среды» использует термины «негативное воздействие на окружающую среду» и «экологический ущерб» – при том, что применительно, например, к загрязнению подземных вод или деградации почв в зоне горных выработок эти понятия по существу описывают одно и то же явление, но с разными правовыми последствиями и процедурами оценки [3, с. 48].

Решение видится в системной гармонизации понятийного аппарата и обеспечивающих норм обоих законов – через внесение изменений, которые устранят терминологические и процедурные расхождения и создадут единый понятийный каркас для участников недропользования.

Ещё одним проблемным аспектом видится то, что размеры платы за негативное воздействие на окружающую среду определяются постановлениями Правительства РФ и базируются на утверждённых ставках, которые далеко не всегда отражают реальный экологический ущерб применительно к специфике недропользования – в частности, к загрязнению подземных вод, деградации почвенного покрова и нарушению ландшафта при открытой добыче [4, с. 43]. В результате плата нередко оказывается экономически менее обременительной для недропользователя, чем внедрение экологичных технологий, что превращает её в элемент издержек производства, а не в стимул к снижению воздействия. Корректировка методики расчёта платы с привязкой к фактическому экологическому ущербу по видам полезных ископаемых и типам воздействия, а также введение коэффициентов, стимулирующих применение наилучших доступных технологий, могли бы изменить мотивацию недропользователей.

Следует также отметить, что процедура оценки воздействия на окружающую среду, регулируемая статьёй 32 Федерального закона «Об охране окружающей среды», и статьёй 49 Федерального закона от 10 января 2002 года № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» [5], в контексте недропользования сталкивается с проблемой формального подхода. Материалы оценки воздействия готовятся на стадии проектирования, однако фактические

экологические риски при добыче нередко проявляются на более поздних этапах – в процессе эксплуатации месторождения, когда первоначальная проектная документация уже не отражает изменившихся условий. При этом действующее законодательство не обязывает недропользователя проводить повторную оценку при существенном изменении технологии добычи или выявлении новых экологических рисков. Введение обязательного мониторингового механизма – периодической переоценки воздействия с привязкой к этапам жизненного цикла месторождения – позволило бы обеспечить непрерывный экологический контроль и своевременную корректировку природоохранных мер.

Немаловажным является также, то институт ликвидации и консервации объектов недропользования, урегулированный статьями 26 и 30.1 Закона РФ «О недрах», предусматривает обязанность пользователя недр привести земельный участок в состояние, пригодное для дальнейшего использования. Между тем, ни указанные статьи, ни статья 39 Федерального закона «Об охране окружающей среды», регламентирующая рекультивацию, не устанавливают чётких критериев «пригодного состояния» применительно к различным видам недропользования, что создаёт пространство для дискреционных решений и споров между недропользователем и контрольными органами. Введение унифицированных нормативных стандартов рекультивации, которые бы учитывали различия в типах нарушенных земель и видах добываемых полезных ископаемых, а также определение чётких сроков и контрольных показателей для восстановления земель, могло бы существенно снизить правовую неопределённость, что способствовало бы повышению эффективности экологического контроля на этапе после завершения эксплуатации месторождений.

Заключение. Результаты проведённого анализа указывают на необходимость системного совершенствования законодательства в сфере недропользования, в целях укрепления экологической безопасности. Ключевыми направлениями такой модернизации выступают: упорядочение понятийного аппарата, приведение методики расчёта платы за пользование недрами в соответствие с фактическим ущербом, внедрение поэтапного мониторинга антропогенного воздействия на протяжении всего жизненного цикла месторождения, а также закрепление дифференцированных стандартов рекультивации.

Список литературы

1. О недрах : Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 08.08.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/ (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.
2. Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.

3. Ружьева, Т. А. Проблемы правового регулирования обеспечения экологической безопасности / Т. А. Ружьева, И. Р. Харисова // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. – 2022. – № 28. – С. 46-52. – EDN UOFWCO.
4. Галямова, А. Р. Правовое регулирование охраны окружающей среды при пользовании недрами: проблемы и пути их решения / А. Р. Галямова // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. – 2022. – Т. 2, № 2(37). – С. 41-45. – EDN JLWNQB.
5. Об экологической экспертизе : Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515/ (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.

УДК 349.6

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЭКОЛОГИЧЕСКИ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Круть Ю. И., ORCID 0009-0006-9293-9972,
Федорченко А. Ю., ORCID 0009-0000-0016-6607
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: iura.krut@mail.ru, artemka.fedorchenko@gmail.com

Введение. Донецкая Народная Республика длительное время испытывает одновременное воздействие двух разнородных групп факторов: интенсивной техногенной нагрузки и последствий боевых действий. На территории ДНР утрачено свыше 20 тыс. га лесных массивов, 23 тыс. га земель подверглись минированию [1], зафиксировано 113 объектов размещения отходов, из них 29 эксплуатируются, прочие представляют собой несанкционированные свалки, занимающие в совокупности 808 га [2]. Такое сочетание обстоятельств формирует основание для признания части территории республики экологически неблагополучной.

Цель доклада состоит в определении направлений развития правового режима указанных территорий с учетом специфики переходного периода.

Основная часть. Формирование правового института экологически неблагополучных территорий в российском законодательстве представляет собой длительный процесс, отражающий трансформацию государственной экологической политики и развитие научных представлений о допустимых пределах антропогенного воздействия. Несмотря на то, что сам термин «экологически неблагополучные территории» не получил легального закрепления, эволюция нормативного регулирования зон с особо тяжелой экологической ситуацией позволяет проследить становление правового механизма реагирования на деградацию природной среды, угрожающую жизни и здоровью граждан. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об

охране окружающей среды» [3], заменивший предшествующий акт 1991 года, сохранил преемственность в регулировании статуса экологически неблагополучных территорий. Статья 57 действующего Закона воспроизводит определения зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия, практически дословно повторяя формулировки прежнего акта. Законодатель уточняет, что порядок объявления и установления режима зон экологического бедствия должен определяться специальным законодательством. Однако за прошедшие с момента вступления Закона в силу два десятилетия такой закон принят не был, что превратило ст. 57 в норму отложенного действия.

Анализируя правовой режим зон экологического бедствия в том виде, в каком он предусмотрен действующим законодательством, следует опираться на совокупность норм, хотя и разрозненных. Помимо ст. 57 Закона об охране окружающей среды, отдельные элементы режима содержатся в иных актах. В частности, Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [4] устанавливает общие правила для зон чрезвычайных ситуаций, однако экологическая составляющая в нем не детализирована, а зоны именно экологического бедствия вообще не упоминаются.

Содержательно правовой режим зоны экологического бедствия, как он вырисовывается из действующих норм и доктринальных интерпретаций [5, с. 64], должен включать: ограничение либо полное прекращение деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую среду; проведение реабилитационных мероприятий за счет средств федерального бюджета; организацию мониторинга состояния среды и здоровья населения; предоставление социальных гарантий и компенсаций гражданам, проживающим на данной территории; а также, при необходимости, отселение жителей из районов с необратимыми изменениями среды. Однако практическая реализация этих составляющих блокирована отсутствием федерального закона, определяющего условия и процедуру их введения [6, с. 86].

На региональном уровне в ДНР также имеются отдельные правовые предписания. Так, ст. 67 Водного кодекса ДНР от 7 февраля 2020 г. № 99-IIНС допускает объявление водных объектов зонами экологического бедствия и зонами чрезвычайных ситуаций [7]. Отдельные попытки решения смежных экологических проблем предпринимаются и в подзаконном регулировании. Например, Постановлением Правительства ДНР от 16.10.2023 № 87-2 утвержден перечень мероприятий по разработке проектной документации, строительству, реконструкции и капитальному ремонту объектов питьевого водоснабжения [8]. Этот акт, хотя и не посвящен напрямую экологически неблагополучным территориям, демонстрирует формирование региональной практики в сфере обеспечения экологической безопасности и может рассматриваться как предпосылка для создания аналогичного комплексного

механизма в области реабилитации загрязнённых территорий. Однако в целом комплексная система регулирования экологически неблагополучных территорий в республике по-прежнему отсутствует.

Совершенствование правового режима таких территорий предполагает принятие на федеральном уровне специального закона «О зонах экологического бедствия», закрепляющего единые критерии отнесения территорий к указанной категории, порядок объявления, источники финансирования восстановительных работ и меры социальной поддержки населения. Параллельно требуется дополнение методической базы оценки экологической обстановки применительно к постконфликтным территориям, а именно включение в перечень показателей загрязнения почв тяжелыми металлами и взрывчатыми веществами, оценку минной опасности, анализ разрушения систем водоотведения и очистки. На региональном уровне назрела разработка и принятие закона ДНР «Об экологически неблагополучных территориях», который в пределах компетенции субъекта Российской Федерации установил бы перечень территорий, нуждающихся в первоочередной реабилитации, и механизм взаимодействия с федеральными органами исполнительной власти. Наконец, внедрение риск-ориентированного подхода в процедуру отнесения территорий к категории экологически неблагополучных дало бы возможность применять превентивные меры до возникновения необратимых последствий.

Заключение. Экологически неблагополучные территории в ДНР выступают объектом правового регулирования, которое должно учитывать как общие подходы экологического права, так и особенности переходного периода и постконфликтного восстановления. Системность федерального и регионального правового регулирования охраны окружающей среды, использования природных ресурсов позволяет реализовать важнейшую государственную функцию – обеспечение экологической безопасности в стране. Имевшие место объективные причины, не позволившие сформировать сбалансированную систему экологического законодательства ДНР, в определенной степени препятствуют реализации преимуществ регионального уровня управления природоохранной деятельностью в переходной период. Здесь видится обоснованной рекомендация по регулированию экологических отношений на территории ДНР в переходной период нормами федерального законодательства с учетом имеющих место социально-экономических особенностей региона и состояния окружающей среды. Развитие правового режима экологически неблагополучных территорий делает актуальным принятие специального федерального закона и регионального нормативного акта, обновление методической базы и внедрение риск-ориентированных критериев оценки экологической обстановки.

Список литературы

1. ВСУ намеренно устраивали лесные пожары: Эколог Александр Закондырин рассказал об ущербе на Донбассе и в Новороссии. – Текст : электронный // Российская газета. – 2026. – URL: https://rg.ru/2026/03/26/v-rossii-vypustili-beluiu-knigu-ekoprestuplenij-ukrainy-na-donbasse.html?tgm#1 (дата обращения: 02.10.2026).
2. Белая книга: бездействие Киева до 2014 года превратило пустыри в Донбассе в свалки. – Текст : электронный // ТАСС. – 2026. – URL: https://tass.ru/obschestvo/26892917 (дата обращения: 02.10.2026).
3. Российская Федерация. Законы. Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
4. Российская Федерация. Законы. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 35. – Ст. 3648.
5. Аббасова, Е.В. Проблемы правового режима зон экологического бедствия / Е. В. Аббасова, Н.Е. Никонова // Вестник СМУС74. – 2018. – №1 (20). – С. 64-67. – EDN: UQHQNC.
6. Ахмадиев, А. К. Зоны экологического бедствия и их правовая неопределенность / А. К. Ахмадиев // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 12. – С. 82–87. – DOI 10.24158/pep.2022.12.13. – EDN: OVYVYL.
7. Донецкая Народная Республика. Законы. Водный кодекс Донецкой Народной Республики : принят Постановлением Народного Совета 07.02.2020 № 99-IIНС // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: https://dnrsovet.su/ru/ (дата обращения: 05.10.2026). – Текст : электронный.
8. Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 16.10.2023 № 87-2 «Об утверждении перечня мероприятий по разработке проектной документации, строительству, реконструкции (модернизации) и капитальному ремонту объектов питьевого водоснабжения Донецкой Народной Республики» // Официальный сайт Правительства Донецкой Народной Республики. – URL: https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-pravitelstva-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-16-oktyabrya-2023-g-№-87-2-ob-utverzhdenii-perechnya-meropriyatij-po-razrabotke-proektnoj-dokumentaczii-stroitelstvu-rekon/ (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.

УДК 342

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Куделя В. В., Лаврик А. С.
ФГБОУ ВО«Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: v.kudelya.donnu.jur@mail.ru, arturlavrik9@gmail.com .

Введение. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду. Особое внимание уделяется специфике формирования системы экологической безопасности в Донецкой Народной Республике (ДНР) в период интеграции в правовое поле Российской Федерации. Анализируются механизмы государственного регулирования, переходные положения законодательства и финансовые инструменты поддержки региона.

Цель исследования проанализировать особенности реализации и защиты конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду в Донецкой Народной Республике в период ее правовой интеграции в Российскую Федерацию.

Основная часть. Право на благоприятную окружающую среду является одним из фундаментальных естественных прав человека, получивших закрепление на конституционном уровне. Статья 42 Конституции Российской Федерации устанавливает: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» [3].

Реализация данного права обеспечивается системой правовых гарантий, которые можно разделить на три основные группы:

– политико-правовые: наличие развитого экологического законодательства и признание экологии приоритетом государственной политики.

– организационно-управленческие: деятельность уполномоченных органов власти (Минприроды России, Росприроднадзор), осуществление государственного мониторинга и надзора.

– экономико-финансовые: финансирование природоохранных мероприятий, внедрение наилучших доступных технологий (НДТ), система платежей за негативное воздействие.

В Донецкой Народной Республики реализация этих гарантий сопряжена с необходимостью масштабной правовой гармонизации. Переход от локального нормотворчества к единому федеральному стандарту требует

времени, поэтому законодателем предусмотрен специальный адаптационный режим.

Специфика правового режима охраны природы в ДНР в 2025–2026 годах обусловлена действием временных норм, направленных на плавный перевод промышленных предприятий республики на российские стандарты экологической безопасности.

Важнейшим этапом стало подписание Президентом РФ Федерального закона о продлении переходного периода в сфере охраны окружающей среды для новых субъектов федерации. Это решение позволяет избежать коллапса промышленности Донбасса, которая исторически характеризуется высокой концентрацией металлургических и химических производств, требующих дорогостоящей модернизации очистных сооружений [2].

Ключевым инструментом контроля становится институт комплексного экологического разрешения (КЭР). Заместитель Председателя Правительства ДНР Владимир Ежиков акцентировал внимание субъектов хозяйствования на особенностях применения российского законодательства: Объекты I категории (оказывающие значительное негативное воздействие) обязаны получить КЭР до 1 марта 2026 года. Заявки на получение разрешений должны быть поданы через личный кабинет природопользователя в Приазовское межрегиональное управление Росприроднадзора не позднее 1 сентября 2025 года [2]. Данная процедура знаменует переход от фрагментированного контроля отдельных выбросов к целостной оценке воздействия предприятия на экосистему на основе концепции наилучших доступных технологий. Для бизнеса ДНР это означает необходимость внедрения автоматизированных систем мониторинга и пересмотра технологических регламентов, однако государство предоставляет методическую поддержку в рамках цифровизации взаимодействия с надзорными органами.

Правовые гарантии остаются декларативными без соответствующего бюджетного обеспечения. Учитывая потребность в восстановлении инфраструктуры и ликвидации накопленного экологического ущерба прошлых десятилетий, регион активно интегрируется в систему федеральных проектов. В 2025 году Донецкая Народная Республика подключается к федеральному проекту «Экологическое благополучие». На реализацию первоочередных задач региону выделено более 150 миллионов рублей. Средства были направлены на участие в таких направлениях, как:

– «Генеральная уборка»: ликвидация несанкционированных свалок и объектов накопленного вреда;

– «Экономика замкнутого цикла»: создание мощностей по переработке отходов;

– «Вода России»: очистка русел рек и модернизация водоканалов;

– «Сохранение лесов»: восстановление лесозащитных полос [1].

Кроме того, в рамках Государственной программы социально-экономического развития Донецкой Народной Республики предусмотрены

значительные ассигнования. Объем финансирования составляет около 2,8 млрд рублей в 2025–2026 годах и возрастет до 3,1 млрд рублей в 2027 году. Часть этих средств целевым образом направляется на создание условий для безопасной жизнедеятельности, включая экологический блок [4].

Особенностью текущего момента является сочетание жестких требований федерального законодательства к качеству среды с беспрецедентным объемом федеральной финансовой помощи, что создает уникальный прецедент ускоренной «зеленой» трансформации индустриального региона.

Система правовых гарантий на благоприятную окружающую среду в ДНР трансформируется из постсоветской модели в современную российскую парадигму. Этот процесс характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями: ужесточением административного контроля (введение КЭР, синхронизация нормативов ПДК) и масштабной инвестиционной поддержкой со стороны федерального центра.

Успешность реализации экологических прав жителей Донбасса будет зависеть от эффективности взаимодействия региональной власти, промышленного сектора и надзорных органов в преодолении технологического отставания очистных систем. Интеграция в национальные проекты дает исторический шанс не просто восстановить, но и качественно улучшить состояние окружающей среды в одном из ключевых промышленных центров страны.

Заключение. Таким образом, реализация правовых гарантий на благоприятную окружающую среду в ДНР имеет выраженную специфику из-за необходимости масштабной правовой гармонизации. Продление переходного периода – не послабление, а прагматичный шаг для предотвращения коллапса промышленности Донбасса с её высокой концентрацией металлургических и химических производств. Это позволяет синхронизировать темпы экологической модернизации с реальными возможностями предприятий. Внедрение института комплексного экологического разрешения (КЭР) является центральным элементом реформы. Он знаменует переход от фрагментированного контроля выбросов к целостной оценке воздействия предприятия на экосистему на основе наилучших доступных технологий (НДТ). Жёсткие сроки (подача заявок до 01.09.2025, получение КЭР до 01.03.2026) создают чёткий дедлайн для технологической перестройки отрасли.

Уникальность ситуации заключается в сочетании жёстких федеральных требований с беспрецедентным объёмом финансовой помощи. Интеграция ДНР в нацпроект «Экология» и госпрограмму развития (финансирование около 2,8–3,1 млрд руб. в 2025–2027 гг.) создаёт материальную базу для выполнения новых нормативов. Выделенные более 150 млн рублей в рамках проекта «Экологическое благополучие» направляются на конкретные задачи: ликвидацию свалок, создание экономики замкнутого цикла, очистку водоёмов и восстановление лесов. Итоговый успех «зелёной трансформации» зависит не

столько от наличия законов или денег, сколько от эффективности триады «власть – промышленность – надзор», ноглавным вызовом остаётся преодоление технологического отставания очистных систем и промышленных мощностей.

Список литературы

1. Валитов, И. О. Право на благоприятную окружающую среду и право на экологическую безопасность / И. О. Валитов // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 112–116.
2. Мухамедова, Э. Э. Личное неимущественное право на благоприятную окружающую среду / Э. Э. Мухамедова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72), № 3. – С. 90-97. – DOI 10.37279/2413-1733-2020-6-3-90-97. – EDN LRYAUF.
3. ТАСС: ДНР получит более 150 млн рублей по нацпроекту «Экологическое благополучие» // Информационное агентство ТАСС : [сайт]. – URL: https://tass.ru/obschestvo/23567817 (дата обращения: 06.09.2026).
4. ТАСС: В России продлили переходный период по экологии в Донбассе и Новороссии // Информационное агентство ТАСС : [сайт]. – 2025. – 28 дек. – URL: https://tass.ru/obschestvo/26037793 (дата обращения: 06.09.2026).

УДК 342.9

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ: БАЛАНС МЕЖДУ ОТКРЫТОСТЬЮ ДАННЫХ И ЗАЩИТОЙ ТАЙНЫ СЛЕДСТВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лихачев С. В., д-р юрид. наук, проф.,
Мордвинова А. О.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: mordvinova-alya@mail.ru

Введение. Принцип гласности, закрепленный в ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», исторически является инструментом легитимации надзорной власти и обеспечения общественного контроля [4]. Однако к 2025 году цифровая трансформация государственного управления фундаментально изменила форму реализации данного принципа. Переход на автоматизированные системы сбора правовой статистики (ГАС ПС), ведение электронных журналов проверок и обязательное размещение докладов о состоянии законности в сети Интернет создали беспрецедентный уровень прозрачности.

Вместе с тем цифровизация породила системный конфликт: алгоритмическая скорость распространения информации вступает в

противоречие с инертностью процессуальных механизмов защиты тайн. Публикация статистической карточки формы № 1 или автоматического пресс-релиза на сайте ведомства происходит за секунды, тогда как процедура вынесения постановления об ограничении доступа к сведениям следственным работником требует времени. В этом зазоре происходят утечки персональных данных участников уголовного судопроизводства и тактических деталей расследования.

Цель. Выявить правовые коллизии, возникающие при автоматической публикации прокурорской отчетности в цифровой среде, и предложить механизмы превентивного ограничения доступа к данным, не нарушающие конституционный принцип гласности.

Основная часть. Согласно ч. 2 ст. 4 ФЗ «О прокуратуре РФ», органы действуют гласно лишь в той мере, в какой это не противоречит законодательству об охране государственной и иной специально охраняемой законом тайны, а также прав и свобод граждан [4]. Традиционно этот баланс регулировался ручным отбором информации для публичных докладов. Сегодня же действует режим «публикации по умолчанию». Статья 161 УПК РФ запрещает разглашение данных предварительного расследования, однако цифровые интерфейсы ГАС ПС зачастую выгружают агрегированные данные, которые при сопоставлении с открытыми источниками позволяют деанонимизировать фигурантов дел [3].

Цифровизация стерла грань между оперативной сводкой и публичным отчетом. Если раньше прокурорский отчет формировался вручную из проверенных источников, то сейчас он представляет собой прямой срез базы данных, где программная ошибка в маске конфиденциальности может привести к раскрытию сведений о передвижениях спецтехники или дислокации объектов критической инфраструктуры.

Проблема баланса гласности и тайны глубоко исследована в науке уголовного процесса. Как отмечает ученый-процессуалист В.Л. Будников, само законодательство содержит внутренние противоречия: формулировки норм, призванных защищать тайну, часто оказываются недостаточно определенными, что создает почву для произвольного толкования границ открытости [1]. Он подчеркивает, что право следователя ограничивать оглашение данных не исключает действие принципа гласности, но требует четкого улавливания «духа закона».

Современные исследователи проблем цифровизации правосудия (в частности, А.В. Смирнов) указывают на возникновение феномена «цифровой тени следствия». По их мнению, автоматические уведомления информационных систем создают иллюзию полной прозрачности, которая на деле разрушает тактическую внезапность следственных действий. Ученые констатируют, что классический компромисс – проведение закрытого судебного заседания (ст. 241 УПК РФ) – перестает работать на досудебной стадии, так как информация становится публичной еще до того, как дело

поступит в суд [5]. Тайна следствия утрачивается не в результате умышленного предательства, а вследствие сбоя программного протокола синхронизации баз данных МВД и Генпрокуратуры.

Типичным примером цифрового дисбаланса стала практика публикации ежеквартальных отчетов о борьбе с экстремизмом на официальных порталах прокуратур субъектов РФ в 2023–2024 годах [2]. Автоматическая выгрузка реестра материалов, признанных экстремистскими, вместе с датами и адресами проведения проверок приводила к раскрытию мест хранения изъятой символики до завершения экспертиз. Это давало возможность сообщникам уничтожить оставшиеся улики. Роскомнадзор неоднократно выносил предупреждения прокуратурам регионов за нарушение ФЗ-152 «О персональных данных», когда в текстах представлений об устранении нарушений, опубликованных в разделе «Противодействие коррупции», фигурировали полные ФИО и домашние адреса рядовых сотрудников муниципальных учреждений, проходящих свидетелями по уголовным делам о халатности.

Для разрешения выявленного противоречия требуется отход от концепции постфактум-сокрытия информации. Во-первых, необходима технологическая интеграция модулей распознавания чувствительной информации (Named Entity Recognition) непосредственно в интерфейс прокурора-куратора перед нажатием кнопки «Опубликовать». Во-вторых, назрела потребность во внесении изменений в приказы Генеральной прокуратуры РФ, регламентирующие порядок работы со СМИ и сайтами. Следует закрепить норму о том, что любая цифра, касающаяся незавершенного расследования, должна проходить процедуру отложенной публикации (эмбарго) сроком на 72 часа для сверки со следственным подразделением. В-третьих, перспективным выглядит внедрение машиночитаемых лицензий использования данных (по аналогии с Creative Commons), где каждая единица открытой прокурорской статистики будет иметь встроенный юридический маркер допустимых пределов ее дальнейшего распространения журналистами и аналитиками.

Заключение. Цифровая трансформация принципа гласности в органах прокуратуры РФ переходит из технической плоскости в стратегическую. Попытка обеспечить абсолютную прозрачность через безальгоритмичный экспорт данных неизбежно ведет к деградации института тайны следствия и нарушению прав граждан на конфиденциальность. Баланс интересов сегодня лежит не в расширении перечня закрытых заседаний, а в интеллектуализации фильтров на стороне публикатора. Принцип гласности должен эволюционировать от простого информирования населения к управляемому предоставлению верифицированных данных. Только синтез процессуального права и технологий искусственного интеллекта позволит сохранить доверие общества к прокуратуре, не поставив под угрозу эффективность борьбы с преступностью.

Список литературы

1. Будников, В. Л. Гласность и тайна в уголовном процессе (историческая справка) / В. Л. Будников // Lawtech.ru : [сайт]. – URL: https://www.lawtech.ru/pub/secret.htm (дата обращения: 27.09.2026). – Текст : электронный.
2. Доклады Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка за 2024 год / Генеральная прокуратура РФ. – Москва, 2025. – URL: https://management.econlib.ru/diplomnaya/pravovyie-osnovyi-deyatelnosti-prokuraturyi-2 (дата обращения: 27.09.2026). – Текст : электронный.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ : ред. от 31.07.2025 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 27.09.2026). – Текст : электронный.
4. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 : ред. от 30.09.2024 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26264/ (дата обращения: 27.09.2026). – Текст : электронный.
5. Принципы организации и деятельности прокуратуры // Claw.ru : образовательный портал. – URL: https://claw.ru/referatti/enciklopediya-referatov/administrativnoe-pravo/referaty-referaty-po-administrativnomu-pravu-ponyatie-celi-i-zadachi-prokurorskogo-nadzora_7.html (дата обращения: 27.09.2026). – Текст : электронный.

УДК 351.84

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Лихачев С. В., д-р юрид. наук, проф.,
Третьяк А. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: alexandr_bentley911charger@mail.ru

Введение. Актуальность темы обусловлена тем, что административно-правовой статус Министерства обороны Российской Федерации (далее – МО РФ) не может быть раскрыт только через внутреннее российское регулирование, поскольку оборонные ведомства разных государств имеют сходные управленческие задачи, но различаются по подчиненности, степени гражданского контроля и соотношению политического руководства с военным командованием. Сравнение России и США позволяет установить, какие элементы статуса оборонного ведомства являются общими для современных государств, а какие зависят от формы правления, федеративного устройства и правовой модели управления вооруженными силами.

Цель настоящего исследования – сравнительный анализ административно-правового статуса МО РФ.

Основная часть. В Российской Федерации (далее – РФ) Министерство обороны (далее – МО) занимает особое место в системе федеральных органов исполнительной власти, поскольку управление Вооруженными Силами РФ осуществляется Министром обороны РФ через МО РФ и Генеральный штаб Вооруженных Сил РФ. В соответствии со ст. 11 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне», Вооруженные Силы РФ составляют основу обороны РФ и включают центральные органы военного управления, объединения, соединения, воинские части и организации [2]. В США Министерство обороны действует в иной модели, где Secretary of Defense возглавляет Department of Defense и является главным помощником Президента США по вопросам обороны. Согласно § 113 титула 10 Свода законов США, министр обороны осуществляет руководство, полномочия и контроль в отношении Министерства обороны США [3].

Сравнение России и США показывает, что в обеих моделях оборонное ведомство является центральным органом управления вооруженными силами, однако правовая природа его подчиненности различается. Российская модель строится на конституционно закрепленном статусе Президента РФ как Верховного Главнокомандующего и на особом порядке руководства федеральными органами исполнительной власти в сфере обороны. Американская модель исходит из разделения политического руководства между Президентом США, Конгрессом США и гражданским министром обороны, которому подчинена военная администрация. А. Мукерджи и Д. Пайон-Берлин считают, что министерства обороны являются центральным механизмом демократического гражданского контроля, поскольку именно через них политическое руководство переводит оборонные решения в систему военного управления [4, с. 785].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в России и США оборонные ведомства имеют общую административную основу, выраженную в управлении вооруженными силами, планировании обороны, организации военной службы, обеспечении вооружения и взаимодействии с иными органами публичной власти. Различие состоит в том, что российская модель сильнее ориентирована на президентское руководство, американская модель соединяет президентское руководство с полномочиями Конгресса США. П. Белякова указывает, что гражданский контроль может ослабляться не только через открытое неподчинение военных, но и через чрезмерную зависимость гражданских институтов от военной экспертизы [1, с. 1401].

Административно-правовой статус МО РФ включает нормотворческие, организационные, кадровые, имущественные, мобилизационные и координационные полномочия. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне», оборона представляет собой систему политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите РФ [2].

Сопоставление российской и американской систем выявляет отличия в организации гражданского управления оборонным ведомством. В США

гражданский министр обороны находится вне военной иерархии и выполняет функции политико-административного главы оборонного аппарата, что закрепляет приоритет гражданского руководства над военным командованием. В России министр обороны также возглавляет ведомство, однако административно-правовой статус министерства теснее связан с полномочиями Президента РФ и централизованной структурой военного управления.

Административно-правовой статус оборонного ведомства нельзя сводить только к подчиненности, поскольку он раскрывается также через формы деятельности. МО РФ издает правовые акты, организует исполнение решений в сфере обороны, управляет подведомственными организациями, участвует в обеспечении государственного оборонного заказа и осуществляет координацию военного управления. В США Department of Defense действует через развитую систему департаментов, служб, агентств и объединенных командований, что связано с глобальным характером военного планирования и распределением полномочий между гражданским руководством и Joint Chiefs of Staff [3].

И. В. Холиков и П. Ю. Наумов рассматривают современную теорию военного права как область, в которой правовые знания должны учитывать изменение характера военных отношений и развитие новых форм обеспечения безопасности [5, с. 103]. Данный подход позволяет обосновать необходимость сравнительного анализа не только норм о министерствах обороны, но и всей системы военно-административного управления. Для России и США общим является усложнение задач оборонного ведомства под влиянием технологических, информационных и межведомственных факторов. Различие состоит в правовых пределах самостоятельности оборонного ведомства, порядке контроля за его деятельностью и способах соединения гражданского руководства с профессиональным военным управлением.

Перспективы совершенствования российского регулирования связаны не с механическим заимствованием зарубежных подходов, а с уточнением юридических границ компетенции, прозрачности, межведомственного взаимодействия и ответственности в сфере оборонного управления. Анализ модели США относительно российской позволяет обосновать необходимость более четкого разделения политического руководства, административного управления и военного командования в рамках магистерской диссертации.

Заключение. Таким образом, административно-правовой статус МО РФ характеризуется централизованной моделью управления в сфере обороны, тогда как США демонстрируют иные способы правового сочетания гражданского контроля, парламентского участия и ведомственного руководства вооруженными силами.

Список литературы

1. Белякова, П. Эрозия гражданского контроля в демократиях: комплексная модель сравнительного анализа / П. Белякова // Сравнительные политические исследования. – 2021. – Т. 54. – № 8. – С. 1393–1429.

2. Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.06.1996. – № 23. – Ст. 2750.
3. Свод законов США. Титул 10 «Вооруженные силы» / Управление по пересмотру законодательства Палаты представителей США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uscode.house.gov/browse/prelim@title10 (дата обращения: 12.01.2026). – Загл. с экрана.
4. Мукерджи, А. Опорный механизм демократического гражданского контроля: переосмысление роли министерств обороны / А. Мукерджи, Д. Пайон-Берлин // Журнал стратегических исследований. – 2022. – Т. 45. – С. 783–797.
5. Холиков, И. В. Трансляция знаний и научные критерии: концепты современной теории военного права / И. В. Холиков, П. Ю. Наумов // Государство и право. – 2024. – № 1. – С. 100–116.

УДК 351.75

МЕТОДЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Лихачев С. В., д-р юрид. наук, проф.,
Холодков В. В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: vholodkov560@mail.ru

Введение. Общественная безопасность входит в охранительную функцию государства, которая помогает через органы государственной власти пресекать преступления и административные правонарушения.

Пределы реализации и смысловое содержание общественной безопасности определены пунктами 41-44 Указа Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1], в соответствии с которыми рассматриваемый вид безопасности в новой стратегии рассматривается, как основной инструмент противостояния преступлениям и правонарушениям в сферах, где они активно распространяются – частно-имущественных правоотношениях, отношениях связанных с использованием водных и биологических ресурсов, жилищно-коммунальных и кредитных.

Цель исследования – проанализировать выработку и практику применения методов деятельности органов внутренних дел, осуществляющих обеспечение общественной безопасности, необходимых для реализации указанной стратегии.

Основная часть. В практической и теоретической плоскости отводится особенное значение двум методам воздействия: убеждение и принуждение. В теории административного права считается, что эти два метода по содержание и воздействию противоположны насилие и ограничения не свойственны

первому, а во втором данные способы (ограничения и насилие) активно применяются в административной деятельности при обеспечении общественной безопасности органами внутренних дел.

При этом следует отметить, что в качестве объекта для обоих методов выступает субъект правонарушения или преступления, в связи с чем возникает необходимость в нахождении компромисса по выбору подлежащего применению метода воздействия.

В отечественном административном праве долгие годы ведутся дискуссии относительно классификации методов воздействия на субъектов преступлений и правонарушений, а также их профилактики органами внутренних дел.

К первому критерию дифференциации методов обеспечения общественной безопасности целесообразно относить основания по которым они подлежат применению в том или ином случае. В зависимости от оснований ученые их разделяют на две группы:

1) меры, определенные (регламентированные) нормативными правовыми актами. Это меры, применение которых прямо предусмотрено законом или подзаконным нормативным правовым актом и которые реализуются в строго очерченных процедурных рамках. Их легитимность производна от нормативного закрепления оснований, субъектов и порядка применения, что обеспечивает определённость правового положения как органов внутренних дел, так и лиц, в отношении которых такие меры применяются. К данной группе относятся, в частности, меры административного надзора, отдельные виды административного принуждения, применяемые при наличии предусмотренных законом условий, а также меры, реализуемые в рамках специальных правовых режимов (чрезвычайного положения, контртеррористической операции и т. п.).

2) иные меры, применимые в случае отсутствия правонарушения. Данная группа включает в себя четыре подгруппы: административно-предупредительные; меры, направленные на предупреждение правонарушения или преступления; меры пресечения; правовосстанавливающие. Эта группа носит более широкий характер и охватывает меры, применение которых не связано с фактом совершённого правонарушения. Именно эта группа вызывает наибольшие дискуссии в науке административного права, поскольку границы между составляющими её подгруппами нередко оказываются подвижными [2, с. 170].

Другой ученый А.И. Каплунов предлагает другую классификацию административных методов обеспечения общественной безопасности, к которым относит следующие: предупреждающие; пресекающие; обеспечивающие надлежащее проведение административного процесса; правовосстанавливающие; административной ответственности [3, с.13].

Приведенные выше классификации по объему методов воздействия схожи, за исключением административной ответственности. Однако понятие «административная ответственность» может иметь разное толкование:

1) как наказание, сформулированное в санкции административно-правовой или уголовно-правовой нормы;

2) как мера административного принуждения;

3) как вид юридической ответственности;

4) как нетипичное административное правоотношение;

5) как правовой институт. [4, с.25]

Заключение. Таким образом, совершенствование административных правоотношений и возникновение новых административно-правовых норм требуют единства практики применения методов административного воздействия, и отсутствие единства в подходе к объему классификации приводит к субъективному их выбору, влияющему на реализацию утвержденной стратегии.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
2. Манохин В.М., Адушкин Ю.С., Багишаев З.А. Российское административное право: учебник. – М.: Юристъ, 1996. – 472 с.
3. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. – М., 2005. – 58 с.
4. Максимов И.В. Административные наказания. – М. : Норма, 2009. – 464 с.

УДК 342.951

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Ляшенко В. А.,

Асташенко С. А., ORCID 0009-0003-1621-2550

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

e-mail: sonya.manuilova@yandex.ru

Введение. Современная правовая политика Российской Федерации в сфере экономики характеризуется отказом от унифицированного подхода к регулированию хозяйственной деятельности. В условиях санкционного давления, необходимости обеспечения технологического суверенитета и интеграции новых территорий государство применяет инструменты гибкого администрирования. Дифференциация административно-правовых режимов позволяет адаптировать объем государственного вмешательства под

конкретные экономические задачи: от базового поддержания деловой активности до стимулирования прорывных технологий и восстановления инфраструктуры.

Цель – комплексный анализ трех уровней правового регулирования малых предприятий с раскрытием их нормативной базы и механизмов администрирования: общего (базового), специального (инновационно-ориентированного) и особого (территориально-обусловленного).

Основная часть. Формирование общего административно-правового режима деятельности субъектов малого предпринимательства стало результатом длительной эволюции российского законодательства, постепенно отходившего от прямого администрирования в сторону создания комфортной регуляторной среды. Общий режим охватывает большинство субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) на территории Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», а также общими положениями Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Основой режима является Единый реестр субъектов МСП, непосредственно запись в реестре Федеральной налоговой службы выступает юридическим фактом, дающим право на доступ к государственным ресурсам [1].

Законодательство последовательно снижает административное давление. Так, для малых предприятий предусмотрена замена административного штрафа предупреждением за впервые совершенные правонарушения, не повлекшие тяжких последствий, а также исключена двойная ответственность юридического лица и его должностного лица за одно и то же деяние. Для микропредприятий Трудовой кодекс Российской Федерации допускает существенное упрощение кадрового учета, позволяя заменять локальные нормативные акты типовыми трудовыми договорами. Данный режим обеспечивает стабильность правовой среды, однако он недостаточно гибок для высокотехнологичных отраслей и регионов с особым статусом.

Специальный административно-правовой режим для инновационных и высокотехнологичных производств направлен на формирование экономики знаний, где административный ресурс государства трансформируется из контролирующего в сервисный. Внедрение реестра малых технологических компаний позволило создать ускоренный путь получения мер поддержки: административные процедуры получения грантов Фонда содействия инновациям или субсидий Министерства промышленности и торговли Российской Федерации переведены в цифровой формат, что сокращает сроки рассмотрения заявок.

IT-компании пользуются пониженными тарифами страховых взносов, однако реализация этого права требует сложного административного подтверждения доли профильной выручки перед налоговыми органами. Упрощенный ввоз уникального лабораторного оборудования без уплаты налога

на добавленную стоимость и пошлин сопровождается строгим административным контролем целевого назначения товаров со стороны Федеральной таможенной службы Российской Федерации. Особенность данного режима заключается в повышенном административном контроле expost: предприятие обязано строго документально подтверждать внедрение результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ под угрозой возврата средств и доначисления налогов [2].

Особый административно-правовой режим установлен для Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей. Его правовая природа носит переходный характер и закреплена Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 266-ФЗ «О свободной экономической зоне на территориях для Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и на прилегающих территориях».

Федеральным законом предусмотрен механизм амнистии и упрощенной конвертации: до 10 июня 2024 года предприятия включались в единый реестр МСП по особому регламенту – организации с численностью до 250 человек, внесенные в реестры до мая 2023 года, автоматически признавались субъектами МСП вне зависимости от лимитов выручки. На данных территориях действует свободная экономическая зона (СЭЗ) до 31 декабря 2050 года, предусматривающая беспошлинную регистрацию бизнеса как для создаваемых, так и для действующих предприятий, а также радикальное снижение административной нагрузки [3].

Приоритетным направлением стало развитие «зонтичных» поручительств Корпорации МСП, упростивших получение кредитов для предпринимателей этих регионов. Кроме того, Правительство Российской Федерации выделяет дополнительные федеральные ресурсы бюджетам четырех новых субъектов на общую сумму свыше 3,7 млрд. рублей для развития инфраструктуры поддержки бизнеса. Действует расширенный мораторий на плановые проверки, учитывающий объективные логистические и инфраструктурные трудности регионов. Данный режим демонстрирует высокую степень адаптации российской системы публичного администрирования к задачам национальной безопасности и экономического возрождения исторических территорий.

Заключение. Проведенный анализ подтверждает, что дифференциация административно-правовых режимов становится ключевым инструментом государственной политики в сфере малого и среднего предпринимательства. Российская модель управления прошла эволюцию от жесткого универсализма к адресному воздействию. Общее законодательство создало фундамент защиты бизнеса от административного произвола через гуманизацию ответственности. Специальное регулирование превратило органы власти в партнеров инновационных компаний, снизив барьеры входа при одновременном усилении контроля за эффективностью использования бюджетных средств. Особое регулирование в новых субъектах Российской Федерации выполняет

геостратегическую функцию, используя механизмы свободной экономической зоны и упрощенного доступа к реестрам для быстрой интеграции местного бизнеса в национальную экономику.

Дальнейшее развитие данной системы видится в углублении цифровизации межведомственного взаимодействия и создании единого цифрового профиля предпринимателя, который позволит государству активно применять нормы соответствующего режима без дополнительных бюрократических процедур со стороны самого хозяйствующего субъекта.

Список литературы

1. Гаджиев, Г. Г. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в России: проблемные аспекты / Г. Г. Гаджиев // Образование и право. – 2023. – DOI: 10.24412/2076-1503-2023-6-123-126.
2. Ершова И.В., Трофимова Е.В. Специальный правовой режим малого и среднего бизнеса в контексте поиска перспективных направлений поддержки иных сегментов отечественной экономики // Актуальные проблемы российского права. – 2023. Т. 18. № 2. –С. 103–115. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.103-115.
3. Сараева, О. Н. Особенности государственной поддержки малого и среднего бизнеса новых территорий Российской Федерации / О. Н. Сараева // Право и государство: теория и практика. – 2025. – DOI 10.47643/1815-1337.2025.6.187.

УДК 342.7

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ РАБОТНИК»

Матвеев В. Ю., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0003-2794-4741
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва, РФ
e-mail: MatveevVU@mgpu.ru

Введение. Педагогические работники обладают особым правовым статусом, что обуславливает особенности трудовых отношений с ними. Однако круг лиц, входящих в понятие «педагогические работники», не является постоянным и зависит от вида правоотношений, в которые вступают данные субъекты.

Цель – сравнение содержания понятия «педагогический работник» в различных отраслях законодательства.

Основная часть. Круг лиц, входящих в понятие «работники организаций, осуществляющих образовательную деятельность» шире, чем входящих в понятие «педагогические работники». Так, по результатам анализа норм главы 5 Закона об образовании С.Н. Еремина выделила несколько категорий работников организаций, осуществляющих образовательную

деятельность, которые она объединила в две группы: основные и вспомогательные [6, с. 76].

Установление особого правового статуса педагогических работников является не столько российской особенностью, сколько общемировой тенденцией. Так, В. Б. Бычин, О. В. Забелина и Н. В. Пилипчук отмечают, что в зарубежных странах педагогические работники могут быть как работниками со специальным статусом, так и государственными (муниципальными) служащими [5, с. 169]. В России педагогические работники, если не брать в расчет ту их часть, которая состоит в служебных отношениях с образовательной организацией, следует считать работниками со специальным статусом, так как законодательство с одной стороны, предъявляет к ним дополнительные требования и возлагает на них ряд дополнительных обязанностей, а с другой стороны, предоставляет дополнительные права и меры социальной поддержки.

Пункт 21 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1] определяет педагогических работников через функциональные признаки: выполнение обязанностей по обучению, воспитанию обучающихся и(или) организация образовательной деятельности.

Поскольку данные функции в конструкции определения соединены сочетанием «и(или)», то для отнесения к педагогическим работникам достаточно выполнения хотя бы одной из указанных функций. Соответственно, с точки зрения образовательного законодательства к педагогическим работникам относятся, например, директор школы и заместитель директора по учебной работе, хотя они могут непосредственно и не проводить занятия с обучающимися. Однако заместитель директора по ресурсам к педагогическим работникам отнесен быть не может, так как он не выполняет ни одной из перечисленных выше функций.

Хотя определение рассматриваемому понятию и дано в указанном выше законе, однако его содержание будет неодинаковым в различных отраслях законодательства.

В отличие от образовательного законодательства трудовое законодательство определение понятия «педагогический работник» не содержит, хотя и его использует. Условно с точки зрения трудового законодательства педагогическими работниками являются лица, замещающие должности, указанные в разделе I Номенклатуры, утвержденной постановлением Правительства РФ от 21.02.2022 № 225 [2]. Исходя из данной номенклатуры руководители и заместители руководителей организаций, осуществляющих образовательную деятельность, не относятся к педагогическим работникам. Вместе с тем, указанные работники в рамках трудовых отношений также могут уволены, как и педагогические работники, за совершение аморального проступка, если они выполняют воспитательные функции, хотя формально и не относятся к категории «педагогические работники».

Наконец, пенсионное законодательство применяет другой подход к определению круга лиц, относящихся к категории «педагогический работник». В целях досрочного назначения пенсии педагогическими работниками признаются лица, указанные в Списке, утвержденном постановлением Правительства РФ от 29.10.2002 № 781 [3]. Иными словами, с точки зрения пенсионного законодательства необходимо не только замещать определенную должность, но и работать при этом в соответствующей организации. Кроме этого, существует целый ряд требований и ограничений, которые также должны быть соблюдены. Так, например, работа в должности преподавателя в образовательной организации среднего профессионального образования будет учитываться только при условии обучения в указанных учреждениях не менее 50 процентов детей в возрасте до 18 лет.

Заключение. Таким образом, понятие «педагогический работник» не имеет единого содержания для всех отраслей законодательства, и в ряде случаев зависит о того, как трудовые функции определены в трудовом договоре, то есть отнесение конкретного лица к данной и смежным категориям работников будет зависеть от содержания трудового договора. Вместе с тем, приведенные примеры свидетельствует, что существует определенная асимметрия между дополнительными обязанностями, обусловленными особенностями правого статуса, например, необходимостью строго следовать требованиям морали вплоть до увольнения за совершение аморального проступка, и дополнительными мерами социальной поддержки, например, досрочным назначением пенсии. Кроме этого, отсутствие легального определения рассматриваемого понятия в ряде отраслей законодательства порождает определенные сомнения в отнесении тех или иных работников к категории педагогических, что влечет за собой неопределенность их статуса, а также порождает ситуации неправомерного предоставления или наоборот неправомерного отказа в предоставлении дополнительных прав и мер социальной поддержки.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон № 273-ФЗ : [принят Государственной думой 21 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года] // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598; 2026. – № 32. – Ст. 4531.
2. Номенклатура должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций : Постановление Правительства РФ от 21 февраля года 2022 № 225 (редакция от 11 июля 2024 года). – Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа : локальный, по договору. – Обновление еженедельно.
3. Список должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, в соответствии с подпунктом 19 пункта 1 статьи 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» : Постановление Правительства РФ от 29 октября 2002 года №

781 (редакция от 26 мая 2009 года). – Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа : локальный, по договору. – Обновление еженедельно.
4. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 27.08.2014 по делу № 33–6014/14 URL: https://www.audar-info.ru/na/article/view/type_id/14/doc_id/23946/ (дата обращения: 05.10.2026).
5. Бычин, В. Б. Анализ зарубежного опыта нормирования и регламентации труда вузовского персонала / В. Б. Бычин, О. В. Забелина, Н. В. Пилипчук // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2017. – № 2(26). – С. 168-171. – EDN ZCMZEV.
6. Еремина, С. Н. Правовые проблемы регулирования трудовых отношений в образовательных организациях в свете ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" / С. Н. Еремина // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 3. – С. 76-83. – EDN SVKVIV.

УДК 342

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ КАК ОСНОВА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СУДЕБНОГО ПРИСТАВА

Медведев Д. К., канд. юрид. наук, доц.,
Кущенко А. А., ORCID 0000-0003-1362-6283
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: yudchenko03@bk.ru

Введение. В настоящее время судебный пристав-исполнитель представляет собой ключевую фигуру в системе принудительного исполнения судебных решений, что подчеркивается российским законодательством. Стоит отметить, что данная профессия занимает одно из важнейших мест в общей судебной системе Российской Федерации, что объясняет неугасающий интерес к ней со стороны как отечественных, так и зарубежных специалистов судебного права.

В своей работе Гуреев В.А. подчеркивает, что судебный пристав-исполнитель относится к категории должностных лиц, ответственных за принудительное исполнение судебных актов. Автор утверждает, что успех деятельности судебных приставов во многом зависит от уровня согласованности и сбалансированности взаимодействия между различными субъектами правовых отношений[1, с. 452].

Однако мнения экспертов относительно правового статуса и общего понимания деятельности судебных приставов остаются разрозненными. Так, некоторые специалисты считают, что полномочия судебных приставов чрезмерно расширены, что может негативно сказаться на состоянии судебного делопроизводства в целом[2, с. 178].

Цель исследования – раскрыть систему принципов деятельности судебных приставов и обосновать необходимость их закрепления отдельной статьёй в федеральном законе «О судебных приставах».

Основная часть. Правовое положение судебного пристава-исполнителя представляет собой комплекс различных статусов, компоненты которых тесно взаимосвязаны между собой. Среди основных составляющих административно-правового статуса судебных приставов особое значение имеют принципы их деятельности.

В современных условиях работы Федеральной службы судебных приставов (ФССП) существует значительное препятствие для повышения эффективности деятельности сотрудников – отсутствие четко установленных принципов работы в федеральном законе «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации[3].

Так, исследователи выделяют два основных вида принципов деятельности судебных приставов. Согласно работе Власовой Ю.И., это функциональные принципы и принципы организации деятельности. По мнению автора, первые определяют направление всей деятельности судебных приставов в рамках их прав и обязанностей, тогда как вторые регулируют организационную структуру их работы[4, с. 120].

Калмыков О.А. выделяет несколько ключевых функциональных принципов. Прежде всего, это соблюдение прав и законных интересов граждан и организаций. Автор отмечает, что данный принцип предполагает обязательное следование Конституции РФ, федеральным законам и локальным нормативным актам при осуществлении полномочий[5, с. 26].

Особую важность имеет принцип профессионализма и компетентности, подчеркиваемый Васильевой Е.В. По мнению автора, данный принцип означает наличие у судебного пристава необходимых профессиональных знаний и умений их практического применения[6, с. 19].

Как и любые служащие государственного аппарата, судебные приставы в рамках осуществления своей деятельности непрерывно обмениваются информацией с сотрудниками других органов государственной власти. В этих рамках можно выделить «принцип сотрудничества», независящий от формы собственности и организационной подчиненности государственных учреждений.

В современной научной литературе особое внимание уделяется вопросам совершенствования правового статуса судебных приставов, в том числе их ответственности за исполнение должностных обязанностей. Исследуя данную проблематику на основе анализа нормативно-правовых актов и научных работ, Мельникова К.С. подчеркивает существующий пробел в законодательстве – отсутствие четко регламентированного принципа ответственности судебных приставов [7, с. 8].

Организация деятельности судебных приставов основывается на нескольких ключевых принципах. Так, основополагающими среди них

являются: федерализм, равный доступ граждан к замещению должности судебного пристава и равные условия прохождения службы независимо от обстоятельств, не связанных с профессиональными качествами; иерархичность; стабильность государственной службы судебного пристава; защищенность от неправомерного вмешательства в профессиональную деятельность.

Наиболее значимым из вышеназванных принципов является принцип федерализма. В контексте деятельности судебных приставов данный принцип означает, что их работа осуществляется исключительно на федеральном уровне через центральный аппарат Федеральной службы судебных приставов и ее территориальные органы в субъектах РФ.

Принцип иерархичности проявляется в строгой вертикали управления, где нижестоящие судебные приставы подчиняются вышестоящим. Данная система включает несколько уровней подчинения: судебные приставы территориальных подразделений подчиняются старшему судебному приставу или его заместителю, которые, в свою очередь, подчиняются главному судебному приставу субъекта РФ, который подотчетен главному судебному приставу РФ.

Принцип равного доступа гарантирует, что любой гражданин РФ, соответствующий требованиям закона «О судебных приставах», имеет право быть принятым на должность судебного пристава. Стоит отметить, что данный принцип направлен на обеспечение открытости и прозрачности системы назначения на должности, исключающей дискриминацию.

Заключительным важным принципом является защита судебного пристава от неправомерного вмешательства в его профессиональную деятельность. Вышеуказанный принцип означает, что никакие органы государственной власти не могут без законных оснований вмешиваться в работу судебного пристава или оказывать давление при принятии решений.

Заключение. Таким образом, принципы организации деятельности судебных приставов, как и их функциональные принципы, определяют вектор осуществления прав, обязанностей и свобод граждан, а также полномочий судебных приставов как представителей власти. Наиболее разумным шагом будет правовое закрепление вышеизложенных принципов в федеральном законе «О судебных приставах» в виде отдельной статьи, посвященной принципам деятельности судебных приставов, последующим раскрытием их содержания.

Список литературы

1. Гуреев, В.А. Настольная книга судебного пристава-исполнителя: Учебно-практическое пособие / Гуреев В.А. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут. – 2017. – 1056 с.
2. Парфирьев, Д.Н. Правовые основы организации деятельности судебных приставов / Д. Н. Парфирьев. – Курс лекций. – М.: РАП. – 2014. – 300 с.
3. Об органах принудительного исполнения Российской Федерации: ФЗ РФ от 21.07.1997 N 118-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим

доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15281/ (дата обращения: 08.09.2026)
4. Власова, Ю.И. Принципы деятельности судебных приставов как базовая составляющая административно-правового статуса судебного пристава / Ю.И. Власова // В сборнике: Правовые и гуманитарные исследования. сборник научных статей студентов и аспирантов. – Санкт-Петербург. – 2016. – С. 119-122.
5. Калмыкова, О.А. Вопросы разграничения правового статуса судебного пристава и пристава-исполнителя / О.А. Калмыкова // Glossa: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 25-29.
6. Васильева, Е.В. Проблемы административно-правового регулирования деятельности судебных приставов / Е.В. Васильева // Студенческий вестник. – 2023. – № 47-4 (286). – С. 18-21.
7. Мельникова, К.С. Административно-правовой статус федеральной службы судебных приставов России / К.С. Мельникова // Социальное управление. – 2025. – Т. 7. – № S1. – С. 5-11.

УДК 342

ОГРАНИЧЕНИЯ И ЗАПРЕТЫ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Медведев Д. К., канд. юрид. наук, доц.,
Малый В. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: vovamaliy@yandex.ru

Введение. Институт ограничений и запретов – ключевой элемент правового регулирования государственной гражданской службы в РФ: он минимизирует коррупционные риски и обеспечивает беспристрастность служащих [1]. Основу регулирования составляют Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ст. 16, 17) и Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ, нормы которых в последние годы последовательно ужесточаются – в частности, в части декларирования доходов и запрета на владение иностранными финансовыми инструментами [1; 2].За последние годы перечень ограничений и запретов существенно расширен: появились нормы об обязанности представлять сведения о доходах и расходах в отношении супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, о запрете на владение иностранными финансовыми инструментами, о недопустимости приобретения статуса иностранного агента. Эти изменения отражают курс на ужесточение антикоррупционных требований и усиление контроля за имущественным положением служащих [1].

Цель работы – провести правовой анализ системы ограничений и запретов, установленных для государственных гражданских служащих в Российской Федерации, выявить их содержание, соотношение между собой, а также основные проблемы правоприменительной практики.

Основная часть. Дифференциация понятий «ограничение» и «запрет» имеет не только терминологическое, но и практически-правовое значение. Согласно статье 16 Закона № 79-ФЗ, ограничение представляет собой юридический барьер для вступления в служебные отношения или их продолжения: при наступлении предусмотренных законом обстоятельств лицо лишается права находиться на службе. Запрет, закреплённый в статье 17, напротив, обращён к поведенческому аспекту – это правило, адресованное действующему служащему, предписывающее воздерживаться от конкретных действий на протяжении всего срока службы. Нарушение этого правила не аннулирует сам факт нахождения на службе, но запускает механизм ответственности, который способен привести к прекращению служебных отношений [1; 3].

По справедливому замечанию Ю. А. Спиридонова, рассматриваемые категории выступают несущими конструкциями административно-правового статуса чиновника и обеспечивают приверженность принципам законности, беспристрастности и неприкосновенности публичных полномочий от частного усмотрения [3, с. 794].

Перечень ограничений, содержащийся в части 1 статьи 16 Закона № 79-ФЗ, включает тринадцать позиций и может быть структурирован по нескольким основаниям. К медицинским и психиатрическим относятся случаи признания лица недееспособным либо ограниченно дееспособным судебным актом, а также подтверждённое медицинским заключением заболевание, делающее службу невозможной. Криминально-правовая группа охватывает ситуации наличия неснятой или непогашенной судимости и назначения наказания, объективно исключающего возможность исполнения должностных функций. Гражданско-правовая группа включает утрату российского гражданства, обретение иностранного гражданства или вида на жительство, а также получение статуса иностранного агента. Антикоррупционная группа связана с представлением недостоверных либо неполных данных о доходах и имуществе, а также с утратой доверия вследствие несоблюдения требований о предотвращении и урегулировании конфликта интересов. Организационно-служебная группа предусматривает недопустимость близкого родства или свойства между служащими при наличии отношений прямой подчинённости, отказ от оформления допуска к гостайне и случаи представления подложных документов при поступлении на службу [1]. Важнейшим элементом данной системы выступает институт утраты доверия, регламентированный статьёй 59.2: увольнение по этому основанию применяется за коррупционные нарушения, то есть за несоблюдение антикоррупительных ограничений, запретов и обязанностей [1; 2].

Запреты, сосредоточенные в статье 17, формируют ряд обязательных правил служебного поведения. Среди них принципиальное значение имеют: недопустимость занятия предпринимательской деятельностью – как лично, так и через представителей и недопустимость участия в управлении организациями, запрет принимать от физических и юридических лиц любое вознаграждение или подарок, связанный с исполнением служебных обязанностей; запрет использовать должностное положение для продвижения интересов политических партий и религиозных организаций, запрет разглашать либо использовать вне служебных целей конфиденциальную или служебную информацию[1]. Дополнительно часть 1.1 статьи 17 вводит запрет на счета в зарубежных банках и иностранные финансовые инструменты для определённых категорий служащих и их близких [1].

Ответственность за нарушение рассматриваемых норм дифференцирована. Коррупционные проступки влекут увольнение в связи с утратой доверия (ст. 59.2); нарушение запретов по статье 17 может повлечь расторжение контракта по пункту 14 части 1 статьи 33; за менее тяжкие нарушения применяется дисциплинарная ответственность в форме замечания, выговора или предупреждения о неполном служебном соответствии (ст. 57) [1].

Серьёзной проблемой остаётся параллельность этих оснований: за схожие по характеру действия представитель нанимателя волен применить любое из них, и выбор далеко не всегда мотивирован. По мнению Ю. А. Спиридонова, нечёткость формулировок закона порождает вариативность толкования, а практика применения антикоррупционных норм существенно расходится от ведомства к ведомству и от региона к региону [3, с. 798].

В. И. Кузнецов обращает внимание на отсутствие легальных критериев разграничения значительных и малозначительных проступков, что открывает простор для субъективного усмотрения нанимателя при выборе меры воздействия [4, с. 85].

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Система ограничений и запретов для государственных гражданских служащих в Российской Федерации представляет собой многоуровневый правовой механизм, включающий требования и поведенческие правила, направленные на обеспечение законности служебной деятельности и противодействие коррупции. Законодательство в данной сфере динамично развивается, однако сохраняются проблемы неоднородности правоприменительной практики. Устранение этих проблем требует дальнейшей систематизации норм и уточнения критериев разграничения дисциплинарных и коррупционных нарушений. Ключевым направлением совершенствования представляется не столько расширение перечня запретов, сколько повышение эффективности их фактического исполнения через цифровизациюконтроля за декларированием доходов и обеспечение единообразия правоприменительной практики.

Список литературы

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ : в ред. от 28 дек. 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 31, ст. 3215
2. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ : в ред. от 28 дек. 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 52, ч. 1, ст. 6231.
3. Спиридонов, Ю. А. Запреты и ограничения для государственных служащих: баланс между публичным интересом и личной свободой / Ю. А. Спиридонов // Вестник науки. – 2025. – № 6 (87), т. 3. – С. 794–799.
4. Кузнецов, В. И. Увольнение государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия: проблемы теории и практики / В. И. Кузнецов, Ю. В. Трунцевский, Л. А. Ломакина // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 82–96.

УДК 336.14:004.8

ПОДПИСЬ БЕЗ КОНТРОЛЯ: ФИКТИВНЫЙ «HUMAN-IN-THE-LOOP» И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОШИБКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ САНКЦИОНИРОВАНИИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ

Моисеенко М. А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0002-9367-1393,
Авсенина В. А., ORCID 0009-0004-2387-5819,
Петрова А. А., ORCID 0009-0006-8795-4684
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева», г. Москва, РФ
e-mail: a2907.marina@yandex.ru, lera.avsenina.05@mail.ru, petrik18alex@gmail.com,

Введение. Цифровизация финансового контроля породила парадокс – информационные системы (к примеру, ГИС «Электронный бюджет») значительно ускоряют процесс санкционирования расходов, но при этом создают сложности привлечения к ответственности за возможные нарушения. Алгоритмы проверки платежных документов во многих случаях принимают решения самостоятельно, а роль сотрудника сводится лишь к нажатию кнопки «одобрить». Технически регламенты требуют участия должностного лица на всех этапах, но в работе феномен «human-in-the-loop» (HITL) носит фиктивный характер[1]. Стоит уточнить, что под фиктивным HITL понимается ситуация, когда участие должностного лица предусмотрено регламентом, но фактически сводится к подтверждению без возможности и (или) намерения проверять содержание. В итоге это приводит к тому, что решения искусственного интеллекта (далее – ИИ) утверждаются формально, исключая человеческий

[1] HITL («human-in-the-loop») представляет собой концепцию контроля человека над автоматизированными системами, появившуюся в 1950-х годах. В современной практике концепция часто используется формально при принятии важных решений.

контроль. При этом любое нецелевое использование бюджетных средств может повлечь за собой административную, бюджетную и уголовную ответственность.

Цель исследования – выявить проблему фиктивного «human-in-the-loop» при цифровизации казначейского контроля и обосновать необходимость закрепления в бюджетном законодательстве презумпции алгоритмической причинности, критериев алгоритмической небрежности и требований к логированию и экспертизе цифровых следов.

Основная часть. Процесс интеграции ИИ в казначейские процедуры уже запущен и реализуется практически. Так, Социальное казначейство г. Москвы запустило нейросеть для проверки заявок на бюджетные субсидии, сократив время обработки документов с двух дней до одного часа [1]. Данный пример демонстрирует прогресс во внедрении ИИ, но поднимает вопрос об ответственности в случае ошибки алгоритма.

Несмотря на то, что в Бюджетном кодексе РФ (далее – БК РФ) отсутствуют прямые нормы об ИИ, процедура казначейского контроля должна оставаться законной и прозрачной. БК РФ (например, ст. 219 Кодекса) и Приказ Минфина России № 257н требуют обязательного участия должностного лица на стадии санкционирования оплаты обязательств [2]. Нормативную базу также дополняет Приказ Минфина от 29.08.2025 № 120н, который установил требования к составу размещаемой информации в ГИС «Электронный бюджет» [3]. Иные ведомственные акты, в свою очередь, также нацелены на поэтапную цифровизацию. К примеру, приказ Федерального казначейства от 01.10.2025 № 13н предусматривает переход к цифровому обмену данными между участниками казначейского сопровождения с IV квартала 2025 г. [4]. Формально во всех этих актах сохраняется требование реального человеческого контроля, но фактически вмешательство оператора часто отсутствует. Так, возникает разрыв между юридической формой и содержанием. Процедура соблюдена, а ответственность размыта.

Фиктивный «human-in-the-loop», по своей сути, представляет собой системный дефект автоматизированного контроля. Несмотря на формальное утверждение решений ИИ, содержательной проверки может не происходить. Должностное лицо визирует транзакцию, переоценивая возможность ИИ, и в итоге ответственность становится трудно индивидуализируемой. Следует говорить о возникновении алгоритмической небрежности, то есть системного дефекта, предполагающего ответственность оператора системы за причиненный ущерб, пока не доказано обратное. Как итог, публично–правовой орган, использующий алгоритм, несет первичную ответственность за сбои системы.

Возникает и вопрос вины конкретных участников процесса. Операторы системы могут проявлять небрежность в том, что они без достаточных оснований полагаются на алгоритм, не выполняя предусмотренную проверку и нарушая требования ранее названного Приказа № 257н. Разработчики

алгоритма и организации, его внедрившие, могут понести гражданско-правовую ответственность за дефекты программного обеспечения по общему правилу ст. 1064 ГК РФ, если ущерб вызван техническими ошибками или неконтролируемым самообучением модели.

В правовой доктрине активно обсуждается ответственность за отсутствие надзора за автономными системами ИИ. Подобное поведение может повлечь административную ответственность должностных лиц (например, по ст. 15.14-15.15 КоАП РФ), а в исключительных случаях возможно привлечение и к уголовной ответственности. Так, ст. 274 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за нарушение правил эксплуатации информационных систем, повлекшее тяжкий вред при наличии утвержденных регламентов.

Установление причинно–следственной связи при ущербе от решений ИИ затруднено эффектом «черного ящика»[*]. Если же HITL фиктивен, цепочка неуклонно разрывается, а следовательно человек фактически не исправляет возможную ошибку алгоритма, а лишь автоматически утверждает его вывод. В таких условиях трудно доказать, что именно алгоритм стал непосредственной причиной возникших убытков. Чтобы преодолеть этот пробел, предлагается ввести в бюджетное законодательство презумпцию алгоритмической причинности. Так, если электронные логи системы (то есть задокументированная последовательность действий алгоритма) показывают, что решение полностью сгенерировано ИИ без активной корректировки со стороны человека, то бремя доказывания обратного (например, отсутствия сбоя в системе) должно непосредственно возлагаться на оператора ГИС. Реализация подобной презумпции потребует процедуры технической экспертизы алгоритма для анализа его логики и выявления потенциальных ошибок.

Например, если нейросеть ошибочно санкционировала платеж сверх установленного лимита в 10 млн руб., а сотрудник казначейства лишь формально нажал на кнопку одобрения, то само по себе нажатие кнопки еще не раскрывает степень вины. Однако при наличии обязанности содержательной проверки оно может квалифицироваться как небрежность или бездействие. Если же казначейство внедрило механизм HITL лишь номинально, именно на казначействе лежит обязанность доказать, что при санкционировании были приняты все необходимые меры для предотвращения ошибки. Отсутствие вмешательства оператора и содержательной проверки при этом исключает случайность. Так, вред следует считать прямым следствием дефекта системы, а не непреодолимым стечением обстоятельств.

Заключение. Таким образом, фиктивный «human-in-the-loop» повышает риск нарушений бюджетного законодательства и, по нашему мнению, обусловливает необходимость процедурного и законодательного закрепления элементов юридической ответственности: презумпции причинности

[*] Эффект «черного ящика» в ИИ обозначает устоявшийся термин, характеризующий непрозрачность алгоритмов машинного обучения, что препятствует установлению причинно-следственной связи между их решениями и причиненным ущербом.

автономных решений ИИ, критериев алгоритмической небрежности, обязательного логирования и фиксируемой человеческой проверки, а также правил проведения экспертизы цифровых следов.

Список литературы

1. ТАСС. «Социальное казначейство Москвы начало внедрение ИИ для проверки заявок на субсидии»: [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2025. – 30 окт. – URL: https://tass.ru/obschestvo/25495519 (дата обращения: 25.01.2026).
2. Приказ Минфина России от 30 окт. 2020 г. № 257н «Об утверждении Порядка санкционирования оплаты...» (ред. от 23.08.2024) // СПС «Гарант».
3. Приказ Минфина России от 29 авг. 2025 г. № 120н «Об утверждении Порядка размещения информации...» // СПС «Гарант».
4. Приказ Федерального казначейства от 1 окт. 2025 г. № 13н «О внесении изменений в Порядок казначейского обслуживания операций...» // СПС «Гарант».

УДК 336.74

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Навальнева Н. С., ORCID 0009-0009-8273-6807
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: n.navalneva.adm@mail.ru

Введение. Развитие цифровых финансовых технологий обусловливает необходимость модернизации национальных платёжных систем и поиска новых форм организации денежного обращения. Одним из направлений такой модернизации в Российской Федерации стало внедрение цифрового рубля – цифровой формы национальной валюты, выпускаемой Банком России. Актуальность темы определяется необходимостью совершенствования правового регулирования нового платёжного инструмента, обеспечения информационной безопасности, защиты прав пользователей и оценки его влияния на банковский сектор и экономику в целом. Правовые и экономические аспекты данной проблемы исследовали В. В. Шумилова, А. И. Абдуллин и И. А. Абдуллина, Д. А. Степаненко, П. П. Баттахов и Ю. С. Овчинникова, А. А. Сарыгбан и А. Л. Монгуш [1, с. 26].

Несмотря на законодательное закрепление цифрового рубля и переход к его поэтапному внедрению, ряд вопросов его правовой природы и практического использования продолжает оставаться предметом научной дискуссии.

Исходя из этого, **цель** тезисов заключается в исследовании действующих правовых основ функционирования цифрового рубля в Российской Федерации,

определении основных проблем его использования и обозначении возможных направлений совершенствования законодательства.

Основная часть. Цифровой рубль представляет собой третью форму российской национальной валюты наряду с наличными и безналичными денежными средствами. Его эмитентом и оператором соответствующей платформы является Банк России, тогда как кредитные организации обеспечивают взаимодействие с клиентами. Цифровой рубль не является криптовалютой: его стоимость выражена в национальной денежной единице, а выпуск и обращение организованы централизованно. Один цифровой рубль эквивалентен одному наличному или безналичному рублю. При этом цифровые рубли учитываются на платформе Банка России, а не на обычном банковском счёте клиента [2]. Такая модель предполагает разграничение функций центрального банка и кредитных организаций и формирует особый правовой режим цифровых денежных средств.

Нормативную основу функционирования цифрового рубля составляет совокупность федеральных законов и нормативных актов Банка России. Важнейшее значение имеют Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе», в который Федеральным законом от 24.07.2023 № 340-ФЗ были включены положения о платформе цифрового рубля и особенностях совершения операций с ним; Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», закрепляющий полномочия регулятора; а также Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ, внёсший изменения в Гражданский кодекс РФ в связи с введением цифрового рубля. Важную роль играет Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ, установивший законодательные основы поэтапного расширения доступа к операциям с цифровыми рублями и приёма соответствующих платежей [3]. Дополнительно применяются положения Гражданского кодекса РФ, законодательства о противодействии легализации преступных доходов, о персональных данных и об информационной безопасности. Конкретные условия совершения операций определяются также правилами платформы цифрового рубля и нормативными актами Банка России.

Несмотря на формирование нормативной базы, одной из основных проблем остаётся определение правовой природы цифрового рубля и его соотношения с традиционными формами денег [4, С. 87]. Законодательное признание цифрового рубля объектом гражданских прав и распространение на него правил о вещах в предусмотренных законом пределах не устраняют всех теоретических вопросов, связанных с осуществлением и защитой прав его владельцев. Кроме того, необходимо учитывать особенности цифрового рубля как обязательства, отражаемого на платформе Банка России, и отличать его правовой режим от режима безналичных денежных средств на банковских счетах. Данная проблема имеет практическое значение при разрешении споров, определении порядка обращения взыскания, наследовании цифровых рублей и

установлении последствий неправомерных операций. Возможным направлением совершенствования законодательства является дальнейшее уточнение гражданско-правового режима цифрового рубля, механизмов защиты прав владельцев и порядка разрешения споров, связанных с операциями на платформе.

Кроме того, операции с цифровым рублём осуществляются посредством записей на платформе, а завершённый перевод не предполагает автоматической отмены по желанию отправителя. Поэтому особое значение приобретают предупреждение мошеннических операций, подтверждение распоряжений клиента и доступность механизмов возврата средств. Действующее законодательство о национальной платёжной системе предусматривает специальные меры противодействия переводам без добровольного согласия клиента, однако развитие цифрового рубля требует дальнейшей адаптации таких механизмов к особенностям платформы. В качестве возможных решений следует рассматривать совершенствование процедур проверки подозрительных операций, информирования пользователей о рисках и рассмотрения обращений, а также установление понятных правил распределения ответственности между участниками системы.

На начальном этапе массового внедрения практика показывает ограниченную востребованность цифрового рубля и неодинаковую готовность участников рынка к его внедрению. Как отмечают А. И. Абдуллин и И. А. Абдуллина, наличие новой формы денег само по себе не гарантирует её массового использования, если потребитель не видит существенных преимуществ перед привычными способами оплаты [5, С. 28]. Для граждан важны простота использования, безопасность, доступность и понятные правила обслуживания; для бизнеса – расходы на подключение, совместимость программного обеспечения и удобство расчётов. Дополнительным ограничением может выступать недостаточная цифровая инфраструктура в отдельных регионах. Решение проблемы предполагает поэтапное подключение участников, повышение финансовой грамотности населения, информирование о порядке совершения операций и развитие доступных платёжных интерфейсов. При этом внедрение цифрового рубля не должно приводить к фактическому вытеснению наличных денег или создавать непропорциональные препятствия для людей, не имеющих доступа к цифровым технологиям.

Заключение. Перспективы цифрового рубля в Российской Федерации связаны с развитием национальной платёжной инфраструктуры, расширением возможностей быстрых расчётов и совершенствованием механизмов государственного финансового контроля. Вместе с тем устойчивое внедрение данного инструмента требует не только технологической модернизации, но и дальнейшего развития правовых гарантий конфиденциальности, защиты имущественных интересов пользователей, информационной безопасности и стабильности банковской системы. Наиболее обоснованным направлением

представляется поэтапное расширение использования цифрового рубля с оценкой реального спроса и последствий для граждан, бизнеса и кредитных организаций.

Список литературы

1. Афанасьев Д. Г. Экономические и социальные эффекты внедрения цифрового рубля для населения и бизнеса России / Д. Г. Афанасьев // Kant. – 2025. – №3 (56). – С. 25-33. – DOI 10.24923/2222-243X.2025-56.4. – EDN CFLHHD.
2. Федеральный закон "О национальной платежной системе" от 27.06.2011 N 161-ФЗ (последняя редакция) – Текст: электронный // Информационно-правовой портал «Консультант». – 2011. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 09.10.2026).
3. Федеральный закон от 23.07.2025 N 248-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"– Текст: электронный // Информационно-правовой портал «Консультант». – 2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510534/ (дата обращения: 09.10.2026).
4. Баттахов П. П. Правовая природа цифрового рубля: теоретические и практические аспекты / П. П. Баттахов, Ю. С. Овчинникова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 9 (225). – С. 86–90. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_9_86. – EDN SHDMBB.
5. Абдуллин А.И. Цифровой рубль: сущность, нормативные основы, влияние на российскую экономику / А.И. Абдуллин, И.А. Абдуллина // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 1. – С. 8-12. – EDN VBDIHB.

УДК 342.9

ПРИНЦИП ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ОЦЕНКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ИНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРАКТИКЕ

Навальнева Н. С., ORCID: 0009-0009-8273-6807,
Ярошенко М. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: n.navalneva.adm@mail.ru, m.zaitseva03@yandex.com

Введение. Ключевым нормативным началом экологического законодательства выступает требование обязательного проведения оценки воздействия на природную среду при вынесении решений о реализации хозяйственных и иных видов деятельности. Значимость и практическая полезность изучения данного вопроса обусловлены тем, что процедура ОВОС служит действенным механизмом обеспечения экологических прав населения в процессе подготовки проектов, способных нанести ущерб экосистеме. Такие решения принимаются на стадии подготовки проекта хозяйственной

деятельности, которая может оказать негативное воздействие на состояние окружающей среды, причем не только в одном государстве, но очень часто и в соседних странах.

Оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) выступает механизмом интеграции экологических норм в процессы планирования и проектирования новых видов экономической деятельности, формируя базу для принятия экологически ориентированных решений, тогда как экологическая экспертиза создает правовую основу для их официального утверждения [1]. Согласно статье14 Федерального закона «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 № 174-ФЗ (в редакции от 29 декабря 2015 года), проведение соответствующей экспертизы возможно исключительно при наличии в пакетах документов материалов ОВОС для деятельности, подлежащей проверке [2]. Исходя из этого, главная цель ОВОС состоит в предотвращении или минимизации негативного влияния хозяйственной и иной деятельности на природную среду, а также связанных с этим социальных и экономических последствий. Это позволяет рассматривать ОВОС как один из ключевых компонентов обеспечения устойчивого развития в РФ.

Цель тезисов – выявить недостатки правового регулирования оценки воздействия на окружающую среду и обосновать пути повышения эффективности процедуры ОВОС в отдельных сферах хозяйственной деятельности.

Основная часть. Учитывая сложность процедуры и её высокую общественную значимость, неслучайно, что тема ОВОС постоянно находится в фокусе внимания научной общественности. Например, Н.И. Хлуденева отмечает отсутствие в России дифференцированного подхода к проведению ОВОС для различных типов хозяйственной деятельности. При этом, несмотря на развитое количественное правовое регулирование ОВОС и экологической экспертизы, оба инструмента в качественном плане значительно утратили свою первоначальную эффективность. Сейчас любая планируемая деятельность подлежит ОВОС в рамках одинаковой процедуры, хотя это не оправдано в отношении хозяйственной и иной деятельности, оказывающей малозначительное воздействие на окружающую среду.

Недостаток существующей системы правового регулирования ОВОС, по ее мнению, – это слабость юридических гарантий соблюдения требования об участии общественности в процедуре ОВОС. Не закреплены в экологических законах и меры юридической ответственности заказчика документации (субъекта намечаемой хозяйственной деятельности) за искажение информации в материалах ОВОС или нарушения процедуры проведения ОВОС [3]. С данным подходом следует полностью согласиться.

Наряду с этим существует ряд проблем в реализации процедур ОВОС в отдельных сферах хозяйственной (экономической) деятельности.

Во-первых, есть специфика проведения ОВОС и экологической экспертизы в нефтегазовом комплексе, где они не являются строго

обязательными для исполнения, а необходимость их проведения существенно ограничена федеральным законодательством. В частности, результаты ОВОС в сфере нефтегазового комплекса являются по большей части факультативными, а экологическая экспертиза проводится в отношении лишь ограниченного перечня объектов.

Для повышения роли ОВОС и экологической экспертизы в предупреждении загрязнения окружающей среды нефтегазовыми предприятиями в научной литературе предлагается разработка методических указаний по проведению оценки воздействия хозяйственной и иной деятельности в нефтегазовом комплексе, учитывающей специфику охраны окружающей среды, а также проведение обязательной экологической экспертизы всех документов государственного стратегического планирования в нефтегазовом комплексе.

Во-вторых, своя специфика есть и при проведении ОВОС в сфере строительства атомных электростанций. Как отмечалось в научной литературе, при подготовке раздела ОВОС об обосновании пригодности площадки атомной станции должны быть учтены: влияние на безопасность АЭС процессов, явлений и факторов природного и техногенного происхождения; специфические характеристики района размещения и площадки АЭС; выполнение необходимых инженерно-технических мероприятий по гражданской обороне; размеры санитарно-защитной зоны, зоны планирования защитных мероприятий и зоны планирования мероприятий по обязательной эвакуации населения.

Однако, несмотря на то что правовое регулирование ОВОС и экологической экспертизы достаточно хорошо развито в количественном масштабе, качественно оба этих инструмента уже сильно утратили свое прежнее значение. Для обеспечения надлежащего уровня ядерной безопасности на объектах ядерно-энергетического комплекса целесообразно перейти к использованию такого эколого-правового инструмента, как стратегическая оценка, поскольку только она позволит единовременно оценить как возможные экологические последствия реализации разрабатываемых плановых и программных документов, так и выбор альтернативного варианта развития [4].

Заключение. Из вышеизложенного следует, что принцип российского экологического права об обязательности оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности носит универсальный характер, широко применяется в международных соглашениях и законодательстве зарубежных стран, а также реализуется на практике в России при проведении общественных обсуждений проектов потенциально опасной хозяйственной и иной деятельности. И хотя результаты таких обсуждений носят рекомендательный характер, именно вовлечение общественности в процесс принятия экологически значимых решений позволяет придать им необходимую легитимность и обеспечить

реализацию конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016 №358-ФЗ) «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс] / Правовой Сервер КонсультантПлюс: Электрон.дан. – М.: Электр.период. издание, 1992– 2017. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823
2. Боголюбов С. А. Актуальные проблемы экологического права: монография / С. А. Боголюбов. – Москва: Издательство Юрайт, 2023 -С. 72–74.
2. Колесников Е. Ю. Оценка воздействия на окружающую среду. Экспертиза безопасности: учебник и практикум для вузов / Е. Ю. Колесников, Т. М. Колесникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 471 с. – (Высшее образование). – ISBN 978–5-534–15905–9. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/510250
3. Оценка воздействия на окружающую среду и экологическая экспертиза инженерных проектов: Учебное пособие / Т. А. Василенко, С. В. Свергузова. – 2- е изд., испр. и доп. – М.: Инфра-Инженерия, 2019. – 264 с.

УДК 347.73:347.72/.73

НАЛОГОВЫЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА ЗАКРЫТОЙ АКЦИОНЕРНОЙ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Насонова И. В., ORCID 0000-0002-0304-3888,
Дембовский С. П., ORCID 0009-0004-1152-4237
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: qilbychuj@gmail.com, dembovskiystas@gmail.com

Введение. Современное состояние корпоративного сектора в Республике Беларусь характеризуется устойчивым оттоком субъектов малого и среднего предпринимательства из формы закрытых акционерных обществ в форму обществ с ограниченной ответственностью. Данная тенденция свидетельствует об институциональном кризисе классической закрытой акционерной формы хозяйствования.

Главная причина кроется во внутреннем противоречии: национальное законодательство обременяет закрытые акционерные общества всеми обязанностями профессиональных эмитентов, одновременно блокируя свободный оборот акций институтом преимущественного права покупки [1, с. 132]. В то же время институты финансового права предлагают эффективные стимулы для долгосрочного инвестирования, эффективность которых блокируется регуляторными барьерами корпоративного права. Это

предопределяет актуальность поиска комплексного финансово-корпоративного механизма модернизации бизнеса.

Основная часть. Важнейшим инструментом фискальной политики Республики Беларусь, направленным на поощрение долгосрочной капитализации предприятий, выступает уникальная преференция, закрепленная в Налоговом кодексе Республики Беларусь. Согласно п. 6 ст. 214 вышеупомянутого нормативного правового акта, в стране действует нулевая ставка (0%) подоходного налога на дивиденды, если акционеры – резиденты Республики Беларусь – на протяжении пяти предшествующих лет последовательно не распределяли чистую прибыль, направляя ее на развитие производства.

Данный пятилетний мораторий представляет собой классическую финансово-правовую поддержку, призванную укрепить имущественную основу «корпоративного щита» компании и стимулировать реинвестирование оборотных средств в модернизацию материальной базы. По своей экономической сути данный институт финансового права направлен на выполнение обеспечительной и гарантийной функций капитала, снижая риски вымывания ликвидных активов и защищая интересы кредиторов [2, с. 150].

Однако на практике эффективность этой налоговой преференции для сектора закрытых акционерных обществ сводится к минимуму из-за транзакционных издержек, накладываемых корпоративным правом. Средний бизнес, выбирающий закрытую акционерную форму хозяйствования, вынужден нести постоянные расходы на ведение счетов «депо» в двухуровневой депозитарной системе, оплачивать услуги Республиканского центрального депозитария ценных бумаг и соблюдать строгие императивные стандарты отчетности Министерства финансов Республики Беларусь. В результате расходы на администрирование акционерного статуса часто превышают потенциальную налоговую выгоду от капитализации, что вынуждает собственников реорганизовывать закрытые акционерные общества в общества с ограниченной ответственностью, где требования к учету минимальны [3, с. 60].

Для преодоления данного институционального кризиса необходима точечная модернизация налоговых механизмов, прямо или косвенно регулирующих деятельность закрытых акционерных обществ. Первоочередным шагом в данном направлении должна стать дифференциация сроков применения налоговых льгот, поскольку существующий пятилетний мораторий для применения нулевой ставки на дивиденды эффективен исключительно для крупных промышленных предприятий. Для сектора малого и среднего бизнеса, а также для гибких венчурных проектов, созданных в форме закрытых акционерных обществ, такой фискальный период является чрезмерно затяжным и сдерживающим экономическую активность. Снижение указанного фискального порога до трех лет специально для субъектов малого и

среднего предпринимательства, функционирующих в акционерной форме хозяйствования, позволит существенно ускорить оборачиваемость инвестиций и повысить общую привлекательность акционерного капитала.

Параллельно с налоговым стимулированием критически важной задачей выступает системная финансово-правовая дебюрократизация учета ценных бумаг. В целях снижения инфраструктурной и транзакционной нагрузки на закрытые акционерные общества необходимо модернизировать национальную систему учета прав на акции. На законодательном уровне представляется целесообразным зафиксировать возможность легального перехода от классического двухзвенного депозитарного учета к электронным реестрам участников. Реализация данного механизма возможна на базе цифровых платформ распределенного реестра (технологии блокчейн) с обязательным использованием электронной цифровой подписи. Подобный подход позволит уменьшить избыточные издержки акционерного бизнеса на оплату сторонних депозитарных услуг, сохранив при этом абсолютную прозрачность и защищенность прав собственности инвесторов.

Наконец, важнейшим элементом оздоровления имущественной основы закрытых акционерных обществ должна стать оптимизация правил конвертации долга в акции. Существующий финансовый инструмент зачета денежных требований кредиторов в оплату дополнительных акций, регламентированный ч. 6 ст. 29 Закона «О хозяйственных обществах», в его нынешнем виде несет скрытые риски фиктивного раздувания капитала за счет списания неустоек, пеней и штрафов без реального притока ликвидных активов в компанию. Для пресечения подобных злоупотреблений и защиты прав контролирующих органов необходимо ввести жесткое финансово-правовое ограничение, в соответствии с которым любые формы конвертации долга в капитал закрытого акционерного общества должны сопровождаться обязательным предварительным аудитом рыночной стоимости чистых активов, осуществляемым под строгим контролем Министерства финансов Республики Беларусь.

Заключение. Таким образом, преодоление институционального кризиса закрытых акционерных обществ в Республике Беларусь требует комплексного междисциплинарного подхода [4, с. 45]. Сохранение и развитие данной организационно-правовой формы юридического лица как эффективного инструмента привлечения капитала возможны через согласование норм корпоративного и финансового права. Оптимизация сроков применения льготных ставок на дивиденды, внедрение цифровых альтернатив депозитарному учету и усиление контроля за качеством уставного фонда позволят существенно снизить административные издержки и дебюрократизировать корпоративное управление в закрытом акционерном обществе.

Список литературы

1. Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право / Е. А. Суханов. – Москва : Статут, 2014. – 456 с.

2. Рамазанова, А. С. Налоговые льготы и налоговые преференции: их дифференциация / А. С. Рамазанова, Е. А. Хохлова // Инновационное технологическое развитие науки : сборник статей Международной научно-практической конференции, Волгоград, 15 апреля 2017 года : в 3 частях. Часть 1. – Уфа : Аэтерна, 2017. – С. 149–151.
4. Вербицкая, В. Г. Закрытое акционерное общество и общество с ограниченной ответственностью – две формы ведения бизнеса: опыт сравнительного анализа / В. Г. Вербицкая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2008. – Вып. 2. – С. 59–80.
5. Зуйкова, А. В. Закрытые акционерные общества: право на жизнь / А. В. Зуйкова // Закон. – 2006. – № 9. – С. 42–45.

УДК 347.73

ДЕБИТОРСКАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ КАК ПРЕДМЕТА ЗАЛОГА ИМУЩЕСТВА, РЕГЛАМЕНТИРОВАННОГО НАЛОГОВЫМ КОДЕКСОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Олейник А. Р., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0002-3622-9590
ООО «ЭНТЭСК», г. Москва, РФ
e-mail: oleynik-alla@mail.ru

Введение. Существенные изменения в историческом развитии государства и радикальные экономические, политические и социальные преобразования происходят в сфере налогообложения, собственности, оборота капитала и обеспечения бюджетных интересов. Правовые нормы регулирующие способы обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов, регулируют все эти вышеприведенные, и на первый взгляд, различные сферы общественных отношений.

Основным приоритетом политики налоговой гармонизации, проводимой в настоящее время в большинстве стран ЕАЭС и мира, является ликвидация неэффективных элементов налоговых систем и создание новых, более отражающих интересы как государства, так и налогоплательщика.

Цель исследования – рассмотреть правовую и фактическую возможность определения дебиторской задолженности как предмета залога имущества, регламентированного Налоговым кодексом Российской Федерации.

Основная часть. В соответствии со ст. 57 Конституции Российской Федерации, каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют [1].

Специальным нормативно-правовым актом высшей юридической силы в сфере регулирования налогов, сборов и страховых взносов является Налоговый кодекс Российской Федерации, который урегулировал в ст. 45 исполнение обязанности по уплате налога, сбора, страховых взносов.

Так, в соответствии с ч. 1 вышеуказанной статьи, налогоплательщик обязан самостоятельно исполнить обязанность по уплате налога посредством перечисления денежных средств в качестве единого налогового платежа, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Согласно, ст. 73 вышеуказанного нормативно-правового акта, в случаях, предусмотренных настоящим кодексом, обязанность по уплате налогов, сборов, страховых взносов может быть обеспечена залогом (ч. 1, ст. 73). Предметом залога может быть имущество, в отношении которого может быть установлен залог по гражданскому законодательству Российской Федерации, если иное не установлено настоящей статьей. Предметом залога по договору между налоговым органом и залогодателем не может быть предмет залога по другому договору (ч. 4, ст. 73) [2].

Залог имущества, регламентированный Налоговым кодексом Российской Федерации, условно назовем «налоговый залог».

Таким образом, ст. 73 Налогового кодекса Российской Федерации фактически определяет (в бланкетной форме изложения нормы) возможность определения имущественных прав как предмета залога.

Ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации четко регламентирует, что к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказания услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага [3]. В структуре активов индивидуальных предпринимателей и юридических лиц (налогоплательщиков) присутствует дебиторская задолженность. Данный актив представляет собой право индивидуальных предпринимателей и юридических лиц (кредиторов) требовать от третьего лица уплаты в их пользу денежных средств по любым правовым основаниям (имущественное право), к примеру, если такое лицо (должник) обязано произвести оплату, возникающую из договорных или из внедоговорных обязательств.

С 01.01.2026 г. вступил в силу Федеральный закон от 28.11.2025 г. №425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» 28.11.2025 г. №425-ФЗ, который дал новое определение понятию «имущество», внося изменения в ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации. Так, имущество – виды объектов гражданских прав, относящихся к имуществу в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, за исключением имущественных прав. При этом для целей настоящего Кодекса

признаются имуществом безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровая валюта (в том числе цифровая валюта, используемая в качестве средства платежа по внешнеторговым договорам (контрактам) в рамках экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, установленного в соответствии со статьей 1.1 Федерального закона от 31.07.2020 г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), а для целей предусмотренных настоящим кодексом ареста и запрета на отчуждение (передачу **в залог**) под имуществом понимаются виды объектов гражданских прав, относящихся к имуществу в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации [4].

Несмотря на вышеизложенные изменения, внесенные в Налоговый кодекс Российской Федерации в виде конкретизации имущества и целей применения терминологии, в настоящее время на практике дебиторская задолженность не рассматривается органами Федеральной налоговой службы России как приоритетный предмет «налогового залога».

Заключение. Деятельность Федеральной налоговой службы России не должна сводиться исключительно к погашению налогового долга любой ценой, без применения метода прогнозирования дальнейшей хозяйственной деятельности должника/налогоплательщика.

Именно поэтому при выборе предмета «налогового залога» приоритет должна иметь дебиторская задолженность, по отношению к движимому и недвижимому имуществу (задействованному в основном производстве должника/налогоплательщика) поскольку такое погашение не должно приводить к полному/частичному прекращению хозяйственной деятельности, как следствие – полному/частичному прекращению текущих поступлений налогов, сборов, страховых взносов.

На наш взгляд, при реализации фискальной политики, в первую очередь должен быть достигнут принцип гармонизации частных и публичных интересов в налоговых правоотношениях, т.е. достигнуто правовое равновесие между потребностью государства в гарантированных налогах, сборах, страховых взносах (публичный интерес) и защитой собственности и прав налогоплательщиков (частный интерес).

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.10.2026).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. №146-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 05.10.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. №51-ФЗ (с изм. от 31.07.2025 и доп. по состоянию на 26.03.2026) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] –

Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 05.10.2026).
4. Федеральный закон от 28.11.2025 г. №425-ФЗ (ред. от 26.06.2026) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» 28.11.2025 г. №425-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520020/ (дата обращения: 05.10.2026).

УДК 342

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ УГРОЗАМ

Панько Н. А., ORCID 0000-0003-1023-7266,
Меренкова Д. М.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: n.a.panko.donnu.jur@mail.ru, merenkova2002@icloud.com

Введение. Уровень доступа к информации является важной аналитической характеристикой режима обращения сведений в правовом и технологическом контексте [1, с,104]. Традиционное использование критериев разграничение общедоступной информации и информации с ограниченным доступом требует уточнения, если речь идет о современных формах обращения данных в цифровых сервисахх.

Цель исследования состоит в том, чтобы раскрыть особенности ограничения права на доступ к информации в условиях цифровой среды.

Основная часть. Ученые выделяют три главных условия, определяющих легальное ограничение права на доступ к информации:

– ограничения права должны быть закреплены в четких и ясных нормах, предоставляя прозрачность и предсказуемость;

– ограничения могут быть введены только в целях, предусмотренных Конституцией РФ;

– соразмерность, что т.е. не должны быть избыточными или необоснованными, а должны обеспечивать достижение легитимных целей без излишних ограничений.

Механизм ограничения, основанный на указанных условиях, обеспечивает баланс между правом на доступ к информации и необходимостью охраны интересов государства. Такой подход поддерживает конституционные принципы, предотвращая злоупотребление ограничительными мерами и сохраняя соблюдение основных прав и свобод граждан.

Существуют категории информации, доступ к которым на законных основаниях ограничивается. Эти ограничения обычно имеют цели защиты различных аспектов общества и государства, включая:

– ограничения доступа к информации могут быть наложены, чтобы предотвратить действия, которые могли бы подорвать или угрожать основам конституционного строя государства. Это может включать в себя запрет на распространение материалов, призывающих к насильственному свержению власти или изменению конституции;

– важной целью ограничения доступа к информации является обеспечение национальной безопасности и обороны страны. Государство может ограничивать доступ к военным и стратегическим сведениям, чтобы предотвратить утечку таких данных в руки врагов или потенциальных угроз;

– ограничения могут также применяться для защиты законных интересов частных лиц или компаний, например, в случаях конфиденциальных данных, коммерческой информации или интеллектуальной собственности;

– некоторая часть данных может быть ограничена для защиты здоровья и нравственности граждан. Это может включать в себя контроль над распространением материалов, которые могут негативно влиять на здоровье (например, наркотики) или моральные ценности общества.

Ограничения доступа к информации должны быть сбалансированы с уважением к правам и свободам граждан, а также с соблюдением законов и конституционных норм. Для этого существует система законов и судебных процедур, которые определяют, какие ограничения могут быть применены и каким образом [2, с. 435].

Конфиденциальность какой-либо информации регламентирована законодательством, например, Закон «О государственной тайне» содержит перечень сведений, которые составляют государственную тайну, а также порядок, согласно которому эта информация засекречивается [3] Также Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает условия отнесения информации к сведениям, составляющим коммерческую, служебную тайну и иную тайну, обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации, а также ответственность за ее разглашение [4]. Однако, срок обязанности по соблюдению конфиденциальности информации может быть ограничен как определенным, так и неопределенным промежутком времени.

Однако ограничения на доступ к информации не ограничиваются только государственным контролем. Коммерческие организации и корпорации также могут ограничивать доступ к определенной информации с целью защиты своих коммерческих интересов. Это может быть ограничение доступа к конфиденциальным данным, интеллектуальной собственности или ограничение доступа к определенным источникам информации.

Другим фактором, ограничивающим доступ к информации, является техническая цензура. В некоторых странах используются специальные

программы и фильтры, которые блокируют доступ к определенным сайтам, ключевым словам или типам информации. Это может быть применено как для политической цели, так и для борьбы с незаконной или вредоносной информацией.

Все эти ограничения оказывают значительное влияние на доступ граждан к информации и составляют реальность ограничений на доступ к информации. Однако, вопрос о том, насколько оправданы эти ограничения и как бытует их использование, остается открытым и требует дальнейшего обсуждения и исследования.

Сегодняшняя тенденция к полной цифровизации общественного пространства вынуждает разрабатывать новые формы ограничений, одной из таких форм может выступать – блокировка сайтов. Это может быть осуществлено с помощью технических методов, благодаря которым определенные адреса сайтов становятся недоступными для пользователей. Причинами для блокировки могут быть нарушения авторских прав, распространение запрещенной информации или экстремистского контента, а также защита национальной безопасности.

Однако, блокировка сайтов может вызывать опасения связанные с нарушением свободы информации и цензурой. Критики таких мер указывают на то, что граждане могут оказаться лишены доступа к полезной и полноценной информации, а также что блокировка может быть использована в политических целях для манипуляции общественным мнением.

Еще одним способом ограничения доступа к информации в интернете является контроль над учетными записями пользователей, блокировки отдельных постов или удаления информации, нарушающей установленные нормы или правила. Однако, данные меры также могут вызывать споры по поводу свободы слова и права на информацию. Некоторые заявляют, что цензура ограничивает свободное выражение мнений и ведет к формированию однобокой точки зрения. Возникают опасения, что государственные организации и власть могут использовать цензуру в своих интересах и манипулировать информацией.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что в контексте обеспечения демократического общества, право граждан на свободу информации играет ключевую роль в развитии гражданского общества и защите прав и свобод каждого индивида. Однако, несмотря на это, существуют неизбежные ограничения, которые могут быть введены в интересах безопасности, законности и общественных интересов.

Ограничения в праве на информацию представляют собой неотъемлемую часть нормативных актов или мер, устанавливающих правила для ограничения доступа к определенной информации. Эти ограничения, направленные на защиту государственных интересов, обеспечение общественной безопасности и соблюдение прав и свобод граждан, а также на поддержание моральности и общественной нравственности, обусловлены необходимостью сохранения

баланса между свободой информации и обязанностью обеспечения общественного благополучия.

Список литературы

1. Гимадрисламова, О. Р. Многоуровневая правовая модель доступа к информации в цифровой среде / О. Р. Гимадрисламова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2026. – № 6(142). – С. 104-111. – DOI 10.17803/2311-5998.2026.142.6.104-111. – EDN PVBGZD.
2. Журавлев, В. Е. Актуальные вопросы прокурорского надзора за соблюдением права на доступ к информации о деятельности государственных органов / В. Е. Журавлев // Студенческий вестник. – 2026. – № 18(398). – С. 433-435. – EDN NNYRSI.
3. Закон «О государственной тайне» //_Российская газета» – № 182. – 1993 год. – от 21 сентября.
5. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации».– 2006, – № 31 (часть I).–ст. 3448.

УДК 342.9

АНТИМОНОПОЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И КОНКУРЕНЦИЯ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Пашков С. Н., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0001-5190-0784,
Борухов Е. В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: s.pashkov.donnu.ru.jur@mail.ru

Введение. Противники государственного регулирования конкуренции зачастую ссылаются на либеральные исследования, в которых конкуренция рассматривается как один из элементов саморегулирующегося рыночного механизма. Во многом особенность данных подходов к пониманию сущности конкуренции отражена в используемых трактовках ключевых понятий теории конкуренции.

В связи с этим рационально определить подходы к трактовке таких понятий, как «конкуренция», «конкурентная политика», «антимонопольная политика». Анализ научных подходов к пониманию сущности и содержания данных понятий позволяет сделать вывод о неоднозначности в их трактовках, что в некоторых случаях приводит к оспариванию роли антимонопольного регулирования в целом. Поэтому нам представляется важным изложить авторское мнение относительно указанных выше категорий и занять одну из сторон в проводимых сегодня дискуссиях.

Основная часть. Под конкуренцией (от лат. concurrentia – сталкиваться) в экономических исследованиях понимается состязание между

производителями (продавцами) товаров, а в общем случае – между любыми экономическими, рыночными субъектами; борьба за рынки сбыта товаров с целью получения более высоких доходов, прибыли, других выгод. [1] В данном случае понятие «конкуренция» трактуется достаточно широко.

В Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» рассматриваемое понятие конкуренции определяется более узко – это соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке. [2]

Различие в доктринальной и легальной дефинициях конкуренции некоторые ученые берут за основу критики антимонопольного регулирования.

Так, В.В. Кизилов и В.В. Новиков отмечают, что «разница между двумя определениями принципиальна. Они во многих отношениях противоположны». В первом случае (доктринальная трактовка конкуренции), по словам указанных авторов, перед нами предстает образ энергично соперничающих людей, старающихся сделать что-то отличное от других и тем самым приобрести преимущество. Защита такой «соревновательной» конкуренции означает просто полноценную реализацию прав собственности и свободы хозяйственной деятельности. Каждый, кто желает принять участие в этом соревновании, должен иметь право это сделать, хотя результат участия в соревновании, очевидно, у всех будет разным. Во втором же случае (легальное определение) ни один из игроков не может изменить ход борьбы. Идеальной конкуренцией при этом представляется продажа одинакового товара по одинаковой, общерыночной, цене бесконечным количеством малых продавцов. В результате, указанные исследователи делают вывод: «Очевидно, это не имеет ничего общего с тем, что мы понимаем под конкуренцией». [3]

Следует отметить слишком упрощенное понимание понятия конкуренции В.В. Кизиловым и В.В. Новиковым.

Безусловно, в легальном определении конкуренции отражены не все признаки этого понятия. По мнению К.Ю. Тотьева, «в нем не отражено собственно юридическое содержание конкуренции». Указанный автор считает, что с юридической точки зрения, конкуренцию продуктивно рассматривать как многогранную категорию, при этом необходимо выделять следующие ее аспекты:

– конкуренция – это разновидность социального регулятора, определяющего поведение различных субъектов;

– юридической предпосылкой конкуренции служат свобода экономической деятельности;

– конкуренция способствует реализации прав потребителей (например, права на выбор товаров (работ, услуг) или на получение информации);

– конкуренция – правомерная (не запрещенная законом), автономная деятельность хозяйствующих субъектов на соответствующем рынке, целью

которых является получение более выгодных условий производства и сбыта законными средствами. [4]

По нашему мнению, не совсем правильным является употребление в законодательстве настолько развернутых, как предлагает К.Ю. Тотьев, определений. Это нерационально, с практической точки зрения, поскольку усложняет процесс толкования и применения легальных дефиниций.

Законодательное определение конкуренции, как и многие другие правовые нормы, содержащие легальные дефиниции, направлено на обеспечение однозначного толкования законоположений в процессе их реализации, а также установление внутренней согласованности и непротиворечивости законодательства. Посредством данного определения обозначен объект защиты, составляющей, по сути, предмет правового регулирования Закона о защите конкуренции. [5] Для данного закона понятие конкуренции имеет ключевое значение, с помощью определения этого понятия достигается общий целевой смысл закона. При этом для целей закона особую важность имеет названный структурный аспект конкуренции. По сути, законодатель создал предписание использовать термин «конкуренция» именно в определенном в законе значении.

В целом следует отметить, что богатство содержания понятия конкуренция осложняет задачу его определения в законе, поскольку обуславливает существование различных подходов к его восприятию. Как отмечал в свое время Гегель, «… правильность даваемого определения зависит от правильности тех восприятий, которые послужили его исходным пунктом, и от точек зрения, с которых его давали. Чем богаче подлежащий определению предмет, то есть чем больше различных сторон он представляет рассмотрению, тем более различными оказываются даваемые ему дефиниции». [6]

В связи с вышеизложенным мы в своем исследовании будем отталкиваться от легальной дефиниции конкуренции как наиболее широко распространенной и официально признанной.

Список литературы

1. ДиЛоренцо, Т. Происхождение антимонопольного регулирования: риторика и реальность / Т. ДиЛоренцо // Экономическая политика. – 2007. – № 3. – С. 33–37.
2. Российская Федерация. Законы. О защите конкуренции : Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.
3. Кизилов, В. В. К вопросу о необходимости отмены антимонопольного законодательства / В. В. Кизилов, В. В. Новиков // Закон. – 2008. – № 2. – С. 94–97.
4. Тотьев, К. Ю. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции) : учебник / К. Ю. Тотьев. – Москва, 2000. – 344 с.
5. Конкурентное право России : учебник / Д. А. Алешин, И. Ю. Артемьев, Е. Ю. Борзило [и др.] ; ответственные редакторы И. Ю. Артемьев, А. Г. Сушкевич. – Москва, 2012. – 287 с.
6. Чиннова, М. В. Дефиниции и их использование в нормативных правовых актах : дис. … канд. юрид. наук / Чиннова Марина Владимировна. – Москва, 2004. – С. 37–44.

УДК 342.9

НАЛОГОВЫЕ АГЕНТЫ В СИСТЕМЕ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Пашков С. Н., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0001-5190-0784,
Грищенко Э. Г.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: s.pashkov.donnu.ru.jur@mail.ru

Введение. Налоговое правоотношение является одной из институциональных категорий налогового права, отражающей его своеобразие и место в правовой системе Российской Федерации, поэтому не случайно ей уделяется внимание в работах многих авторитетных ученых. Неослабевающий научный интерес к налогово-правовой тематике побуждает отдельных правоведов к обстоятельному рассмотрению налоговых правоотношений, в том числе с точки зрения участия в них определенных субъектов.

Основная часть. Исходя из содержания ст. 2 Налогового кодекса Российской Федерации возможно выделить пять групп налоговых правоотношений по: установлению и введению налогов и сборов в Российской Федерации; взиманию налогов; осуществлению налогового контроля; обжалованию актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц; привлечению к ответственности за совершение налоговых правонарушений. Следует особо подчеркнуть, что не все перечисленные группы налоговых правоотношений полностью попадают в сферу налогово-правового регулирования. Некоторые из них составляют предмет других подотраслей финансового права и даже других юридических образований. Так, например, в рамках группы правоотношений по взиманию налогов и сборов отношения, обеспечивающие принудительное взимание налогов, сборов и пени с физического лица и организации, осуществляемые в судебном порядке, регламентируются гражданским процессуальным или арбитражным процессуальным правом. Кроме того, если исполнение решения о принудительном взыскании сумм налога, сбора или пени требует обращения взыскания на имущество налогоплательщика-организации или налогового агента-организации, то возникают процедурные отношения, регулируемые Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Существуют различные точки зрения относительно определения налоговых правоотношений. Так, М.В. Карасева определяет их как общественные отношения, возникающие на основе реализации норм налогового права. [3]

По мнению А.В. Брызгалина, налоговые правоотношения можно определить как урегулированные нормами налогового права общественные

отношения, возникающие по поводу установления, введения и взимания налогов. [1]

В одной из своих работ И.И. Кучеров определяет налоговые правоотношения, как разновидность финансово-правовых отношений, урегулированных нормами налогового права, а также выделяет основные налоговые правоотношения и производные от них. К основным он относит отношения по установлению и взиманию налогов и сборов, а к производным – отношения по введению налогов и сборов; отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля; отношения, возникающие в процессе обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц; отношения, возникающие в процессе привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений. [4]

Приведенные суждения отражают подход, в соответствии с которым налоговые правоотношения определяются как разновидность общественных отношений, специфика которых обусловлена нормами законодательства о налогах и сборах.

Наряду с этим существует и несколько иной подход, заключающийся в том, что налоговые правоотношения рассматриваются как «общественные отношения по распределению бремени публичных расходов среди членов общества, основанные на принципах равенства, всеобщности, экономической обоснованности (соразмерности), имеющее организационно-имущественный характер, способные существовать только в правовой форме, складывающиеся между субъектами, обладающими властными полномочиями (публичными субъектами) и не обладающими таковыми (частными субъектами)».

Не вызывает сомнений тезис о том, что налоговые правоотношения представляют собой разновидность финансовых правоотношений. В силу этого им присущи все признаки последних (особенные): они возникают и развиваются в сфере финансовой деятельности государства и муниципальных образований, одной из сторон всегда является государство, уполномоченный государством орган или муниципальное образование, являются имущественными.

Представляется очевидным и то, что налоговые правоотношения обладают индивидуальными признаками, присущими только данным отношениям и позволяющими не только выявить их сущностные черты, но и отграничить от смежных правоотношений.

Эти правоотношения, во-первых, возникают, изменяются, прекращаются только на основе норм законодательства о налогах и сборах. Общественные отношения в сфере налогообложения могут возникать и существовать только в правовой форме, только на основе норм законодательства.

Во-вторых, налоговые правоотношения существуют в сфере налогообложения, призваны воплотить возможности, которые заложены в экономической категории «налог».

Третьим специфическим признаком налоговых правоотношений является их опора на существующую систему принципов налогового права, которыми в

соответствии со ст. 3 НК РФ являются: всеобщность налогообложения, податное равенство, экономическая обоснованность налогов и сборов, конституционность налогообложения, законность установления налогов и сборов.

В-четвертых, участникам налоговых правоотношений присуще свойство налоговой правосубъектности.

Заключение. В этой связи, к наиболее значимым признакам налоговых правоотношений можно отнести: урегулированность нормами налогового права, наличие у субъектов налоговой правосубъектности, обязательное участие государства и муниципальных образований в лице уполномоченных органов, властно-имущественный характер (реализация потенциала категории «налог»). Те признаки, которые описывают налоговые правоотношения через их разновидности (установление, взимание налогов и др.), носят дополнительный характер и не раскрывают в полной мере их сущность как разновидности финансовых правоотношений.

Список литературы

1. Налоги и налоговое право : учебное пособие / под редакцией А. В. Брызгалина. – Москва : Аналитика-Пресс, 1998. – С. 130–133.
2. Винницкий, Д. В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики / Д. В. Винницкий. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – С. 128–153.
3. Налоговое право России : учебник для вузов / ответственный редактор Ю. А. Крохина. – Москва : НОРМА, 2003. – С. 191–215.
4. Кучеров, И. И. Налоговое право России : курс лекций / И. И. Кучеров. – Москва : ЮрИнфоР, 2001. – С. 87–93.
5. Налоговое право : учебник / под редакцией С. Г. Пепеляева. – Москва : Юристъ, 2003. – С. 141–197.
6. Петрова, Г. В. Налоговое право : учебник для вузов / Г. В. Петрова. – Москва : ИНФРА-М–НОРМА, 1997. – С. 54–62.
7. Винницкий, Д. В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики / Д. В. Винницкий. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – С. 144–152.

УДК 342.9

СУЩНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ

Пашков С. Н., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0001-5190-0784,
Кашапова В. П.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: s.pashkov.donnu.ru.jur@mail.ru, miss.puzyr@mail.ru

Введение. Государственное управление в любой сфере общественной жизни осуществляется посредством права. Правовое регулирование выступает

функцией государственного управления, без которой невозможно создание стабильных отношений в обществе. Совершенствование правового регулирования способствует повышению качества государственного управления, что на сегодняшний день является одной из приоритетных задач для государства.

Основная часть. Теорией административного права выработано два подхода к пониманию государственного управления. Под государственным управлением в широком смысле понимают деятельность государства по осуществлению воздействия специально уполномоченных субъектов на общественные отношения. Государственное управление в узком понимании – это управленческая деятельность органов исполнительной власти. [1]

Реализация воздействия на общественные отношения и управленческая деятельность органов исполнительной власти требуют соответствующего правового регулирования, поскольку право – инструмент в руках государства по упорядочиванию общественных отношений. Как указывает А.Я. Курбатов, «суть правового регулирования заключается в установлении целесообразных отношений между субъектами в определённой социальной сфере через предоставление им субъективных юридических прав и возложение субъективных юридических обязанностей с тем, чтобы вызвать нужное поведение». [2]

Методы правового регулирования, применение которых зависит от разнообразия общественных отношений, подлежащих урегулированию, порождают выделение публично-правового регулирования и частно-правового регулирования общественных отношений. Помимо методов правового регулирования (императивного и диспозитивного) такое разделение проводится по субъектному составу: частно-правовое регулирование осуществляется в отношении частных лиц между собой, публично-правовое регулирование – в отношении государства в лице уполномоченных органов с частными лицами, либо между государственными органами.

Для публично-правового регулирования, характерны следующие особенности: 1) императивное правовое воздействие; 2) воздействие, осуществляемое особыми субъектами: органами публичной власти; 3) подчинение одного субъекта правоотношений другому; 4) отсутствие возможностей для саморегуляции поведения субъектов правоотношений; 5) действие субъектов в чужом интересе. [3]

Частно-правовое регулирование охватывает правовую активность самих участников регулируемых отношений, предоставляя им возможность выбора правовых средств и способов удовлетворения их частных интересов. Данные особенности видов правового регулирования позволяют разграничивать право на отрасли, в зависимости от предмета и метода правового регулирования.

Частно-правовое регулирование осуществляется посредством норм таких отраслей права как гражданское, трудовое, семейное и другие. Публично-правовое регулирование возникает в результате реализации норм административного, уголовного, финансового, уголовно-процессуального и

других отраслей права. Исходя из вышеизложенного, в системе публично-правового регулирования можно выделить административно-правовое регулирование. Л.Л. Попов определяет административно-правовое регулирование и его механизм как форму юридического опосредования отношений, в рамках которой одна сторона выступает в роли управляющего (субъект управления), а другая – управляемого (объект управления). [5]

Административно-правовое регулирование таможенного дела заключается в установлении, изменении или прекращении применения методов и средств, с помощью которых реализуется таможенное дело.

Согласно положениям статьи 2 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации от 03.08.2018 № 289-ФЗ таможенное дело в Российской Федерации представляет собой совокупность методов и средств обеспечения соблюдения порядка и условий ввоза товаров в Российскую Федерацию, вывоза товаров из Российской Федерации, их нахождения и использования в Российской Федерации или за ее пределами, порядка совершения таможенных операций, порядка исчисления, уплаты, взыскания и обеспечения таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, порядка проведения таможенного контроля, порядка соблюдения запретов и ограничений, установленных в соответствии с правом ЕАЭС и (или) законодательством Российской Федерации, а также обеспечения реализации властных отношений между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и (или) распоряжения товарами. [6] Основными элементами таможенного дела на основе анализа указанных положений являются: таможенные операции, таможенные процедуры, таможенный контроль и борьба с нарушениями таможенных правил.

Следует полагать, что рассмотрение таможенного права как подотрасли административного права значительно сужает предмет правового регулирования таможенного права, так как оставляет в стороне комплекс отношений, связанных с исчислением и уплатой таможенных платежей, предоставлением услуг лицами, осуществляющими деятельность в сфере таможенного дела. Кроме этого, следует отметить, что если предметом административного права являются общественные отношения в сфере государственного управления, то предметом таможенного права выступает весь комплекс управленческих отношений в области таможенного дела, а также таможенное дело в «чистом виде». Данный вывод основан на том, что регулирование общественных отношений, возникающих при перемещении товаров через таможенную границу, невозможно при использовании только императивного метода, поскольку ряду правоотношений необходим метод гражданско-правового регулирования.

Заключение. Поскольку в данной сфере общественных отношений напрямую затрагиваются публичные интересы, в таможенных

правоотношениях обязательно присутствуют государственные органы в лице таможенных органов, которые призваны защищать эти интересы и поэтому сфера таможенного дела нуждается в государственном управлении. Присутствие в данных правоотношениях таможенного органа, являющегося органом исполнительной власти, подтверждает тот факт, что такое государственное управление осуществляется с помощью административно-правового регулирования.

Список литературы

1. Бахрах, Д. Н. Административное право : учебник / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. – Москва : Норма, 2018. – С. 45.
2. Курбатов, А. Я. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности / А. Я. Курбатов // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – № 1. – С. 27.
3. Корнилин, А. А. Понятие публично-правового регулирования / А. А. Корнилин // Право и государство: теория и практика. – 2019. – С. 4.
4. Шарифуллин, В. Р. Частно-правовое регулирование : специальность 12.00.14 : дис. … канд. юрид. наук / Шарифуллин Вадим Ринатович. – Казань, 2006. – С. 10.
5. Попов, Л. Л. Административное право России : учебник / Л. Л. Попов. – Москва : [б. и.], 2021. – С. 14.
6. Российская Федерация. Законы. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 06.08.2018. – № 32 (часть I). – Ст. 5082.

УДК 347.214.2

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ СЧЕТА ЭСКРОУ

Петров Н. В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0002-8140-0203,
Поцыбенко Е. П., ORCID 0009-0001-5148-9227
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, РФ
e-mail: petrov_sksi@mail.ru, zvr.nhk@mail.ru

Введение. В настоящее время договор счета эскроу является одним из наиболее динамично развивающихся институтов российского гражданского права: сфера его применения расширена от расчётов по договорам участия в долевом строительстве до индивидуального жилищного строительства, а порядок исполнения продолжает корректироваться. Актуальность темы подтверждается и судебной практикой последних лет: Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ разрешили спорные вопросы применения этой конструкции к отношениям застройщика и участника строительства.

Целью исследования является комплексный анализ доктринальных подходов и судебной практики для выявления истинной правовой природы счета эскроу, находящегося на стыке институтов банковского счета, цессии и обеспечительного обязательства.

Основная часть. Вопрос о числе сторон договора счета эскроу решается в литературе неединообразно. Согласно первой позиции, договор соотносится с договором номинального счёта как вид с родом и является трёхсторонним: банк выступает эскроу-агентом, а бенефициар – полноправной стороной договора, что подтверждается статусом банка на стороне агента, целевым характером использования счёта и распространением запрета распоряжения средствами не только на депонента, но и на бенефициара [6].

Согласно действующей редакции п. 1 ст. 860.7 Гражданского кодекса Российской Федерации право бенефициара на получение средств обусловлено «основаниями, предусмотренными договором счета эскроу», не называя бенефициара среди лиц, устанавливающих эти основания: они определяются депонентом и банком, тогда как бенефициар лишь приобретает право требования при их наступлении. Ослабляет и опору на родовидовую аналогию с договором номинального счёта: сама эта конструкция не предполагает обязательного участия бенефициара в заключении договора – п. 3 ст. 860.1 отдельно говорит о номинальном счёте «с участием бенефициара» как об одной из разновидностей, откуда следует факультативность, а не императивность такого участия.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о соотношении обеспечительной функции договора счета эскроу и акцессорности как формального признака способов обеспечения исполнения обязательств.

Перечень способов обеспечения, установленный ст. 329 Гражданского кодекса Российской Федерации, является открытым19, однако договор счета эскроу законодателем в главу 23 Гражданского кодекса Российской Федерации не включён. Часть авторов тем не менее относит его к непоименованным способам обеспечения [1].

Противоположную позицию занимают ученые-юристы, отрицающие акцессорный способ обеспечения в смысле ст. 329 Гражданского кодекса Российской Федерации, хотя и признают за ним обеспечительный эффект [4, 5, 8].

Вопрос о существенных условиях договора счета эскроу также не получил единообразного решения.

Наиболее распространена позиция, согласно которой существенными являются два условия – о предмете договора и об основаниях передачи имущества бенефициару. Условием, действительно требующим обязательного согласования сторонами в каждом случае, помимо предмета, остаётся только условие об основаниях передачи средств бенефициару – именно его отсутствие, а не отсутствие условия об объекте или о цене, делает договор неисполнимым.

Обратимся к отраслевым особенностям условий исследуемого договора. Существенная отраслевая специфика условий договора проявляется в

зависимости от вида обеспечиваемого им основного обязательства. Применительно к договору участия в долевом строительстве основанием раскрытия счёта выступает представление застройщиком банку разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, при этом банк обязан перечислить средства не позднее десяти рабочих дней. Для застройщиков малоэтажных жилых комплексов (МЖК), привлекающих средства для строительства индивидуальных жилых домов, ч. 6.1 ст. 15.5 214-ФЗ устанавливает отличающееся основание: перечисление средств производится только после представления разрешения на ввод в эксплуатацию всех индивидуальных жилых домов, входящих в состав комплекса [2].

Применительно к договору строительного подряда для целей ИЖС, урегулированному Федеральным законом от 22.07.2024 № 186-ФЗ [7], основанием раскрытия счёта выступает акт приёма-передачи объекта, а с 1 сентября 2026 года, в силу изменений, внесённых Федеральным законом от 31.07.2025 № 304-ФЗ [3], дополнительным условием станет наличие сведений о подрядчике в Единой информационной системе жилищного строительства.

Цена договора связана с вопросом о возмездности услуг банка. По общему правилу вознаграждение банка не может уплачиваться из денежных средств, размещённых на счёте эскроу, если иное не предусмотрено договором (п. 3 ст. 860.7 Гражданского кодекса Российской Федерации). Для расчётов по договору участия в долевом строительстве закон устанавливает более строгое правило: вознаграждение уполномоченному банку не выплачивается вовсе, а проценты на депонированную сумму не начисляются. Последнее обстоятельство породило в литературе дискуссию о справедливости распределения рисков инфляционного обесценения депонированных средств, поскольку участник строительства при расторжении договора вправе рассчитывать только на возврат первоначально внесённой суммы без её индексации. Аналогичный запрет установлен и для расчётов по договору строительного подряда для целей индивидуального жилищного строительства: ч. 6 ст. 6 Федерального закона от 22.07.2024 № 186-ФЗ также не допускает выплату вознаграждения уполномоченному банку за счёт депонированных средств – практика взыскания вознаграждения, удержанного банком в нарушение этого запрета, уже сложилась.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что договор счета эскроу остаётся одним из наиболее дискуссионных институтов современного российского гражданского права. Ни вопрос о числе сторон договора, ни вопрос о его акцессорном либо самостоятельном характере, ни перечень существенных условий не получили в доктрине единообразного решения – выявлены как минимум две устойчивые, аргументированные и взаимоисключающие позиции по каждому из названных вопросов. Именно этот дискуссионный характер института, сохраняющийся спустя более чем десять лет после его законодательного закрепления, составляет главный довод в пользу актуальности темы и необходимости дальнейшего самостоятельного

научного исследования. При этом обращение к судебной практике 2023-2026 годов показало, что многие из выявленных в доктрине теоретических разногласий – о природе имущественного иммунитета, о моменте исполнения денежного обязательства, о правах цессионария по счёту эскроу – уже получают практическое разрешение в судах, что делает их систематизацию не отвлечённой теоретической задачей, а актуальным запросом правоприменительной практики.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 09.10.2026).
2. Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/ (дата обращения: 08.10.2026).
3. Федеральный закон «О строительстве жилых домов по договорам строительного подряда с использованием счетов эскроу» от 22.07.2024 № 186-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_481246/ (дата обращения: 08.10.2026).
4. Василевская, Л. Ю. Договоры номинального счета и счета эскроу: общее и особенное в правовой регламентации / Л. Ю. Василевская // Гражданское право. – 2017. – № 3. – С. 3-5. – EDN YRRMOF.
5. Горьков, А.В. Договор условного депонирования (эскроу): проблемы правового регулирования / А.В. Горьков // Матрица научного познания. – 2026. – No 2-2. – С.43-53.
6. Крохина, Ю. А. Дискуссионные вопросы правовой природы договора счета эскроу / Ю. А. Крохина // Банковское право. – 2021. – № 4. – С. 7-16. – DOI 10.18572/1812-3945-2021-4-7-16. – EDN OKXURI.
7. Петухова, М. Р. Обязательственно-обеспечительная природа договора счета эскроу / М. Р. Петухова // Закон и право. – 2022. – № 2. – С. 109-111. – DOI 10.24412/2073-3313-2022-2-109-111. – EDN QKLYTY.
8. Чулкова, М. Р. Исполнение обязательств по договору счета эскроу : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Чулкова Мария Руслановна, 2023. – 234 с. – EDN XOSJRU.

УДК 342.9:314.06

ПОНЯТИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Подмаркова И. П., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-8535-9551
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
e-mail: irina_podmarkowa@list.ru

Введение. Демографическая безопасность в современных условиях становится одним из ключевых элементов национальной безопасности Российской Федерации. Убыль населения, снижение рождаемости и разрыв поколений («демографические «ямы») создают прямые угрозы экономическому, оборонному и интеллектуальному потенциалу государства [1, с. 508]. Вместе с тем, остается дискуссионной правовая природа демографической безопасности: является ли она самостоятельным правовым институтом либо лишь составной частью более широкой категории национальной безопасности? Ответ на данный вопрос является важным с точки зрения не только теории, но и практики правового регулирования.

Цель исследования – определить правовую природу демографической безопасности и обосновать необходимость ее законодательного закрепления в системе национальной безопасности Российской Федерации.

Основная часть. Анализ научной литературы показывает, что демографическая безопасность рассматривается исследователями прежде всего в качестве одной из составляющих национальной безопасности России. В этом контексте, как отмечают, в частности, О. Ю. Рыбаков, Т. К. Ростовская и О. С. Рыбакова, фундаментальная цель демографической безопасности заключается в оптимизации демографических показателей путем обеспечения расширенного воспроизводства коренного населения России, что выражается в повышении рождаемости и снижении смертности [2, с. 3-4]. Однако данный подход концентрируется прежде всего на количественных индикаторах, оставляя за без внимания качественные аспекты демографических трансформаций.

Необходимо констатировать, что правовое регулирование демографической безопасности реализуется через систему административно-правовых механизмов, призванных гарантировать стабильность демографической динамики. В этой связи В. А. Катомина и В. С. Пенкина акцентируют внимание на компетенциях органов государственной власти в данной предметной области, что позволяет определить демографическую безопасность как объект государственного управления [3, с. 113-114]. Однако подобная управленческая парадигма порождает вопрос об объективных критериях эффективности такого управления и наличии его надлежащих правовых гарантий.

Историко-правовой анализ демографической политики России свидетельствует, что первичные доктринальные документы в этом направлении утверждались в 2001 году на период до 2015 года в контексте обеспечения национальной безопасности. Впоследствии в 2007 году была утверждена Концепция демографической политики России на период до 2025 года, где сохранилось большинство положений предшествующего документа. В качестве важнейших направлений провозглашались укрепление здоровья и повышение продолжительности жизни, стимулирование рождаемости и укрепление института семьи, а также контроль за миграционными процессами. Ощутимым пробелом обоих документов представляется отсутствие комплексной стратегической задачи и четкого перечня субъектов, отвечающих за ее реализацию [4, с. 3-5].

На современном этапе основными концептуальными документами в сфере демографической политики России выступают Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года и национальный проект «Семья». Анализ данных актов позволяет сделать вывод о позиционировании многодетной семьи в качестве ключевого ресурса демографического развития, а институциональные меры поддержки охватывают как финансовый, так и инфраструктурный блоки. Тем не менее, сохраняются нормативные и социальные барьеры, препятствующие популяризации многодетности, что обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства [5, с. 63-68].

Остается дискуссионным вопрос о соотношении понятий «демографическая безопасность» и «демографическая политика». Если первое из них характеризует состояние защищенности социума от угроз депопуляции, то второе представляет собой деятельность государства, направленную на достижение этого состояния. Такое терминологическое разграничение имеет важное прикладное значение, т.к. позволяет выбрать конкретные правовые средства как для обеспечения демографической безопасности, так и для реализации демографической политики.

Наряду с этим требуется четко определить место демографической безопасности в системе национальной безопасности. По сравнению с военной или экономической безопасностью демографическая безопасность имеет выраженное социальное содержание, поскольку напрямую затрагивает права и свободы граждан, в том числе их семейные и репродуктивные права. Отмеченное обусловливает необходимость соблюдения конституционных прав, свобод и гарантий при разработке и реализации мер в рамках демографической политики.

Заключение. По результатам проведенного исследования можно оформить следующие выводы и предложения:

1. Под демографической безопасностью понимается состояние защищенности государства и общества от угроз депопуляции, обеспечивающее

простое или расширенное воспроизводство населения. Данное понятие нуждается в законодательном закреплении.

2. Представляется целесообразным закрепление понятия «демографическая безопасность» в тексте ФЗ «О безопасности» либо отдельного федерального закона как самостоятельный вид национальной безопасности, что сформирует основу для системного регулирования демографических процессов и разграничения компетенций органов государственной власти.

3. Следует дополнить Стратегию национальной безопасности Российской Федерации положениями, определяющими сущность демографической безопасности, и исчерпывающими критериями ее обеспечения.

Список литературы

1. Подмаркова, И. П. Политика повышения рождаемости в регионах России / И.П. Подмаркова // Проблемы управления социально-экономическим развитием регионов России в новых реалиях : материалы Всерос. науч. – прак. конф. (г. Орёл, 30.05.2023 – 31.05.2023) / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ОГУ имени И. С. Тургенева ; редкол. : Н. А. Шибаева [и др.]. – Орёл : ОГУ имени И. С. Тургенева, 2023. – С. 507-516.
2. Rybakov, O.Yu. Family and Demographic Policy in the Vector of Ensuring National Security of Russia / O.Yu. Rybakov, T.K. Rostovskaya, O.S. Rybakova // Kutafin Law Review. – 2025. – Vol. 12, No. 1. – P. 1–18. – DOI 10.17803/2713-0533.2025.1.31.001-018. EDN: ZXXOXU
3. Катомина, В. А. Правовое регулирование демографической безопасности Российской Федерации через призму административного права / В. А. Катомина, В. С. Пенкина // Аграрное и земельное право. – 2026. – № 2. – С. 113–116.
4. Ростовская, Т. К. Государственно-правовое регулирование защиты прав ребенка в векторе демографической безопасности России / Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова, И. В. Ростовская // Вопросы управления. – 2026. – Т. 20, № 2. – С. 151–161.
6. Ростовская, Т. К. Многодетная многопоколенная семья как ключевой ресурс новой долгосрочной стратегии демографического развития России / Т. К. Ростовская, А. М. Ситковский // Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 4. – С. 63–74. – DOI 10.31857/S0869587325040127.

УДК 343.9

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Подмаркова И. П., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0007-4754-6165,
Логвин М. В., ORCID 0009-0006-1929-8427
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
e-mail: irina_podmarkowa@mail.ru, logvinmariya13@yandex.ru

Введение. Противодействие финансированию терроризма – одно из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности России. Тема не теряет актуальности: угроза сохраняется, каналы финансирования меняются, а правовые механизмы должны успевать за этими изменениями. При этом важно не перегнуть: борьба с терроризмом не должна превращаться в необоснованное ограничение прав граждан. Любопытный факт: вопреки расхожему мнению о том, что террористы массово перешли на криптовалюты, эмпирические данные говорят об обратном. Лишь 7 % выявленных случаев финансирования терроризма связаны с новыми финансовыми технологиями. Остальные 93 % – это обычные банковские переводы, система «хавала», наличные и операции с высоколиквидными товарами [1, с. 354–356].

Цель исследования – проанализировать правовые механизмы противодействия финансированию терроризма в Российской Федерации и предложить направления их совершенствования.

Основная часть. Правовая база здесь многоуровневая. На международном уровне действует Конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года, которая имплементирована в российское законодательство. Внутри страны ключевую роль играет Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Он устанавливает обязанности поднадзорных организаций. Второй опорный документ – Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который определяет правовые и организационные основы борьбы с терроризмом.

Главный институциональный элемент системы – Росфинмониторинг. Служба ведет перечень организаций и физических лиц, причастных к экстремистской деятельности или терроризму. Попадание в этот перечень означает блокировку денежных средств и иного имущества.

Правовые механизмы работают на двух уровнях. Первый – превентивный. Он предполагает внутренний контроль в организациях, которые проводят операции с деньгами. Поднадзорные субъекты обязаны идентифицировать клиентов, фиксировать операции, подлежащие обязательному контролю, и сообщать о подозрительных сделках в

Росфинмониторинг. Но здесь есть проблема. Исследования показывают: система сообщений о подозрительных операциях (STR) работает не так эффективно, как задумано. Сотрудники поднадзорных организаций не всегда понимают, что именно считать подозрительным. Работа часто становится рутинной. Сама система STR давно не реформировалась [2, с. 1517–1519; 3]. Второй уровень – правоохранительный. Он связан с выявлением и расследованием преступлений по статье 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности) и статье 174.1 УК РФ (легализация денежных средств, приобретенных преступным путем).

Отдельное направление – адаптация законодательства к цифровизации финансов. В странах с высоким уровнем регулирования уже применяют машинное обучение для выявления аномалий, создают рейтинговые системы оценки риска пользователей и транзакций, налаживают обмен данными между государством, финансовыми институтами и частным сектором [4, с. 104–106]. В России, согласно Национальной оценке рисков, ситуация сложнее. Ключевые проблемы – идентификация электронных кошельков и мониторинг операций с виртуальными активами [4, с. 102].

Одна из наиболее сложных проблем – сложность выявления новых схем финансирования терроризма. Криптовалюты и электронные платежные системы дают анонимность и трансграничность, и террористические организации этим пользуются [1, с. 357–359]. Другая проблема – правовая определенность при блокировке. Включение в перечень влечет серьезные ограничения прав. Нужны работающие механизмы судебного контроля и возможность реабилитации. И еще один момент: текущие технологии и данные недостаточны для эффективного выявления финансирования терроризма. Транзакции, которые указывают на него, часто выглядят как небольшие или «нормальные» суммы. Средства могут происходить из законных источников [2, с. 1520].

Заключение. Правовые механизмы противодействия финансированию терроризма в России – это многоуровневая система. Она включает международные стандарты, национальное законодательство, институциональные структуры и правоприменительную практику. Для повышения эффективности предлагаются следующие шаги.

1. Нужно усовершенствовать правовое регулирование оборота цифровых финансовых активов в части ПФТ. Целесообразно разработать и закрепить на законодательном уровне единые методологические подходы к оценке рисков отмывания денег и финансирования терроризма, связанных с выпуском и обращением цифровых финансовых активов. Это позволит унифицировать практику для всех участников национальной системы ПФТ.

2. Стоит внедрять технологии искусственного интеллекта и машинного обучения в системы мониторинга транзакций. Такие технологии могут повысить точность аналитики, эффективность обработки данных и приоритизацию рисков. Но здесь важно не переусердствовать: нужны

правовые гарантии защиты персональных данных и запрет на этническое и религиозное профилирование.

3. Необходимо развивать государственно-частное партнерство в сфере ПФТ. Эффективность выявления подозрительных операций растет, когда есть обмен данными между Росфинмониторингом, кредитными организациями и правоохранительными органами. Представляется целесообразным законодательно закрепить дополнительные каналы оперативного взаимодействия и повысить качество обратной связи по результатам рассмотрения сообщений о подозрительных сделках.

4. Отдельного внимания требует противодействие финансированию терроризма через некоммерческие организации. Нужен риск-ориентированный подход при оценке деятельности НКО. Неприбыльные организации могут использоваться для привлечения средств под видом благотворительности. Стоит разработать дополнительные критерии оценки рисков для НКО и механизмы их проверки – так, чтобы не ограничивать законную деятельность.

Список литературы

1. Jofre, M. Terrorist Financing: Traditional vs. Emerging Financial Technologies / M. Jofre, A. Aziani, E. Villa // Terrorism and Political Violence. – 2026. – Vol. 38, № 4. – P. 354–367. – DOI 10.1080/09546553.2024.2433635.
2. Gowhor, H. S. Effectiveness criteria of suspicious transaction reporting for early detection of terrorist financing activities / H. S. Gowhor // Journal of Financial Crime. – 2024. – Vol. 31, № 6. – P. 1516–1531. – DOI 10.1108/JFC-10-2023-0254.
3. Bosma, E. Banks as Security Actors: Countering Terrorist Financing at the Human-Technology Interface / E. Bosma. – Abingdon : Routledge, 2025. – DOI 10.4324/9781003477013.
4. Тургаева, А. А. Современные подходы к оценке рисков отмывания денег и финансирования терроризма в условиях развития цифровых финансовых активов / А. А. Тургаева // Финансы: теория и практика. – 2025. – Т. 29, № 4. – С. 100–111. – DOI 10.26794/2587-5671-2025-29-4-100-111.

УДК 342

НАЛОГОВЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТРУКТУРА ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Ренжигло Р. Е.,
Манжула Т. Ю., ORCID 0009-0004-6649-4418
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: rrenzhikre@mail.ru, tatyana.manzhula88@mail.ru

Введение. В условиях кардинальной перестройки экономических связей и усложнения фискальных механизмов особую остроту приобретает проблема качестванормативно-правовой базы, регламентирующей контрольную деятельность. Налоговый контроль в такой ситуации становится ключевым инструментом, который обеспечивает соблюдение налоговых норм и пополнение государственного бюджета.

Цель работы – провести комплексный юридический анализ контрольной функции налоговых органов и выявить системные проблемы правового характера, которые возникают при оценке налоговых нарушений. Для достижения этой цели нужно решить несколько задач: изучить статистику работы Федеральной налоговой службы (далее – ФНС РФ) за 2025 год, систематизировать основные виды нарушений, определить правовые причины их появления и оценить эффективность действующих методов налогового администрирования.

Основная часть. Деятельность ФНС РФ в сфере налогового мониторинга по итогам 2025 года продемонстрировала беспрецедентную результативность: суммарный показатель дополнительно начисленных платежей достиг отметки в 706,9 млрд рублей, что на 51,7% превышает показатели 2024 года. Рассматриваемая динамика наглядно отражает интенсификацию правоприменительной практики и рост эффективности механизмов фискального администрирования. Столь масштабные показатели формируют острую потребность в детальном научном переосмыслении сути налоговых нарушений и границ полномочий фискальных органов в сфере мониторинга поступления налоговых платежей, так как именно на этом пересечении интересов формируется наибольшее количество правовых конфликтов между государством и субъектами предпринимательства [1].

Реализация функции ФНС в сфере мониторинга согласно нормам ст. 82 НК РФ, происходит путем осуществления проверочных мероприятий, истребования разъяснений у плательщиков, сверки данных отчетности и учета, а также иных форм, предусмотренных НК [2].

Переходя к рассмотрению типологии нарушений, следует уточнить дефиницию базового понятия. Налоговым правонарушением признается

виновно совершённое противоправное действие (или бездействие) плательщика, агента или иного субъекта, влекущее за собой ответственность по нормам НК РФ (ст. 106). Ключевой правоприменительной проблемой остаётся разграничение допустимой налоговой оптимизации и незаконного уклонения от налогообложения, что требует обращения к оценкам и критериям, выработанным судебной практикой (в частности, ст. 54.1 НК РФ и Постановление Пленума ВС РФ № 41 от 26.11.2019) [2; 3;5;6].

Существенное значение для понимания проблемных точек правоприменения имеет анализ структуры правонарушений, фиксируемых по итогам проверок. Базируясь на официальных данных ФНС, можно выделить доминирующие категории деликтов, систематизированные в табл. 1.

Таблица 1

Структуризация налоговых правонарушений в разрезе видов фискальных платежей [1]

Вид налога	Сумма доначислений (млрд руб.)	Доля (%)	Типичные правонарушения
Налог на добавленную стоимость (НДС)	354,7	50,2%	Неправомерное возмещение налога; использование фиктивных вычетов; отражение несуществующих сделок; использование схем «технического» НДС
Налог на прибыль	214,8	30,4%	Искусственное занижение доходной части; необоснованное увеличение затратной части; манипуляции со связанными сторонами
Налог на доходы физических лиц (НДФЛ)	42,2	6,0%	Сокрытие полученных доходов; ненадлежащее исполнение агентских обязательств
Акцизы	32,8	4,6%	Нарушение регламента выпуска и оборота акцизной продукции; умышленное занижение производственных объемов
Страховые взносы во внебюджетные фонды	15,6	2,2%	Занижение расчетной базы; неосуществление перечислений с выплат физлицам
Упрощённая система налогообложения (УСН)	15,1	2,1%	Превышение установленных пороговых значений; нарушение правил применения режима

Анализ данных из таблицы показывает, что НДС занимает лидирующее положение (50,2%) в общей сумме доначислений. Это объясняется не только сложностью правовой модели налога (ст. 146–154 НК РФ), но и высокой степенью автоматизации контроля (АСК НДС-2), позволяющей выявлять разрывы в цепочках контрагентов и признаки «технических» компаний.

Судебная практика в основном сосредоточена на вопросах законности применения вычетов (ст. 171–172 НК РФ) и подтверждении реальности хозяйственных операций, что подробно рассмотрено в работах о пределах ответственности плательщиков при злоупотреблении правом на возврат НДС [4].

На а втором месте – налог на прибыль (30,4%), где ключевая проблема связана с манипулированием доходами и расходами при операциях между взаимозависимыми лицами (ст. 105.1 НК РФ). Доля акцизов (4,6%) отражает сохраняющиеся сложности контроля производства и оборота подакцизных товаров.

Проведённый анализ позволяет сделать несколько важных заключений. Во-первых, основная масса доначислений формируется за счёт НДС, что требует дальнейшего совершенствования методик выявления «технических» компаний и схем возмещения. Во-вторых, нарушения носят системный характер, обусловленный как объективной сложностью налогового законодательства, так и целенаправленными действиями налогоплательщиков по снижению налоговой нагрузки. В-третьих, главной нерешённой правовой задачей остаётся разработка чётких критериев разграничения законной налоговой оптимизации и незаконного уклонения, что подтверждается ростом числа споров, связанных с применением ст. 54.1 НК РФ.

Заключение. Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что Усиление контрольной работы ФНС России напрямую связано с ростом выявляемых нарушений. С одной стороны, это свидетельствует о повышении эффективности налогового администрирования. С другой – указывает на необходимость доработки правовых критериев квалификации противоправных деяний, в частности, уточнения пределов налоговой реконструкции и правил применения ст. 54.1 НК РФ. Перспективными направлениями являются развитие досудебного урегулирования налоговых споров (ст. 137–142 НК РФ) и внедрение цифровых сервисов, снижающих конфликтность и повышающих прозрачность налогового контроля.

Список литературы

1. Налоговые доначисления бизнесу и гражданам в 2025 году: размеры, структура доначислений, статистика по регионам // Audit-it.ru : [сайт]. – 2026. – URL: https://www.audit-it.ru/articles/account/a1/1131468.html.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102020389
3. Воловык Р.В., Кременов И.Н.Совершенствование порядка привлечения к административной ответственности за налоговые правонарушения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. №5-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-poryadka-privlecheniya-k-administrativnoy-otvetstvennosti-za-nalogovye-pravonarusheniya.
5. Розовская Т.И. Пределы ответственности налогоплательщика за злоупотребления правом при возмещении НДС из бюджета // Имущественные отношения в РФ. 2022. №7 (250).

URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predely-otvetstvennosti-nalogoplatelschika-za-zloupotrebleniya-pravom-pri-vozmeschenii-nds-iz-byudzheta.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 N 48 О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления. Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot
7. Сынкова, Е. М. Генезис и тенденции развития института административной ответственности за налоговые правонарушения / Е. М. Сынкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2024. – № 4. – С. 205-213. – DOI 10.5281/zenodo.14554239. – EDN PFODYF.

УДК 342

ПРАВО СВОБОДНОГО ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ О СОСТОЯНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Ренжигло Р. Е., Сорокина Н. Н.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: rrenzhikre@mail.ru, nikolboyarchuk32@yandex.ru

Введение. Экологическая информация, представляет собой любые документированные и недокументированные открытые сведения о состоявшемся, длящемся и потенциальном воздействии на окружающую среду, угрозе жизни и (или) здоровью граждан РФ, лиц без гражданства и иностранных граждан, а также о состоянии окружающей среды (в том числе и прогнозном) на территории РФ, мерах, принимаемых по ее охране, и об осуществлении правосудия по делам о нарушении экологического законодательства.

Цель работы – обосновать содержание права свободного доступа к информации о состоянии окружающей среды и выявить проблемы его правоприменения.

Основная часть. Информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений согласно ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Она может быть использована свободно любым лицом и быть передана одним лицом другому лицу, если федеральными законами не установлены ограничения доступа к информации либо иные требования к порядку ее предоставления или распространения. Статья 8 указанного закона прямо запрещает устанавливать ограничения на доступ к нормативным правовым актам, затрагивающим права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также устанавливающим правовое положение организаций и полномочия государственных органов, органов местного самоуправления, а

также к информации о состоянии окружающей среды (экологической информации). Ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, к национальным интересам в информационной сфере отнесено обеспечение конституционных прав человека на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды.

Длительное время трудности в реализации права на доступ к экологической информации, провозглашённого в ст. 42 Конституции РФ, были связаны с отсутствием в законодательстве состава, правил размещения и обновления такой информации. Ситуация изменилась с принятием Федерального закона от 09.03.2021 № 39-ФЗ, который дополнил ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды» определением информации о состоянии окружающей среды и ввёл ст. 4.3, закрепившую особенности правового режима экологической информации. Кроме того, ФЗ № 39-ФЗ установил обязанность федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов РФ и местного самоуправления размещать экологическую информацию на официальных сайтах в форме открытых данных, в том числе сведения:

– о состоянии и загрязнении окружающей среды (атмосферный воздух, поверхностные воды, почвы);

– о радиационной обстановке;

– о стационарных источниках, уровне и объёме выбросов, сбросов загрязняющих веществ;

– об обращении с отходами производства и потребления;

– о мероприятиях по снижению негативного воздействия на окружающую среду.

Порядок предоставления экологической информации регулируется также ФЗ от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», который устанавливает процедуры запроса и ответа на обращения граждан.

Право граждан на получение экологической информации обеспечивается нормами специального законодательства: ст. 8 ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», ст. 19 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» от 21.11.2011 № 323-ФЗ, ст. 18 ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций», ст. 9 ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», ст. 23 ФЗ «О радиационной безопасности населения», ст. 29 ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», ст. 24.11 ФЗ «Об отходах производства и потребления», ст. 9 ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений».

Наиболее широкое определение экологической информации дано в Орхусской конвенции (1998). Согласно ст. 2, экологическая информация – любая информация в письменной, аудиовизуальной, электронной или иной материальной форме:

а) о состоянии элементов окружающей среды (воздух, вода, почва, ландшафт, биологическое разнообразие, включая генетически изменённые организмы) и их взаимодействии;

б) факторах воздействия (вещества, энергия, шум, излучение), а также деятельности, мерах, политике, законодательстве, планах и программах, оказывающих или способных оказать воздействие на элементы окружающей среды;

в) состоянии здоровья и безопасности людей, условиях жизни, объектах культуры и зданий в той степени, в какой на них воздействует или может воздействовать состояние элементов окружающей среды.

По мнению М.М. Бринчука в содержании понятия «экологическая информация» должны присутствовать сведения о деятельности, отрицательно влияющей или могущей повлиять на природные объекты и человека, а также о деятельности государственных органов, юридических лиц и граждан – предпринимателей в сфере распоряжения природными ресурсами, природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения соблюдения и защиты экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц, если необходимость осуществления такой деятельности установлена законодательством России[1, с.106].

Несмотря на законодательное закрепление, сохраняются существенные пробелы:

– отсутствует чёткое разграничение объёма термина «экологическая информация», что затрудняет реализацию конституционной нормы о всеобщей доступности достоверных данных;

– доступ граждан реализован лишь к ограниченному объёму информации, в то время как прогнозы состояния окружающей среды, сведения о планируемом воздействии хозяйственной деятельности и природоохранных мероприятиях остаются недостаточно открытыми;

– не установлена ответственность за непредоставление экологической информации в форме открытых данных в полном объёме;

– отсутствует единая судебная практика по спорам об отказе в предоставлении экологической информации.

Заключение. Законодательство РФ за последние годы существенно продвинулось в закреплении права на доступ к экологической информации. Однако правоприменительная практика сталкивается с неопределённостью объёма понятия, ограниченностью фактически доступных данных и отсутствием эффективных механизмов контроля за полнотой раскрытия. Перспективными направлениями являются уточнение перечня сведений, подлежащих обязательному раскрытию, и формирование судебной практики

по делам об оспаривании отказов в предоставлении экологической информации.

Список литературы

1. Бринчук, М. М. Экологическое право : учебник / М. М. Бринчук. – 4-е изд. – Москва : Эксмо, 2010. – С. 106–120.
2. Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.
3. Российская Федерация. Президент. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.
4. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 09.03.2021 № 39-ФЗ. – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378689/ad890e68b83c920baeae9bb9fdc9b94feb1af0ad/ (дата обращения: [укажите дату]).

УДК 340.1

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ренжигло Р. Е.,
Терещенко К. А., ORCID 0009-0001-6825-4635
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: rrenzhikre@mail.ru, karinaulyan@mail.ru

Введение. Институт юстиции входит в число базовых управленческих структур, которые исторически формировались в любых государственных образованиях. Основным предназначением подобных ведомств всегда оставалось обеспечение законности и правопорядка.

Цель работы – выявить и проанализировать проблемы в работе Минюста России, связанные с противоречиями в законодательстве и в Положении о Министерстве юстиции РФ, утверждённом Указом Президента РФ от 13.01.2023 № 10 (в ред. от 17.09.2025), а также предложить способы их устранения.

Основная часть. После провозглашения суверенитета России судебная сфера окончательно обособилась и стала функционировать автономно, вне зависимости от иных государственных ветвей. Министерство юстиции, не утратив своего присутствия в политической системе, заняло место в исполнительном блоке. В результате трансформаций, связанных с

преемственностью от советского аппарата, часть компетенций ведомство сохранило, однако существенный сегмент управленческих рычагов был делегирован непосредственно судейскому корпусу. Утрата главного контрольного механизма над судами неизбежно ставит под сомнение необходимость дальнейшего существования данной структуры. Сегодня проблема только усиливается из-за того, что министерство сосредоточило в своих руках полномочия сразу из трёх сфер управления. В результате появляется всё больше лишних административных барьеров, решения дублируются, а при работе государственных органов возникает путаница [2, с. 60].

Если внимательно посмотреть на регламент, который президент утвердил в начале 2023 года (Указ Президента РФ от 13.01.2023 № 10 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации»), можно заметить серьёзные юридические просчёты уже в самой формулировке норм. Особенно бросается в глаза второй пункт документа: там в одном ряду стоят разные по смыслу понятия – «сфера влияния», «управленческие действия» и «зона ответственности». Такой способ изложения явно выходит за рамки того, что допустимо в подзаконных актах. Например, в подпункте 9 второго пункта прямо сказано о регулировании «работы учреждений, исполняющих наказания». Но эта область относится к ведению профильного федерального кодекса, и устанавливать правила здесь через ведомственные распоряжения или инструкции самого министерства нельзя.

Если внимательно прочитать подпункт 10 пункта 2 этого документа, сразу бросается в глаза серьёзное несоответствие правовым нормам. Там Минюсту России поручают координировать вопросы государственного территориального устройства. Но статья 71 Конституции РФ относит эту сферу к исключительному ведению самой Российской Федерации как единого государства. Из-за этого возникает очевидное противоречие: выражение «предмет ведения» может относиться только к государству в целом или к его субъектам, но никак не к отдельному министерству.

При этом важно помнить, что территориальные вопросы могут решаться и на федеральном, и на региональном уровне. Например, то, как именно территория субъекта РФ делится на административные единицы, определяет сам этот субъект. В действующем законодательстве нет сколько-нибудь значимых норм, которые наделяли бы Министерство юстиции ролью в этой сфере. Более того, в том же подпункте говорится о «разграничении полномочий» между федеральной властью, регионами и муниципалитетами. Но такая формулировка прямо не совпадает с частью 6 статьи 1 Федерального закона № 414-ФЗ, где чётко сказано, что подобные вопросы могут устанавливаться только Конституцией, федеральными законами и договорами. Иными словами, Минюсту приписывают функции, которые уже закреплены и урегулированы на самом высоком уровне.

Что касается упоминания в этом подпункте «правовой организации местного самоуправления», то формально здесь нарушения нет. Часть 1 статьи

4 Федерального закона № 131-ФЗ разрешает федеральным органам исполнительной власти издавать акты, которые регулируют основы местного самоуправления. Но нужно учитывать, что такие полномочия есть не только у одного ведомства. Поэтому если эту формулировку всё же решат оставить, в регламенте надо отдельно и ясно указать, какие именно функции Министерства юстиции относятся к этой сфере. Иначе останется неясность.

Если сопоставить пункт 2 и пункт 19 Положения, становится заметно, что в них применяются разные формулировки. В подпунктах 2, 3, 6, 7, 8 и 9 пункта 2 речь идет о таких направлениях работы, как регистрация некоммерческих объединений, бесплатная юридическая помощь, а также правовое информирование и юридическое просвещение граждан. Эти же функции фактически продублированы в подпунктах 1, 4, 5, 6, 7 и 8 пункта 19. Возникает закономерный вопрос: почему в последнем пункте не упомянуты адвокатура и нотариат, хотя они фигурируют в подпунктах 4 и 5 пункта 2? Представляется рациональным объединить пункт 5, определяющий перечень субъектов для контрольно-надзорной деятельности, с пунктом 2. Такая систематизация позволила бы сконцентрировать все направления деятельности ведомства в едином блоке, что исключило бы фрагментацию функций и повысило бы логическую стройность документа [1, с.121-122].

Чтобы сделать правовое регулирование работы Минюста России более точным, стоит внести поправки в Указ Президента РФ № 10 от 13.01.2023. В частности, документ можно дополнить положением, которое расширит возможности ведомства в сфере цифровизации административных процессов. В обновлённой редакции следует прямо закрепить обязанность министерства создавать и внедрять единые цифровые сервисы, чтобы обмен данными между госорганами был проще, а документы постепенно переводились в электронный вид.

Также в административный регламент, утверждённый приказом Минюста России № 207 от 02.08.2023, целесообразно добавить нормы о внедрении системы оценки работы сотрудников. В этом разделе нужно чётко определить показатели эффективности, которые будут учитывать как объём выполненной работы, так и её качество.

Заключение.

По итогам исследования можно предложить следующее:

1. Целесообразно уточнить пункт 2 Положения о Министерстве юстиции РФ, чтобы устранить неясность между понятиями «функция» и «предмет ведения».

2. Доработать пункты 2 и 19 Положения, устранив фрагментацию и дополнив пункт 19 упоминанием адвокатуры и нотариата.

3. Исключить из пункта 2 нормы, создающие риск расширительного толкования компетенции Минюста.

4. Конкретизировать в подпункте 10 пункта 2 функции Минюста в сфере «правовой организации местного самоуправления».

Список литературы

1. Уваров, А. А. О контрольно-надзорной и иных функциях Министерства юстиции Российской Федерации / А. А. Уваров, В. А. Яковлев-Чернышев // NB: Административное право и практика администрирования. – 2023. – № 4. – С. 120-134. – DOI 10.7256/2306-9945.2023.4.68777. – EDN MTMXNE.
2. Шагиев, Б. В. Проблемы функционирования Министерства юстиции РФ в системе разделения властей России / Б. В. Шагиев // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 59-63. – EDN VGHXDJ.
3. Указ Президента РФ от 13.01.2023 N 10 (ред. от 17.09.2025) Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации (вместе с Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации) URL: https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-13012023-n-10/?ysclid=muy7d3jv5o881787215
4. Сынкова, Е. М. Оспаривание недействительности административно-правового акта в публично-правовых отношениях / Е. М. Сынкова // Научные труды. Российская академия юридических наук : Сборник научных трудов. – Москва : ООО Издательская группа "Юрист", 2026. – С. 211-216. – EDN AUXSUR.

УДК 796:342

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Свечкарёв В. Г., д-р пед. наук, проф., ORCID 0000-0002-4567-0476,
Емец Д. С.
ЧОУ ВО «Ростовский институт защиты предпринимателя», г. Ростов-на-Дону, РФ
e-mail: vital89286686941@mail.ru, mussalerlimited@gmail.com

Введение. Активный ритм жизни, ухудшение экологических условий, перегрузки на работе, вредные привычки и недостаток сна являются главными факторами роста заболеваемости и распространения хронических неинфекционных патологий у современного человека [1]. Поэтому государство обязано осуществлять политику, направленную на сохранения и укрепления здоровья населения [2]. Ключевым инструментом такой политики выступает развитие оздоровительной физической культуры, поскольку регулярная двигательная активность признана лучшим способов профилактики сердечно-сосудистых, эндокринных и других социально значимых заболеваний.

Обязательства по охране здоровья граждан закреплены в Конституции РФ в статья 41.

Цель исследования – проанализировать современное состояние правового регулирования физической культуры и спорта (ФКС) по формированию ЗОЖ у населения.

Основная часть. Фундаментальным документом, определяющим вектор развития отрасли, является Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О

физической культуре и спорте в Российской Федерации». Он устанавливает главные задачи развития сферы и регламентирует деятельность спортивных организаций.

Важнейшим инструментом стратегического планирования выступает государственная программа «Развитие физической культуры и спорта», утверждённая Постановлением Правительства РФ от 30.09.2021 № 1661 [3]. Программа устанавливает конкретные целевые показатели. Ежегодно по стране планируется проводить свыше 13,5 тыс. спортивных мероприятий – государство системно создаёт условия для вовлечения населения в спорт.

На местах политика тоже работает: в Ростовской области за 2024 год прошло более 800 соревнований [4], а в Москве по проекту «Мой спортивный район» открыли свыше 180 бесплатных площадок [5]. Доступность спорта растёт независимо от доходов граждан. Но есть и слабые места. Основная масса занимающихся – молодёжь до 29 лет, остальные возрастные группы охвачены слабо. Старшие возрастные группы остаются охваченными в значительно меньшей степени, это не даёт в полной мере реализовать потенциал физической культуры как средства активного долголетия и профилактики возрастных заболеваний.

Кроме того, фиксируются случаи проведения мероприятий, прямо противоречащих принципам ЗОЖ. Например, в Ленинградской области проводится забег «Пивная миля», суть которого заключается в употреблении алкоголя перед спортивным соревнованием. Местные жители неоднократно обращались в органы власти с просьбой запретить данное мероприятие, однако реакция отсутствовала [6]. Подобные факты дискредитируют саму идею здорового образа жизни и создают опасный прецедент, когда спорт используется как повод для популяризации вредных привычек.

Полученные результаты позволяют констатировать, что правовое регулирование физической культуры и спорта в России в целом развивается в правильном направлении. Государство обеспечивает нормативную базу, финансирование и организационную поддержку отрасли. Однако сохраняются системные проблемы, требующие решения.

Во-первых, демографический дисбаланс. Вовлечённость преимущественно молодёжи объясняется тем, что современное молодое поколение активно пропагандирует спорт и ЗОЖ, тогда как старшие возрастные группы остаются вне поля активной государственной политики. Нужно увеличить бюджет на программы для людей среднего и пожилого возраста: открывать группы здоровья, адаптивные секции, клубы по интересам при госучреждениях.

Вторая проблема – мероприятия, пропагандирующие алкоголь. Такие соревнования нужно законодательно запретить, уточнив в законе № 329-ФЗ определение физкультурного мероприятия и добавив запрет на употребление спиртного и других психоактивных веществ.

И наконец – инфраструктура рядом с домом. Московский опыт

бесплатных площадок доказал свою эффективность, его стоит распространить на другие регионы, зафиксировав нормы в градостроительных правилах.

Необходима системная работа по формированию культуры ЗОЖ как элемента национальной безопасности. Это предполагает не только строительство объектов, но и информационно-пропагандистскую деятельность, внедрение здоровьесберегающих технологий в образовательных и трудовых коллективах.

Заключение:

1. Регулирование физической культуры и спорта в России опирается на два ключевых документа: Федеральный закон № 329-ФЗ и государственную программу развития отрасли. Такая база создаёт предпосылки для того, чтобы конституционное право граждан на охрану здоровья работало на практике.

2. Региональные практики (Москва, Ростовская область) демонстрируют позитивную динамику: растёт количество спортивных мероприятий, расширяется сеть бесплатных спортивных площадок.

3. Выявлены проблемные зоны: демографический дисбаланс (преимущественное вовлечение молодёжи) а также соревнования, которые противоречат самой идее здорового образа жизни (к примеру, забег «Пивная миля»).

4. Намечены направления доработки: больше программ для пожилых, запрет на соревнования с алкоголем, площадки рядом с домом и более активная пропаганда ЗОЖ.

5. Реализация данных мер позволит повысить качество жизни населения, увеличить продолжительность активного долголетия и укрепить национальную безопасность через формирование здорового и физически развитого общества.

Список литературы

1. Свечкарёв, В. Г. Тренажер «Правило» и современный образ жизни / В. Г. Свечкарёв // Проблемы физической культуры населения, проживающего в условиях неблагоприятных факторов окружающей среды: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. (Гомель, 05–06 окт. 2017 г.) / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – Ч. I. – С. 258–261. – EDN ZQSSMF.
2. Свечкарёв, В. Г. Управление в сфере физической культуры и спорта / В. Г. Свечкарёв // Международный электронный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика. – 2020. – № S2(26). – С. 316–320. – EDN CIQEUF.
3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта»: постановление Правительства Рос. Федерации от 30.09.2021 № 1661 (ред. от 15.11.2025) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2021. – № 41. – Ст. 6972.
5. График мероприятий 2024 год [Электронный ресурс] // Минспорт Ростовской области: официальный сайт. – Ростов-на-Дону, 2025. – URL: https://minsport.donland.ru/presscenter/news/367471/ (дата обращения: 24.09.2026).
6. О развитии инфраструктуры для массового спорта и повышении доступности спортивных и физкультурно-оздоровительных услуг на территории города Москвы: постановление

Правительства Москвы от 21.09.2021 № 1484-ПП // Вестник Москвы. – 2021. – 28 сент. – № 18.
7. В России призвали запретить забег «Пивная миля» из-за пропаганды алкоголя [Электронный ресурс] // Абзац Медиа. – Москва, 2025. – URL: https://absatz.media/news/120956-v-rossii-prizvali-zapretit-zabeg-pivnaya-milya-iz-za-propagandy-alkogolya (дата обращения: 24.09.2026).

УДК 343.326

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДИВЕРСИОННОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАК ОСОБОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА

Собин Д. В., канд. юрид. наук,
Брагин М. С.
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
e-mail: kyp-ik@mail.ru, sovetnikavto@yandex.ru

Введение. В условиях введенного Президентом Российской Федерации на территориях новых субъектов Российской Федерации особого правового режима – военного положения, а также проведения специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины противоборствующая сторона активно использует различные методы диверсионно-террористической деятельности для нанесения существенного ущерба инфраструктуре и населению Российской Федерации.

В условиях Специальной военной операции в настоящее время являются актуальными вопросы разграничения ряда квалифицирующих признаков диверсионной и террористической деятельности.

По данным информационных массивов правоохранительных органов на территории ДНР с начала 2023 года по сегодняшний день возбуждено в отношении неустановленного лица только одно уголовное дело, квалифицированное по ст. 281 УК РФ. В свою очередь, при сравнении статистических показателей возбужденных уголовных дел по террористическим актам, их количество превышает диверсии более, чем в 100 раз.

Цель исследования – выявить проблемы разграничения диверсионной и террористической деятельности в условиях военного положения и обосновать необходимость конкретизации законодательной конструкции диверсии (ст. 281 УК РФ) и разработки четких критериев её отграничения от террористической деятельности.

Основная часть. Необходимо отметить, что вопросы противодействия терроризму прямо регламентированы Федеральным законом от 06.03.2006

№ 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [1], в котором определяется достаточно широкий круг деяний, могущих быть отнесёнными к террористической деятельности [2]. При этом особенности диверсионной деятельности и перечень противоправных действий, которые могут признаваться таковой, в настоящий момент законодательством не определены, что затрудняет ее разграничение с террористической деятельностью. Данная проблема не раз освещалась в юридической литературе. Некоторые авторы предлагали объединить диверсионную деятельность с террористической и рассматривать их как одно целое, однако практической реализации это предложение до настоящего времени не нашло.

Диверсии на практике присущи, как правило, маркеры анонимности, нацеленность деяния на объект, значимый для экономики/обороноспособности (например, объекты топливно-энергетического комплекса, военно-промышленного комплекса и т.д.), тогда как для террористической деятельности характерны демонстративность, предъявление требований органам власти, выбор в качестве места совершения деяния объекта массового пребывания людей и как следствие провоцирование эффекта запугивания населения за пределами места происшествия. Одним из проблемных вопросов разграничения диверсионной и террористической деятельности являются идентичные способы их осуществления – «взрыв, поджог или иные действия». При этом, конструкция ст. 281 УК РФ при перечислении разновидностей диверсионных актов содержит формулировку «иные действия», перечень которых в законодательстве не раскрыт и на практике имеет оценочный характер. Это отличает диверсионную деятельность от террористической, признаки которой помимо соответствующего закона указаны в разъяснениях Верховного Суда РФ [3].

Как справедливо отметил А.В. Куликов «если с двумя представленными формами совершения диверсии все понятно, то «иные действия», указанные в диспозиции статьи, вызывают споры в научном сообществе. [4].

На практике одним из основных аспектов разграничения диверсионной и террористической деятельности являются их специальные цели, как существенные признаки субъективной стороны: для терроризма – действия, заведомо для причастных лиц устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий; для диверсии – подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. В условиях военного положения как особого административно-правового режима установление цели совершения указанных действий проблематично, поскольку реальные намерения лица, совершившего общественно опасное деяние, могут быть тщательно скрыты или носить неконкретизированный характер. Кроме того, действия участников вооруженных формирований иностранных государств либо их пособников из числа местных жителей могут быть направлены одновременно на достижение двух указанных целей.

Ряд ученых обсуждает вопрос идеальной совокупности квалификации соответствующих преступлений по статьям 205 и 281 УК РФ, когда деяние направлено и на устрашение населения, и на подрыв обороноспособности. Уголовный закон допускает такое правоприменение, однако данный подход не находит своего практического применения при квалификации выявленных фактов.

В условиях военного положения участились случаи поджогов телекоммуникационного оборудования (в ДНР, начиная с 2023 года, зафиксировано более 10 фактов). Правоприменитель признавал данные деяния террористическими. Однако целесообразно обратить внимание, что законодатель обозначил объектом диверсионной деятельности не физическую оболочку (объект связи), а более узкое понятие средства связи (технические и программные средства). То есть, фактически после установления умысла лица и объема технических повреждений объекта связи возможно признавать содеянное именно диверсионными актами. То есть, разграничивать в плоскости субъективной стороны по мотивам и целям деяния.

К сложности разграничения диверсионной и террористической деятельности также относится практически одинаковая степень их общественной опасности, выражающаяся в фактически равноценных санкциях статей 205 и 281 УК РФ.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что для совершенствования квалификации диверсионной деятельности требуется как конкретизация ее законодательной конструкции, так и разработка четких критериев отграничения её от террористической деятельности.

Устранение выявленных пробелов и коллизий в частности путём внесения соответствующих изменений в ФЗ «О противодействии терроризму» будет способствовать повышению уровня эффективности борьбы с диверсионно-террористической деятельностью в условиях военного положения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.06.2014) «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006. 10 марта // СПС «Гарант».
2. Пикина, Т.В. Проблемные аспекты квалификации преступлений за совершение диверсии / Т.В. Пикина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – С 259-265.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (с изменениями и дополнениями). – Текст: электронный // ГАРАНТ: [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/70137188/?ysclid=mv09l4ire0671600758 (дата обращения: 08.10.2026).
4. Куликов, А. В. Диверсия как опаснейшее преступление современности: проблемы разграничения с террористическим актом / А.В. Куликов. – Текст: электронный // «Ларутăру» («Среда») издательство çурчĕ: [сайт]. – URL: https://phsreda.com/cv/article/103075/discussion_platform?ysclid=mv09nt3v6k376605704 (дата обращения: 08.10.2026).

УДК 349.6

КАРАНТИННАЯ ФИТОСАНИТАРНАЯ ЗОНА КАК ФОРМА ТЕРРИТОРИАЛИЗАЦИИ БИОЛОГИЧЕСКОГО РИСКА

Сухова Е. А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0002-2030-6694
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, РФ
e-mail: suhova-elena@yandex.ru

Введение. По состоянию на конец 2025 г. в Российской Федерации действовало 25 738 карантинных фитосанитарных зон общей площадью 900,8 млн га. За год их число увеличилось на 2 618, а общая площадь – почти на 39,7 млн га [1]. При таких масштабах применения территориальных мер возникает вопрос о том, как соотносятся место выявления карантинного объекта, территория его возможного распространения и границы действия специального правового режима.

Пунктом 16 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О карантине растений» карантинная фитосанитарная безопасность определяется как состояние защищенности территории Российской Федерации от рисков, возникающих при проникновении на нее и (или) распространении по ней карантинных объектов. Их выявление может повлечь установление карантинной фитосанитарной зоны, в пределах которой вводится специальный режим. Поэтому место выявления карантинного объекта и территория действия соответствующих требований не всегда совпадают. Такое разграничение позволяет рассмотреть карантинную фитосанитарную зону как одну из форм территориализации биологического риска.

Основная часть. Выявление карантинного объекта служит основанием для принятия предусмотренных законом мер, однако само по себе не определяет их пространственные пределы. Согласно ч. 1 ст. 20 Федерального закона № 206-ФЗ, при подготовке программы локализации очага карантинного объекта и ликвидации его популяции учитываются результаты анализа фитосанитарного риска, биологических особенностей карантинного объекта и обстоятельств его выявления, географических особенностей, факторов сезонного характера. В соответствии с ч. 2 этой статьи программа содержит сведения о границах карантинной фитосанитарной зоны, ограничениях деятельности, мероприятиях по локализации очага и ликвидации популяции, а также план проверок, расположенных в ее границах подкарантинных объектов. Таким образом, от установления границ зависит пространственный предел действия предусмотренных программой требований. Территория выступает здесь элементом правовой меры, а не только местом ее реализации.

Пространственные характеристики риска приобретают самостоятельное юридическое значение через установление территории, в границах которой

действует специальный режим. В этом состоит отличие территориализации от идентификации места выявления карантинного объекта.

Для такого перехода имеют значение два условия: возможность распространения карантинного объекта за пределы территории первоначального выявления и учет характеристик окружающей территории при оценке риска, определении содержания фитосанитарных мер либо пространственных пределов их действия. Пространственная дифференциация фитосанитарного риска подтверждается исследованиями экологического нишевого моделирования [2].

Следует различать место выявления карантинного объекта, территорию его возможного распространения и установленную карантинную фитосанитарную зону. Первое фиксирует исходную пространственную связь риска, второе определяется с учетом свойств карантинного объекта и условий среды. Границы зоны устанавливаются правовым решением и не обязательно совпадают с территорией фактического выявления карантинного объекта.

Оба условия находят нормативное выражение в ст. 19 Федерального закона № 206-ФЗ. Согласно ч. 6 этой статьи при установлении зоны учитываются площадь и конфигурация земельных участков, рельеф местности, биологические особенности карантинного объекта и результаты анализа фитосанитарного риска, включая потенциальную опасность его распространения вследствие природных факторов. Возможность распространения тем самым оценивается во взаимосвязи с характеристиками территории. При этом подтверждение заражения не влечет автоматического установления зоны: в соответствии с ч. 3 ст. 19 уполномоченный орган принимает решение о введении режима и установлении зоны либо о нецелесообразности их установления. Следовательно, выявление карантинного объекта является исходным юридическим фактом, но не предопределяет территорию действия специального режима.

Зависимость пространственных пределов фитосанитарных мер от характеристик риска прослеживается и в международных стандартах. ISPM 4 при установлении территории, свободной от вредителя, предусматривает учет биологии вредителя, способов его распространения и характеристик соответствующей территории [3]. В EPPO PM 5/10(1) размер буферной зоны связывается со способностью вредителя к распространению, особенностями его биологии и локальной среды [4]. Анализ 121 случая вспышек 25 вредителей растений в Европейском союзе показал использование различных типов зон, в пределах которых применялись разные фитосанитарные меры [5]. Это подтверждает, что пространственное разграничение связано не только с фиксацией распространения вредителя, но и с выбором содержания мер.

Исследования стратегий делимитации показывают, что границы зараженной территории также не сводятся к линии вокруг точки обнаружения вредителя. Их определение зависит от характеристик вредителя, пространственного распределения растений-хозяев и условий распространения

[6]. Количественная оценка фитосанитарного риска позволяет учитывать вероятность проникновения вредного организма в анализируемую зону и его акклиматизации в ней [7]. Для правового регулирования это существенно постольку, поскольку установленная граница одновременно определяет предел действия ограничений и иных обязательных требований.

Заключение. Карантинная фитосанитарная зона может рассматриваться как форма территориализации биологического риска. Ее установление предполагает учет возможности распространения карантинного объекта и характеристик окружающей территории. Территория возможного распространения характеризует пространственный охват риска, а юридически установленная зона определяет пределы действия специального режима. Это позволяет разграничить пространственную идентификацию биологического риска, его пространственный охват и юридическое определение территории действия правовой меры.

Список литературы

1. Национальный доклад о карантинном фитосанитарном состоянии территории Российской Федерации в 2025 году / Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору. – М., 2026. – С. 17.
2. Афонин А. Н. Технологии моделирования экологических ниш как инструмент анализа фитосанитарного риска / А. Н. Афонин, Ю. Ю. Кулакова, Ю. А. Федорова // Вестник защиты растений. – 2021. – Т. 104, № 1. – С. 40–52. – DOI 10.31993/2308-6459-2021-104-1-14422.
3. IPPC Secretariat. Requirements for the establishment of pest free areas // International Standard for Phytosanitary Measures No. 4. – Rome: FAO, 2024. – Текст: электронный. – URL: https://www.ippc.int/en/publications/requirements-establishment-pest-free-areas/ (дата обращения: 07.10.2026).
4. PM 5/10 (1) Guidelines on the design and implementation of a buffer zone // EPPO Bulletin. – 2021. – Vol. 51, № 3. – P. 438–450. – DOI 10.1111/epp.12777.
5. Sun H. Zoning strategies for managing outbreaks of alien plant pests in the European Union: a review / H. Sun, J. C. Douma, M. F. Schenk [et al.] // Journal of Pest Science. – 2023. – Vol. 96. – P. 903–919. – DOI 10.1007/s10340-023-01591-y.
6. Koh J. M. J. Assessing delimiting strategies to identify the infested zones of quarantine plant pests and diseases / J. M. J. Koh, N. J. Cunniffe, S. Parnell // Scientific Reports. – 2025. – Vol. 15. – Art. 5610. – DOI 10.1038/s41598-025-90343-2.
8. Орлинский А. Д. Количественная оценка фитосанитарного риска с использованием программы CAPRA // Защита и карантин растений. – 2019. – № 2. – С. 30–32.

УДК: [349.3:368](470+571)(075.8)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРЕСТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, доц., ORCID 0009-0000-5375-6096,
Дзюмак А. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: e.synkova.jur.fac@mail.r, *dzumak@mail.ru*

Введение. В настоящее время российский рынок перестрахования переживает непростое время. Несмотря на то, что данная отрасль непрерывно развивается, и ее экономические преимущества ни у кого не вызывают сомнений, этот институт до сих пор остается малоизученным, ставя перед участниками рынка перестрахования целый ряд трудно решаемых задач и вопросов. Основной причиной возникновения большинства спорных ситуаций продолжает оставаться отсутствие правового оформления вопросов перестрахования, что тормозит дальнейшее развитие, как рынка перестрахования, так и страхования в России в целом, а, следовательно, мешает приблизиться к международным стандартам. Российские компании работают с международными перестраховочными компаниями как напрямую, так и через международных брокеров.

Цель – раскрыть особенности правового регулирования перестрахования в Российской Федерации

Основная часть. Перестрахование является необходимым условием обеспечения финансовой устойчивости страховых операций и нормальной деятельности любого страхового общества. Известно, что страхование базируется на теории вероятностей и законе больших чисел. Согласно этому закону совокупное действие большого числа случайных факторов приводит при некоторых весьма общих условиях к результату, почти не зависящему от случая. Случайность проявляется как закономерность. Первое русское общество перестрахования появилось в конце XIX века в 1895г [1, с. 25].

В России не хватает внутренних перестраховочных емкостей, из-за санкций компании оказались перед угрозой невозможности перестраховывать свои риски в полном объеме или не получить выплату компенсации по действующим договорам. Основная пятерка стран-лидеров, в которые из России уходят перестраховочные премии, сейчас полностью состоит из недружественных стран.

Некоторые договоры перестрахования, включающие не только опасные риски и возможность наступления крупных убытков, но и сложные расчеты премий, стали более важными, чем в прошлом, и в некоторых сферах оттеснили классические формы перестрахования, которые с их более высоким объемом перестраховочных премий имели довольно сбалансированный результат.

Перестрахование представляет собой вторичное распределение риска. В результате перестрахования и ретроцессии достигаются дробление рисков, распределение ответственности среди большого количества страховых обществ, как на внутреннем страховом рынке, так и на внешнем страховом рынке.

Таким образом, развитие системы перестрахования в условиях рынка возможно на основе защиты национальных интересов при поддержке открытости отношений перестрахования.

Ключевым моментом в развитии перестрахования в нашей стране будет приобретение российскими компаниями перестраховочной защиты. Потому что страховщики, исходя из принципов диверсификации, не хотят оставлять на собственном удержании крупные страховые риски. Отечественная финансовая система прибегает к относительно эффективным, чтобы справляться с нынешней ситуацией.

После ухода западных перестраховщиков в 2022 году и введения санкционных ограничений национальный перестраховщик, созданный регулятором, превратился в главный, а зачастую и единственный инструмент защиты страхового рынка. Обладая особым статусом и правом на обязательную цессию, эта структура аккумулирует подавляющую долю крупных и сверхкрупных рисков страны. По итогам девяти месяцев 2025 года доля компании на профильном рынке превысила 56%, что делает её доминирующим игроком в сегменте перестрахования. При этом она остаётся единственной организацией, готовой работать с полным спектром внутренних рисков – от промышленных объектов до транспортной инфраструктуры.

Данная ситуация создаёт системную угрозу для всей финансовой системы. Совокупные выплаты за 2025 год достигли рекордных 71 млрд рублей, что в 1,2 раза превышает суммарные выплаты за три предыдущих года. При этом порядка 98% выплат приходятся на страховые события, произошедшие в последние четыре года, причём основная доля связана с облигаторными программами и факультативными договорами. Особенно тяжёлая нагрузка приходится на сегменты корпоративного имущества и строительно-монтажных рисков. Во втором квартале 2026 года соотношение выплаченного возмещения и собранных премий превысило 80%, что эксперты связывают с учащением крупных инцидентов, включая атаки беспилотников и техногенные аварии.

Субординированная структура обеспечивает защиту интересов внешних контрагентов: они вступают в покрытие только после того, как исчерпаны все внутренние ресурсы. Это делает предложение коммерчески привлекательным для иностранных перестраховщиков, поскольку они принимают на себя только высокодоходные катастрофические риски, не отвлекая капитал на покрытие более предсказуемых и частых убытков [2, с.72].

Для минимизации рисков неисполнения обязательств предлагается использовать банковские аккредитивы, гарантирующие резервирование

средств; депонирование премий на счетах в дружественных банках с блокировкой до наступления страхового случая; взаимное признание договоров на основе двусторонних меморандумов; а также страхование политических рисков. Опыт последних лет показывает, что ретроцессия возможна через промежуточные структуры, особенно на высокодоходных катастрофических рисках, где комиссии существенно выше стандартных рыночных.

Для практической реализации требуется осуществить комплекс нормативных мероприятий. Необходимо внести поправки в профильный закон, закрепив определение обязательной ретроцессии катастрофических слоёв и обязанность передавать не менее 70% таких слоёв внешним партнёрам. Регулятору предстоит утвердить конкретные пороговые значения слоёв, требования к иностранным перестраховщикам (рейтинги, капитал), «белый список» допустимых контрагентов и порядок мониторинга.

Внедрение обязательной субординированной ретроцессии приведёт к следующим положительным изменениям. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что проблема концентрации рисков носит не формальный, а качественный характер. Докапитализация государством не является эффективным решением, поскольку сохраняет монопольную уязвимость и создаёт бюджетную нагрузку. Обязательная субординированная ретроцессия представляет собой наиболее реалистичный способ решения: механизм понятен рынку, быстро внедряется, сохраняет управляющую роль национального перестраховщика и обеспечивает диверсификацию.

Заключение. Таким образом, обязательная ретроцессия на дружественные рынки – это не просто способ снизить концентрацию рисков, а единственный реалистичный путь превратить национального перестраховщика из «точки отказа» в управляемый распределённый механизм, обеспечивающий устойчивость всей национальной системы страхования в условиях санкционных ограничений. Без этого шага любая крупная катастрофа поставит под вопрос существование всего страхового рынка, а своевременное внедрение предложенного механизма позволит перейти от экстренного реагирования к системному управлению рисками.

Список литературы

1. Игнатова, Е. И. Страховой рынок России в условиях санкционного давления: адаптация перестрахования и устойчивость портфелей / Е. И. Игнатова // Московский вестник экономических наук. – 2026. – № 1. – С. 25-29. – EDN KGKZAY.
2. Страховое право / А. В. Асташкина, А. И. Григорьев, В. А. Гук [и др.]. – Восьмое издание, переработанное и дополненное. – Москва : ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2026. – 303 с. – ISBN 978-5-238-04127-8. – EDN KGWPES.

УДК 342

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, доц., ORCID 0009-0000-5375-6096,
Павленко Р. С.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: e.synkova.jur.fac@mail.ru, ruslanpavlenko02@mail.ru

Введение. Правовое положение государственного гражданского служащего представляет собой вид специального административно-правового статуса, отличающийся от статуса обычного работника по трудовому законодательству. В нём сочетаются элементы публично-правового и трудового регулирования: с одной стороны, служебный контракт, режим рабочего времени, вопросы оплаты труда; с другой – требования к служебному поведению, институт службы и дисциплины, запреты и ограничения, антикоррупционные механизмы.

Цель – раскрыть особенности правового регулирования государственной гражданской службы в российской федерации

Основная чать. Государственная гражданская служба, согласно Федеральному закону № 58-ФЗ, входит в единую систему государственной службы Российской Федерации наряду с военной службой и правоохранительной службой. Это позволяет рассматривать её как самостоятельный вид государственной службы, обладающий специфическими задачами, кадровым корпусом и правовым режимом, но при этом основанный на общих для всей системы государственной службы принципах.

Деятельность гражданского служащего, принимаемые им решения и совершаемые действия не только не должны нарушать права и свободы, но и должны быть направлены на их реализацию и защиту. В служебной деятельности при коллизии интересов ведомства и прав гражданина приоритет должен отдаваться защите прав и свобод.

Принцип единства правовых и организационных основ государственной гражданской службы предполагает наличие общих федеральных стандартов гражданской службы для всех государственных органов и субъектов РФ: единых требований к должностям, классификации, ограничениям и запретам, порядку прохождения службы, основам оплаты труда, служебной дисциплине и ответственности. Это обеспечивает целостность системы государственной службы и сопоставимость статуса служащих на разных уровнях.

Принцип стабильности гражданской службы и её кадрового состава предполагает, что гражданский служащий, надлежащим образом исполняющий свои обязанности, не должен подвергаться необоснованным увольнениям или

переводам по мотивам, не связанным с выполнением служебных задач. Стабильность кадра способствует накоплению институциональной памяти, росту профессионализма и снижению политической зависимости служащих.

Принципы законности, гласности, ответственности реализуются посредством парламентского и общественного контроля, прокурорского надзора, ведомственных проверок, судебной защиты. Гражданский служащий, с одной стороны, поднадзорен и подконтролен в рамках служебной иерархии, с другой – сам может защищать свои права в суде и иных инстанциях [1,с.82].

Таким образом, административно-правовой статус государственного гражданского служащего является правовой формой воплощения основных принципов государственной гражданской службы. От полноты и последовательности реализации этих принципов зависит эффективность деятельности органов государственной власти, уровень доверия граждан к государству и реальное обеспечение конституционных прав и свобод.

Государственная гражданская служба представляет собой урегулированную нормами публичного права профессиональную служебную деятельность граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий государственных органов и должностных лиц. Она имеет чётко выраженный публично-властный характер, отличается особым субъектным составом, правовым режимом и организационной структурой.

Она занимает центральное место в системе государственной службы РФ, выступая её «административным ядром», обеспечивающим функционирование федеральных и региональных органов власти. При этом она отграничивается как от военной и правоохранительной служб, так и от муниципальной службы [2, с. 1229].

Принципы государственной гражданской службы, закреплённые в Конституции и федеральных законах, представляют собой системообразующие начала, определяющие содержание правового регулирования данной сферы. Они выполняют ориентирующую, гарантийную, организационную и воспитательную функции и служат критерием оценки правомерности и эффективности действий гражданских служащих и государственных органов.

Специфика административно-правового статуса государственного гражданского служащего непосредственно вытекает из содержания и системы принципов гражданской службы. Права, обязанности, ограничения, гарантии и ответственность служащего являются правовым выражением этих принципов и одновременно инструментом их реализации.

Таким образом, государственная гражданская служба – это не любая служба в публичной сфере, а строго определённый законом вид профессиональной служебной деятельности граждан в органах государственной власти, отличающийся как от военной и правоохранительной службы, так и от муниципальной и иных форм публичной деятельности.

Специфика административно-правового статуса гражданского служащего проявляется и в особом характере соотношения его прав и

обязанностей. Во-первых, объем прав и гарантий служащего неразрывно связан с объемом и содержанием его обязанностей. Развитая система социальных, профессиональных и защитных прав призвана компенсировать служебные ограничения, более высокий уровень ответственности, а также потенциальные риски, связанные с публичным характером службы. Во-вторых, многие права гражданского служащего имеют производный характер и служат реализации его обязанностей. Право на получение информации, право на повышение квалификации, право на разъяснение законодательства – все это обеспечивает исполнение основной обязанности по надлежащему осуществлению государственных функций. В-третьих, в административно-служебных отношениях роль диспозитивного начала ограничена; служащий не вправе по собственному усмотрению отказываться от отдельных обязанностей или произвольно изменять их содержание. Это обусловлено тем, что субъектом интереса в этих отношениях выступает не только сам служащий, но и государство, и общество в целом.

Наконец, взаимосвязь прав и обязанностей гражданского служащего проявляется и в механизмах юридической ответственности. Неисполнение обязанностей влечет дисциплинарную, административную, а в отдельных случаях и уголовную ответственность, вплоть до увольнения. В то же время нарушение прав служащего (например, необоснованное привлечение к ответственности, незаконное увольнение, отказ в предоставлении гарантий) может быть предметом судебной защиты и административного обжалования.

Заключение. Права и обязанности государственного гражданского служащего образуют центральное ядро его административно-правового статуса. Они:

– конкретизируют конституционные принципы государственной службы (законность, приоритет прав и свобод человека и гражданина, профессионализм, ответственность, открытость и доступность);

– обеспечивают баланс интересов государства, общества и самого служащего;

– служат правовой основой для построения служебной карьеры, системы мотивации и дисциплинарной ответственности;

– создают комплекс гарантий против произвольного вмешательства в служебную деятельность и личную жизнь служащего при одновременном установлении высоких требований к его профессиональному и этическому поведению.

Таким образом, исследование прав и обязанностей государственного гражданского служащего позволяет раскрыть не только юридическое содержание его административно-правового статуса, но и понять, каким образом через регулирование служебного поведения формируется эффективность, прозрачность и легитимность деятельности государственного аппарата в Российской Федерации.

Список литературы

1. Егоров, Д. А. Имидж государственных гражданских служащих в аппарате государственной Думы ФС РФ: проблемы и пути их решения / Д. А. Егоров // Общество и цивилизация. – 2026. – Т. 8, № 2. – С. 82-86. – EDN BNIBIF.
3. Сурков, А. А. Административно-правовые основы и квалификационные требования при поступлении на государственную гражданскую службу / А. А. Сурков // Флагман науки. – 2026. – № 5(40). – С. 1229-1232. – EDN LWIVGF.

УДК 343.2

ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПЛАТЕЛЬЩИКА НАЛОГОВ И СБОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, доц., ORCID 0009-0000-5375-6096,
Савков В. М.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: e.synkova.jur.fac@mail.ru, savkov.vladislav03@mail.ru

Введение. Налоги являются основным источником формирования доходной части бюджетов всех уровней, а плательщики налогов и сборов – центральными субъектами налоговых правоотношений, без которых сама налоговая система утрачивает смысл. От того, насколько сбалансированным является правовое положение плательщика налогов – с одной стороны, связанного публично-правовыми обязанностями по уплате обязательных платежей, с другой – наделённого комплексом прав и гарантий их защиты, – напрямую зависит не только наполняемость бюджета, но и уровень доверия граждан и бизнеса к государству.

О необходимости совершенствования законодательного регулирования налогообложения плательщиков налогов свидетельствует и распространенность такого явления, как сокрытие от контролирующих органов информации об истинных размерах доходов и имущества населения и, как следствие, массовое уклонение от уплаты налогов.

Цель – комплексный анализ административно-правового статуса плательщика налогов и сборов и выработка предложений по его совершенствованию

Основная часть Выбор административно-правового ракурса исследования обусловлен тем, что отношения между плательщиками и налоговыми органами по своей природе носят властный, организационно-управленческий характер: именно в рамках административного права реализуются контрольно-надзорные полномочия налоговых органов, процедуры учёта налогоплательщиков, взаимодействия, обжалования актов и действий должностных лиц. При этом в юридической науке отсутствует

единство взглядов на отраслевую принадлежность статуса налогоплательщика: одни авторы рассматривают его исключительно в рамках финансового (налогового) права, другие – как комплексный межотраслевой институт. Это противоречие сохраняет теоретическую дискуссию открытой и требует дальнейшего осмысления [1, с.14]. .

Отношения между плательщиками и налоговыми органами по своей природе носят властный, организационно-управленческий характер: именно в рамках административного права реализуются контрольно-надзорные полномочия налоговых органов, процедуры учёта налогоплательщиков, взаимодействия, обжалования актов и действий должностных лиц. Обязанность каждого платить налоги и сборы в порядке и размерах, установленных законом выступает как важный конституционный принцип. Наличие развитой системы правовых предписаний, регулирующих налогообложение, является необходимым для успешного функционирования и развития.

Налоговая система является краеугольным камнем функционирования государства, вопрос о правовом статусе налогоплательщиков приобретает особую актуальность. Речь идет не просто о формальном определении прав и обязанностей, а о создании такой системы, в которой каждый налогоплательщик чувствует себя защищенным, уверенным в справедливости и прозрачности налоговых процедур [1, с.18].

Совершенствование правового регулирования налогоплательщиков – это многогранный процесс, включающий в себя несколько ключевых направлений:

а) повышение налоговой грамотности**:** плательщики налогов должны обладать достаточными знаниями о своих правах и обязанностях, а также о порядке уплаты налогов;

б) совершенствование налогового администрирования и предсказуемости налоговой системы;

в) упрощение налогового администрирования, так как сложные и запутанные процедуры уплаты налогов, отчетности и взаимодействия с налоговыми органами отнимают много времени и ресурсов у налогоплательщиков;

г) расширение прав и возможностей, обеспечение реальной возможности для плательщика налогов и сборов отстаивать свои права и интересы, обжаловать решения налоговых органов, получать своевременную и понятную информацию о своих налоговых обязательствах [2, с.205].

Совершенствование правового статуса налогоплательщиков – это не только вопрос справедливости, но и важный фактор экономического развития. Когда налогоплательщики чувствуют себя защищенными и уверенными в справедливости налоговой системы, они более охотно платят налоги, инвестируют в развитие бизнеса и создают новые рабочие места. В конечном итоге, это способствует укреплению экономики и повышению благосостояния общества.

Работа по совершенствованию правового статуса налогоплательщиков – это непрерывный процесс, требующий постоянного внимания и совершенствования. Только в этом случае можно создать такую налоговую систему, которая будет справедливой, прозрачной и эффективной, и которая будет способствовать развитию экономики и процветанию цифрового общества.

Совершенствование правового регулирования статуса юридических лиц как плательщиков налогов является актуальной задачей в контексте глобализации экономики и увеличения трансграничного движения капитала и рабочей силы. Юридические лица, являются участниками налоговых правоотношений, и эффективность их налогообложения напрямую влияет на формирование доходной части бюджета и соблюдение принципов справедливости и равенства налогообложения.

Так же одним из перспективных направлений является развитие цифровых технологий в налоговом администрировании, в частности, внедрение систем автоматического обмена информацией о доходах нерезидентов с налоговыми органами других государств. Это позволит повысить прозрачность налоговых отношений и снизить риски уклонения от уплаты налогов.

Заключение. Введение с 1 января 2023 года института единого налогового счёта и единого налогового платежа (Федеральный закон от 14.07.2022 № 263-ФЗ) перестроило порядок исполнения обязанности по уплате налогов и предъявило новые требования к административным процедурам сверки, зачёта и возврата денежных средств. Продолжающаяся цифровизация взаимодействия с ФНС России – личный кабинет налогоплательщика, автоматизированная упрощённая система налогообложения, электронный документооборот – меняет традиционные формы административных правоотношений и ставит вопрос о должном уровне процессуальных гарантий плательщиков.

Правовой статус плательщика налогов и сборов в условиях цифровой экономики продолжает совершенствоваться. Обеспечение соблюдения налогового законодательства в цифровой среде является важным фактором поддержания стабильности и устойчивости налоговой системы, а также создания равных условий для ведения бизнеса. Дальнейшее развитие правового статуса плательщика налогов связано обеспечением баланса между интересами государства и плательщика налогов и сбороа, а также с улучшением администрирования налогов.

Совершенствование правового регулирования плательщиков налогов требует комплексного подхода, включающего унификацию законодательства, разработку четких критериев налогового резидентства, усиление налогового контроля и развитие международного сотрудничества в сфере обмена информацией. Это позволит повысить эффективность налогообложения нерезидентов и обеспечить соблюдение принципов справедливого и равного налогообложения.

Также, необходимо разработать и внедрить механизмы разрешения налоговых споров между налоговыми органами и юридическими лицами. Это может включать в себя создание специализированных органов или использование альтернативных методов разрешения споров, таких как арбитраж.

Список литературы

1. Крохина, Ю. А. Налоговое право : учебник для вузов / Ю. А. Крохина. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 503 с.
2. Сынкова, Е. М. Генезис и тенденции развития института административной ответственности за налоговые правонарушения / Е. М. Сынкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2024. – № 4. – С. 205-213. – DOI 10.5281/zenodo.14554239. – EDN PFODYF. Сынкова, Е. М. Генезис и тенденции развития института административной ответственности за налоговые правонарушения / Е. М. Сынкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2024. – № 4. – С. 205-213. – DOI 10.5281/zenodo.14554239. – EDN PFODYF.

УДК 347.963

ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА КАК ВИДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ткаченко Д. А., ORCID 0009-0007-0302-0006,
Переславская Л. Ю.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: dima.tkachenko199927@gmail.com, lilia.gaydoba@mail.ru

Прокуратура Российской Федерации играет особую роль в механизме государства. Её назначение определено в статье 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре).

Согласно ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре целями деятельности прокуратуры в Российской Федерации являются обеспечение «верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства» [1].

Решать эти задачи прокуратура может только через свои функции, и главной из них традиционно считается надзор: прокурор следит за тем, как соблюдаются Конституция и другие законы, а также права и свободы людей.

У российской прокуратуры долгая история, но в науке так и не сложилось общего мнения о том, что такое прокурорский надзор и какова его правовая природа. В юридической литературе сформировалось несколько подходов к пониманию сущности прокурорского надзора, которые можно объединить в следующие группы.

В. Г. Бессарабов, А. Ю. Винокуров и Ю. Е. Винокуров считают прокурорский надзор особой формой деятельности государства, которая не укладывается в привычное деление власти на законодательную, исполнительную и судебную. Согласно данной позиции, прокуратура выполняет функцию высшего надзора за законностью, что обеспечивает единство правового пространства страны. Поэтому прокуратура выступает как контрольный орган особого рода (sui generis).

Таким образом, они считают, что прокурорский надзор – это вид государственной деятельности, осуществляемый исключительно органами прокуратуры и выражающийся в проверке соблюдения Конституции Российской Федерации и действующих на территории Российской Федерации законов присущими прокурорам правовыми средствами надзора [2].

Вторая группа рассматривает надзор как один из способов, которыми государство реализует правоохранительную функцию.

Третью группу представляют сторонники «широкого» подхода к пониманию контрольно-надзорной деятельности. Для них прокурорский надзор – это часть государственного контроля, хотя и со своей спецификой. Своё мнение они обосновывают функциональным сходством надзора и контроля как способов обеспечения законности.

Однако, законодательство Российской Федерации очень четко разделяет надзорные принципы, форму их реализации и предназначение надзора, что в целом не позволяет рассматривать данный вид, как обычный контроль.

Прокурорский надзор является видом некого надзора не от лица отдельного органа государственной власти, а, непосредственно, от лица государства, то есть, от лица Российской Федерации. Сам по себе прокурорский надзор не является какой-либо отдельной ветвью власти, однако, несмотря на это, прокурорский надзор включает практически каждую данную ветвь в себе [3].

Прокурорский надзор отличается от контроля, который ведут министерства, службы и другие органы исполнительной власти. В пункте 7 части 3 статьи 1 Федерального закона № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» указано: «3. Для целей настоящего Федерального закона к государственному контролю (надзору), муниципальному контролю не относятся: 7) деятельность органов прокуратуры по осуществлению прокурорского надзора [4].»

Значит, прокурор проверяет организации по правилам Закона о прокуратуре, а не по общим правилам, установленным для контрольных ведомств.

Эту особенность не раз отмечал Конституционный Суд Российской Федерации. В решении 2015 года по жалобам некоммерческих организаций Суд пришёл к выводу, что прокуратура не берёт на себя работу других органов. Поэтому её надзор не привязан к какому-либо одному ведомству или отрасли и охватывает даже те сферы, где уже действует собственный отраслевой

контроль. Прокурор, таким образом, не повторяет проверки ведомств, а смотрит на законность шире, включая законность действий самих контролирующих органов.

В 2023 году Суд вернулся к этой теме и назвал прокурорский надзор институтом «универсальной, постоянной и эффективной защиты конституционно значимых ценностей [5].» Суд также напомнил, что прокурор должен реагировать на любые известные ему нарушения закона, откуда бы ни поступила информация о них.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать вывод о том, что прокурорский надзор – это самостоятельный, официальный, властно-публичный вид государственной деятельности. По природе он близок к государственному контролю, но, в отличие от ведомственного контроля, не ограничен рамками одной отрасли и осуществляется только органами прокуратуры.

Список литературы

1. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-I : редакция от 4 августа 2026 года. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/.
2. Винокуров, А. Ю. Прокурорский надзор : учебник для среднего профессионального образования / А. Ю. Винокуров, Ю. Е. Винокуров ; под общей редакцией А. Ю. Винокурова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2026. – 400 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-20635-7. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/583728.
3. Гаврилова, К. О. Сущность современного прокурорского надзора / К. О. Гаврилова. – Текст : электронный // Форум молодых ученых. – 2022. – № 11 (75). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-sovremennogo-prokurorskogo-nadzora-1.
4. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ : редакция от 4 августа 2026 года. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/.
5. По делу о проверке конституционности абзаца девятого пункта 2 статьи 1, абзацев первого и второго пункта 1 и предложения первого пункта 2 статьи 21, пункта 2 статьи 22 и пункта 3 статьи 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»... : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2023 года № 15-П. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_444269/.
6. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора» и других : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 года № 2-П. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137857/.

УДК 349.6

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Ткаченко Д. А., ORCID 0009-0007-0302-0006,
Федин А. А., ORCID 0009-0005-1994-7872
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: dima.tkachenko199927@gmail.com, hagromeoff@gmail.com

Введение. Правовое регулирование предотвращения изменения климата в Российской Федерации находится на стадии становления: базовый нормативный каркас сформирован, однако его практическая реализация сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем. Действующий Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» задаёт общие ориентиры, но не учитывает отраслевую специфику, не обеспечивает методологического единства и не создаёт предсказуемой среды для инвестиций в декарбонизацию.

Цель исследования – выявить ключевые правовые и институциональные барьеры, препятствующие реализации климатической политики, и предложить конкретные направления их преодоления.

Основная часть. Действующее климатическое законодательство Российской Федерации, прежде всего Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов», закладывает базовые рамки декарбонизации, однако на практике не обеспечивает достаточной детализации для эффективного применения [1].

Центральная проблема заключается в том, что закон не дифференцирует требования к отраслям с принципиально разной углеродоёмкостью. Энергетика, металлургия и нефтехимия получают одинаковые предписания, хотя их технологические возможности и вклад в эмиссию несопоставимы. Предлагается ввести отраслевые коэффициенты углеродоёмкости с привязкой к наилучшим доступным технологиям и разработать поэтапные дорожные карты снижения выбросов для каждого сектора с чёткими сроками пересмотра лимитов. Это позволит предприятиям прогнозировать инвестиционные потребности и планировать модернизацию без угрозы потери конкурентоспособности, что особенно важно для моногородов, где жёсткие ограничения без учёта социально-экономических последствий способны спровоцировать рост безработицы и дестабилизацию целых регионов.

Серьёзным препятствием служит также терминологическая и методологическая рассогласованность между нормативными актами. Понятия «выбросы парниковых газов», «углеродный след» и «поглощающая способность экосистем» трактуются по-разному в законе об ограничении

выбросов, законе об охране окружающей среды и ведомственных документах Минприроды и Минпромторга. Для устранения этих коллизий необходимо утвердить единый понятийный глоссарий и общую методологию учёта, применимую ко всем отраслевым и территориальным контекстам, включая агропромышленный комплекс, где выбросы метана от животноводства регулируются одновременно экологическим, ветеринарным и сельскохозяйственным блоками [2, с. 54]. Параллельно следует выстроить межведомственный обмен данными между Росприроднадзором, Рослесхозом и Росводресурсами, чтобы сведения о поглощении углерода лесами и эмиссиях с водных объектов автоматически интегрировались в единую систему климатического мониторинга, а не оставались изолированными.

Достоверность национальной статистики выбросов под угрозой из-за устаревшего измерительного оборудования и отсутствия федеральных эталонных методик калибровки газоанализаторов. Расхождения в показаниях достигают 15–20% только за счёт различий в настройке приборов, а в удалённых регионах прямой мониторинг зачастую невозможен, и предприятия вынуждены использовать расчётные методы с невысокой точностью. Решение видится в утверждении единых стандартов поверки, субсидировании автоматизированных систем непрерывного контроля для средних и малых предприятий и ускоренном внедрении единой цифровой платформы учёта, которая заменит бумажную и разнородную отчётность [3, с. 191]. Без этого углеродный кадастр будет формальным, а российские компании, терять доступ к «зелёному» финансированию из-за недоверия партнёров к данным.

Экономические стимулы декарбонизации работают слабо: несмотря на закрепление принципов торговли углеродными единицами, ключевые подзаконные акты, правила верификации климатических проектов, порядок зачёта единиц, требования к операторам рынка, не утверждены. Бизнес не может оценить доходность низкоуглеродных инвестиций и потому консервирует капитал в устаревших технологиях. Предлагается незамедлительно принять недостающие нормативы, ввести долгосрочные гарантии стабильности зелёных льгот на 10–15 лет и обеспечить налоговые преференции для проектов по улавливанию и хранению CO_2. Одновременно требуется пересмотр структуры государственной поддержки: сегодня субсидии ископаемому топливу многократно превышают финансирование возобновляемой энергетики и энергоэффективности [4, с. 162]. Без выравнивания условий для «чистых» и «грязных» производств, а также без компенсационных механизмов для регионов, зависящих от углеродоёмких предприятий, федеральные цели по сокращению выбросов будут вступать в прямой конфликт с региональными экономическими интересами.

Наконец, судебно-правовая сфера и международная интеграция нуждаются в отдельных решениях. Традиционные методики расчёта экологического ущерба рассчитаны на локальные загрязнения и не учитывают кумулятивный, долгосрочный характер воздействия парниковых газов, что

делает практически невозможным доказательство причинно-следственной связи между выбросами конкретного предприятия и климатическим ущербом. Необходимо разработать специализированную судебную методику оценки климатического вреда с учётом временного горизонта в десятилетия и внедрить стандарты раскрытия климатической информации по образцу TCFD и CDP на обязательной основе [5, с. 51]. Согласование национальной системы верификации с международными требованиями, включая механизм трансграничного углеродного регулирования ЕС, снимет двойную нагрузку на экспортёров и обеспечит признание российских углеродных единиц на мировых рынках.

Заключение. Проблемы правового регулирования в сфере предотвращения изменения климата носят системный характер: недостаточная детализация закона, терминологическая рассогласованность, слабая инфраструктура мониторинга, нехватка экономических стимулов и пробелы в судебной практике взаимно усиливают правовую неопределённость. Такие предложенные меры, как отраслевые коэффициенты углеродоёмкости, единый понятийный аппарат, стандартизация измерений, доработка нормативной базы углеродного рынка и методика оценки климатического ущерба, позволят перейти к действенному правовому механизму, сочетающему экологические и экономические интересы.

Важным представляется указать, что практическая реализация сделанных предложений в существенной степени будет определяться стабильностью в международных отношениях. Военные конфликты и угрозы агрессии вынуждают многие страны к снижению требований по декарбонизации промышленности и акцентировать внимание на вопросах национальной безопасности. В контексте рассматриваемой проблемы не вызывает доверия двойственная политика США, с одной стороны, акцентирующая внимание на проблемах изменения климата вследствие использования органического топлива, а с другой – многочисленные акты агрессии против государств, обладающих значительными объемами энергетических ресурсов, с целью их захвата.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» от 02.07.2021 № 296-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/ (дата обращения: 04.10.2026). – Загл. с экрана.
2. Карцхия, А. А. Законодательство о климате в условиях энергоперехода к низкоуглеродной экономике / А. А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 4(41). – С. 49-55. – DOI 10.21681/2226-0692-2021-4-49-55. – EDN WOPNEY.
3. Котова, Е. В. Совершенствование правового регулирования в области снижения выбросов парниковых газов в Российской Федерации / Е. В. Котова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № 3(21). – С. 122-132. – DOI 10.22394/3034-2813-2024-3-122-132. – EDN SGZWTO.

4. Леонова, И. И. Правовое регулирование реализации климатических проектов в России / И. И. Леонова // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 156-170. – DOI 10.61205/jrp.2024.3.7. – EDN DWVGKF.
3. Умнова-Конюхова, И. А. Климатическое право как ответ на глобальное изменение климата и его последствия: современные подходы к формированию и перспективы развития / И. А. Умнова-Конюхова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – 2024. – С. 47–53. – DOI: 10.31249 /iajpravo/2024.01.01

УДК 347.965

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ КАК ДРАЙВЕР ИЗМЕНЕНИЙ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ

Топузов Д. И., Згара К. А.
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
e-mail: dtopuzov95@mail.ru, me@zgara.ru

Введение. Цифровая трансформация юридической профессии меняет не только способы оказания услуг, но и содержание подготовки специалистов. Электронный документооборот, автоматизированные правовые сервисы, платформы удалённого доступа к государственным и судебным услугам и системы искусственного интеллекта формируют новую инфраструктуру отрасли. Цифровизация здесь – не внедрение технологий в устоявшуюся практику, а системное переустройство юридического труда, меняющее требования к квалификации. Актуальность темы обусловлена тем, что технологические изменения опережают адаптацию образовательных программ, и выпускники нередко выходят на рынок с недостаточной цифровой подготовкой.

Основная часть. Развитие онлайн-консультирования и автоматизации типовых решений на базе машинного обучения позволяет обрабатывать массовые обращения и расширять доступ к правовой помощи. Юрист в этих условиях смещает фокус с рутины на нестандартные задачи, одновременно принимая ответственность за корректность алгоритмов и соблюдение этических норм при использовании ИИ. Распространение LegalTech-стартапов усиливает конкуренцию и вынуждает традиционные фирмы осваивать новые инструменты.

Цифровые платформы взаимодействия с государством, судами и нотариатом требуют от юриста владения электронной подписью, понимания межведомственного обмена и навыков верификации документов. Без этих компетенций специалист практически исключён из значительной части профессии. Электронное правосудие также меняет процессуальную работу:

порядок подачи доказательств, участие в онлайн-заседаниях и дистанционные процессуальные действия требуют новой грамотности.

Автоматизация договорной работы и предиктивная аналитика превращают юриста в проектировщика правовых алгоритмов и валидатора машинных решений. Ответственность за итоговый результат сохраняется за человеком, что повышает требования к аналитическим способностям и профессиональному суждению.

Соответственно, современный юрист нуждается в расширенном наборе компетенций. Помимо знания права, необходимы цифровая грамотность – работа с электронными реестрами, открытыми данными, оценка достоверности источников; юридическая инженерия – формализация норм в алгоритмы и технические задания; компетентность в информационной безопасности – осознание рисков утечек данных, фишинга, подделки цифровых материалов и владение мерами защиты. Профессия всё чаще требует междисциплинарного взаимодействия с IT-специалистами и аналитиками.

Адаптация образовательных программ должна строиться на интеграции правовых знаний с основами информатики, анализа данных и информационной безопасности. Практико-ориентированные занятия целесообразно выстраивать на реальных кейсах: оформление электронных обращений, проверка подлинности цифровых документов, оценка рисков облачных сервисов, анализ автоматизированных заключений. Эффективны проектные формы, где студенты создают прототипы цифровых сервисов. Особое внимание следует уделять правовому регулированию ИИ и этике его применения.

Методы оценки также нуждаются в пересмотре: традиционный контроль следует дополнить анализом цифровых правовых ситуаций, моделированием технологических рисков и проектированием решений для цифровой среды. При этом цифровизация образования несёт собственные риски – снижение качества контактного взаимодействия, угрозы академической недобросовестности, связанные с генеративными моделями, – что требует адекватных механизмов контроля и формирования культуры честности.

Практическая значимость проявляется в более быстрой адаптации выпускников к рынку, формировании культуры безопасного использования цифровых инструментов и открытии новых карьерных траекторий – правовое сопровождение IT-проектов, аудит цифровых процессов, разработка правовых основ автоматизированных систем. Для региональных рынков с активно развивающейся цифровой инфраструктурой такая подготовка особенно важна, поскольку правовая безопасность цифровых инициатив напрямую зависит от качества сопровождения.

Теоретическая значимость состоит в обосновании цифровой трансформации как системного фактора эволюции юридического образования. Цифровизация становится внутренней характеристикой профессии, меняя баланс между знанием норм и умением применять их в технологически

опосредованной среде, что требует переосмысления самого понятия квалификации юриста.

Заключение. Таким образом, цифровая трансформация выступает действенным драйвером развития юридического образования. Подготовка востребованных специалистов требует не точечного добавления цифровых дисциплин, а сквозного включения цифровой компоненты во все элементы учебного процесса – от базовых теоретических курсов до отраслевых спецдисциплин.

Список литературы

1. ГОСТ Р 7.0.100–2018. Библиографическая запись. Библиографическое описание общие требования и правила составления. – М. : Стандартинформ, 2018. – 54 с.
2. О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31, ч. 1, ст. 3451.
3. Об электронной подписи : федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 15, ст. 2036.
4. Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных : приказ ФСТЭК России от 18 февр. 2013 г. № 21 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 05.10.2026).
5. Абросимова Е. Б. Цифровая трансформация юридической профессии: вызовы и перспективы / Е. Б. Абросимова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – № 2. – С. 45–62.
6. Смирнов В. Н. Юридическое образование в эпоху цифровизации: компетентностный подход / В. Н. Смирнов // Юридическое образование и наука. – 2024. – № 4. – С. 12–19.
7. Морозов А. В. Информационная безопасность в профессиональной деятельности юриста : учеб. пособие / А. В. Морозов. – М. : Юрайт, 2024. – 271 с.

УДК 342.9

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ВОЕННОГО И ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ: ОСНОВАНИЯ ВВЕДЕНИЯ И ОБЪЁМ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ ГРАЖДАН

***Утрендеева Х. Н.*[1],** канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0002-6960-0835,
***Мамбетова С. А.*[2]**

[1] Севастопольский филиал ФБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», г. Севастополь, РФ

[2] Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Севастополь, РФ

e-mail: s_8779@mail.ru, halidal@list.ru

Введение. Введение военного или чрезвычайного положения – это крайняя мера, к которой прибегают в ситуациях, когда стандартные механизмы

управления не справляются [7, с. 96]. Поскольку такие режимы неизбежно сужают круг гражданских прав, критически важно соблюдать баланс между необходимостью защиты населения и пропорциональностью вводимых ограничений. С одной стороны, это эффективный инструмент для борьбы с угрозами безопасности и ликвидации последствий катастроф. С другой – существует риск злоупотребления властью, что может привести к ущемлению свобод и снижению уровня общественного доверия к государству.

Цель. Работа направлена на проведение сравнительно-правового анализа режимов военного и чрезвычайного положений. В рамках исследования планируется выявить критерии введения данных правовых режимов, а также определить пределы допустимых ограничений конституционных прав и свобод граждан.

Основная часть. Основа режимов – Конституция РФ. Военное положение (ст. 87) вводится Президентом при агрессии или угрозе агрессии [6, с. 210]. Чрезвычайное положение (ст. 56, 88) допускает ограничения прав с указанием пределов и срока действия [6, с. 214]. Ч. 3 ст. 56 фиксирует права, не подлежащие ограничению даже при чрезвычайном положении: на жизнь, достоинство, неприкосновенность частной жизни, свободу вероисповедания, жилище, судебную защиту [6, с. 215].

Детализация – в федеральных конституционных законах. ФКЗ № 1-ФКЗ «О военном положении» определяет его как режим при агрессии либо угрозе таковой [2, ст. 1]. ФКЗ № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» – как режим с ограничениями прав и дополнительными обязанностями граждан [3, ст. 1].

Основания введения. Для военного положения – акты агрессии: вторжение, бомбардировка, блокада, нападение [2, ст. 3]. Для чрезвычайного – социально-политические (мятежи, беспорядки, теракты, межэтнические столкновения) и природно-техногенные (аварии, эпидемии) факторы [3, ст. 3]. Военное положение – реакция на внешнюю угрозу, чрезвычайное – на внутренние кризисы [7, с. 97].

Оба режима вводятся указом Президента с уведомлением Совета Федерации и Госдумы [2, ст. 4] [3, ст. 4]; при этом указ о чрезвычайном положении должен быть одобрен Советом Федерации [3, ст. 7]. Срок чрезвычайного положения – до 30 суток на всей территории РФ и до 60 суток в отдельных местностях [3, ст. 9]; срок военного положения не ограничен [7, с. 97].

Общие ограничительные меры: особый режим въезда/выезда, ограничение передвижения, запрет массовых мероприятий, приостановление деятельности партий, цензура в СМИ, запрет забастовок [2, ст. 7] [3, ст. 11]. Они носят временный и территориально ограниченный характер [7, с. 98].

При военном положении ограничения шире: возможен арест без судебного решения на срок свыше 48 часов (что в мирное время запрещено ч. 2 ст. 22 Конституции РФ) [2, ст. 7], ограничение неприкосновенности жилища, изъятие имущества для обороны с компенсацией, привлечение граждан к работам оборонного характера [2, ст. 8].

В режиме чрезвычайного положения меры зависят от оснований: при социально-политических – комендантский час, выдворение нарушителей, приостановление полномочий региональных органов власти [3, ст. 11]; при природно-техногенных – карантин, противоэпидемические меры, отстранение руководителей, остановка опасных производств [3, ст. 12].

Ключевая проблема – отсутствие в законе перечня прав, не подлежащих ограничению при военном положении. Ст. 56 Конституции РФ закрепляет его только для чрезвычайного положения, а ч. 4 ст. 87 аналогичного перечня не содержит [6, с. 216]. Есть позиции о возможности применения перечня ст. 56 по аналогии [5, с. 322] либо о допустимости более широких ограничений при военной угрозе [7, с. 99].

Ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах допускает отступления от обязательств лишь в меру остроты ситуации и без дискриминации [1, ст. 4]. Перечень неотчуждаемых прав Пакта соответствует ст. 56 Конституции РФ, что подтверждает соответствие российского регулирования международным стандартам; пробел по военному положению создаёт неопределённость.

Пленум ВС РФ (постановление от 15.06.2010 г. № 16) подтвердил возможность временного ограничения свободы массовой информации в особых режимах [4, п. 12], но критерии соразмерности и «временности» не раскрыты.

Для совершенствования регулирования целесообразно: закрепить перечень неотчуждаемых прав для военного положения по аналогии с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ [5, с. 327]; ввести принципы ограничения прав (соразмерность, недискриминационность, гласность) [5, с. 328]; определить критерии срока военного положения и механизмы парламентского контроля; детализировать порядок обжалования действий должностных лиц.

Заключение. Сравнительный анализ режимов военного и чрезвычайного положений демонстрирует их дифференциацию по критериям правовых оснований, временных параметров и степени ограничения прав граждан. Если военное положение, обусловленное внешней агрессией, предполагает масштабное сужение правового поля, то чрезвычайное положение, направленное на купирование внутренних угроз, характеризуется строгой регламентацией сроков. Ключевым пробелом в законодательстве является отсутствие перечня неотъемлемых прав при введении военного положения. Законодательное закрепление таких гарантий необходимо для достижения оптимального баланса между интересами государственной безопасности и соблюдением конституционных прав личности.

Список литературы

1. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12092/ (дата обращения: 17.09.2026).

2. О военном положении : федер. констит. закон от 30 янв. 2002 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 13.12.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (дата обращения: 17.09.2026).
3. О чрезвычайном положении : федер. констит. закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 02.11.2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32280/ (дата обращения: 17.09.2026).
4. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (в ред. от 25 сент. 2018 г.). – URL: https://www.vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=6525 (дата обращения: 17.09.2026).
5. Гиниатуллина А. И. К вопросу об ограничении прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного и военного режимов / А. И. Гиниатуллина // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70), № 1. – С. 320–330. – EDN: XPNZXN.
6. Козлова Е. И. Конституционное право России : учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2023. – 592 с. – ISBN: 978-5-392-29138-0
7. Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения в Российской Федерации / А. А. Подмарев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2018. – Т. 18, вып. 1. – С. 96–100. – EDN: XQXUDR.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ГРАЖДАН И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Хачук К. Д., канд. юрид. наук, доц.,
Тараненко Т. В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: k.hachuk.donnu.jur@mail.ru, tat.taranenko@mail.ru

Введение. Права и свободы человека и гражданина являются краеугольным камнем любого государства, претендующего на демократичность. Однако в России наблюдается двойственное отношение к их соблюдению. Это явление коренится в серьезном разделении общественного мнения, спровоцированном экономическими, политическими и нравственными разрывами в обществе. Нельзя игнорировать и роль внешних факторов, таких как активная деятельность международных структур, выходящая за рамки исключительно правозащитной сферы.

С одной стороны, в России действует система, отвечающая международным требованиям, призванная регулировать, охранять и обеспечивать правовой статус личности. Функционируют значимые правозащитные органы, что указывает на последовательное движение к созданию истинно демократических форм взаимодействия между обществом,

государством и его гражданами. Основной закон страны, регулирующий широкий спектр социальных, экономических, политических и культурных отношений, по праву считается одним из наиболее прогрессивных в мире.

С другой стороны, провозглашение прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью, их законодательное закрепление на федеральном уровне, детализация механизмов защиты на региональном и принятие многочисленных подзаконных актов сами по себе не гарантируют их эффективного применения. Необходимо не только формальное закрепление гарантий прав граждан, но и их реальное воплощение в безупречной работе всех ветвей власти.

Цель. Комплексный, системный анализ теоретических и практических проблем определения особенностей административно правового статуса граждан Российской Федерации, выделение проблемы правового регулирования и предложение путей их решения.

Основная часть. Актуальными проблемами реализации гарантий прав граждан являются:

1) Организационно-ресурсные ограничения: Дефицит кадрового потенциала и материально-технических ресурсов в ряде ведомств приводит к формализму, затягиванию сроков рассмотрения обращений и нарушению регламентов.

2) Нормативная неопределенность: Наличие пробелов и коллизий в законодательстве создает условия для неоднозначного толкования норм, что нередко используется для обхода установленных процедур.

3) Процессуальные нарушения: В сфере административного производства по-прежнему фиксируются системные сбои: несоблюдение процессуальных сроков, нарушения при задержании и ненадлежащее оформление материалов.

4) Фактическое неравенство сторон: Существующая асимметрия ресурсов (юридическая некомпетентность граждан, сложность административных процедур) затрудняет эффективную реализацию права на защиту.

5) Бюрократические риски: Сохраняющаяся тенденция к избыточной формализации процессов и субъективизм при принятии решений должностными лицами остаются серьезными угрозами для прав граждан.

6) Ведомственная разобщенность: Отсутствие единообразия в региональных и ведомственных нормативных актах усложняет правоприменительную практику и снижает предсказуемость административных процедур. [4; 5]

Под административно-правовыми гарантиями понимается совокупность правовых предписаний, организационных инструментов и процедур, направленных на обеспечение законной реализации прав граждан при взаимодействии с государственными и муниципальными структурами.

Административно-правовые гарантии классифицируются на судебные и внесудебные.

Судебные гарантии обеспечиваются посредством судопроизводства (уголовного, гражданского и др.), в рамках которого осуществляется контроль за законностью действий органов исполнительной власти и соблюдением ими прав граждан. При этом в российской правовой системе сохраняется актуальная проблема отсутствия специализированных административных судов, призванных рассматривать споры, возникающие из публично-правовых отношений.

Внесудебные гарантии представлены институтами Уполномоченного по правам человека, профильными подразделениями Администрации Президента РФ, а также механизмом компенсации вреда, причиненного неправомерными действиями (бездействием) представителей власти. [1]

Фундаментальным инструментом защиты прав является право на обращение – неотчуждаемая и абсолютная возможность каждого гражданина взаимодействовать с любыми организациями и должностными лицами. Данному праву корреспондирует императивная обязанность органов власти и местного самоуправления обеспечивать прием, регистрацию, рассмотрение обращений и предоставление мотивированных ответов в установленные сроки [3].

Чтобы совершенствовать систему защиты прав необходимо систематизировать законодательство, а именно, провести конкретизацию полномочий органов власти и приведения подзаконных актов в соответствие с федеральным законодательством. Необходимо повысить качество контроля, а именно укрепить механизмы ведомственного контроля и расширение инструментов прокурорского надзора за соблюдением прав граждан в административном процессе. Необходимо провести цифровизацию и оптимизацию – внедрение современных технологий для упрощения административных процедур, повышения прозрачности принятия решений и минимизации «человеческого фактора». И необходимо также правовое просвещение, а именно, развивать программы информирования населения о способах защиты своих прав, что позволит снизить уровень правового нигилизма и повысить эффективность взаимодействия граждан с государством.

Заключение. Закрепление в законах административных процедур играет ключевую роль в защите прав и свобод граждан при взаимодействии с государственными и муниципальными органами. Эти процедуры должны детально регламентировать, как именно органы власти должны осуществлять свои полномочия – будь то регистрация, выдача разрешений, проведение экзаменов или подтверждение прав. Главная цель таких процедур – не в том, чтобы сделать управление более эффективным или усилить власть над гражданами и организациями, а в том, чтобы ограничить произвол должностных лиц, сделать процесс государственного управления более открытым и обеспечить равные юридические возможности для всех участников. В настоящее время можно констатировать улучшение ситуации с гарантиями административно-правовых прав и свобод граждан в России, а

также формирование действенного механизма правового регулирования в этой сфере. [2]

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г // Российская газета- 25 декабря 1993 г- № 237. [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://sudact.ru/law/konstitutsiia/?ysclid=muzains4o115708109#
2. Постановление Правительства РФ от 20.07.2021 N 1228 (ред. от 29.12.2025) «Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-20072021-n-1228/?ysclid=muza1mr1vm197517668#
3. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 03.11.2015) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-02052006-n-59-fz-o/?ysclid=muzahe0t4u791672895#
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Электронный ресурс]. – режим доступа: https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-27072010-n-210-fz-ob/?ysclid=muz9s211kg772496988#
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 26.06.2026) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-31072020-n-247-fz-ob/?ysclid=muz9q6z1c9262733998#

УДК 340

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Хмель О. В., канд. юрид. наук

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Донецк, РФ

e-mail: khmel.o@bk.ru

Введение. Зарождение концепции государственной тайны уходит корнями в глубины формирования первых социополитических образований, где возникла острая необходимость в упорядочивании межгосударственного диалога и сохранении стратегически значимой информации. Именно в этот ранний период, посредством накопления эмпирического опыта в области секретности и контроля за утечкой данных, закладывались предпосылки для последующей институционализации механизмов защиты государственной

тайны, формируя, по сути, фундамент для современных нормативно-правовых и организационных подходов.

Цель статьи – исследование историко-правового аспекта института государственной тайны в России.

Основная часть. На примере Московского княжества, с середины XV века (около 1440 г.), прослеживается формирование ранних элементов архивоведения, ориентированных на секретные документы. Дипломатическая переписка, сведения стратегического характера и основополагающие правовые акты не просто хранились, а помещались в режим особого, близкого к государственной казне, обеспечения [1].

Период правления Ивана III знаменуется качественным скачком в централизации государственного управления, что напрямую коснулось и сферы обращения с конфиденциальной информацией. Формирование единой системы хранения, при которой вся стратегически важная документация аккумулировалась у казначея в приказной избе, стало не просто административной мерой. Эта реформа стимулировала синтез функций Казенного двора и Посольского приказа, породив симбиоз, в рамках которого представители казначейской службы в конце XV – первой половине XVI века нередко выполняли задачи, ранее относившиеся исключительно к компетенции дипломатического ведомства.

Важной вехой в развитии нормативной базы, касающейся безопасности государства, является Статут Великого княжества Литовского 1588 года. Этот документ, закрепив в первом разделе «О персоне нашей господарской» составы преступлений, связанных с государственной изменой, предвосхитил многие последующие законодательные инициативы [2]. Тем не менее, стоит отметить, что понятие «государственная тайна» как самостоятельная юридическая дефиниция в Статуте 1588 года не было сформулировано, что указывает на относительную условность и раннюю стадию формирования соответствующей правовой категории.

Царь Алексей Михайлович, внеся существенный вклад в эту сферу, основал в 1654 году Приказ тайных дел – специализированный орган, чья компетенция охватывала критически важные направления: от дипломатии и военной безопасности до полицейского надзора и финансовой сферы. Именно в рамках деятельности Приказа тайных дел были предприняты первые шаги к внедрению технологических мер защиты информации, таких как криптографическая защита посредством использования шифров, что ознаменовало собой переход к более изощренным методам обеспечения секретности.

Институт государственной тайны в СССР представлял собой зеркало партийной идеологии и постоянно трансформировался в унисон с доктринами государственной безопасности. На заре советской власти (1920-1930-е гг.) фундамент правового регулирования закладывался не столько системно, сколько императивно, через декреты СНК РСФСР (1921, 1926 гг.). Эти

документы впервые попытались категоризировать секретные сведения, разделив их на условные сегменты: военные, экономические и «иные» – категория, являющаяся квинтэссенцией недосказанности и потенциального контроля. Уже Уголовный кодекс РСФСР 1922 года (ст. 117) и его последующие модификации недвусмысленно приравнивали разглашение тайны к акту контрреволюционной деятельности, стирая грань между утечкой информации и подрывом основ государства. Параллельно, с конца 1920-х гг., формировалась практическая база режима секретности через инструкции по секретному делопроизводству, включавшие шифрование и архивное хранение, что стало началом построения сложной системы контроля над информацией.

Период 1930-1940-х гг., ознаменованный стремительной индустриализацией и подготовкой к неизбежному военному конфликту, привел к радикальному ужесточению режима секретности. Список засекречиваемой информации, расширенный в 1947 году, включал теперь не только военные, но и данные о стратегических экспортно-импортных операциях, что свидетельствовало о переходе к тотальному контролю над информационными потоками.

Послевоенная эпоха, ознаменованная глобальным противостоянием в рамках «холодной войны», переориентировала фокус государственной тайны на защиту достижений научно-технического прогресса – от ядерных амбиций до покорения космоса. С момента образования в 1954 году Комитет государственной безопасности стал мощнейшим инструментом контроля над информационными потоками, что нашло отражение в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года, криминализировавшем передачу иностранным государствам как экономических, так и научных данных (ст. 76-1). Однако, к концу советской эпохи, в 1980-х гг., начался парадоксальный процесс – «архивная революция». Частичное рассекречивание документов, кульминацией которого стала публикация в 1989 году секретного протокола пакта Молотова-Риббентропа, нанесло ощутимый удар по вековой монополии государства на историческую память, поставив под сомнение монолитность его информационного контроля.

Проведенный анализ показывает, что становление института государственной тайны можно представить как процесс «археологического» наслоения, где каждый ключевой период оставил свой уникальный след. Выделение основных этапов позволяет выявить закономерности его развития и специфику каждой исторической эпохи.

Первый этап (X-XVII вв.) можно охарактеризовать как период зарождения и институционализации первичных механизмов защиты конфиденциальной информации, неразрывно связанных с процессом централизации власти.

Второй этап (XVIII – начало XX вв.) ознаменовался постепенной «бюрократизацией» и систематизацией правового регулирования института государственной тайны, что отразило имперский вектор управления.

Третий этап (1917-1991 гг.) ознаменовал собой период «советизации» института государственной тайны, где он был подчинен жестким задачам однопартийной системы и стал ее неотъемлемым атрибутом.

Четвертый этап (1991 год – настоящее время) открыл эпоху «демократической метаморфозы» режима секретности, знаменуя собой отход от советских реалий.

Заключение. Итак, пройдя путь от разрозненных конспиративных мер Московского царства до многоуровневых систем защиты информации в цифровую эпоху, институт государственной тайны в России претерпел глубокую трансформацию. На каждом историческом витке развитие секретности определялось сложным переплетением геополитических реалий, технологическим прогрессом и, зачастую, волевым импульсом государства. Однако, как убедительно показывает исторический опыт, главная дилемма заключается в поддержании тонкого правового баланса, предотвращающего превращение государственной тайны из инструмента безопасности в механизм подавления инакомыслия.

Список литературы

1. Харитонов, А. Ю. Историко-правовые аспекты защиты государственной тайны в Российской империи / А. Ю. Харитонов // Юридическая мысль. – 2010. – № 5(61). – С. 48-52. – EDN NRFXXX.
2. Бабина, Е. Е. История развития законодательства в области защиты государственной тайны в России / Е. Е. Бабина // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. – 2013. – № 2(8). – С. 6-12. – EDN SITWLV.

УДК 342.9

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПОБОЕВ

Цветкова А. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

e-mail: Tsvetkova-Alya@mail.ru

Введение. В настоящий момент в отечественном законодательстве усматривается нарушение логики при регулировании мер ответственности (административной и уголовной) за нанесение побоев.

Целью данного исследования является анализ правовых норм, регламентирующих порядок привлечения к ответственности за нанесение побоев, и демонстрация существующих проблем в данной области законодательного регулирования.

Основная часть. Статьей 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) предусмотрена административная ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния [1]. Федеральным Законом от 03 июля 2016 года № 323-ФЗ в УК РФ внесены изменения и частью 1 статьи 116.1 УК РФ закреплена уголовная ответственность за те же действия, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние [2, 3].

В пояснительной записке к вышеуказанному Федеральному закону, субъектом законодательной инициативы – Верховным Судом Российской Федерации указано, что целью регламентации уголовной ответственности за совершение указанных действий лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное действие, является обеспечение должного уровня защиты личности от таких правонарушений, как побои. Предполагалось, что это позволит надлежащим образом реагировать на факты семейного насилия, а также поведение лиц, склонных к систематическому совершению насильственных действий в отношении граждан и обеспечит профилактику такого рода правонарушений [4].

Как справедливо отмечено Конституционным Судом Российской Федерации, «конструирование взаимосвязанных норм статьи 6.1.1 КоАП РФ и статьи 116.1 УК РФ базируется на общей публично-правовой природе административной и уголовной ответственности и на презумпции о достаточности мер административного воздействия на лицо, впервые нанесшее побои, для предупреждения нового насилия с его стороны». Если меры административного реагирования за нанесение побоев оказались не в полной мере эффективными, о чем объективно свидетельствует причинение повторного насилия, то за это поведение следует применить более строгое по своей сути уголовное наказание. Повторность свидетельствует об устойчивом поведении виновного, его склонности к разрешению конфликтов насильственным способом, перманентное неуважение к достоинству личности [5].

Вместе с тем согласно части 2 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью 1 статьей 116.1 УК РФ, отнесены к уголовным делам частного обвинения, возбуждаемым только по заявлению потерпевшего [6]. На последнего возлагается обязанность обратиться в суд с заявлением, самостоятельно предоставить совокупность доказательств, а также поддерживать обвинение в суде. В виду того, что указанный комплекс мероприятий требует определенного уровня знаний в области юриспруденции, зачастую у потерпевшего возникает необходимость в обращении за квалифицированной помощью.

Таким образом, лицу, впервые совершившему побои, неизбежно грозит административная ответственность, при этом, если же лицо, будучи привлеченным к административной ответственности, повторно совершит аналогичные действия, то возможность привлечения его к уголовной ответственности зависит от позиции потерпевшего. В случае отсутствия у потерпевшего процессуального интереса, виновный вовсе может избежать ответственности. Указанное не соответствует целям юридической ответственности, а также свидетельствует о низкой эффективности защиты нарушенных прав потерпевших.

Верховным Судом Российской Федерации в порядке законодательной инициативы еще в апреле 2021 года был внесен в Государственную Думу Российской Федерации проект федерального закона, которым в целях обеспечения надлежащей охраны и восстановления нарушенных прав и свобод человека и гражданина предлагалось внести изменения в УПК РФ, изменив вид уголовного преследования на частно-публичное обвинение в отношении преступлений, предусмотренных статьей 116.1 УК РФ [7]. Указанный законопроект был возвращен инициатору в связи с принятием иного Федерального закона от 28 июня 2022 года № 203-ФЗ, которым часть 2 статьи 116.1 УК РФ переведена в категорию дел публичного обвинения, при этом часть 1 статьи 116.1 УК РФ сохранена в категории частного обвинения.

Заключение. С учетом изложенного, в целях реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления актуальным является исключение части 1 статьи 116.1 УК РФ из категории дел частного обвинения, заменив на категорию дел частно-публичного обвинения, что создаст для потерпевшего дополнительные гарантии доступа к правосудию, и обеспечит реализацию надлежащих мер ответственности к виновному.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 04.08.2026). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 05.10.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 04.08.2026). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.10.2026).
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/ (дата обращения: 01.10.2026).
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : проект федерального закона № 953369-6. – Текст : электронный // Система обеспечения законодательной

деятельности Государственной Думы : [официальный сайт]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6 (дата обращения: 02.10.2026).
5. По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.04.2021 № 11-П. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381845/ (дата обращения: 02.10.2026).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 26.07.2026). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.10.2026).
7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : проект федерального закона № 1145531-7. – Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы : [официальный сайт]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7 (дата обращения: 05.10.2026).

УДК347.73

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЦЕЛЕВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Цветкова А. А., Клименко И. С.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: tsvetkova-alya@mail.ru, inna.klimenko.02@mail.ru

Введение. Бюджетная дисциплина является необходимым условием эффективного функционирования публичной власти и реализации социальных обязательств государства. Нецелевое использование бюджетных средств подрывает доверие к финансовой системе, приводит к невыполнению государственных программ и неэффективному расходованию ресурсов. Административная ответственность, предусмотренная ст. 15.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), призвана выполнять превентивную и карательную функции, однако её реализация сопряжена с серьёзными трудностями. Отсутствие единообразного толкования признаков состава, размытость формулировок бюджетного законодательства и пробелы в регулировании процессуальных аспектов приводят к противоречивой судебной практике и снижению эффективности правового воздействия. Указанные обстоятельства обусловливают актуальность исследования.

Цель исследования. Выявить основные проблемы квалификации административного правонарушения, предусмотренного ст. 15.14 КоАП РФ, и предложить научно обоснованные пути их решения.

Основная часть. Легальное определение нецелевого использования бюджетных средств закреплено в ст. 306.4 Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ): под ним понимается направление средств бюджета бюджетной системы Российской Федерации и оплата денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично целям, определенным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной росписью, лимитами бюджетных обязательств, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо правовым актом, являющимся основанием для предоставления указанных средств[2]. Состав правонарушения, предусмотренного ст. 15.14 КоАП РФ, является формальным: ответственность наступает за сам факт нецелевого направления средств, независимо от наступивших последствий. Субъективная сторона может выражаться как в умысле, так и в неосторожности, однако установление вины должностных лиц на практике вызывает значительные сложности, поскольку требует анализа управленческих решений и документооборота [1].

Ключевым элементом объективной стороны является несоответствие фактического расходования тем целям, которые зафиксированы в правовых основаниях. Однако на практике формулировки целей в бюджетных сметах, соглашениях о предоставлении субсидий и государственных контрактах нередко носят общий, неконкретный характер (например, «на обеспечение деятельности учреждения», «на реализацию мероприятий»). Контролирующие органы, ориентируясь на принцип эффективности, склонны расширительно толковать понятие нецелевого использования, включая в него любые расходы, не соответствующие, по их мнению, установленным направлениям. Судебная практика, напротив, исходит из буквального толкования: при отсутствии чётко закреплённых целей невозможно сделать вывод о наличии состава правонарушения. Это порождает конфликт между контрольными и судебными органами и ставит под сомнение законность значительного числа постановлений.

Одной из самых сложных задач является разграничение нецелевого использования с иными нарушениями бюджетного законодательства. В частности, ст. 34 БК РФ закрепляет принцип эффективности использования бюджетных средств, нарушение которого не влечёт административной ответственности, но может свидетельствовать о нецелевом использовании, если средства направлены на цели, хотя и соответствующие смете, но не обеспечивающие достижение заданного результата.

Статья 15.14 КоАП РФ предусматривает ответственность как должностных лиц, так и юридических лиц. На практике к ответственности чаще привлекаются руководители казённых и бюджетных учреждений, в то время как главные распорядители бюджетных средств, чьи указания могли повлечь нарушение, остаются безнаказанными. Это связано с отсутствием

механизмов доказывания причинно-следственной связи между решениями вышестоящих органов и действиями подведомственных учреждений. Кроме того, штрафные санкции в отношении казённых учреждений зачастую неэффективны ввиду отсутствия у них собственных доходов: штраф уплачивается за счёт тех же бюджетных средств, что создаёт абсурдную ситуацию. В научной среде обсуждается вопрос о введении специальных мер воздействия на юридических лиц, например, приостановление операций по счетам [4, с. 72].

Заключение. Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики:

1. Конкретизация целей. Внести изменения в ст. 306.4 БК РФ, установив обязательность указания в документах-основаниях конкретных направлений расходования средств с использованием кодов бюджетной классификации и видов затрат, а также закрепив исчерпывающий перечень случаев, признаваемых нецелевым использованием. Это позволит исключить расширительное толкование и повысить определённость правового регулирования.

2. Законодательное разграничение составов. Дополнить КоАП РФ примечанием к ст. 15.14, в котором разъяснить понятие нецелевого использования и критерии его отграничения от неэффективного использования (ст. 34 БК РФ) и нарушения порядка ведения бюджетной сметы (ст. 15.15.7 КоАП РФ). Целесообразно также издание совместных разъяснений Минфина России и Федерального казначейства.

3. Разъяснения по длящемуся характеру. Рекомендовать Верховному Суду РФ дать разъяснения о правилах определения момента окончания длящегося правонарушения, связанного с нецелевым использованием бюджетных средств, с учётом специфики бюджетного процесса [5].

4. Усиление санкций. Рассмотреть возможность введения для юридических лиц административного наказания в виде приостановления операций по счетам на срок до 90 суток, что будет более действенной мерой по сравнению со штрафом для казённых и бюджетных учреждений.

5. Расширение субъектного состава. Законодательно закрепить возможность привлечения к административной ответственности главных распорядителей бюджетных средств, если их решения (указания, согласования) повлекли нецелевое использование средств у подведомственных учреждений. Для этого необходимо разработать механизмы фиксации таких решений и доказывания причинной связи.

6. Методическое обеспечение. Разработать и внедрить единые методические рекомендации для органов финансового контроля по квалификации нецелевого использования, что будет способствовать единообразию правоприменительной практики.

Реализация указанных мер позволит повысить эффективность административной ответственности, обеспечить законность и обоснованность

привлечения к ответственности, а также укрепить бюджетную дисциплину в целом.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 2024) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.
4. Иванова Е. Ю., Ковтун Л. Р. Ответственность за нецелевое использование бюджетных средств в отношении юридических лиц // Сибирский юридический вестник. 2025. № 3. С. 69–77.
5. Нашатынская Е. А. Практика применения мер ответственности за нецелевое использование бюджетных средств // Молодой ученый. 2025. № 52 (603). С. 239–243.
6. Шершнева А. А. Нецелевое использование бюджетных средств: актуальные проблемы реализации административной ответственности // Молодой ученый. 2023. № 49 (496). С. 458–460.

УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Чеботарев С. А., Журиков Б. П.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

e-mail: chebotarev.donnu.jur@mail.ru, Bogdanz07144@gmail.com

Введение. Миграционные потоки были неотъемлемой частью истории человечества и тесно переплетались с различными социально-политическими процессами. До эпохи Просвещения, когда права отдельной личности еще не ставились в приоритет, главная цель государства в миграционной сфере заключалась в отражении угроз, исходящих от иностранного присутствия. Эта исторически глубокая задача стала фундаментом для формирования миграционной политики как самостоятельного элемента государственного управления.

Цель исследования – выявить недостатки действующей миграционной политики РФ и предложить пути ее совершенствования в правовой, институциональной и исследовательской сферах.

Основная часть. Основным нормативным актом, определяющим статус иностранных граждан в РФ, выступает Федеральный закон от 25 июля 2002 г.

№ 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в редакции от 02.07.2021) [1].

В российской правовой науке выделяют следующие виды режима иностранцев: национальный режим, специальный режим наибольшего благоприятствования, преференциальный режим. Что касается группы незаконной или нелегальной миграции, то здесь необходимо ужесточение законодательства для лиц, которые создают условия и предпосылки для существования этого вида миграции, о чем мы говорили выше. Требуется проработать механизмы противодействия торговле людьми, существующую практику борьбы с этим явлением в России следует признать малоэффективной и неудовлетворительной. Также следует переориентировать работу в отношении иностранных граждан, освободившихся из мест лишения свободы [2].

Необходимо также совершенствовать практику административного выдворения, вынесения запрета на въезд в отношении иностранных граждан. Здесь, в частности, нужна объективная шкала сроков выдворения, привязка ее к действительной тяжести допущенных административных правонарушений. Необходимо подумать и о режиме содержания в учреждениях временного содержания иностранных граждан. Следует приоритетно прибегать к контролируемому выезду иностранцев. Также необходимо совершенствование механизма взаимодействия с консульскими и дипломатическими учреждениями, поскольку в настоящее время сроки выдворения могут чрезмерно затягиваться. Также на основании практики Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации необходимо продумать ситуации, в которых выдворение и депортация невозможны, а иностранные граждане, тем не менее, находятся в России без соответствующих оснований.

В контексте миграционной политики, с точки зрения научного подхода, остро требуется расширение социологических изысканий как на общегосударственном, так и на региональном уровнях, а также внутри конкретных демографических групп. Существующий объем социологических данных сегодня признан недостаточным: проводимые исследования часто носят хаотичный и фрагментарный характер. Значительные расхождения в статистике и показателях миграции, используемые как государственными структурами, так и экспертным сообществом, приводят к искажению реальной картины или формированию «слепых зон». В таких условиях говорить об эффективности иммиграционной стратегии и надежной защите прав иностранцев не приходится. Поэтому социологические исследования в данной области необходимо перевести в режим постоянного и системного функционирования. Также целесообразно активно развивать междисциплинарные проекты, поскольку миграционные проблемы лежат на пересечении экономики, права и социологии. Для этого требуется создание профильных исследовательских центров.

Ранее в академической среде часто указывалось на отсутствие концептуальной основы миграционных процессов. Сегодня же реализуется уже вторая по счету концепция миграционной политики. Текущая стратегия была разработана задолго до завершения действия предыдущей. Мы полагаем, что само по себе наличие концепции, особенно при отсутствии механизмов ее внедрения, не решает проблем автоматически. По своей сути, как действующий, так и прошлый документы являются лишь краткими рамочными схемами, в которых многие аспекты, включая регулирование миграции и защиту прав иностранцев, освещены поверхностно. Кроме того, из-за отсутствия упоминания миграции в статьях 71 и 72 Конституции РФ сложно четко определить ее статус – федеральный или региональный [3]. Хотя экспертное сообщество продолжает работу по кодификации законодательства, полная систематизация невозможна, так как миграция затрагивает все сферы жизни. Тем не менее, упорядочивание правовой базы необходимо. Требуется сократить число нормативных актов, устранить противоречия и пробелы, поскольку ранее регулирование носило несистемный характер. Многие вопросы решались с задержкой: например, программа поддержки соотечественников появилась лишь через 15 лет после распада СССР, хотя потребность в ней возникла сразу из-за вынужденной миграции граждан бывшего Союза.

Для начала 2000-х годов характерен рост трудовой миграции, однако из-за недостатков в реализации миграционной политики долгое время большая часть трудовых мигрантов, что признавалась даже официальными властями, трудилась без соответствующих разрешений[4].

Несмотря на то, что основная роль в регулировании миграционных процессов на территории России принадлежит МВД, эффективное управление миграционными процессами может быть организовано только на основе конструктивного взаимодействия различных органов власти и местного самоуправления. Институциональный компонент государственной миграционной политики формировался поэтапно. До распада СССР роль государства сводилась преимущественно к регулированию внутренней трудовой миграции, что логично диктовал плановый характер экономики. В начале1990-х годов картина в данной области кардинально изменилась, так как в сфере вынужденной миграции резко стала прогрессировать тенденция увеличения вынужденных мигрантов извне.

Вместе с тем нужно отметить, что отказаться от участия иностранцев-рабочих в строительстве невозможно. По этой причине, в целях предотвращения незаконного привлечения к работе на строительных объектах в качестве рабочих иностранцев-мигрантов, необходимо ввести административную ответственность за незаконное привлечение и дальнейшее использование иностранной рабочей силы на строительных объектах, для чего в абз. 1 ч. 1 ст. 3.12 КоАП РФ после фразы «втом числе в торговых комплексах» добавить – «а также на объектах строительства»[5].

Заключение. Думается, что правовая конкретизация административной ответственности в этой отрасли позволит снизить количество незаконных мигрантов, трудящихся на строительных объектах России.

Помимо сказанного, для того чтобы упорядочить процессы трудовой миграции, необходимо дополнить КоАП РФ альтернативной, более строгой мерой административного наказания для должностных лиц, принимающих на работу мигрантов-нелегалов (дисквалификацию на различные сроки).

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.,вступ. в силу с 29.12.2021) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3032.
2. Самитова, А. А. Проблемы образовательной миграции и пути ее решения / А. А. Самитова // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 3. – С. 196-200. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-3-196-200. – EDN BWBHAP.
3. Ростовская, Т. К. Вызовы образовательной миграции на современном этапе / Т. К. Ростовская, В. И. Скоробогатова // Университетское управление: практика и анализ. – 2022. – Т. 26, № 2. – С. 105-113. – DOI 10.15826/umpa.2022.02.016. – EDN KVJYYQ.
4. Костюк, М. Ф. Проблемы внутренней миграции в России: междисциплинарный аспект / М. Ф. Костюк, Е. В. Кунц // Миграционное право. – 2022. – № 1. – С. 9-11. – DOI 10.18572/2071-1182-2022-1-9-11. – EDN FOXCLJ.
5. Административное право : основные понятия, таблицы и схемы / В. В. Авдеев, Е. Ю. Зинченко, Ю. В. Кивич [и др.]. Том Часть 1. – Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2020. – 178 с. – EDN IFQSUF.

УДК 342.9:334.021.1

СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Шильникова А. А., ORCID 0009-0007-6686-9947

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», г. Луганск, РФ

e-mail: a_shilnikov@mail.ru

Введение. Одним из эффективных способов получения финансовых ресурсов является применение государственно-частного партнерства, поскольку зачастую государство не располагает достаточным объемом собственных ресурсов, чтобы полноценно выполнять все функции, возложенные на него. На уровне государства в контексте государственно-частного партнерства (ГЧП) существует потребность в определении и совершенствовании механизмов административно-правового регулирования в части реализации гарантированных государством прав участников

партнерства. Рассмотрение понятия и составляющих этого механизма имеет не только практическую значимость, но и способствует обогащению правоприменительной практики в данной сфере.

Цель статьи – системный анализ состава административно-правового механизма государственно-частного партнерства.

Основная часть. Согласно п. 1 ст. 3 Закона № 224 ФЗ «под государственно-частным партнерством следует понимать юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества» [1]. Его цель состоит в установлении равноправных партнерских отношений между государственным и частным секторами, направленных на достижение общих целей.

Данные отношения закрепляются в виде договора, который предусматривает реализацию и общее финансирование проектов на длительной основе, а также распределение рисков, ответственности и доходов с целью улучшения эффективности и качества производства общественно полезных благ и обеспечения устойчивого развития общества.

Взаимодействие частного бизнеса и государства при создании предприятий с госучастием реализуется через механизм государственно-частного партнерства [2].

Современные вызовы требуют пересмотра модели административно-правового механизма ГЧП, чтобы она была более адаптирована и отвечала потребностям общества, а также способствовала эффективному взаимодействию между государственным и частным секторами.

В целом административно-правовой механизм государственно-частного партнерства следует рассматривать как интегрированную систему взаимодействующих направлений, ориентированных на целенаправленное воздействие уполномоченных субъектов на формирование равноправных партнерских отношений.

С помощью государственно-частного партнерства могут быть реализованы различные проекты без создания дополнительной нагрузки на бюджет, а высвобожденные бюджетные средства могут быть направлены на другие цели, например, на медицину, образование и другие проекты.

Первой составляющей административно-правового механизма является нормативно-правовое регулирование в сфере государственно-частного партнерства. Выделение указанного элемента административно-правового механизма как нормативно-правового регулирования обеспечения государственно-частного партнерства при реализации конкретного проекта

происходит путем определения уровней законодательного регулирования [3].

Второй составляющей административно-правового механизма государственно-частного партнерства является система организационно-правовых форм и институтов, которые обеспечивают реализацию партнерства (например, уполномоченные органы, агентства развития, концессионные комиссии). На современном этапе необходимо создание соответствующей институциональной среды, которая бы определяла четкие рамки и полномочия органов власти на всех этапах проектного цикла. При этом одной из основных задач является установление четкой ответственности органов государственной власти и местного самоуправления, привлекаемых к реализации данных проектов.

Считаем, что для эффективной работы институтов, которые осуществляют государственно-частное партнерство, следует внедрить систему объективных критериев для оценки деятельности. Рассмотрение системы критериев позволит оценить не только количественный аспект заключения договоров, но и качество управления, степень достижения поставленных целей для обеспечения устойчивого развития. Такой подход к институциональной среде государственно-частного партнерства позволит создать систему, в которой государственные структуры и бизнес могут эффективно сотрудничать в интересах развития инфраструктурных и социально значимых проектов, обеспечивая максимальную выгоду для общества и устойчивое экономическое развитие.

Третьим компонентом правового механизма являются меры и средства обеспечения условий для поддержки работы государственно-частного партнерства (гарантии прав частного партнера, финансовые инструменты и механизмы, четкое распределение рисков и обязательств, организационные и институциональные механизмы и т.д.)

Четвертым компонентом правового механизма обеспечения деятельности являются административные процедуры, которые сопровождают государственно-частное партнерство.

Административные процедуры в сфере государственно-частного партнерства представляют собой установленный нормативными актами порядок действий органов публичной власти и частных партнеров, направленный на реализацию этапов жизненного цикла проекта. Ключевыми элементами выступают процедуры инициирования, предварительного отбора, конкурсного отбора, заключения соглашения, а также последующего мониторинга и контроля исполнения обязательств. В Российской Федерации данные процедуры регламентированы Федеральным законом № 224-ФЗ, который определяет обязательность проведения открытого конкурса для большинства форм ГЧП.

Заключение. В целом административно-правовой механизм государственно-частного партнерства можно определить как систему взаимосвязанных стратегических направлений влияния участников на общественные отношения по установлению равноправных партнерских

отношений между сторонами, что направлено на достижение общих целей путем конкретного взаимодействия государственного и частного секторов посредством использования возможных нормативных средств и методов, которые создают основу для полноценной реализации модели государственно-частного партнерства при реализации конкретного проекта.

Административно-правовой механизм состоит из взаимосвязанных элементов и создает условия для участников государственно-частного партнерства осуществлять свои субъективные права и выполнять обязанности.

Список литературы

1. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224 ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 29, ч. 1, ст. 4350.
2. Смелянская, М.Е. Развитие механизмов взаимодействия государства и бизнеса в контексте реализации внешнеэкономической политики РФ / М.Е. Смелянская, С. Н. Науменко // Научный журнал "Государственное управление и право". – 2024. – № 2(2). – С. 58-79. – EDN UCDRXI.
3. Глызин, Д.В. Нормативно-правовое регулирование механизма государственно-частного партнерства в Российской Федерации / Д.В. Глызин // Актуальные вопросы устойчивого развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты: Материалы XVII Всероссийской студенческой научно-практической конференции. В 2-х частях, Челябинск, 25–26 апреля 2019 года / Отв.ред. С.В. Нечаева. Том Часть 2. – Челябинск: Челябинский фили, 2019. – С. 38-40.

Конституционное и международное право

УДК 342.25

ПРЕДЕЛЫ УСМОТРЕНИЯ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Анохин А. Е., ORCID 0009-0000-8335-6210
Частное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический университет», г. Омск, РФ
e-mail: anton.anohin123@mail.ru

Введение. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее Закон № 33-ФЗ) изменил саму логику распределения муниципальных полномочий. Восемнадцать полномочий, перечисленных в части 3 статьи 32, в том числе дорожная деятельность и градостроительство, «являются перераспределенными для осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации в силу настоящего Федерального закона», а вернуть их на местный уровень может только закон субъекта (часть 7 статьи 32) [1]. Новые правила применяются с 1 января 2028 г. (часть 1 статьи 91), поэтому регионы решают этот вопрос уже сейчас. Цель статьи состоит в выявлении рисков такой централизации по умолчанию и обосновании гарантий, способных их снизить.

Основная часть. Первая проблема заложена в самой конструкции. Перераспределить можно лишь то, что кому-то принадлежало, однако закон не называет первоначального обладателя полномочий. М. Ю. Дитятковский задает вопрос «Чьи эти полномочия изначально?» и подчеркивает, что согласия органов местного самоуправления на такое перераспределение «никто даже и не спрашивает» [5, с. 31]. Т. М. Бялкина писала, что «перераспределение полномочий (временное по своей природе) возможно только с муниципального уровня на региональный» [4, с. 26]. Часть 3 статьи 32 превращает временную меру в бессрочное правило. При этом в перечень вошли именно те сферы, которые регионы изымали чаще всего. По данным, приведенным В. Г. Агеевым и соавторами, в 2024 и 2025 гг. полномочия перераспределялись в 71 субъекте, из них в 54 в сфере земельных отношений и градостроительной деятельности [3, с. 23]. Практика большинства регионов стала правилом для всех, хотя критерии отнесения полномочий к группам «в законе не представлены» [3, с. 23].

Вторая проблема, на наш взгляд наиболее острая, состоит в том, что усмотрение субъекта теперь выражается молчанием. Непринятие закона равнозначно решению оставить полномочия за регионом (часть 13 статьи 32),

причем срока для такого решения и обязанности мотивировать отказ закон не устанавливает [1]. По наблюдению Е. С. Шугриной, региональные органы, «осуществляя свои дискреционные полномочия, поступают весьма хаотично» [7]. Прежде эта хаотичность хотя бы облекалась в форму закона, доступного судебной проверке. Теперь оспаривать нечего, поскольку нормоконтроль рассчитан на принятый акт, а не на бездействие парламента.

Третья проблема финансовая. Полномочия, оставшиеся у субъекта, финансируются из регионального бюджета «без перераспределения доходов» между ним и местным бюджетом (часть 13 статьи 32) [1]. Для затратных полномочий это стимул вернуть их муниципалитетам, для дешевых, но дающих рычаги влияния на развитие территории, стимула нет. Е. В. Кискин показал, что регионы чаще всего забирают полномочия, «которые не требуют значительных финансовых затрат, но имеют высокий потенциал властного воздействия на развитие муниципалитетов» [6]. Возвращенное же полномочие финансируется из местного бюджета с учетом отчислений и трансфертов, объем которых определяет тот же субъект, сохраняющий контроль за исполнением (части 14 и 15 статьи 32) [1]. У региона остается власть, у муниципалитета расходы и риск нефинансируемых мандатов [3, с. 25], хотя, по точной формуле Т. М. Бялкиной, «финансы следуют за полномочиями, а не наоборот» [4, с. 26].

Цену неясного разграничения компетенции показывает Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 мая 2026 г. № 33-П. Вышестоящие суды вслед за прокурором сочли, что администрация Калининграда обязана убирать мусор с акваторий федеральных водных объектов лишь потому, что те находятся в границах городского округа. Конституционный Суд указал, что подобное бремя возлагается на органы местного самоуправления законом и только «при условии передачи им необходимых для его осуществления материальных и финансовых средств», а за вынужденное участие в ликвидации загрязнения муниципалитет имеет право на возмещение расходов из бюджета субъекта [2]. Допускаемое частью 9 статьи 32 дробление полномочий на составляющие создает почву для таких же споров, хотя компетенция должна быть определена «ясно, четко и непротиворечиво» [2].

Заключение. Часть 3 статьи 32 Закона № 33-ФЗ вводит централизацию по умолчанию, при которой усмотрение субъекта ускользает от судебного контроля, а финансовые стимулы побуждают регион удерживать властные полномочия и возвращать затратные. Оспорить саму конструкцию трудно, ведь перечень вопросов местного значения и круг полномочий органов местного самоуправления «не предрешены исчерпывающе Конституцией Российской Федерации» [2], поэтому гарантии должны быть процедурными. Во-первых, представительному органу муниципального образования следует предоставить право предложить региональному парламенту передать полномочие части 3, а парламент обязать рассмотреть предложение в установленный срок и принять

мотивированное решение. Во-вторых, закон о частичной или адресной передаче должен содержать объективные критерии и распределять все составляющие полномочия вместе с источниками финансирования. В-третьих, право на возмещение расходов, сформулированное Конституционным Судом, нужно закрепить в законе для случаев, когда муниципалитет фактически исполняет полномочие, оставшееся за регионом. Такие гарантии не запрещают обоснованную централизацию, но делают мотивы регионального законодателя проверяемыми, чего требует и конституционный принцип доверия к власти [7].

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026). – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
2. По делу о проверке конституционности пунктов 11, 20, 24 и 25 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» в связи с жалобой администрации городского округа «Город Калининград» : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.05.2026 № 33-П // Российская газета. – 2026. – 1 июня (№ 116).
3. Агеев, В. Г. Возможные подходы к распределению полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения / В. Г. Агеев, А. С. Пузанов, Р. А. Попов // Бюджет. – 2026. – № 4. – С. 22–26.
4. Бялкина, Т. М. Компетенция местного самоуправления : новое в содержании и правовом регулировании (некоторые суждения о проекте федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти») / Т. М. Бялкина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. – 2022. – № 1 (48). – С. 18–30. – DOI 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9022.
5. Дитятковский, М. Ю. Об определении компетенции местного самоуправления в новом Федеральном законе о местном самоуправлении / М. Ю. Дитятковский // Правоприменение. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 25–35. – DOI 10.52468/2542-1514.2026.10(1).25-35.
6. Кискин, Е. В. Перераспределение полномочий как новая модель регулирования компетенции муниципалитетов : необходим стратегический подход / Е. В. Кискин // Федерализм. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 60–75. – DOI 10.21686/2073-1051-2025-3-60-75.
7. Шугрина, Е. С. Перераспределение полномочий по решению вопросов местного значения в материалах правоприменительной практики / Е. С. Шугрина // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия : Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 187–194. – DOI 10.21603/2542-1840-2024-8-2-187-194. – EDN CPMECD.

УДК 379.85:34

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ТУРИСТОВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Головина Е. О.
АНО ВО «Московский университет «Синергия», г. Москва, РФ
e-mail: golovina62t@mail.ru

Введение. В современном нестабильном геополитическом положении тема безопасности туристов становится все более актуальной. Обеспечение безопасности и соблюдение прав туристов на международном уровне является ключевым элементом отрасли. За последние десятилетия туристская сфера столкнулась с большим количеством различных кризисов, таких как пандемия, военные конфликты, ограничения полетов, наложение санкций на некоторые государства. Но несмотря на это туризм стабильно развивается, трансформируется, меняются потребности туристов, возникают новые формы путешествий, а также открываются новые направления, что требует актуализации международной нормативно-правовой базы, отвечающей современным реалиям безопасности.

Основная часть. Понятие «обеспечение безопасности туризма» можно охарактеризовать, как совокупность нормативных регуляторов, регламентирующих деятельность различных государств в сфере международного туризма с целью защиты жизни, здоровья и имущества туристов в путешествии, а также сохранности окружающей среды.

В Российской Федерации законодательство РФ создаёт национальную систему гарантий, а понятие безопасности туризма закреплено в законодательстве, так Конституция РФ гарантирует туристам (как гражданам РФ) фундаментальные права: свободу передвижения (ст. 27), право на отдых (ст. 37) и личную безопасность, также согласно отраслевому законодательству ст. 14 ФЗ-132 «Об основах туристской деятельности в РФ», безопасность туризма – это защищенность туристов, сохранность их имущества, ненанесение ущерба окружающей среде, материальным ценностям и государству. Услуги должны быть безопасны для жизни и здоровья, а при рисках туроператоры обязаны информировать о них, [1] то есть данная норма затрагивает уже конкретных участников туристского рынка.

Механизмы защиты прав потребителей туристических услуг, в частности распространяющиеся в правовом поле Российской Федерации также закреплены в ФЗ «О защите прав потребителей».

Что касается международного туризма, то меры по информированию туристов о рисках в нестабильных регионах издаются в рекомендации МИД РФ. Как показывает практика, в кризисных международных ситуациях, именно слаженная работа регуляторов МИД РФ, Минэкономразвития, Минтранса и

представителей бизнеса помогает оперативно решить вопросы, возникающие с безопасным возвращением граждан домой. Так по данным Ассоциации туроператоров России (АТОР) в момент начала ближневосточного кризиса в марте 2026 года в данном регионе находилось порядка 30 тыс. организованных туристов, которые в первую неделю кризиса были благополучно доставлены на родину. [2]

Обратимся к международному регулированию сферы безопасности туризма. Существует множество международных актов, закрепляющих данный термин.

Одним из первых документов является Манильская декларация по мировому туризму, принятая в 1980 г. на Всемирной конференции по туризму, в которой провозглашается право человека на отдых и перемещения, впервые на международном уровне зафиксировав, что безопасность неразрывна со сферой туризма. Согласно данной декларации всем государствам необходимо обеспечить безопасность туристов, предоставить право на свободное передвижение, гарантировать защиту достоинства граждан и физическую целостность.[3] Более детальные механизмы обеспечения безопасности туристов позднее отобразились в ряде других важных документов, однако Манильская декларация заложила фундамент, и дала определение туризма как деятельности, основанной на обеспечении прав человека, в том числе право на безопасное перемещение.

Хартия туризма 1985 года, которая была одобрена Генеральной ассамблеей Всемирной туристской организации и является ключевым интернациональным документом, который помимо также провозглашения права на отдых и свободное передвижение, требует от представителей государств обеспечить доступ иностранных граждан к своим консульствам, информировать о локальных обычаях, что будет способствовать безопасному культурному обмену. [4]

Гаагская декларация по туризму 1989 г. обязывает страны укреплять и удерживать мир и безопасность, содействовать правовой защите туристов, также обеспечивать безопасность окружающей среды, локальных организаций, сообществ при динамичном развитии индустрии туризма. [5]

В 1994 году в Осаке была принята Декларация Всемирной конференции министров по туризму, которая требует от государств гарантировать безопасность туристов, упрощать бюрократические визовые формальности, делать вклад в развитие туризма для молодежи, пожилых людей и инвалидов. Декларация акцентирует внимание на важности интеграции туризма в различные проекты развития, которые способствуют улучшению международного взаимопонимания, экономического роста и устойчивого туризма. [6]

На международной конференции по безопасности туризма и уменьшению рисков при путешествиях которая состоялась в 1995 г., в Эстерсунде, Швеция, под эгидой Всемирной туристской организации основное внимание было уделено защите прав туристов, личной безопасности,

упрощению формальностей при пересечении границ, улучшению качества предоставления туристских услуг и недопущению различных рисков.

В 1999 году был принят Глобальный этический кодекс туризма, который фиксирует помимо вопросов обеспечения прав туристов, организации безопасного отдыха, также предоставлять доступ к информации, защищать уязвимые группы туристов и гарантировать свободу передвижения. [7]

В наше время в 2021 году Всемирной туристской организацией (ЮНВТО) был принят расширенный Международный кодекс защиты туристов, который обязывает субъекты туристского рынка оперативно предоставлять информацию о рисках, протоколах безопасности и состоянии здоровья на курортах, гарантирует предоставление базовой помощи туристам, оказавшимся в зоне ЧС, регулирует координацию при репатриации, прописывает четкие стандарты отмены туров, а также нацелен на защиту персональных данных туристов.

Проведённый анализ международных и национальных механизмов защиты прав туристов показывает, что в условиях политико-правовой нестабильности особую значимость приобретают многоуровневые гарантии – как на глобальном, так и на национальном уровне. Международно-правовые основы формируют фундамент защиты прав туристов. В условиях нестабильности эффективность гарантий зависит от оперативности международного сотрудничества: обмен информацией, координация действий спецслужб и министерств иностранных дел; гибкости национального законодательства, актуализированного под современные реалии, возможность быстрого реагирования на угрозы; прозрачности механизмов оперативного информирования туристов, в качестве актуальных предупреждений, руководства по поведению в кризисных ситуациях; наличия страховых и финансовых инструментов.

Заключение. Таким образом, обеспечение прав туристов в нестабильных условиях требует комплексного подхода: гармонизации международных норм, адаптации национального законодательства и активного вовлечения всех участников туристической отрасли. Только сочетание этих мер позволит минимизировать риски и сохранить доверие к индустрии путешествий даже в кризисные периоды.

Список литературы

1. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1996 №132-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №49. – Ст. 5491.
2. Туроператоры к концу дня 10 марта вывезут из стран Персидского залива 90% своих туристов // Ассоциация туроператоров (АТОР): [официальный сайт]. – 2026. – 10 марта. – URL: https://www.atorus.ru/article/turoperatory-k-koncu-dnya-10-marta-vyvezut-iz-stran-persidskogo-zaliva-90-svoikh-turistov-66868?_wrapper_format=html&page=1 (дата обращения: 01.10.2026). – Текст: электронный.
3. Манильская декларация по мировому туризму : [принята Всемирной конференцией по туризму, Манила (Филиппины), 27 сентября – 10 октября 1980 г.] // Электронный фонд

правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901813698 (дата обращения: 01.10.2026). – Текст: электронный.
4. Хартия туризма : [одобрена резолюцией Генеральной ассамблеи Всемирной туристской организации A/PEC/VI/15 на VI сессии, София (Болгария), 17–26 сентября 1985 г.] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901756802 (дата обращения: 01.10.2026). – Текст: электронный.
5. Гаагская декларация по туризму : [принята Межпарламентской конференцией по туризму, Гаага (Нидерланды), 10–14 апреля 1989 г.] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901737419/titles/64U0IK (дата обращения: 01.10.2026). – Текст: электронный.
6. Декларация Всемирной конференции министров по туризму : [принята в г. Осаке (Япония) 4–11 ноября 1994 г.] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901756803 (дата обращения: 01.10.2026). – Текст: электронный.
7. Глобальный этический кодекс туризма : [принят резолюцией Генеральной ассамблеи Всемирной туристской организации A/RES/406(XIII) на XIII сессии, Сантьяго (Чили), 27 сентября – 1 октября 1999 г.] // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tourism.pdf (дата обращения: 01.10.2026). – Текст: электронный.

УДК 341.01 + 342.4

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ УКРАИНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Голубцов А. В., ORCID 0009-0008-1886-3599
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: a.golubtsov.donnu.jur@mail.ru

Введение. Советский опыт денацификации, проведённой на территориях, освобождённых от нацистской оккупации, демонстрирует существенные недостатки. Несмотря на масштабные судебные процессы и иные меры, денацификация носила преимущественно карательный, а не институциональный характер. Отсутствие системного закрепления антинацистских норм в конституционном порядке освобождённых стран привело к тому, что после распада СССР в некоторых бывших Советских Республиках начался процесс ревизии итогов Второй мировой войны. Так, на Украине, где коллаборационисты, сотрудничавшие с нацистами, объявлялись участниками национально-освободительных движений. Это доказывает, что денацификация, не подкреплённая институциональными конституционными запретами и правовыми механизмами, оказывается обратимой.

Основная часть. 24 февраля 2022 года Президент Российской Федерации В. В. Путин в обращении к многонациональному народу России провозгласил целями специальной военной операции (СВО) демилитаризацию и денацификацию Украины. Согласно официальному заявлению, цель операции – «защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима», и для этого «мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей». Поскольку денацификация объявлена как одна из двух равнозначных целей операции наряду с демилитаризацией, представляется целесообразным обратиться к опыту США по демилитаризации Японии после Второй мировой войны как к прецеденту комплексного послевоенного переустройства.

Американская оккупация Японии (1945–1952 гг.) под руководством генерала Дугласа Макартура демонстрирует системный подход к демилитаризации, включавший не только роспуск вооружённых сил, но и глубинное переформатирование политической, экономической и идеологической системы страны. В документе «Основные принципы политики США в отношении Японии в начальный период оккупации», утверждённом президентом Г. Трумэном 6 сентября 1945 года, первоочередной задачей была заявлена «быстрая, решительная и полная демилитаризация», после которой Япония не будет обладать армией, флотом и авиацией, а также «будут распущены и запрещены все крайне националистические и милитаристские общественные, политические и коммерческие общества и институты».

Ключевым инструментом стала новая Конституция Японии 1947 года, разработанная при активном участии американских оккупационных властей. Статья 9 Конституции закрепила отказ японского народа от войны как средства решения международных споров. Конституция также ликвидировала институт государственной религии синто, систему аристократического сословия и запретила воинственную идеологию. Программа идеологической демилитаризации включала цензуру СМИ, переписывание учебных программ, распространение идей пацифизма и осуждения милитаризма. Масштабные чистки охватили должностных лиц, причастных к милитаристскому режиму, а Токийский трибунал осудил главных военных преступников.

Применительно к денацификации Украины из японского опыта может быть заимствован принцип конституционного закрепления антинацистских норм – то есть не только демонтирование существующих структур, но и создание правовых гарантий, которые препятствовали бы возрождению националистической идеологии в будущем. Как отмечают исследователи, инициаторы реформ в Японии «считали важным наличие в них определённого радикализма, с тем чтобы после оккупации японским правящим кругам было бы нелегко их пересмотреть или отказаться от них». Этот принцип представляется особенно актуальным для Украины.

Опираясь на опыт конституционного переустройства Японии, предлагается закрепить в главе I Конституции Украины («Общие положения», раздел об основах конституционного строя) прямой запрет на националистическую идеологию с чётким указанием её критериев и запретом их произвольного толкования. Данная необходимость продиктована опытом конституционного правоприменения на Украине. В частности, часть 2 статьи 10 Конституции Украины гарантирует свободное развитие, использование и защиту русского языка.

Однако Конституционный суд Украины решениями 2007 года о законе «О кинематографии», 2018 года о законе «Об основах государственной языковой политики» и 2021 года о законе «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» последовательно свёл к нулю гарантии русского языка. Это демонстрирует необходимость такого формулирования конституционного запрета на националистическую идеологию, которое исключало бы возможность его извращённого толкования Конституционным судом Украины.

Предлагается также закрепить в разделе об основах конституционного строя Украины поражение в политических, экономических и социальных правах носителей националистической идеологии. В частности по поражением в политических правах понимается запрет на занятие государственных должностей, участие в выборных органах, регистрацию в качестве кандидатов на выборы любого уровня, а также запрет на участие в общественных объединениях политического характера. При этом предлагается ужесточить процедуру внесения поправок в данную главу, установлением порога в 4/5 голосов от конституционного состава Верховной Рады Украины и одобрение 4/5 голосов граждан Украины, имеющих право голоса, на всеукраинском референдуме. Такой повышенный порог обеспечит устойчивость данной нормы и затруднит её отмену в случае прихода к власти сил, потенциально симпатизирующих националистической идеологии.

Такого рода запреты соответствуют международному праву, поскольку приговоры Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов сформулировали принципы международного права, осуждающие и запрещающие человеконенавистническую идеологию и обладают приоритетом как jus cogens – императивные нормы международного права, отклонение от которых недопустимо. Данные принципы были подтверждены Генеральной Ассамблеей ООН в 1946 году и послужили основой для создания Международного уголовного суда.

В свою очередь это означает, что носители человеконенавистнической идеологии, ставящие одни нации выше других и обосновывающие дискриминацию по национальному, расовому, языковому и иным признакам попирают статьи 29, 30 Всеобщей декларации прав человека и поэтому на них не распространяются положения статьи 2 Всеобщей декларации прав человека 1948 года и статей 2 и 26 Международного пакта о гражданских и

политических правах 1966 года, которые запрещают дискриминацию по признаку политических убеждений.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Резолюция 217 А (III).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г.) // Резолюция 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН.
4. Конституция Украины (принята Верховной Радой 28 июня 1996 года, с последующими изменениями).
5. Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина о начале специальной военной операции, 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ
6. Устав Международного военного трибунала (Нюрнбергского) от 8 августа 1945 г. // Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции.
7. Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токийского) от 19 января 1946 г.
8. Конституция Японии 1947 г. // Официальный текст.

УДК 341.1

ЕВРАЗИЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ СОЗДАНИЯ

Голубцов А. В., ORCID 0009-0008-1886-3599
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: a.golubtsov.donnu.jur@mail.ru

Введение. Часть 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации предусматривает, что «каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты».

16 сентября 2022 года Россия перестала быть участницей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года и вышла из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Однако дискуссии о необходимости создания альтернативного международного суда начались ещё до этого момента. В качестве такой альтернативы общественными и политическими деятелями предлагался Евразийский суд по правам человека.

Основная часть. В настоящее время в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) входят пять государств: Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Армения, Республика Казахстан и Кыргызская Республика. Правовой основой для учреждения Евразийского суда по правам человека могли бы выступить Конвенция Содружества Независимых Государств о

правах и основных свободах человека 1995 года [1] и Положение о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств 1993 года [2]. Технически для создания суда достаточно было бы заключить соответствующий международный договор между государствами – членами ЕАЭС.

Тем не менее учреждение такого суда на текущем этапе представляется нецелесообразным по нескольким причинам.

Во-первых, ЕАЭС находится в стадии расширения, и распространение юрисдикции единого суда по правам человека на новые государства осложняется различиями в региональных правозащитных системах. По состоянию на 2026 год Иран имеет статус наблюдателя при ЕАЭС с 13 января 2025 года; соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Ираном вступило в силу 15 мая 2025 года [3]. В ноябре 2024 года на уровне экспертов обсуждался проект меморандума о сотрудничестве ЕАЭС с Сирией; сирийская сторона назвала развитие отношений с ЕАЭС «стратегической целью».

Присоединение государств, ориентированных на иные правозащитные модели, требует учёта специфики их правовых систем. Так, Сирия и Иран являются участниками Каирской декларации о правах человека в исламе 1990 года. В 2020 году Организация исламского сотрудничества приняла новую Декларацию ОИС о правах человека, в которой прямые ссылки на шариат в статьях были исключены, однако в преамбуле сохранена отсылка к «исламским ценностям и принципам» [4]. Кроме того, Сирия является участником Арабской хартии прав человека 2004 года, которая носит более светский характер, но направлена на защиту прав этнических арабов и политических интересов арабских государств.

Таким образом, прежде чем создавать единый наднациональный суд, необходимо разработать новую конвенцию по правам человека, в которой будут устранены противоречия между Конвенцией СНГ о правах и основных свободах, Каирской декларацией о правах человека в исламе и Арабской хартией прав человека. Без такой согласованной платформы единый суд не сможет обеспечить универсальность и предсказуемость правоприменения.

Во-вторых, принципиальное значение имеет вопрос о характере решений нового суда. Если он пойдёт по пути ЕСПЧ и начнёт обязывать государства-участницы вносить изменения в национальное законодательство под предлогом его несоответствия положениям конвенции, это вступит в прямое противоречие с конституционными основами Российской Федерации.

Согласно разъяснениям Конституционного Суда РФ, данным в постановлении от 7 июня 2000 года № 10-П, суверенитет предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти на территории государства и независимость в международном общении [5]. Создавая очередной международный суд по правам человека, Россия рискует вновь утратить часть своего суверенитета.

Более того, статья 79 Конституции РФ в редакции поправок 2020 года прямо устанавливает, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации [6]. Данная норма стала прямым конституционным ответом на практику наднациональных органов, толкующих международные договоры в ущерб суверенитету государств-участников.

Дополнительным подтверждением последовательного курса на укрепление приоритета национального правопорядка является практика Верховного Суда РФ. Постановлением Пленума ВС РФ от 9 декабря 2025 года из обзоров судебной практики и постановлений Пленума исключены все ссылки на правовые позиции ЕСПЧ; взамен рекомендовано ориентироваться на положения Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года и практику Комитета ООН по правам человека [7]. Это свидетельствует об окончательном переходе российской судебной системы на ориентиры, не связанные с наднациональным толкованием прав человека.

В-третьих, неизбежно возникает проблема толкования прав человека. Практика ЕСПЧ показывает, что расширительное толкование положений Конвенции может приводить к расхождениям с национальным правопониманием. Например, уже после выхода России из-под юрисдикции ЕСПЧ, 22 октября 2024 года суд вынес постановление по делу о законодательстве об иностранных агентах, присудив более 1 млн евро компенсации. Такие решения демонстрируют риски политизации и разнонаправленного толкования норм, что делает создание аналогичного наднационального механизма потенциально конфликтным. Любое толкование прав человека – будь то расширительное или суженное – неизбежно приведёт к искажению их первоначального смысла, как это произошло с правами, закреплёнными в Европейской конвенции 1950 года.

С учётом изложенного наиболее целесообразным представляется не создание нового международного суда, а развитие механизмов постоянного обмена опытом в сфере совершенствования защиты прав человека среди государств-членов ЕАЭС. Такой подход позволит выработать оптимальный баланс защиты прав человека, с одной стороны, и соблюдения интересов государства – с другой.

Список литературы

1. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ. URL: https://cis.minsk.by (дата обращения: 08.10.2026).
2. Положение о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств (утверждено 24.09.1993) // Сборник документов СНГ. – М., 1994.
3. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Исламской Республикой Иран (вступило в силу 15.05.2025) // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org (дата обращения: 08.10.2026).

4. Декларация Организации исламского сотрудничества о правах человека (принята в 2020 г.) // Официальный сайт Организации исламского сотрудничества. URL: https://www.oic-oci.org (дата обращения: 08.10.2026).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о постановлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации „Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации в связи с принятием Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации „Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов“ и Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации „О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации „Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов“» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Конституция Российской Федерации (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2025 «О применении судами норм международного права при осуществлении правосудия» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК: 342

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Кулакова Е. В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-4823-8992
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: kulakovaliza@mail.ru

Введение. В доктрине конституционного права общепризнано, что гарантией верховенства Основного закона в правовом государстве выступает действенный механизм конституционного контроля. Хотя в ряде юрисдикций сохраняются квазисудебные институты предварительного контроля (например, конституционные советы во Франции или Казахстане), решения которых носят зачастую консультативный характер и могут быть преодолены законодателем, наиболее эффективным инструментом защиты конституционного строя признается именно судебный конституционный контроль [1]. Судебная власть, будучи самостоятельной ветвью власти, не подменяя собой законодательную и исполнительную, выступает ключевым элементом системы сдержек и противовесов, разрешая публично-правовые конфликты на базе конституционных императивов.

В правовом государстве суды реализуют широкий спектр функций в рамках различных видов судопроизводства: от разрешения споров и

восстановления нарушенных прав до применения мер юридической ответственности и проверки законности мер государственного принуждения. Однако специфической и наиболее значимой функцией является конституционный контроль – проверка нормативных и индивидуальных актов, а также действий публичной власти на предмет их соответствия Конституции.

Как отмечает Б.С. Эбзеев, особая сила судебного конституционного контроля проистекает из двух факторов: специализированной процессуальной формы (судопроизводства) и общеобязательной юридической силы принимаемых решений, обеспечиваемых государственным принуждением [2].

Таким образом, **целью** настоящего исследования является проведение сравнительно-правового анализа основных моделей судебного конституционного контроля (американской, европейской и смешанной), выявление их функциональных и процессуальных особенностей, а также определение места и специфики российского механизма конституционной жалобы в контексте ее сопоставления с институтом «ампаро».

Основная часть. В зависимости от субъекта, осуществляющего контроль, в мировой практике исторически сформировались две базовые модели.

Американская (децентрализованная) модель. Ее истоки восходят к прецедентному праву США, в частности к знаковым делам Marbury v. Madison (1803 г.) и McCulloch v. Maryland (1819 г.), где Верховный суд США обосновал свою компетенцию признавать акты Конгресса неконституционными, несмотря на отсутствие прямого указания на это в тексте Конституции [3].

Данная модель характеризуется тем, что контроль осуществляют суды общей юрисдикции. Она имеет две вариации:

1) любой суд при рассмотрении конкретного дела может отказаться от применения неконституционной нормы (США, Япония, страны Латинской Америки) (децентрализованный вариант);

2) вопрос о конституционности может быть поднят нижестоящим судом, но окончательное решение выносит только высшая судебная инстанция (Австралия, Индия, Канада) (централизованный вариант).

Важно отметить, что в этой модели закон формально не отменяется судом, но лишается судебной защиты (прецедентной силы), что фактически блокирует его применение и стимулирует законодателя к его официальной отмене.

Европейская модель концептуально разработанная Г. Кельзеном, предполагает создание специализированных органов конституционной юстиции, выделенных из системы судов общей юрисдикции [4]. В большинстве своем создание таких судов пришлось на послевоенный период (Италия в 1948 г.; ФРГ в 1949 г.) как реакция на кризис законности в тоталитарных режимах. Для этой модели характерно то, что конституционное правосудие осуществляется не судами общей юрисдикции, а специализированными органами конституционного контроля – конституционными судами (хотя названия могут быть и иные:

Конституционный трибунал – в Польше, Конституционный Совет – во Франции и Казахстане).

Для европейской модели конституционного контроля характерны:

исключительная компетенция специализированного суда (или конституционной палаты при верховном суде) в вопросах нормоконтроля;

сочетание абстрактного контроля (по запросу уполномоченных органов) и конкретного контроля (по жалобам граждан или запросам судов).

Российская Федерация является классическим представителем европейской модели, где функцию конституционного правосудия осуществляет самостоятельный Конституционный Суд РФ.

Помимо классических моделей, существуют гибридные системы. Например, в Греции конституционный контроль распределен между Верховным судом, Государственным советом и Счетной палатой.

Особый интерес представляет латиноамериканская практика, где децентрализованный контроль судов общей юрисдикции сочетается с созданием специализированных судов и уникальным институтом «ампаро» (от исп. amparo – защита, покровительство). Зародившись в Мексике в XIX веке, этот институт стал краеугольным камнем защиты прав в испаноязычных странах (Испания, Аргентина, Перу и др.) [5].

Можно выделить следующие особенности процедуры ампаро, которые отличают ее от иных моделей судебного конституционного контроля:

1) процедура возбуждается по инициативе самого лица, чьи права нарушены (или в защиту неопределённого круга лиц – например, Народным защитником или прокурором);

2) решение суда в рамках ампаро обычно носит индивидуальный характер, предоставляет защиту конкретному заявителю, а не содержит общей оценки закона или действия для всех;

3) обжаловать можно не только законы, но и подзаконные акты, правоприменительные решения органов исполнительной власти, а в некоторых случаях и судебные решения. При этом важно, что в ряде стран (например, в Испании) ампаро не применяется для проверки самих законов на конституционность – только для актов, не имеющих силы закона;

4) перед обращением с ампаро заявитель должен исчерпать все другие доступные и эффективные средства правовой защиты (например, пройти апелляцию или кассацию);

5) процесс часто строится так, чтобы быть оперативным, устанавливаются чёткие временные рамки для этапов, минимизируются формальности, стремятся разрешить все спорные вопросы в одном заключительном решении;

6) процедура реализуется в публичных интересах, поэтому государство берёт на себя связанные с ней расходы;

7) суд оценивает ситуацию применительно к конкретному делу, а не даёт общую, абстрактную оценку закону.

8) в некоторых юрисдикциях подчёркивается, что механизм ампаро защищён на конституционном уровне и не может быть приостановлен даже при введении чрезвычайного положения.

Несмотря на внешнее сходство, российский механизм конституционного контроля и процедура ампаро решают различные задачи.

В российском законодательстве (ст. 96 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») закреплена возможность гражданина обратиться в Конституционный Суд (далее – КС), но он может обжаловать нормативный акт (закон, указ, постановление), который был применён в его конкретном деле и, по его мнению, нарушает конституционные права [6].

А вот процедура ампаро направлена на защиту от конкретных действий или бездействия публичной власти: решений судов, актов исполнительной власти, административных актов. То есть ампаро часто «привязывается» к индивидуальному правоприменительному акту, а не к норме как таковой.

Во-первых, различным является объект контроля. В России конституционная жалоба направлена преимущественно на проверку нормативного акта (закона), примененного в конкретном деле. Процедура ампаро чаще нацелена на оспаривание конкретного правоприменительного акта, действия или бездействия власти, а не абстрактной нормы.

Во-вторых, также отличается и объем защищаемых прав. Российская конституционная жалоба универсальна и охватывает любой спектр конституционных прав заявителя. В системе ампаро (например, в Испании) существует закрытый перечень фундаментальных прав. В ст. 161. 1 Конституции Испании закреплено, что конституционный суд обладает юрисдикцией на всей испанской территории и компетентен принимать ходатайства в порядке процедуры ампаро по поводу нарушения прав и свобод, перечисленных в пункте 2 статьи 52 Конституции, в случаях и в форме, установленных законом [7]. Соответственно права, не вошедшие в этот список (право на достаточную зарплату или свободу предпринимательства), через ампаро защитить не получится.

В-третьих, отличается и характер судебного решения. Если КС РФ признает закон неконституционным, это влечет утрату силы нормы и служит основанием для пересмотра дела заявителя в обычном суде. Решение по ампаро носит более «точечный» и восстановительный характер, поскольку суд может непосредственно отменить индивидуальный акт, восстановить право или принять обеспечительные меры в отношении конкретного истца, не отменяя сам закон erga omnes (для всех).

Заключение. Таким образом, эволюция конституционного правосудия привела к формированию разнообразных институциональных моделей: от децентрализованной американской системы до централизованной европейской, а также специфических механизмов вроде процедуры ампаро. Российская Федерация, опираясь на европейскую модель, адаптировала ее под собственные реалии федеративного устройства и правовой системы. Несмотря

на процедурные и доктринальные различия, характерной для всех этих моделей является единая цель, которая заключается в блокировании применения антиконституционных норм, разрешении компетенционных коллизий и обеспечение незыблемости конституционного правопорядка как высшей гарантии прав и свобод человека.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс (учебное пособие в двух томах; издание седьмое, перераб. и доп.) – М.: "Норма: ИНФРА-М", 2021. – 936 с.
2. Эбзеев Б.С. Вопросы судебного конституционного контроля // Российский судья. – Москва : Юрист, 1998, № 1. – С. 9-11.
3. Сравнительное конституционное право : монография / под ред.Т.Я. Хабриевой, А. И. Ковлера. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2025. – 264 с.Зорькин, В. Д. Конституционно-правовое развитие России : монография / В. Д. Зорькин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 448 с.
4. Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика : монография / Н. С. Бондарь. – 2-е изд., перераб. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. – 528 с.
5. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / род ред. профессора В.В. Еремина. – Москва : Междунар. Отношения. – 2007. – 496 с.
6. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/
2. Конституции зарубежных государств : учебное пособие/ сост. Проф. В.В. Маклаков . – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2003. – 624 с.

УДК 341

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЁНКА

Кулакова Е. В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-4823-8992,
Воротынец Е. Р.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: kulakovaliza@mail.ru, k.vorotinets2001yandex.com@mail.ru

Введение. В настоящее время понятие международно-правовой защиты прав ребёнка охватывает совокупность норм, принципов и институтов международного права, призванных обеспечивать и защищать права, свободы и законные интересы лиц младше восемнадцати лет. Стоит отметить, что данная система строится на признании ребёнка полноценным субъектом права, чьё положение требует особой заботы, внимания и защиты как со стороны национальных, так и международных правовых механизмов.

Основная часть. Как справедливо отмечает Е. И. Грибова, международно-правовая защита прав ребёнка – это не просто набор юридических гарантий, а особая форма признания его человеческого достоинства и ценности в условиях глобального правового порядка [1, с. 48].

На современном этапе правовое регулирование в данной области формируется вокруг самой Конвенции о правах ребенка 1989 г. [2]. (далее – Конвенция) и трёх факультативных протоколов к ней: Протокола о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии (2000 г.), Протокола, касающегося участия детей в вооружённых конфликтах (2000 г.).

Согласно Е. Г. Азаровой, международная защита прав детей основывается на совокупности общих принципов прав человека и специальных принципов. По мнению автора, данные принципы формируют законодательную основу правового порядка по защите детских прав, и их корректная имплементация во внутреннее законодательство является ключевой обязанностью государств-участников [3, с. 66].

Л. Г. Берлявский и М. А. Манукян, указывают, что именно принципы – такие как недискриминация, наилучшее обеспечение интересов ребёнка, право на жизнь, выживание и развитие, а также уважение взглядов ребёнка (ст. 2, 3, 6 и 12 Конвенции) – составляют фундамент конкретных правовых норм и обязательств, и их последовательное закрепление во внутреннем праве является необходимым условием эффективной защиты прав ребёнка на практике [4, с. 9].

Принцип недопустимости дискриминации, закреплённый в статье 2 Конвенции о правах ребенка, устанавливает безусловную обязанность государств уважать и обеспечивать все права ребёнка без каких-либо исключений и ограничений, обусловленных его или семейными обстоятельствами.

Тесно связанным с вышеуказанным принципом, но обладающим самостоятельным значением выступает принцип наилучшего обеспечения интересов ребёнка, сформулированный в статье 3 Конвенции. Согласно ему, при осуществлении любых действий – будь то решения государственных органов, частных учреждений, судов или законодательных и административных структур – интересы ребёнка должны рассматриваться как первоочередный приоритет.

Так, Сурдин А.И. указывает, что принцип преобладания интересов ребёнка нашёл отражение в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года: статья 5 (б) обязывает государства-участники включать в семейное воспитание признание общей ответственности родителей и подчёркивать, что «во всех случаях интересы детей являются преобладающими»; аналогичная норма содержится в статье 16 (1)(d,f) применительно к брачно-семейным отношениям [5, с. 357].

Стоит отметить, что вышеуказанную позицию разделяет и Комитет по правам человека, который в своих Общих комментариях к статье 24

Международного пакта о гражданских и политических правах подчёркивает, что в случае расторжения брака необходимы меры, направленные на защиту ребёнка и, по возможности, сохранение личных связей с обоими родителями, причём с приоритетом именно интересов ребёнка.

Ещё один ключевой постулат Конвенции – принцип обеспечения права ребёнка на выживание и здоровое развитие – закреплён в статье 6. Как отмечают Одегова Л.Ю. и Рудь Ю.А., государства-участники не только признают неотъемлемое право ребёнка на жизнь, но и обязуются принимать конкретные, целенаправленные меры для обеспечения его выживания и всестороннего развития в максимально возможной степени [6, с. 65].

Таким образом, принцип выживания и развития выводит государственные обязательства за рамки формального признания права на жизнь: он требует от государств предпринимать позитивные, активные и системные шаги, направленные не только на сохранение жизни ребёнка, но и на создание условий для его полноценного физического, интеллектуального, эмоционального и духовного развития.

Принцип свободного выражения ребенком собственных взглядов, сформулированный в статье 12 Конвенции о правах ребенка, по мнению Алексеева О.Н., представляет собой фундаментальное положение, закрепляющее за каждым ребенком право самостоятельно и свободно формировать свои убеждения и высказывать мнение по любым вопросам, затрагивающим его жизнь и интересы. Данная норма, как отмечает автор, обрела статус самостоятельного принципа в самом тексте Конвенции: согласно п. 1 ст. 12 государства-участники обязуются гарантировать «ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка» [7, с. 6].

Помимо вышеуказанного, на наш взгляд, особое место в системе международной защиты прав детей занимает принцип особой защиты и охраны детей. Стоит отметить, что его истоки восходят к Женевской декларации прав ребенка 1924 года, впервые зафиксировавшей необходимость специальной охраны детей со стороны общества и государства. В дальнейшем данный подход получил развитие в Декларации прав ребенка 1959 года, где принцип сформулирован четко и категорично.

На следующем этапе эволюции международного права принцип особой защиты получил конкретизацию в международных пактах 1966 года. В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах содержится прямое указание на необходимость принятия «особых мер охраны и помощи в отношении всех детей и подростков» (ст. 10, ч. 3), тогда как в Международном пакте о гражданских и политических правах акцент сделан на обязательстве государства обеспечивать защиту ребенка «в его положении как малолетнего» со стороны семьи, общества и самого государства (ст. 24, ч. 1).

Декларация прав ребенка 1959 года дополнительно уточняет, что «ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита» (принцип 2).

Окончательное закрепление принцип получил в Конвенции о правах ребенка 1989 года, которая возлагает на государства обязанность обеспечивать ребенку «такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия» (статья 3, часть 2), тем самым подтверждая, что особая уязвимость детей требует не просто стандартных мер правозащиты, но активных, целенаправленных и дифференцированных действий со стороны всех участников правовой системы.

Заключение. Таким образом, необходимо констатировать, что современная международно-правовая защита прав ребенка представляет собой многоуровневую, динамично развивающуюся систему норм, механизмов и институтов. Ее фундаментальной основой является признание ребенка полноценным субъектом международного и внутригосударственного права, нуждающимся в симбиозе специальной охраны и расширения его participatory rights (прав на участие).

Эффективность данной системы на современном этапе зависит не столько от объема декларированных норм, сколько от качества их имплементации в национальные правовые системы, а также от способности государств адаптировать механизмы защиты к новым глобальным вызовам, таким как цифровизация среды, кибербуллинг и трансграничные угрозы безопасности детей.

Список литературы

1. Грибова, Е. И. Международно-правовые механизмы защиты прав ребёнка: теоретико-правовые аспекты / Е.И. Грибова // Журнал российского права. – 2018. – № 5. – С. 45-53.
2. Конвенция о правах ребенка" (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 10.09.2026)
3. Азарова, Е.Г. Конституционные гарантии социального обеспечения детей / Е.Г. Азарова // Журнал рос. права. – 2015. – № 2 (218). – С. 65-68.
4. Берлявский, Л.Г., Манукян, М.А. Принципы международно-правовой защиты прав ребенка / Л.Г. Берлявский, М.А. Манукян // Российская юстиция. – 2013. – № 7. – С. 8-11.
5. Сурдина, А.И. Принципы защиты прав детей: понятие, сущность и место в системе принципов российского права / А.И. Сурдина // Власть Закона. – 2023. – № 3 (55). – С. 351-364.
6. Одегова, Л.Ю., Рудь, Ю.А. История развития международно-правовой защиты ребенка как института международного права / Л.Ю. Одегова, Ю.А. Рудь // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. – 2021. – № 2. – С. 62-67.
7. Алексеева, О.Н. Конвенция ООН о правах ребенка, как основной международный стандарт международно-правовой защиты прав детей / О.Н. Алексеева // Colloquium-Journal. – 2020. – № 4-7 (56). – С. 5-7.

УДК: 341.215.2

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ УСТАВА ООН В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ И СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Кулакова Е. В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-4823-8992,
Клоповская М. Ю.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: kulakovaliza@mail.ru, mariyadobrota1977@mai.com

Введение. В современных условиях, характеризующихся кризисом системы глобального управления и обострением геополитических противоречий, возрастает риск пересмотра фундаментальных норм международного права, закрепленных в Уставе ООН. Актуальность работы обусловлена необходимостью историко-правового осмысления генезиса Организации Объединенных Наций для защиты ее учредительных принципов от попыток их пересмотра. Кроме того, исследование продиктовано потребностью в адаптации классической системы коллективной безопасности к нетрадиционным угрозам XXI века (изменение климата, экологические катастрофы). Научный интерес представляет анализ эволюции понятия «безопасность» – от военно-политической парадигмы 1945 года к комплексному подходу, включающему экологический императив, а также поиск путей институциональной трансформации отдельных механизмов ООН (в частности, Совета по Опеке) для решения насущных проблем современности.

Основная часть. Создание Организации Объединенных Наций (ООН) как универсального инструмента сохранения и укрепления мира стало закономерным историческим результатом победы народов антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Так, Устав ООН, разработанный на конференции в Сан-Франциско и подписанный 26 июня 1945 года [1], обладает особым значением, поскольку он выступает не просто многосторонним международным соглашением, а фундаментальной основой современного международного правопорядка и справедливости.

Проводя глубокий анализ историко-правовых аспектов формирования ООН, авторы исследования А.В. Кукушкина, Н.И. Чернышева и В.Н. Шишкин обоснованно демонстрируют эволюцию системы коллективной безопасности и ее непреходящее значение для современных международных отношений [2, с. 19].

Начало обсуждения и практической разработки проблематики организации всеобщей безопасности было положено Атлантической хартией и Декларацией правительства СССР на Межсоюзной конференции в Лондоне 24 сентября 1941 года. Опираясь на фундаментальные архивные документы,

собранные в трудах под редакцией А.А. Громыко, можно констатировать, что уже тогда была сформулирована чрезвычайно важная историческая задача, а именно: «определить пути и средства для организации международных отношений и послевоенного устройства мира. Формировалась твердая убежденность в том, что «эта задача будет успешно решена и что в результате полной и окончательной победы над гитлеризмом будут заложены основы правильных и отвечающих желаниям и идеалам свободолюбивых народов отношений международного сотрудничества и дружбы» [3, с. 347].

Первым международно-правовым документом, где выдвигалась идея создания новой организации, стала советско-польская Декларация о дружбе и взаимной помощи от 4 декабря 1941 г. Стоит отметить, что в ней отмечалось, что обеспечение прочного мира «может быть достигнуто только новой организацией международных отношений, основанной на объединении демократических стран в прочный союз. При создании такой организации решающим моментом должно быть уважение к международному праву, поддержанному коллективной вооруженной силой всех Союзных Государств».

Важнейшим практическим шагом стала Декларация четырех государств (СССР, США, Великобритании и Китая) по вопросу о всеобщей безопасности от 30 октября 1943 года. Стоит отметить, что в документе была подчеркнута «необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности».

Впоследствии на конференции в Думбартон-Оксе были согласованы предложения, ставшие основой для Устава, а вопрос о праве вето был окончательно решен на Ялтинской конференции на базе принципа единства действий великих держав.

Устав ООН является учредительным актом, главная цель которого, как отмечено в его преамбуле, состоит в том, чтобы «избавить грядущие поколения от бедствий войны». Анализируя позицию выдающихся ученых-правоведов Ю.М. Колосова и Э.С. Кривчиковой, составивших базовые сборники действующего международного права, следует согласиться с тем, что Устав закрепляет общепризнанные принципы и нормы поведения государств на международной арене [4, с. 312]. Стоит отметить, что уникальность данного договора заключается в том, что он не является обычным соглашением.

Известный ученый В.Н. Кудрявцев, под чьей редакцией вышел фундаментальный Курс международного права, абсолютно справедливо предупреждал, что ревизия основных норм Устава «может повлечь за собой самые серьезные отрицательные последствия для всех членов мирового сообщества и нанести непоправимый ущерб вопросам международного мира и безопасности» [5, с. 121].

В современных геополитических условиях принципы, заложенные в 1945 году, требуют твердой политической воли. Так, в своем Послании Федеральному Собранию Президент России В.В. Путин подчеркнул, что

«серьезный и прямой разговор об основных принципах стабильного миропорядка, о тех острых проблемах, с которыми сталкивается человечество, безусловно, назрел. Надо проявить политическую волю, мудрость, мужество. Время требует осознания нашей общей ответственности и реальных действий». Особая роль возлагается на постоянных членов Совета Безопасности. Президент РФ отметил: «Подать пример должны страны – основательницы Организации Объединенных Наций. Именно пять ядерных держав несут особую ответственность за сохранение и устойчивое развитие человечества. Пять наций должны прежде всего начать с мер по устранению предпосылок для глобальной войны, выработать обновленные подходы к обеспечению стабильности на планете, которые бы в полной мере учитывали политические, экономические, военные аспекты». Выступая на международном форуме памяти жертв Холокоста в Иерусалиме, В.В. Путин также предупредил, что «разобщенность перед лицом угроз может обернуться страшными последствиями. У нас должно быть мужество не только прямо сказать об этом, но и сделать все, чтобы защитить и отстоять мир. Пример, на мой взгляд, могут и должны подать страны – основательницы Организации Объединенных Наций. Пять держав, которые несут особую ответственность за сохранение цивилизации... провести встречу глав-государств постоянных членов Совета Безопасности ООН... Россия готова к такому серьезному разговору» [6].

Характерной чертой Устава является то, что обеспечение международной безопасности не сводится исключительно к военно-политическим факторам. Если в 1945 году понятие «экологическая безопасность» отсутствовало, то сегодня вызовами для всего мира являются изменение климата, опустынивание, загрязнение океанов и утрата биоразнообразия. Реагируя на эти вызовы, система ООН поэтапно формировала международно-правовую базу экологической безопасности: от конференции экспертов ЮНЕСКО по проблемам биосферы (1968 г.), заложившей основы международного права окружающей среды (МПОС), до Стокгольмской конференции 1972 г., учредившей ЮНЕП как общесистемный координирующий орган. Однако, несмотря на эту эволюцию, экологическое измерение до сих пор не интегрировано в ключевые механизмы коллективной безопасности ООН, что требует новых институциональных решений.

Основная задача настоящего времени состоит в том, чтобы в максимально возможной степени повысить действенность и эффективность ООН и ее главных органов.

Развивая мысль о необходимости адаптации ООН, А.В. Кукушкина, Н.И. Чернышева и В.Н. Шишкин предлагают рациональную инициативу: Совет по Опеке мог бы заняться насущными вопросами борьбы со стихийными бедствиями и экологическими проблемами XXI века, опираясь на полное и комплексное осуществление положений Устава.

Проведённое исследование международно-правовых и исторических аспектов создания ООН позволяет заключить, что учреждение Организации

стало не одномоментным актом, а результатом последовательной эволюции правовой мысли государств антигитлеровской коалиции – от Атлантической хартии и советско-польской Декларации 1941 г. через Московскую декларацию 1943 г. и Думбартон-Окс к подписанию Устава в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. На каждом из этих этапов формировалась и закреплялась ключевая идея: прочный мир возможен лишь на основе объединения демократических государств, уважения международного права и коллективной вооружённой силы, подчинённых общей цели.

Таким образом, историко-правовой анализ подтверждает непреходящее значение ООН как универсального инструмента поддержания мира и свидетельствует о том, что заложенные в 1945 году принципы сохраняют свою актуальность, но нуждаются в твёрдой политической воле государств-членов для их полноценной реализации в условиях новых глобальных угроз.

Заключение. Установлено, что создание ООН явилось результатом последовательной нормотворческой деятельности государств-членов антигитлеровской коалиции в период с 1941 по 1945 гг., отраженной в системе взаимосвязанных международно-правовых актов – от Атлантической хартии и Московской декларации 1943 г. до Устава ООН, подписанного 26 июня 1945 г. Обоснован вывод о том, что Устав ООН обладает квалифицированными признаками учредительного документа универсальной международной организации, закрепляющего императивные нормы международного права (jus cogens), в отношении которых действует запрет на односторонний пересмотр и отступление.

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Действующее международное право: в 3 т. / составители Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – Москва: Издательство Московского Независимого института международного права, 1996. – Т. 1. – С. 7-33. – Текст: непосредственный
2. Кукушкина, А. В. Международно-правовые и исторические аспекты создания ООН / А. В. Кукушкина, В. Н. Шишкин, Н. И. Чернышева // Закон и право. – 2020. – № 3. – С. 19-22. – Текст: непосредственный
3. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: в 7 т. / главный редактор А. А. Громыко. – Москва: Политиздат, 1978. – Т. 1. – 347 с. – Текст: непосредственный.
4. Международное право: учебник для вузов / под редакцией Ю. М. Колосова, Э. С. Кривчиковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Международные отношения, 2005. – 815 с. – Текст: непосредственный.
5. Курс международного права: в 7 т. / главный редактор В. Н. Кудрявцев. – Москва: Наука, 1992. – Т. 6: Отрасли международного права. – 312 с. – Текст: непосредственный.
6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 года // Официальный интернет-портал Президента России: [сайт]. – Москва. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62387 (дата обращения: 20.09.2026). – – Текст: электронный.

УДК 342.9; 364.07; 331.5

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ, РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ)

Макаренко Г. И., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0001-6660-2408
Севастопольский филиал ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», г.Севастополь, РФ
e-mail: mg68@mail.ru

Ввдение. В общественных отношениях взаимосвязь социальной защиты, защиты экономических прав граждан и обеспечения правопорядка носит системный характер: экономические права формируют ресурсную базу социальной поддержки, а правопорядок гарантирует реализацию обеих сфер. Устойчивый правопорядок предотвращает злоупотребления в распределении социальной помощи, защищает трудовые и имущественные права, укрепляет доверие к институтам. Актуальность этой связки обусловлена современными вызовами – колебаниями рынка, новыми формами занятости, рисками коррупционных и экономических правонарушений [1].

В регионах этот аспект еще важнее, поскольку выше зависимость от локальных бюджетов и ниже правовая грамотность населения, а риски злоупотреблений – существеннее. Региональные органы власти и правоохранители напрямую обеспечивают доступ граждан к мерам поддержки и защите от нарушений; эффективность их работы определяет уровень доверия и социальной стабильности на местах.

Основная часть. Различные аспекты рассматриваемой тематики традиционно находятся в числе анализируемых специалистами разного профиля – социологами, политологами, юристами. Внимание автора, в частности, среди последних привлекли труды И.С. Горельченковой, А. Ю. Кушхова, Г.И. Иванца.

Цель настоящей статьи – проанализировать текущее состояние социально-экономической региональной политики и ее правоохранительного обеспечения в Российской Федерации на примере города федерального значения Севастополя.

Конкретизировать настоящее исследование приемлемо путем освещения некоторых значимых, по мнению автора, вопросов с реализации на практике конституционно гарантируемого права на труд.

Для рассмотрения деятельности работы государственных органов Севастополя можно взять официальные документы, публикуемые на портале Правительства субъекта РФ. Например, утвержденный документ одного из основных в рассматриваемой сфере деятельности – Департамента труда и

социальной защиты населения города Севастополя. Именно он согласно нормативно-правовых актов региона занимается проведением государственной политики в сфере труда и занятости, социальной защиты (поддержки) населения в городе.

Так, отчет указанной выше государственной структуры, сообщает, что рынок труда Севастополя в 2025 году демонстрировал устойчивые показатели развития. Уровень безработицы держался на отметке 1,9%, что для сравнения со многими иными регионами незначительно.

Ключевым событием 2025 года стала трансформация Центра занятости в современный кадровый центр «Работа России». Результатом модернизации стал рост ключевых показателей: число соискателей увеличилось на 32%, а объем базы вакансий – на 7,2% [2].

Для адресной поддержки граждан Центром занятости Севастополя были запущены профильные сообщества: «Лига успеха» (для женщин), «Горизонты возможностей» (для работодателей) и клуб для участников СВО и их семей.

Вместе с тем, как справедливо отмечают исследователи, в жизни есть и противоречия. На все факты найдутся контрдоводы. И где закон даёт одно, а реальная правоприменительная практика – другое. Потому есть и другая официальная статистика.

В частности, Государственная инспекция труда сообщает, что ключевыми являются показатели общего количество нарушений – 61 случай за прошлый год. Административная практика этого госоргана отмечает возбуждение 12 дел об административных правонарушениях, по которым назначено 12 предупреждений. Кроме того, общая сумма наложенных штрафов составила 1 584 700 рублей, из которых на должностных лиц – 1 551 600 рублей**,** на индивидуальных предпринимателей – 33 100 рублей [3].

Аналогично в 2025 году прокуратура Севастополя подвела итоги надзорной деятельности, выявив ряд правонарушений. Хотя в отчетности отсутствует узкая категория «экономические нарушения», значительная часть работы ведомства была сосредоточена именно в этой сфере.

В частности, антикоррупционная работа прокуратуры является составной частью борьбы с незаконным получением выгоды. За год было зафиксировано свыше 530 коррупционных нарушений. В пользу государства изъято незаконно нажитое имущество и средства на сумму более 115 млн рублей. К дисциплинарной ответственности привлечено 219 человек (включая 7 уволенных в связи с утратой доверия), к административной – 36, также было инициировано 4 уголовных дела.

Из указанного можно полагать, что такая деятельность свидетельствует о масштабности работы и сочетании разных форм воздействия для противодействия коррупции. Разноуровневые меры – от дисциплинарных взысканий до уголовных дел – позволяют охватить широкий спектр нарушений. Значительный объём изъятых средств (свыше 115 млн рублей) подчёркивает реальный экономический эффект от деятельности прокуратуры.

Системный подход усиливает превентивный эффект: риск ответственности снижает мотивацию к противоправным действиям. Суммарно же это отражает приоритет государства в борьбе с коррупцией.

Защита прав предпринимателей тоже по нашей теме. Прокуратура сообщает, что обеспечила выплату задолженности по госконтрактам на сумму свыше 130 млн рублей, а за несвоевременную оплату работ к административной ответственности привлечено 25 должностных лиц.

Соблюдение трудового законодательства также декларируется одним из приоритетных направлений деятельности прокуроров. Сообщается, что именно благодаря вмешательству прокуратуры в Севастополе работникам выплатили более 5 млн рублей задержанной зарплаты. Также ведомство пресекало факты отсутствия трудовых договоров, нарушений в сфере охраны труда и неуплаты страховых взносов, используя для защиты прав граждан представления и судебные иски [4].

Заключение. Проведенное исследование позволяет констатировать эффективность механизмов социальной защиты и обеспечения экономических прав граждан в Севастополе. Модернизация служб занятости и усиление надзорных функций государственных органов способствовали повышению эффективности защиты трудовых прав. Выявлено активное противодействие нарушениям в сфере трудовых отношений и экономической деятельности. Вместе с тем, сохраняется необходимость дальнейшего совершенствования системы контроля и профилактики правонарушений для обеспечения комплексной защиты прав граждан.

Список литературы

1. Кушхов А.Ю., Иванец Г.И. Предложения по совершенствованию правопорядка в Российской Федерации в 2025 году: комплексный подход / Научный лидер, 2026. Выпуск 2 (255). – с. 69-71. – EDN – QCRFFM.
2. Отчет о реализации основных задач Департамента труда и социальной защиты населения города Севастополя, направленных на проведение государственной политики в сфере труда и занятости, социальной защиты (поддержки) населения в городе Севастополе, за 2025 год. – Текст : электронный / Официальный портал Законодательного собрания города Севастополя. – URL: https://sevzakon.ru/view/kontrolnaya_deyatelnost/otchety_pravitelstva_goroda/dtszn/otchyoty/ (дата обращения: 01.09.2026).
3. Доклад о виде государственного контроля (надзора), муниципального контроля ГИТ г. Севастополя за 2025 год – Текст : электронный / Официальный портал Правительства города Севастополя. – URL: https://git.sev.gov.ru/report/?ysclid=msgyjgps552593063 (дата обращения: 01.09.2026).
4. Подведены итоги работы надзорного органа в 2025 году. – Текст : электронный / Официальный портал Законодательного собрания города Севастополя. – URL: https://sevzakon.ru/view/pressa/allnews/tretij-sozyv/2026/fevral4/podvedeny-itogi-raboty-nadzornogo-organa-goroda-v-2025-godu/ (дата обращения: 01.09.2026).

УДК 342.7

КРИТЕРИИ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНЫХ УГРОЗ И ВОЕННОЙ АГРЕССИИ

Медведчук А. А., ORCID 0009-0009-0023-3633
Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
e-mail: medved1313@inbox.ru

Введение. Интеграция новых субъектов Российской Федерации и проведение специальной военной операции в условиях гибридных угроз обусловили активизацию механизмов ограничения права на информацию. Вместе с тем любые ограничения конституционных прав в чрезвычайных обстоятельствах не могут носить произвольный характер и должны строго соответствовать фундаментальным принципам *необходимости* и *пропорциональности*.

Целью является обоснование правовых критериев необходимости и пропорциональности при ограничении права на информацию в условиях военного положения, для обеспечения баланса между интересами государственной безопасности и конституционными гарантиями свободы слова.

Основная часть. *Принцип необходимости* заключается в требовании объективной обусловленности любых ограничений прав наличием реальной, конкретной и документально зафиксированной угрозы ключевым конституционным ценностям, таким как основы конституционного строя, оборона и государственная безопасность [1]. Введение ограничений превентивно, «на всякий случай», либо на базе абстрактных предположений о рисках недопустимо.

Принцип пропорциональности, в свою очередь, представляет собой более сложную конструкцию, включающую три составных элемента: пригодность, необходимость и строгую соразмерность.

Принимая во внимание, что Донецкая Народная Республика на протяжении двенадцати лет находится в зоне вооруженного противостояния, а с октября 2022 года на ее территории действует режим военного положения [2], острой проблемой остается пропорциональность принятых ограничений, что может привести к риску «нормализации чрезвычайного положения», ситуации когда временные меры становятся постоянными.

Конституция Российской Федерации [3] формирует сложную систему, в которой должно осуществляться любое ограничение информационных прав. Статья 29 Конституции РФ закрепляет комплекс гарантий свободы мысли, слова, а также права свободно искать, получать, передавать, производить и

распространять информацию любым законным способом. Часть 3 статьи 55 Конституции РФ допускает ограничение федеральным законом прав и свобод в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Важно отметить, что в условиях военного положения конституционный баланс смещается, но не разрушается. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ «О военном положении» прямо указывает, что ограничения прав и свобод могут применяться «в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (пункт 4 статья 1) [4]. Данная формулировка представляет собой прямую законодательную рецепцию конституционного принципа пропорциональности.

В условиях гибридной войны, характеризующейся стиранием границ между военными и невоенными формами противостояния, идентификация угрозы приобретает особую сложность (целенаправленная дезинформация, направленная на дестабилизацию тыла; распространение геолокационных данных о местах дислокации воинских подразделений; использование мессенджеров для координации диверсионных групп и т.д.) [5].

В этих обстоятельствах ограничения, вводимые на территории Донецкой Народной Республики и иных прифронтовых субъектов, могут быть признаны необходимыми, если они напрямую связаны с предотвращением конкретного вреда. Однако здесь возникает серьезная проблема правовой неопределенности. Законодательство предоставляет органам власти широкие полномочия, но не всегда содержит четкие критерии для определения того, какие именно сведения представляют угрозу. Отсутствие четких алгоритмов оценки необходимости и соразмерности создает риски подмены целевых мер безопасности тотальным информационным контролем, что противоречит самой природе правового государства [6].

Для соблюдения критерия необходимости целесообразно внедрить в практику требование, чтобы каждый акт, ограничивающий права, сопровождался обоснованным и публичным объяснением. Органы публичной власти обязаны четко указывать: какую конкретную угрозу призван нейтрализовать тот или иной запрет; почему нельзя достичь цели менее репрессивными способами; каков ожидаемый результат от введения ограничения. Кроме того, пропорциональность должна оцениваться не только в момент введения ограничения, но и на протяжении всего его действия. По мере стабилизации обстановки эти меры должны смягчаться или отменяться вовсе. Отсутствие такой динамики свидетельствует о нарушении принципа пропорциональности.

Заключение. Подводя итог вышеизложенному, следует констатировать, что совершенствование механизма ограничения права на информацию в условиях действия режима военного положения требует принятия

целенаправленных мер. Прежде всего, необходимо на законодательном уровне закрепить унифицированный алгоритм оценки критериев необходимости и пропорциональности при введении любых информационных ограничений.

Неукоснительное соблюдение критериев необходимости и пропорциональности является безусловным залогом того, что меры по ограничению доступа к информации сохранят статус легитимного инструмента защиты национальных интересов и государственной безопасности, а не трансформируются в механизм произвольного подавления свободы слова.

Список литературы

1. Медведчук, А. А. Ограничение прав и свобод граждан в условиях введенного на территории Донецкой Народной Республики военного положения / А. А. Медведчук // Трактат правовых инициатив. – 2026. – Т. 1, № 1-1(1). – С. 41-46. – EDN JGBELV.
2. Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190002?ysclid=ml252ptpv909743184 (дата обращения: 30.09.2026).
3. Конституция Российской Федерации: в новейшей действующей редакции. – Москва: Проспект, 2025. – 61 с.
4. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) «О военном положении» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/?ysclid=ml254zavxs974881550 (дата обращения: 30.09.2026).
5. Левченков, А. И. Право в условиях актуализации военной политики и перехода к эпохе вооруженных конфликтов: история и современность / А. И. Левченков // Право и практика. – 2025. – № 2. – С. 18-25. – EDN EEZFUS.
6. Медведчук, А. А. Конституционные основы ограничения доступа к информации в условиях военного положения: проблемы правоприменения в новых субъектах РФ / А. А. Медведчук // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: Сборник трудов V Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. – Кострома: Костромской государственный университет, 2026. – С. 21-25. – EDN IBETNX.

УДК 342.33

ГОРИЗОНТАЛЬНОЕ И ВЕРТИКАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РОССИИ

Орлов Е. И., ORCID 0009-0003-6070-7243
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева», г. Красноярск, РФ
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, РФ
e-mail: orlow.orl@yandex.ru

Введение. В Российской Федерации принцип разделения властей закреплен в статье 10 Конституции Российской Федерации и является одним из ключевых элементов организации государственной власти. Вместе с тем отечественная конституционная модель имеет существенные особенности, не позволяющие рассматривать ее исключительно через классическую триаду законодательной, исполнительной и судебной властей.

Как следствие, исследование российского принципа разделения властей предполагает рассмотрение двух взаимосвязанных направлений: горизонтального, выражающегося во взаимодействии законодательной, исполнительной и судебной властей, и вертикального, связанного с разграничением полномочий между федеральным центром и субъектами Российской Федерации.

Основная часть. Одной из особенностей российской модели является особое конституционное положение Президента Российской Федерации. Законодательная власть, формально представленная Федеральным Собранием, обладает полномочиями в сфере законотворчества, однако Президент Российской Федерации, не входящий непосредственно в состав законодательной власти, принимает существенное участие в соответствующем процессе. Президент осуществляет подписание и обнародование федеральных законов, обладает правом законодательной инициативы, издает указы и распоряжения, а также осуществляет полномочия в сфере формирования Правительства Российской Федерации.

Вместе с тем попытки отнести Президента Российской Федерации к исполнительной власти по аналогии с американской моделью не учитывают особенностей отечественного конституционного строя. Российская правовая система реализует принцип разделения властей со значительной спецификой, что получило отражение в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 г. № 28-П подчеркивается, что глава государства обеспечивает взаимодействие органов государственной власти, а его полномочия выходят за рамки классической системы [1]. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 2-П особо отмечено, что

разделение властей в России не означает их жесткого обособления, а предполагает сбалансированное взаимодействие [2].

Президент обладает правом законодательной инициативы, участвует в формировании Правительства, осуществляет полномочия в сфере организации государственной власти и определяет внешнюю политику государства, в связи с чем не может быть механически отнесен исключительно к исполнительной власти. Следовательно, применяя горизонтальные измерения принципа разделения властей, не стоит сводить все к жесткому обособлению законодательной, исполнительной и судебной ветвей; напротив, оно даже может предполагать их постоянное взаимодействие и наличие определенных институтов, полномочия которых, могут выходить за рамки классической триады. Неотъемлемой частью именно горизонтального измерения принципа разделения властей является судебная составляющая: ее функции не ограничиваются разрешением правовых споров, а судебная власть также может обеспечивать контроль за соответствием законодательной и исполнительной власти нормам Конституции. При этом практическая реализация данного принципа разделения властей говорит о том, что отклонения от теоретических моделей возможны, и взаимодействие ветвей власти может принимать форму как конструктивного сотрудничества, так и созависимости одной ветви от другой или даже может быть прямым конфликтом.

Исторический опыт 1993 года показал со всей очевидностью: формальное наличие самостоятельных ветвей власти само по себе не дает их сбалансированного взаимодействия. А. В. Самышин прямо указывает, что сложившаяся система «сдержек и противовесов» «не позволяет в полной мере сглаживать возможные противоречия между различными ветвями власти» [7, с. 164]. Результат, смещение центра тяжести в сторону Президента как гаранта Конституции, который в соответствии с ч. 2 ст. 80 Конституции РФ обеспечивает согласованное функционирование органов публичной власти. Отсюда следует практический вывод: принцип разделения властей нуждается в работающих правовых процедурах, механизмах разрешения межинституциональных конфликтов и устойчивых формах внешнего контроля. К этому добавляется второй уровень организации власти, помимо классической триады, Конституция России закрепляет вертикальное распределение полномочий, между Федерацией и ее субъектами. Возникает дополнительная сложность: при реализации государственных полномочий приходится одновременно учитывать и общенациональные интересы, и региональную специфику.

Особое место в этой конструкции занимает судебная власть. Конституционный Суд, осуществляя охрану конституционного строя, обеспечивает верховенство Основного закона. Это позволяет снимать споры между уровнями публичной власти. Более того, конституционный контроль работает как барьер против сепаратистских настроений и угроз дестабилизации правового государства.

К началу 2000-х годов в управлении страной обозначился явный перекос между центром и регионами. Курс Б. Н. Ельцина на расширение самостоятельности субъектов потребовал обратной реакции, восстановления управленческого равновесия и сохранения единства государственного пространства. Ответом на эти тенденции стало создание федеральных округов. Указом Президента РФ от 13.05.2000 № 849 было образовано семь округов, выстроивших схему «центр, округа, субъекты». В конституционную систему территориальных единиц они не включены и выполняют преимущественно вспомогательную роль управленческой надстройки. Именно поэтому их правовая природа и значение в системе отношений субъектов Федерации до сих пор вызывают дискуссии. Современная российская модель представляет собой сложную систему взаимодействия центра и регионов, где координирующая роль принадлежит Президенту.

Заключение. Проведенный анализ позволяет выделить ключевые особенности реализации принципа разделения властей в России. Во-первых, российская модель отличается от классических прежде всего спецификой конституционного статуса Президента, занимающего особое положение в системе государственных институтов. Во-вторых, она представляет собой сложную комбинацию горизонтального и вертикального распределения публично-властных полномочий.

Специфика определяется одновременным действием нескольких элементов: взаимодействием трех ветвей власти, особым положением Президента, деятельностью Конституционного Суда, федеративным устройством и системой координации между центром и субъектами Федерации. Именно такое взаимодействие горизонтального и вертикального измерений позволяет рассматривать принцип разделения властей не только как формальное определение компетенции органов, но как сложную систему взаимных ограничений, координации и согласования публичной власти. Взаимодействие горизонтального и вертикального измерений порождает новый тип сдержек – федеративный.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.1998 № 28-П // КонсультантПлюс: справочная правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru. [дата обращения 20.09.2026].
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1999 № 2-П // КонсультантПлюс: справочная правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru. [дата обращения 20.09.2026].
3. Дробот С. Е. Принцип разделения и взаимодействия властей в системе российского конституционализма: специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Челябинск, 2021. 259 с.
4. Конституционное право России: учебное пособие / Ю.И. Глебова. – Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА), 2022. – 228 с.

5. Умнова-Конюхова, И. А. Принцип конституционной сдержанности: содержание и особенности реализации / И. А. Умнова-Конюхова, И. А. Алешкова // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 9. – С. 20-25. – DOI 10.18572/1812-3767-2020-9-20-25. – EDN SQTBJJ.
6. Медведев, Н. П. Федеральные округа: политические проблемы конституционно-правового статуса / Н. П. Медведев // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. – 2017. – № 5(10). – С. 5-11. – EDN YRVSTK.
7. Самышин, А. В. Реализация принципа разделения властей в механизме современного российского государства / А. В. Самышин // Вестник науки. – 2022. – Т. 2, № 11(56). – С. 160-166. – EDN GPWHHE.

УДК 341.1/.8

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА XXI ВЕКА: КРИЗИС НОРМАТИВНОСТИ И ПОИСК НОВЫХ МЕХАНИЗМОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Подмаркова И. П., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-8535-9551,
Криничный И. А., ORCID 0009-0007-4754-6165
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
e-mail: irina_podmarkowa@mail.ru, ikrinichnyy03@mail.ru

Введение. Современную систему международных отношений невозможно представить без правовых регуляторов. Несмотря на то, что государства декларируют приверженность верховенству закона, на практике международное право всё чаще сталкивается с попытками его ревизии и подмены конъюнктурными политическими интересами. В классической доктрине высшей ценностью признается человек, чьи права и свободы должны быть приоритетом. Однако сегодня мы наблюдаем тревожную тенденцию: правовые нормы приносятся в жертву геополитической выгоде. Современные государства нередко игнорируют зафиксированные на международном уровне права, если их соблюдение мешает достижению стратегических целей. Вытеснение права «правилами», создаваемыми узким кругом стран, становится системной проблемой, где выгода ставится выше законности.

Целью данной работы является анализ системного кризиса международного и международного частного права. Ключевой вопрос исследования: почему государствам становится выгодно пренебрегать гуманитарными нормами ради получения преимуществ на мировой арене? В работе будут рассмотрены наиболее острые противоречия, а также сильные и слабые стороны международного правопорядка XXI века.

Основная часть. Международное право – это фундаментальная система норм, регулирующих взаимодействие суверенных субъектов. Его базовыми

целями исторически провозглашались поддержание мира, обеспечение безопасности и защита прав человека [1, с. 8–12].

В теории международное право выступает гарантом стабильности. Устав ООН закрепляет фундаментальные принципы: суверенное равенство, невмешательство, мирное разрешение споров и запрет на применение силы. Однако на практике эти постулаты подвергаются эрозии. Как только соблюдение принципа вступает в конфликт с интересами доминирующих игроков, нормы «растворяются», уступая место политической целесообразности. Исследователи отмечают, что эффективность права – категория, напрямую связанная с результативностью правового регулирования, и её снижение в международной сфере становится всё более очевидным [4, с. 252–253].

В центре внимания всегда находится международная безопасность. С развитием технологий и появлением оружия массового поражения возникла необходимость жесткого регулирования. Исследователь Р. Ульман, тем не менее, обращал внимание на то, что исключительно военное, узкое понимание безопасности приводит к парадоксу, когда гонка вооружений и тотализация контроля, наоборот, повышают уровень международной напряженности, что снижает реальную защищенность и безопасность государств [2, p. 129-133]. Нацеленность на укрепление военной мощи делает международные отношения более жесткими и агрессивными, не оставляя места для дипломатии.

Современным вооруженным конфликтам свойственна высокая летальность. Применяемое высокоточное оружие нового поколения влечет за собой массовые жертвы и грубое нарушение прав человека. Отмечается правовой парадокс, когда международное право запрещает применение зажигательного и химического оружия, боевых отравляющих веществ, но не накладывает действенного запрета на разработку и хранение такого оружия.

Существенное влияние на дестабилизацию международной обстановки оказывают «двойные стандарты». Международное право все чаще применяется для геополитического давления: государство-гегемон сознательно и безнаказанно позволяет себе его нарушения, в то время как менее опасные действия других государств подвергаются осуждению.

В научной литературе этот феномен получил развернутое обоснование: исследования показывают, что претензии о двойных стандартах стали системным элементом международного дискурса, а их последствия подрывают доверие к правовым институтам [3, p. 51–56]. Система страдает от институциональной слабости. В международном публичном праве отсутствуют эффективные наднациональные органы принуждения. Если государство-агрессор игнорирует решения судов, механизмов его принудительного наказания практически не существует.

Политика в сфере прав человека подвергается наиболее жесткой критике. Существует обширная нормативная база: Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Пакты о правах, Конвенции. Однако декларативность этих актов часто не совпадает с реальностью. На практике государства допускают пытки, произвольные задержания и дискриминацию.

Отдельного внимания заслуживает проблема фрагментации международного правового пространства. Региональные правовые системы всё чаще развиваются по собственным логикам, плохо стыкующимся друг с другом. Государства заключают двусторонние и многосторонние соглашения в обход универсальных механизмов, создавая параллельные структуры регулирования [1, с. 215–218].

В результате единое международное правовое поле распадается на отдельные сегменты, где действуют разные стандарты и разные правила игры. Фрагментация становится не побочным эффектом, а устойчивой характеристикой современного правопорядка, и это требует переосмысления самой логики международно-правового регулирования [4, с. 254]. В зарубежной доктрине также звучат оценки текущего состояния международного права как дисциплины, переживающей кризис идентичности [5, p. 73–75].

Несмотря на глубокий кризис, отказ от международного права означал бы возвращение к «закону джунглей». Без этих норм мировой порядок погрузился бы в хаос. Международное право всё ещё выполняет критически важные функции: предотвращает конфликты через дипломатические протоколы, обеспечивает экономическую стабильность и служит площадкой для диалога [2; 3].

Заключение. Подводя итог, можно констатировать, что современная международная политика переживает болезненный транзит. Мы наблюдаем формирование нового миропорядка, в котором классические нормы, поддерживаемые глобальными институтами, вступают в конфликт с интересами формирующихся центров силы. Международное право находится в состоянии системного кризиса, пытаясь адаптироваться к реалиям многополярного мира. Его будущее зависит от того, сможет ли мировое сообщество восстановить действенность правовых механизмов. Отказ от международного права означал бы легализацию права сильного, где единственным аргументом становится военная и экономическая экспансия.

Список литературы

1. Бородич, А. И. Международное право : учебное пособие / А. И. Бородич ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2020. – 462 с. – ISBN 978-985-576-275-2.
2. Ullman, R. H. Redefining Security / R. H. Ullman // International Security. – 1983. – Vol. 8, № 1. – P. 129–153. – DOI 10.2307/2538489.
3. Lewis, D. A. International Law and State Allegations of Double Standards: A Conceptual Analysis / D. A. Lewis. – Cambridge : Harvard Law School Program on International Law and Armed Conflict, 2025. – 42 p.
4. Жбырь, О. Н. Некоторые аспекты понятия «эффективность права» / О. Н. Жбырь, И. С. Кич, А. А. Чупрова // Право и государство. – 2022. – № 1. – С. 252–257. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_1_252.
5. Tzouvala, N. International law as a discipline in crisis / N. Tzouvala // Australian Journal of International Affairs. – 2025. – Vol. 79, № 1. – P. 71–78. – DOI 10.1080/10357718.2024.2416253

УДК 341.232

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВТО ПО ОХРАНЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Поляков В. Ю., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0002-5554-3048,
Мордасов Д. Э., ORCID 0000-0003-1362-6283
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: polyakov.vy@bk.ru, mordasov_dima_94@mail.ru

Введение. В условиях глобализации и растущей экономической взаимозависимости государств особое значение приобретает взаимодействие международных организаций, работающих в различных правовых сферах. Как отмечает Шевченко Э.А., одним из наиболее острых вопросов становится соотношение правил международной торговли с нормами защиты культурного разнообразия и нематериального культурного наследия (НКН), при этом правовые режимы ВТО непосредственно влияют на способность государств проводить культурную политику [1, с. 88].

Вместе с тем, как справедливо замечает Федоров А.И., ВТО не является специализированным органом в сфере культуры и сосредоточена на либерализации торговли, тогда как ЮНЕСКО выступает ключевым международным форумом по охране культурного наследия, включая нематериальное [2, с. 39].

Цель исследования – обосновать необходимость согласования торговых режимов ВТО с международными обязательствами по охране НКН и предложить правовые пути такого согласования.

Основная часть. Концепция НКН была закреплена в международном праве Конвенцией 2003 года об охране нематериального культурного наследия, которая определяет его как обычаи, формы выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, артефакты и культурные пространства, признаваемые сообществами частью их наследия. В своей работе Михайлов А.В. подчёркивает, что принципиальной особенностью НКН является его «живой» характер: оно существует лишь в процессе воспроизводства носителями, что требует особых подходов к охране, основанных на активном участии самих сообществ и уважении их прав [3, с. 28].

Вместе с тем в условиях рыночной экономики и глобального туризма элементы НКН всё чаще подвергаются коммерциализации. Аристархов В. В. указывает, что это порождает серьёзные риски – деконтекстуализацию, искажение смысла, утрату аутентичности и присвоение знаний третьими лицами [4, с. 69].

Появление цифровых технологий и рост электронной торговли существенно осложнили ситуацию. Как отмечается в представленных материалах, положения ГАТС могут быть обойдены Соглашением об электронной торговле,

настаивающим на либерализации передачи культурных товаров в цифровом виде; инициатором данной позиции выступили США. В итоге даже при сохранении ограничений на традиционную торговлю культурными товарами государство рискует утратить контроль над их цифровыми аналогами, что ставит под угрозу достигнутые в рамках ГАТС компромиссы.

Мартыненко И.Э. подчёркивает, что Конвенция 2005 года содержит важные положения о взаимодействии с иными международными договорами: пункт 1 статьи 20 обязывает государства поощрять взаимоподдерживающие отношения между Конвенцией и другими соглашениями, а при их толковании учитывать её нормы. По мнению автора, это могло бы стать действенным инструментом интеграции культурных концепций в торговую политику [5, с. 89]. Однако пункт 2 той же статьи, представляющий собой стандартную коллизионную оговорку, фактически нейтрализует данный потенциал, устанавливая, что Конвенция не изменяет прав и обязательств участников по другим договорам, включая соглашения ВТО.

В спорах «О креветках и черепахах» и «О тунцах и дельфинах» Апелляционный орган ВТО рассматривал многосторонние природоохранные соглашения как релевантные источники для толкования торговых обязательств, что вселяло надежду на координацию систем ВТО и ЮНЕСКО. Однако в споре «О биотехнологиях» было установлено, что внешний международный договор приобретает значение лишь при условии его ратификации всеми членами ВТО. Поскольку Конвенция 2005 года не ратифицирована, в частности, США, она не может учитываться в механизме урегулирования споров ВТО.

Вместе с тем статья XX(f) ГАТТ предусматривает исключения, допускающие торговые ограничения ради охраны «национальных сокровищ художественной, исторической или археологической ценности». Хотя данная норма изначально ориентирована на материальное наследие, специалисты указывают на склонность органов ВТО к широкому толкованию, что теоретически позволяет обосновать защиту элемента НКН как части национального сокровища.

Параллельно, как отмечает И. Э. Мартыненко, заслуживает внимания деятельность ВТО в сфере туризма – одного из ключевых каналов взаимодействия НКН и экономики. В публикации ВТО 2012 года «Туризм и нематериальное культурное наследие» туризм рассматривается одновременно как угроза и как возможность для НКН; документ предлагает практические шаги по созданию устойчивых туристических продуктов и приводит примеры успешных проектов, таких как этнофестиваль в горном регионе Козара и проект «Руна Тупари» в Эквадоре [6, с. 288].

Однако, как справедливо указывает А. Б. Сташкевич, в ряде стран, например в Беларуси, складывается противоположная практика: преобладает административный ресурс и государственное финансирование, местные жители недостаточно вовлечены в менеджмент событий, а выгоды достаются третьим лицам [7, с. 179].

Заключение. Таким образом, деятельность ВТО в сфере охраны нематериального культурного наследия носит преимущественно косвенный характер: организация не формирует специализированных норм защиты НКН, однако её правовые режимы задают внешние рамки, в которых государства реализуют культурную политику. Правила ВТО, с одной стороны, сужают возможности протекционистских мер в области культуры, а с другой – через механизмы устойчивого туризма предоставляют инструменты экономического использования НКН, эффективные лишь при их согласовании с этическими и методологическими принципами ЮНЕСКО.

Перспективным направлением дальнейшего развития представляется более активное обращение к статье XX ГАТТ/ВТО, что требует от государств выстраивания убедительной правовой аргументации, отождествляющей НКН с категорией «национальных сокровищ». Это предполагает как фундаментальные исследования, так и закрепление в национальном законодательстве статуса наиболее уязвимых элементов НКН в качестве неотъемлемой части культурного достояния. Альтернативным путём служит коллективное действие членов ВТО: всеобщая ратификация Конвенции ЮНЕСКО 2005 года позволила бы интегрировать её положения в правовую систему организации.

Список литературы

1. Шевченко, Э. А. Нематериальное культурное наследие как предмет охраны исторического поселения: размышления о предмете охраны / Э. А. Шевченко // Academia. Архитектура и строительство. – 2021. – № 2. – С. 83-90. – DOI 10.22337/2077-9038-2021-2-83-90. – EDN OILPAN.
2. Федорова, А. И. Охрана нематериального культурного наследия в Российской Федерации / А. И. Федорова // Студенческий вестник. – 2023. – № 46-6(285). – С. 39-40. – EDN EDOUVW.
3. Михайлов, А.В. Предметы охраны объектов культурного наследия. нематериальные аспекты / А.В. Михайлов // Урбанистика. – 2023. – № 3. – С. 25-34. – DOI: 10.7256/2310-8673.2023.3.43592. – EDN: SSYTBI.
4. Аристархов, В. В. Россия в системе международного регулирования охраны нематериального культурного наследия / В. В. Аристархов // Культурологический журнал. – 2021. – № 4(46). – DOI 10.34685/HI.2021.14.19.004. – EDN UDHAXA.
5. Мартыненко, И. Э. Охрана нематериального культурного наследия: опыт государств – участников СНГ / И. Э. Мартыненко // Диалог: политика, право, экономика. – 2018. – № 2(9). – С. 86-95. – EDN XRZNFB.
6. Мартыненко, И. Э. Правовая охрана нематериального культурного наследия государств – участников СНГ на международном и национальном уровнях / И. Э. Мартыненко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 2(29). – С. 282-293. – EDN YSDSLZ.
7. Троянская, М. А. Государственная культурная политика и охрана культурного наследия в России: проблемы и приоритеты / М. А. Троянская // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 13, № 5(158). – С. 176-187. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.05.13.019. – EDN KMVUIE.

УДК 341.01:341.231.14

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПОВ JUS COGENS

Полякова Н. Г., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0001-9945-8091,
Полянская Н. М., ORCID 0009-0008-6974-6296
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: ngpoliakova@inbox.ru

Введение. В современной системе международного публичного права концепция императивных норм занимает центральное и фундаментальное место, выступая правовым средством недопущения произвольного отступления государств от базовых ценностей мирового сообщества. Проводя анализ мнений ученых, необходимо отметить, что данные нормы ограничивают абсолютную свободу государств в заключении договоров.

Как справедливо отмечает А. Аксу, данная концепция «выступает своего рода «конституционным» ядром глобального правопорядка, ограничивая абсолютную свободу государств в заключении договоров в пользу защиты высших интересов всего мирового сообщества» [1, с. 258].

Исторически идея высших правовых принципов, отступление от которых недопустимо, восходит к классической теории естественного права. Анализируя их генезис, И. И. Синякин и А. Ю. Скуратова указывают, что эта идея имеет «длительную историю развития... восходящей к трудам Г. Гроция, Э. Ваттеля, Х. Вольфа (от них – к основам школы естественного права и греческой философии)» [2, с. 531].

Ф. Ф. Мартенс в своих фундаментальных трудах также закладывал основы понимания цивилизованного международного общения, опирающегося на незыблемые морально-правовые устои, что подтверждает глубокую историческую укорененность идеи высшей справедливости в межгосударственных отношениях.

В свою очередь, рассматривая проблему консенсуса, А. П. Мовчан делает важнейший вывод: «Отсутствие формального акта выражения согласия государств на признание обязательного характера (высшего обязательного характера) за императивными нормами общего международного права... вовсе не означает, что согласия не было вообще» [3, с. 121]. Обязательный характер норм воспринимается как должное, поскольку является общепонятной предпосылкой существования международного сообщества.

Цель статьи – обосновать центральное место jus cogens в системе международного публичного права и предложить авторское определение императивных норм на основе анализа доктринальных подходов и практики их идентификации.

Основная часть. В современной юридической науке ведется активная дискуссия относительно соотношения понятий «основные принципы

международного права» и «jus cogens». С нашей точки зрения, тождественность этих категорий вызывает обоснованные сомнения, что подтверждается мнениями ведущих исследователей.

Л. П. Ануфриева подчеркивает, что «сопоставление двух явлений: «основных принципов» и «jus cogens» (peremptory norms) выглядит сегодня как нельзя более своевременным» [4, с. 36].

Развивая вышеуказанную мысль, Г. И. Тункин аргументированно указывает, что «категория норм jus cogens не является однородной – в ее составе существуют так называемые предписания с «неполной когентностью» (обязательностью или императивностью). Например, запрет применения силы имеет исключения в виде права на самооборону» [5, с. 225].

Таким образом, хотя jus cogens и основные принципы имеют общие черты – строгую обязательность и высокое иерархическое положение, их полный концептуальный синтез представляется преждевременным, поскольку jus cogens включает в себя и отдельные отраслевые императивные нормы, не обладающие глобальным системообразующим свойством основных принципов.

Доктринальное развитие международного права позволило сформировать три главных подхода к пониманию императивной природы норм: в рамках концепции естественного права, концепции позитивизма и концепции международного публичного порядка. Проводя собственный анализ, следует отметить, что теоретический спор сторонников указанных подходов в значительной степени утратил свою остроту.

Общая теория международного права исходит из аксиомы согласительной природы любой международно-правовой нормы. Как точно подмечено А. Н. Талалаевым, «закономерности развития человечества, рост взаимозависимости и взаимодействия государств привели к тому, что мир стал неделим, а пределы свободного усмотрения государств были поставлены в строгие юридические рамки. Краеугольным камнем современной теории становится идея «международного публичного порядка. Несмотря на то, что данную концепцию подвергают критике из-за ее внутригосударственного происхождения, идея международного публичного порядка является одной из характерных черт современного международного права» [6, с. 131].

Юридическое закрепление термина произошло в статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Дискуссионным в доктрине остается вопрос об источниках формирования норм jus cogens. Комиссия международного права ООН склоняется к тому, что источниками выступают лишь международный обычай и общие принципы права.

Однако, по мнению И. И. Лукашука, «форма источника императивных норм не имеет существенного значения» [7, с. 418], поскольку решающую роль играет универсальная применимость и консенсус международного сообщества,

а принципы как бы извлекаются из нормативно-правовых актов в силу своей аксиоматичности.

Сложнейшей проблемой в современной доктрине остается процедура идентификации норм и определение их перечня. А. Аксу указывает, что «на сегодняшний день к числу общепризнанных норм jus cogens относятся: безусловный запрет на применение силы и угрозы силой в нарушение принципов Устава ООН, запрет геноцида, запрет рабства и работорговли, запрет на расовую дискриминацию и апартеид, а также абсолютный запрет пыток и право народов на самоопределение».

Подобный перечень столь разных по своему содержанию норм говорит об отсутствии в международном сообществе единого понимания концепции и неопределенности относительно критериев определения норм. Правовая природа jus cogens проявляется в их особом воздействии на обязательства государств через концепцию обязательств erga omnes. Нарушение таких норм порождает правовую ситуацию, в которой любое государство обладает юридическим интересом в восстановлении правопорядка.

Проведённое исследование понятия и сущности принципов jus cogens позволяет заключить, что данная категория занимает центральное место в архитектуре современного международного публичного права. С учётом изложенного представляется возможным предложить следующее авторское определение, синтезирующее позиции рассмотренных ученых. Принципы jus cogens – это признаваемые международным сообществом государств в целом императивные нормы-принципы высшей юридической силы, формирующиеся на основе универсального консенсуса в любой форме международного правотворчества, выражающие фундаментальные ценностные основы глобального публичного порядка, отклонение от которых недопустимо, изменение возможно исключительно последующей нормой аналогичного характера, а нарушение порождает обязательства erga omnes и ничтожность противоречащих им соглашений, при этом их системообразующая функция обеспечивает единство, целостность и устойчивость всей системы международного права.

Список литературы

1. Тарасенко, А. А. Природа и признание норм jus cogens в международном праве / А. А. Тарасенко, В. С. Хрипкова // Наука. Образование. Инновации : сборник научных трудов по материалам XXXVII Международной научно-практической конференции, Анапа, 13 декабря 2021 года. – Анапа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2021. – С. 141-146. – EDN MJCHEB.
2. Синякин, И. И. Нормы jus cogens: исторический аспект и современное значение для международного права / И. И. Синякин, А. Ю. Скуратова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. 41. – С. 526-545. – Текст: непосредственный

3. Мовчан, А. П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права / А. П. Мовчан. – Москва: Юридическая литература, 1972. – 214 с. – Текст: непосредственный.
4. Ануфриева, Л. П. Принципы в международном праве: "основные принципы", "jus cogens" или..? (понятийный аспект) / Л. П. Ануфриева // Диалог. – 2019. – № 2(14). – С. 34-43. – EDN JMRPHO.
5. Тункин, Г. И. Теория международного права / Г. И. Тункин. – Москва: Зерцало, 2000. – 416 с. – Текст: непосредственный.
6. Талалаев, А. Н. Право международных договоров. Действие и применение договоров / А. Н. Талалаев. – Москва: Международные отношения, 1985. – 296 с. – Текст: непосредственный.
7. Лукашук, И. И. Современное право международных договоров: в 2 томах. Т. 1: Заключение международных договоров / И. И. Лукашук. – Москва: Волтерс Клувер, 2004. – 672 с. – Текст: непосредственный.

УДК 342.737

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ В УСЛОВИЯХ МОНОПОЛИИ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ

Попкова Н. П., ORCID 0009-0005-5970-2239
ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет», г. Екатеринбург, РФ
e-mail: nata-popkova@yandex.ru

Введение. В условиях жёсткого экономического и финансового давления, перехода к суверенизации экономики в России обострилась проблема реализации конституционного права на жилище. Отмечается необходимость пересмотра политики государства в жилищной сфере. Указывается на необходимость отхода от монополии частной собственности на жилые помещения, о развитии иных форм удовлетворения жилищной потребности.

Цель исследования показать проблемы реализации конституционного права на жилище в условиях монополизации права частной собственности на жилые помещения; наметить пути их преодоления.

Основная часть. Основываясь на нормах международного права и международных договорённостях (Всеобщая декларация прав человека, Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах и др.), законодательства современных государств закрепляют право каждого человека на жилище. Не является исключением и российское законодательство. Право на жилище закреплено в статье 40 Конституции РФ.

Появление в национальных законодательствах права на жилище стало следствием утверждения в человеческом сообществе представления, согласно

которому провозглашённые конституционными государствами в качестве высших социальных ценностей свобода и достоинство личности, для своей практической реализации требуют от государств принятия мер по обеспечению каждому их члену достойного уровня жизни, включая и удовлетворение потребности в жилище.

Право на жилище относится к правам человека второго поколения, к социально-экономическим правам. В юридической литературе авторы не раз обращали внимание на существующие отличия указанных прав от прав первого поколения: права на свободу и права на достоинство личности, которые выражаются, прежде всего, в том, что это права, которые по своему характеру являются в основном правами декларативными. Практическая реализация указанных прав возможна только тогда, когда отраслевым законодательством, прежде всего гражданским, предусмотрены соответствующие правовые средства, когда они, по выражению С. С. Алексеева, конкретизированы, переведены на уровень конкретных гражданских прав [1, 124].

Основным экономическим, социальным, культурным правам человека корреспондирует обязанность государства оказывать ему содействие в их осуществлении. Исполнение же этой обязанности обусловливается не только наличием у государства соответствующей воли, но и необходимых для этого ресурсов, прежде всего, материальных.

Таким образом, можно отметить, что само по себе наличие в законодательстве государства права на жилище не является достаточным условием для обеспечения удовлетворения потребности каждого человека в жилище. Конкретные виды субъективных прав на жилище прав будут определяться проводимой государством политикой, а также ресурсами, имеющимися в его распоряжении.

На настоящий момент приоритетной формой удовлетворения потребности человека в жилище в России является право частной собственности. Граждане самостоятельно должны приобретать жилые помещения в собственность.

Что касается иных предусмотренных действующим законодательством форм реализации потребности человека в жилище, – таких, например, как наём, том числе и наём социальный, – то они по мысли законодателя используются по остаточному принципу: в тех случаях, когда приобрести жилое помещение в собственность человеку не удаётся. При этом действующим законодательством установлены жёсткие критерии приобретения гражданами жилых помещений в социальный наём. Ситуация усугубляется ещё и тем, что у муниципалитетов, на плечах которых в основном и лежит обязанность обеспечения граждан жилыми помещениями на условиях социального найма, нет средств, достаточных для того, чтобы поддерживать в надлежащем состоянии уже существующий жилищный фонд и, тем более, на строительство нового социального жилья. Не выполняют своей функции и

иные, предусмотренные действующим законодательством средства удовлетворения жилищной потребности (договор найма специализированного жилого помещения, наёмные дома, др.). Причина, как правило, та же – отсутствие достаточных ресурсов.

Обращают на себя внимание и перекосы правового регулирования собственности на жилое помещение, которые выражаются, в частности в том, что государство в целом ряде случаев, по сути, перекладывает свою обязанность по обеспечению граждан жилищем на граждан – собственников жилых помещений. Такое положение дел можно наблюдать, например, в нормах, регулирующих отношения по приватизации жилья, предусматривающих право членов семьи собственника, давших согласие на приватизацию, но не участвовавших в ней, в нормах, устанавливающих право бывших членов семьи собственника жилого помещения проживать в его жилом помещении и целом ряде других. Подобные ограничения собственника могут оспариваться как чрезмерные, не отвечающие характеру права собственности на жилое помещение.

Заключение. Приоритет права частной собственности в жилищной сфере, помимо очевидных положительных моментов, несёт в себе и моменты отрицательные. Последние проявляются в частности в том, что значительная часть граждан не могут реализовать своё конституционное право на жилище. Проблема может быть преодолена за счёт отхода от монополии частной собственности на жилые помещении. Институт права частной собственности на жилые помещения нуждается в совершенствовании. Прежде всего, должны быть сняты неоправданные ограничения права собственника. Бремя реализации социальных функций государства должно ложиться на государство, а не на его граждан.

Список литературы

1. Алексеев, С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 9 : Публицистика / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – 504 с.

УДК 341.1/.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

***Репникова Э. Ю.*[1],** д-р юрид. наук, ORCID 0000-0001-7886-7948,
***Кузнецов А. А.*[2],** канд. юрид. наук, ORCID 0000-0002-4740-0277,
***Лаась А. Э.*[3],** ORCID 0009-0004-1196-7759
[1,3] ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов, РФ
[2] ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», г. Санкт-Петербург, РФ
e-mail: ella.yurevna1010@mail.ru, alex_9263@mail.ru, Laasae@yandex.ru

Введение. Искусственный интеллект (далее – ИИ) получил широкое применение практически во всех сферах деятельности человека. Криминалистика, правосудие, кредитование, социальное обеспечение, вот то небольшой перечень, где уже активно используется ИИ. Это не могло не затронуть права человека, тем более, когда речь идет о новом этапе развития глобализации, который уже получил название «цифровая глобализация».

Цель научного исследования – выявить пробелы в международно-правовом регулировании использования искусственного интеллекта с точки зрения его влияния на права человека в условиях цифровой глобализации.

Основная часть. Искусственный интеллект стал неотъемлемой частью современного общества. В 2025 году журнал «Time» выбрал человеком года архитекторов ИИ. Как указано в публикации журнала, их заслуга в том, что они положили начало эпохе «мыслящих машин», а также за то, что поразили и обеспокоили человечество [1].

В условиях активного использования искусственного интеллекта возникает несколько аспектов, на которые необходимо обратить внимание в контексте международного права прав человека. Как отмечает Г. Г. Головенчик, цифровая глобализация связана с цифровизацией всех сфер мирового хозяйства, что открывает новые пути и новые возможности в которых функционирует современный мир [2].

Можно встретить точку зрения о том, что цифровая глобализация представляет собой стремительное развитие технологий, включая технологию искусственного интеллекта, влекущее за собой изменение взаимоотношений между государственными органами и гражданами [3].

В отчете Глобального института McKinsey сказано, что цифровая глобализация является очередной стадией глобализации [4]. При этом, четко сформированного понятия нет.

Т. Л. Шестова определяет цифровую глобализацию как длительный процесс формирования глобального сообщества, характерной особенностью которого является превращение информационных технологий в ведущий фактор развития планетарного социума [5].

Это определения понятия «цифровая глобализация» представлены специалистами в различных областях научных познаний, экономика, философия, право и т.п. При этом, все авторы единодушны в одном, цифровая глобализация оказывает влияние не только на безопасность, управление, но и свободу личности, которая неразрывно связана с международным правом прав человека.

Искусственный интеллект является важной составляющей цифровой глобализации. Этот продукт компьютерных технологий, основанный на реализации когнитивных функций человека, выполняет функции, связанные с интеллектуальной обработкой информации. Исходя из положений ст. 3 Федерального закона от 26.07.2026г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» ИИ представляет собой комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека и получать конкретные результаты, которые можно сопоставить с результатами интеллектуальной деятельности человека и даже превосходящие их [6]. Такое законодательное определение прямо указывает на то, что ИИ неразрывно связан с человеком и может оказывать непосредственное влияние на систему прав человека. Это может происходить следующим образом.

Во-первых, использование ИИ в рамках принятия юридически значимых решений. Это связано с тем, что они могут обладать властным воздействием, что влечет за собой наделение искусственного интеллекта определенной властью. Принимая решения властного характера ИИ оказывает прямое влияние на всю систему прав человека, тем более, они перешли в цифровой формат. Например, по своей инициативе искусственный интеллект может провести блокировку информационных ресурсов, которые, по его мнению, могут оказать негативное воздействие на общественно-политическую ситуацию. Подобные действия могут привести к возникновению такого риска, как цифровое неравенство. Это значит, что не все граждане могут получить равный доступ к современным компьютерным технологиям и цифровым навыкам. В результате, происходит социальное расслоение общества и вектор прав человека претерпевает существенные ограничения.

Во-вторых, одна из функций искусственного интеллекта – это сбор, анализ и обработка данных, которые могут являться персональными. Как результат, субъект, который использует ИИ в этих целях может получить несанкционированный доступ к персональным данным и использовать их в противоправных или корыстных целях. Для сбора сведений о конкретном человеке может создать угрозу слежки за ним, ограничивает право на свободу, а также нарушает конфиденциальность и защиту данных.

В-третьих, возникновение рисков распространения недостоверной информации. В Конституции РФ нет прямого указания на недопустимость распространения недостоверной информации. Вместе с тем, в системной взаимосвязи положений части 4 ст. 29 и части 1 ст. 42 Основного закона

устанавливают косвенное право на достоверную информацию. В силу норм международного публичного права прав человека недопустимо ограничение доступа к информации, которая должна быть достоверной, то есть, содержать объективные сведения о фактах и событиях, затрагивающих права и свободы граждан. Использование технологий ИИ влечет за собой риски таких ограничений.

Приведенный перечень рисков влияния искусственного интеллекта на права человека не является исчерпывающим. Их следует определить, как базовые, поскольку они затрагивают весь комплекс прав и свобод и могут оказывать непосредственное влияние в рамках реализации международного права прав человека.

В условиях цифровой глобализации при использовании искусственного интеллекта необходимо обеспечить правовую защиту международного права прав человека, которая должна реализоваться путем оценки возможных рисков. Предлагается, на каждом этапе жизненного цикла ИИ выявить возможные риски и последствия его использования. Целесообразно это использовать комплексный подход, который будет включать в себя взаимодействие личности, общества и государства через укрепление международного сотрудничества и разработку более гибких правовых норм.

Список литературы

1. Time выбрал «Человеком года» архитекторов искусственного интеллекта : Коммерсантъ : электронная газета. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8272953?ysclid=muwirkrci8844089820 (дата обращения 04.10.2026). –Текст : электронный.
2. Головенчик, Г. Цифровая глобализация как новый этап в развитии глобального мира / Г. Головенчик // Банковский вестник. – 2021. – № 2(691). – С. 57-68. – EDN NIZXFN.
3. Моисеенко, Ю. П. Цифровизация права / Ю. П. Моисеенко // Когнитивные науки в информационном обществе. – 2024. – № 4. – URL: https://knio.ru/PDF/07KN424.pdf (дата обращения 04.10.2026).
4. Digital Globalization: The New Era of Global Flows. March 2016. Highlights. – McKinsey & Company, 2016. – 156 p.
5. Шестова, Т. Л. Аксиология «цифровой глобализации» / Т. Л. Шестова // Век глобализации. – 2026. – № 2. – С. 135-142. – DOI: https://doi.org/10.30884/vglob/2026.02.11
6. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации : Федеральный закон № 243-ФЗ : [принят Государственной думой 08.07.2026 года : одобрен Советом Федерации 17.07.2026 года]. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 27.07.2026. – № 30. – ст. 4089.

УДК 342.72

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Смирнова А. А.
Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
e-mail: smirnova827@mail.ru

Введение. Стремительное проникновение цифровых технологий в публично-правовые отношения формирует принципиально новую реальность, где данные становятся главным экономическим и политическим ресурсом. С одной стороны, глобальная цифровизация беспрецедентно расширяет горизонты реализации прав человека, с другой – порождает угрозы алгоритмической дискриминации и тотальной утраты приватности. Как справедливо отмечает В.Д. Зорькин, «в современных условиях право на информацию приобретает новое качество, становясь условием выживания личности в цифровых джунглях, где информация является одновременно и ресурсом, и оружием» [1, с. 2]. Несмотря на наличие фундаментальных исследований в области информационного права, вопросы установления пределов ограничения информационных свобод в угоду национальной безопасности и механизмы защиты от угроз, исходящих от транснациональных ИТ-корпораций, остаются недостаточно изученными.

Цель исследования – комплексный конституционно-правовой анализ сущности информационных прав в цифровую эпоху и выработка предложений по совершенствованию механизмов их обеспечения.

Основная часть. Традиционное понимание информационных прав, базирующееся на классической триаде «поиск, получение, распространение», в условиях индустрии 4.0 претерпевает глубокую метаморфозу. И.М. Рассолов обоснованно указывает, что «информационные права – это сложная система правомочий субъекта, включающая как возможности по активному доступу к сведениям, так и право на защиту своей информационной автономии» [2, с. 45]. Однако современная цифровая среда диктует необходимость выделения специфических «гибридных» прав, таких как право на алгоритмическую прозрачность и право на забвение. Э.В. Талапина подчеркивает, что «эволюция информационных прав ведет к их превращению в универсальный инструмент обеспечения достоинства человека, где информационный аспект становится неотъемлемой частью личной свободы» [3, с. 125].

Опираясь на материалы собственного магистерского исследования, автор полагает, что ключевой ценностью современного правопорядка становится достижение динамического баланса между прозрачностью государства (транспарентностью власти) и приватностью личности. Н. С. Бондарь

справедливо резюмирует, что «гармонизация публичных и частных интересов в информационном пространстве – это не механическое распределение прав, а поиск ценностного компромисса, гарантирующего устойчивость конституционного строя» [4, с. 22]. В условиях тотального сбора цифровых следов и использования технологий Big Data классическая концепция «информированного согласия» утрачивает свою защитную функцию.

В связи с этим назрела объективная необходимость введения в конституционно-правовую доктрину презумпции «цифровой уязвимости» гражданина перед операторами больших данных. Государство обязано выступать гарантом защиты от алгоритмической дискриминации, обеспечивая «обратную прозрачность»: государственные информационные системы должны быть подотчетны обществу, в то время как цифровой профиль гражданина нуждается в максимальной криптографической и юридической защите. Т. А. Полякова обращает внимание на то, что «ценностная матрица информационного права должна включать в себя презумпцию защищенности приватности; любое расширение прозрачности частной жизни государством должно иметь исчерпывающее юридическое обоснование» [5, с. 56].

Кроме того, фундаментальным условием реализации информационных прав выступает категория «цифрового доверия». Д. В. Абдрахманов отмечает, что «транспарентность информационных процессов в деятельности органов власти является необходимым условием формирования гражданского общества и реализации принципа народовластия» [6, с. 74]. Без обеспечения алгоритмической справедливости и безопасности инфраструктуры доверие к электронному государству неизбежно падает, что блокирует реализацию активных прав граждан на участие в управлении делами государства через цифровые платформы.

Заключение. Подводя итог, следует констатировать, что информационные права в современном обществе выходят за рамки классических представлений, трансформируясь в комплексный институт, включающий право на цифровую идентичность и алгоритмическую прозрачность. Обеспечение информационной безопасности личности невозможно без признания ее «цифровой уязвимости» и внедрения принципа «privacy by design» (приватность по умолчанию) в деятельность всех государственных информационных систем. Дальнейшее совершенствование отечественного законодательства должно быть направлено на институционализацию механизмов алгоритмической подотчетности и законодательное закрепление концепции цифрового доверия как базового принципа информационного взаимодействия, что позволит сохранить человекоцентричность права в условиях четвертой промышленной революции.

Список литературы

1. Зорькин, В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В.Д. Зорькин // Российская газета. – 2018. – 29 мая. – С. 2-3.

2. Рассолов, И.М. Информационное право: учебник и практикум для вузов / И. М. Рассолов. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 427 с.
3. Талапина, Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э.В. Талапина // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. – № 3. – С. 122-146.
4. Бондарь, Н.С. Информационно-цифровое пространство правосудия: конституционализация в условиях 4-й промышленной революции / Н.С. Бондарь // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 17-29. – DOI: 10.12737/jrl. 2019.11.2
5. Полякова, Т. А. Ценностные изменения развития информационного права России / Т. А. Полякова, Г. Г. Камалова // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2(72). – С. 53-59. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.7. – EDN TOOLCE.
6. Абдрахманов, Д.В. Конституционно-правовые основы информационного общества в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Д.В. Абдрахманов. – Челябинск, 2022. – 214 с.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Москва: Проспект, 2024. – 64 с.

УДК 342

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН К ВЫПОЛНЕНИЮ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ РАБОТ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Тимофеева А. А., ORCID 0009-0005-5181-7015
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: a.timofeeva.donnu.jur@mail.ru

Введение. Современный этап реформирования системы местного самоуправления в Российской Федерации, связанный с принятием Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», актуализирует научную дискуссию о формах и механизмах непосредственного участия граждан в решении вопросов местного значения, среди которых особое место занимает институт привлечения населения к выполнению социально значимых работ на добровольной основе.

Научно-практический интерес продиктован потребностью в развитии форм прямого участия населения в местном самоуправлении и повышении эффективности расходования муниципальных ресурсов.

Основная часть. В соответствии с ч. 6 ст. 42 ФЗ от 20.03.2025 № 33-ФЗ органы местного самоуправления городских округов, муниципальных округов вправе в соответствии с уставами муниципальных образований принимать решение о привлечении граждан к выполнению на добровольной основе социально значимых для городского округа, муниципального округа работ (в том числе дежурств) в целях решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения [1].

Под социально значимыми работами понимаются работы, не требующие специальной профессиональной подготовки и направленные на решение вопросов местного значения.

Ключевыми принципами привлечения населения к данным работам являются добровольность и безвозмездный характер. При этом необходимо соблюдение следующих требований: достижение гражданами совершеннолетия и наличие трудоспособности. Также законодателем установлены временные рамки: работы осуществляются в свободное от основной работы или учебы время, не более одного раза в три месяца и продолжительностью не более четырех часов подряд [1].

Основными критериями привлечения граждан к выполнению социально значимых работ является удовлетворение потребностей в создании и (или) поддержании безопасных условий жизнедеятельности и благоприятной среды обитания, повышения уровня социальной активности и социальной ответственности при минимальных муниципальных затратах.

Перечень социально значимых работ носит открытый характер и включает мероприятия в сферах общественной безопасности (профилактика терроризма, экстремизма, межнациональных конфликтов, ликвидация ЧС, пожарная безопасность), национально-культурного развития (поддержка языков и культуры народов РФ, права коренных малочисленных народов, адаптация мигрантов), а также благоустройства и охраны окружающей среды (организация массового отдыха, благоустройство территории, охрана городских лесов и особо охраняемых природных территорий).

На практике граждан чаще всего привлекают к участию в субботниках (очистка территорий, высадка зелёных насаждений, подготовка общественных пространств к праздникам), профилактике лесных пожаров (создание минерализованных полос, патрулирование в пожароопасный период) и помощи в проведении местных мероприятий (фестивали, спортивные соревнования, дежурства на площадках).

Реализация федеральной нормы требует ее обязательного закрепления в уставе и детализации в подзаконных актах. Муниципальное образование определяет в уставе конкретный перечень социально значимых работ. Так, ст. 12 Устава городского округа город Нижний Новгород дублирует норму ч. 6 ст. 42 ФЗ № 33-ФЗ [2], а непосредственный механизм регламентируется специальным муниципальным правовым актом – Порядком привлечения граждан к выполнению социально значимых работ (принят решение Городской Думы от 26.02.2020 № 39) [3]. Высокой степенью процессуальной детализации отличается Положение городского округа город-курорт Ессентуки (утв. решением Думы от 25.02.2026 № 7), в котором установлены конкретные сроки регистрации инициатив, рассмотрения предложений и заявлений граждан; предусмотрена возможность подачи заявлений в электронной форме; закреплены основания для отказа в привлечении гражданина (в том числе за систематическое нарушение правил техники безопасности в прошлом) [4].

В свою очередь, Порядок Коркатовского сельского поселения Республики Марий Эл прямо закрепляет повышение уровня социальной активности и ответственности населения, что превращает данный институт в инструмент сплочения местного сообщества. При этом сельские поселения, как правило, используют более общую регламентацию процедур, делая акцент на выявлении мнения населения через опросы и сходы граждан [5].

Несмотря на соответствие муниципальных правовых актов федеральному законодательству, правоприменительная практика выявляет некоторые риски: подмена добровольности административным давлением при «опросах», включение опасных работ (валка деревьев, работы у ЛЭП) в перечень «не требующих спецподготовки», отсутствие страхования участников, а также механизмов контроля за выполнением работ в «свободное от работы или учебы время».

Для совершенствования правового регулирования муниципалитетам рекомендуется: утвердить исчерпывающий перечень работ, запрещенных для добровольцев; ввести типовые формы документов (согласие участника, журнал инструктажа, акт выполненных работ); предусмотреть в местном бюджете расходы на краткосрочное страхование участников; упорядочить процедуры, установив для сельских поселений четкие сроки рассмотрения заявлений и правила мотивированного отказа.

Заключение. Подводя итог, следует отметить, что правовые основы привлечения граждан к выполнению социально значимых работ представляют собой двухуровневую систему: общие принципы заданы федеральным законом, а на локальном уровне детализируется механизм привлечения граждан – устав муниципального образования закрепляет само право привлечения, а специальный муниципальный правовой акт определяет процедуру, условия и организационные механизмы реализации.

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2026). – Текст : электронный.
2. Устав городского округа город Нижний Новгород : утвержден решением Городской Думы города Нижнего Новгорода от 12.11.2025 № 67 // Официальный сайт администрации города Нижнего Новгорода. – URL: https://www.gordumannov.ru/?id=189100 (дата обращения: 01.10.2026). – Текст : электронный.
3. О порядке привлечения граждан к выполнению на добровольной основе социально значимых работ в целях решения вопросов местного значения : решение Городской Думы города Нижнего Новгорода от 26.02.2020 № 39 // Официальный сайт администрации города Нижнего Новгорода. – URL: https://www.gordumannov.ru/?id=189100 (дата обращения: 01.10.2026). – Текст : электронный.
4. Об утверждении Положения о порядке привлечения граждан к выполнению на добровольной основе социально значимых для муниципального образования городского

округа города-курорта Ессентуки работ (в том числе дежурств) в целях решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения : решение Думы города Ессентуки от 25.02.2026 № 7 // Официальный сайт администрации города-курорта Ессентуки. – URL: https://essentuki-r07.gosweb.gosuslugi.ru (дата обращения: 05.10.2026). – Текст : электронный.
6. О порядке привлечения граждан к выполнению на добровольной основе социально значимых работ (в том числе дежурств) в целях решения вопросов местного значения : решение Собрания депутатов Коркатовского сельского поселения Моркинского муниципального района Республики Марий Эл // Официальный сайт Моркинского муниципального района. – URL: https://newsmariel.ru (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.

УДК 347.77

МЕСТО И РОЛЬ ПРАВ ЖЕНЩИН В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Тимофеева А. А., ORCID 0009-0005-5181-7015,
Бондарь Я. В., ORCID 0009-0008-6974-6296
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: aries_a@rambler.ru

Эволюция международно-правового статуса женщин представляет собой один из наиболее динамично развивающихся процессов в современной юриспруденции. Проводя собственный анализ данного вопроса, следует отметить, что осознание государствами того факта, что права женщин являются составной и неотъемлемой частью общечеловеческих ценностей, привело к фундаментальному изменению парадигмы международного сотрудничества.

Как справедливо отмечает А. С. Прокофьева, «XX век отличился особой красочностью происходящих событий, и именно с его середины происходит юридическое оформление и закрепление основных положений, определяющих статус женщины в обществе, а также происходит уравновешивание положения мужчин с положением женщин» [1, с. 137].

Фундаментальной основой для развития принципа недискриминации и всеобщего равенства послужил Устав Организации Объединенных Наций 1945 года. В. В. Заблоцкая и Е. А. Коротич подчеркивают, что Устав ООН не только закрепляет базовое равноправие, но и требует «поощрения и развития уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия пола» [2, с. 140].

Переход от простого декларирования прав к механизмам их фактической реализации стал главным вектором развития международного права прав

человека (МППЧ). По мнению А. С. Прокофьевой, «период с 1976 по 1985 год, ознаменованный как «Десятилетие женщины», позволил привлечь внимание правительств к проблемам женщин и стимулировал развитие национального законодательства, что привело к росту самосознания женщин и их действительной роли в жизни общества».

Вершиной нормотворческой деятельности ООН в данной сфере стала Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года (КЛДЖ), которую Л. В. Полушина обоснованно называет «международным биллем о правах женщин» [3, с. 226].

Проводя собственный анализ данного тезиса, следует подчеркнуть, что КЛДЖ стала поистине революционным документом, поскольку впервые на глобальном уровне не только дала легальное определение дискриминации, но и легализовала применение временных специальных мер, направленных на ускорение установления фактического, а не только формального равенства между полами.

Вместе с тем, В. В. Заблоцкая и Е. А. Коротич проводят глубокий критический анализ контрольных механизмов КЛДЖ. Исследователи справедливо отмечают, что «рекомендации общего характера, подготовленные Комитетом, являются ограниченными как по сфере охвата, так и по практическим последствиям... эти рекомендации носят зачастую слишком общий характер, что осложняет контроль за их выполнением, и не имеет обязательной силы».

Особое место в системе МППЧ занимает проблема насилия в отношении женщин. Проводя собственный анализ, Л. В. Полушина делает важнейший вывод о специфике возмещения ущерба женщинам, пострадавшим от насилия. Она аргументирует, что «адекватные и общие меры возмещения ущерба и компенсации для женщин не могут быть сведены только к возвращению к положению, в котором они находились до того, как подверглись насилию», поскольку случаи нарушения прав женщин являются частью системы гендерной иерархии и системной маргинализации. Меры по возмещению ущерба должны обладать «специфическим потенциалом изменения ситуации» и способствовать устранению этих системных причин.

Если МППЧ регулирует права женщин преимущественно в условиях мира, формируя базис структурного равенства, то международное гуманитарное право (МГП) берет на себя функцию экстраординарной защиты в экстремальных условиях вооруженных конфликтов. Т. Юклова справедливо указывает, что «международное гуманитарное право стремится смягчить последствия войны двумя путями. Во-первых, оно ограничивает выбор средств и методов ведения военных действий. Во-вторых, международное гуманитарное право обязывает воюющие стороны щадить лиц, не принимающих или переставших принимать участие в военных действиях» [4, с. 226].

Утверждение «война – дело мужское», как отмечают Д. В. Власова и А. С. Зубова, давно утратило статус аксиомы. Женщины выступают не только

как объекты защиты, но и как субъекты (комбатанты), проявляя в чрезвычайных ситуациях непоколебимую силу духа и находчивость. Однако большинство женщин и детей все же являются жертвами войны и «больше подвержены всем формам насилия», в связи с чем их «особая уязвимость и незащищённость... послужила основанием создания единой системы их международной защиты» [5, с. 116].

Ш. Линдсей точно формулирует двойственный правовой статус женщин в конфликте: «женщины пользуются защитой как лица из состава вооруженных сил в том случае, если они захвачены в плен неприятелем и содержатся под стражей, и как представители гражданского населения в случае интернирования». Как отмечает Ш. Линдсей, «в заведениях, где содержатся как мужчины, так и женщины, женское отделение должно находиться в ведении ответственного сотрудника женского пола... Надзор за находящимися в заключении женщинами также должен быть возложен только на сотрудников женского пола» [6, с. 261].

Наиболее острой и трагической проблемой в рамках МГП остается сексуальное насилие. Д. В. Власова и А. С. Зубова указывают, что «изнасилование и иные формы сексуального насилия запрещены договорным правом... и нормами обычного права, однако в ситуациях вооруженного конфликта женщины особенно подвержены насилию». Нередко сексуальное насилие используется «в качестве репрессалий, для запугивания, как средство пытки или как метод ведения войны, направленный на уничтожение самой структуры общества».

Статут Международного уголовного суда квалифицирует такие деяния как военные преступления и преступления против человечности. Ю. В. Самович приводит исторический прецедент, когда «международным судебным органом рассматривалось дело, связанное исключительно с преступлениями сексуального насилия; он содержит ряд прогрессивных наработок для судебной практики, касающейся изнасилования как военного преступления. 10 декабря 1998 г. Анто Фуруджия... был осужден за применение пыток как соучастник изнасилования...» [7, с. 156].

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо заключить, что права женщин занимают центральное и неотъемлемое место в архитектуре современного международного права, образуя на стыке международного права прав человека и международного гуманитарного права единую, хотя и внутренне дифференцированную, систему защиты. МППЧ и МГП не конкурируют, а взаимодополняют друг друга: первый формирует универсальный стандарт недискриминации, второй – конкретизирует его применительно к условиям войны, создавая непрерывный континуум охраны прав женщин в любых обстоятельствах.

Критический анализ выявляет существенные пробелы и проблемы реализации исследуемых норм: ограниченная обязательность рекомендаций контрольных органов, многочисленные оговорки государств при ратификации

специализированных конвенций, системный характер гендерно-мотивированного насилия, а также продолжающееся использование сексуального насилия как метода ведения войны.

Вместе с тем прецеденты международного уголовного правосудия подтверждают необратимость движения от безнаказанности к персональной ответственности за гендерные преступления, что свидетельствует о формировании новой, более эффективной парадигмы международно-правовой защиты прав женщин.

Список литературы

1. Прокофьева, А. С. Права женщин в системе прав человека: международный аспект / А. С. Прокофьев // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. – 2015. – № 2 (4). – С. 136-138. – Текст: непосредственный.
2. Заблоцкая, В. В. Универсальная система международной защиты прав женщин / В. В. Заблоцкая, Е. А. Коротич // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. – 2011. – № 14. – С. 138-142. – Текст: непосредственный.
3. Полушина, Л. В. Права женщин в системе прав человека: международный аспект / Л. В. Полушина // Инновационные технологии управления и права. – 2013. – № 1-2 (5-6). – С. 56-58. – Текст: непосредственный.
4. Юклова, Т. Женщины под защитой международного гуманитарного права / Т. Юклова // Ученые записки. – 2010. – № 3. – С. 221-231. – Текст: непосредственный.
5. Власова, Д. В. Дети и женщины как объекты защиты международного гуманитарного права / Д. В. Власова, А. С. Зубова // Сборник статей ННГУ им. Лобачевского / Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2018. – С. 112-118. – Текст: непосредственный.
6. Линдсей, Ш. Женщины и война: содержание женщин под стражей во время войны / Ш. Линдсей // Международный журнал Красного Креста. – 2001. – № 841-844. – С. 255-273. – Текст: непосредственный.
7. Самович, Ю. В. Правовая регламентация преступлений против женщин в международном гуманитарном праве / Ю. В. Самович // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № Дополнительный (85). – С. 152-159. – Текст: непосредственный.

УДК [378:34]:342

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТА

Хобби Ю. С., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0002-7431-8607,
Цикилек Д. С., Проценко Н. М.
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
e-mail: yhobbi@list.ru, dtsikilek@mail.ru, ben_fd@mail.ru

Введение. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на образование (ст. 43) и провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2) [1]. Юридическое образование в этом контексте выступает не только способом подготовки кадров для органов власти, судов и адвокатуры, но и конституционной ценностью: через него формируется правовая культура гражданина, способного жить в правовом государстве и участвовать в управлении делами общества. Без массовой правовой культуры конституционные гарантии остаются декларацией, а правовое государство останутся формулой без повседневного содержания.

Основная часть. Правовая культура студента-юриста включает знание норм, умение их применять, уважение к праву, этические установки и готовность защищать права других. Кандидат юридических наук А.С. Мордовец в работах о правовой культуре личности подчеркивал, что она складывается из когнитивного, деятельностного и ценностного компонентов [2]. Если университет ограничивает задачу передачей текстов кодексов, ценностный компонент остается слабым, и выпускник рискует воспринимать право лишь как набор процедур, а не как меру свободы и ответственности. На практике формирование правовой культуры сталкивается с рядом устойчивых проблем.

Первая – разрыв между теорией и практикой. Студент хорошо воспроизводит и осознает определения, но теряется в конкретной жизненной ситуации: как квалифицировать спор, куда обратиться, какие доказательства собрать. Без устойчивой связи с судами, нотариатом, органами прокуратуры, юридическими клиниками учебный процесс остается кабинетным и ничем не отличимым от школьного образования. Практико-ориентированная модель образования и регулярные стажировки здесь не «дополнение к диплому», а необходимое условие освоения деятельностного компонента культуры.

Вторая проблема – формальность оценки для студента. Балловая рейтинговая система и тесты удобны для администрирования, но слабо проверяют способность рассуждать в сложных условиях неопределенности. Между тем именно неопределенность характерна для правоприменения.

Доктор юридических наук Н.И. Матузов отмечал, что правовая культура проявляется не в заучивании статей, а в умении действовать по закону, когда готового шаблона нет [3]. Оценка через мотивированные заключения, проекты процессуальных документов и разбор реальных судебных актов ближе к профессиональной реальности, чем выбор одного варианта из четырех.

Третья проблема связана с цифровой средой. Студент привыкает к быстрым ответам поисковых систем и генеративных моделей (ИИ). Это ускоряет поиск нормы, но ослабляет навык самостоятельного толкования и проверки источника. Юридическое образование обязано учить работать с правовыми базами, с судебной практикой и с рисками недостоверной информации. Иначе цифровая грамотность подменит правовую, а выпускник окажется зависимым от инструмента, смысл которого он не контролирует.

Четвертая проблема – этика и профессиональная идентичность. Правовая культура невозможна без понимания границ допустимого: адвокатская тайна, конфликт интересов, добросовестность перед судом, недопустимость злоупотребления правом. Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению 40.03.01 «Юриспруденция» закрепляет универсальные и профессиональные компетенции, включая этические [4]. Их формирование требует не отдельного «урока этики», а постоянного включения этических дилемм в разбор дел и в критерии оценивания.

Цель. Конституционная ценность юридического образования проявляется и в обеспечении равного доступа к правовой помощи. Подготовка специалистов, готовых работать в регионах, в муниципалитетах, в системе бесплатной юридической помощи, напрямую связана со ст. 48 Конституции РФ [1]. Если образовательные программы ориентированы преимущественно на столичный рынок крупных фирм, конституционный смысл права на образование и права на квалифицированную юридическую помощь реализуется неполно.

Пути усиления правовой культуры студента видятся в сочетании нескольких мер. Во-первых, расширение Практико-ориентированная модель обучения и стажировок с реальными обращениями граждан. Во-вторых, внедрение в учебный процесс разбора актуальной практики Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. В-третьих, развитие власти – не как в абстрактной теории, а на материале текущих правовых конфликтов.

Профессор В.В. Лазарев, анализируя роль права в обществе, указывал, что правовая культура общества начинается с правовой культуры личности, а личность юриста задает стандарт обращения с правом для окружающих [5]. Отсюда появляется особая ответственность юридического вуза: он готовит не только исполнителя процедур, но и носителя конституционных ценностей. Кандидат юридических наук З.С. Байниязова подчеркивает взаимосвязь правового образования и правовой культуры как условие воспроизводства правопорядка [6]. Продолжая, Доктор юридических и педагогических наук Е.А. Певцова отмечает, что эффективность правового образования измеряется

не только успеваемостью, но и готовностью выпускника действовать в правовой среде ответственно [7].

Подводя итог хотелось бы определить несколько практических ориентиров. Юридический вуз выполняет конституционную функцию не тогда, когда лишь передает нормативный материал, а когда формирует устойчивую установку на законность, аргументированность и уважение к правам человека. Оценка качества подготовки должна учитывать не только знание статей, но и способность студента объяснить решение, обосновать риск и предложить правовой путь в ситуации неопределенности.

Органам, отвечающим за содержание образовательных программ, целесообразно усиливать модули, связанные с конституционным правосудием, правами человека и профессиональной этикой, а также закреплять обязательный практический компонент с обратной связью от работодателей и юридических клиник. Для студента ключевой навык – не скорость поиска нормы, а качество ее толкования и круг применения. Для преподавателя – умение ставить задачи, в которых нельзя обойтись заученным определением или искусственным интеллектом. Правовая культура выпускника проверяется после университета: в общении с доверителем, в суде, в государственном органе, в публичной дискуссии. Если на этом этапе сохраняются ясность позиции, отказ от манипуляции нормой и готовность нести ответственность за совет, юридическое образование выполнило свою конституционную задачу. В противном случае ценность, закрепленная в законе, остается нереализованной на уровне конкретной личности юриста.

Заключение. Именно поэтому совершенствование юридического образования следует рассматривать как элемент конституционной политики государства, а не только как внутривузовский методический вопрос. От качества правовой культуры новых поколений юристов зависит и доверие граждан к праву, и работоспособность институтов, созданных Конституцией Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года [с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – №53 (ч. 1). – Ст. 7598.
3. Российская Федерация. Законы. О высшем и послевузовском профессиональном образовании : Федеральный закон от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ : принят Государственной Думой 19 июля 1996 года : одобрен Советом Федерации 7 августа 1996 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 35, ст. 4135. – (утратил силу с 1 сентября 2013 г. в связи с принятием ФЗ № 273-ФЗ).

4. Российская Федерация. Законы. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ : принят Государственной Думой 22 апреля 2011 года : одобрен Советом Федерации 27 апреля 2011 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 19, ст. 2716.
5. Мордовец А. С. Правовая культура личности: понятие, структура, пути формирования / А. С. Мордовец // Правовая культура. – 2018. – № 2. – С. 12–21. – Текст : непосредственный (дата обращения: 25.09.2026).
6. Матузов Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 294 с.(дата обращения: 25.09.2026).
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция : утв. приказом Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011. – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 07.10.2026).
8. Лазарев В. В. Теория государства и права : учебник / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – Москва : Юрайт, 2021. – 521 с. – Текст : непосредственный.
9. Байниязова З. С. Правовая культура и правовое образование: современные подходы / З. С. Байниязова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 3. – С. 15–22. – Текст : непосредственный.
10. Певцова Е. А. Правовое образование в России: проблемы и перспективы / Е. А. Певцова // Журнал российского права. – 2019. – № 4. – С. 5–16. – Текст : непосредственный.

УДК 341.218

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Чубарова Е. А., Михайлов А. В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: alex2606_mchs@mail.ru

Введение. Современная практика признания государств выявляет отсутствие универсальной процедуры, связывающей признаки государственности, правомерность происхождения нового образования и юридическую оценку акта признания. Отсутствие единых критериев приводит к неодинаковой международно-правовой оценке сходных случаев образования новых государств и затрудняет разграничение правовых и политических оснований признания.

Цель исследования – выявить проблемы признания современных государств и определить пути их международно-правового разрешения.

Основная часть. В соответствии со ст. 1 Конвенции о правах и обязанностях государств от 26.12.1933, государство как субъект международного права должно обладать постоянным населением, определенной территорией, правительством и способностью вступать в отношения с другими государствами

[1]. Согласно ст. 3 указанной Конвенции, политическое существование государства не зависит от признания другими государствами [1].

Отсутствие унифицированного порядка проявляется и в соотношении признания с членством в международных организациях. Согласно п. 1 ст. 4 Устава Организации Объединенных Наций от 26.06.1945, членство открыто для миролюбивых государств, принимающих содержащиеся в Уставе обязательства, способных и желающих их выполнять [2]. Исходя из п. 2 ст. 4 указанного Устава, прием осуществляется Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций по рекомендации Совета Безопасности Организации Объединенных Наций [2]. Д.В. Исаченко считает, что стандарты государственности применяются к образованиям de facto непоследовательно, поскольку правовые аргументы взаимодействуют с распределением политического влияния [3, с. 27].

Разрешение указанной проблемы возможно посредством последовательной международно-правовой квалификации нового образования. На первом этапе устанавливаются постоянное население, определенная территория, независимая публичная власть и способность вступать в международные отношения. На втором этапе оценивается правомерность происхождения государственности с учетом запрета применения силы, самоопределения народов, территориальной целостности и обязанности непризнания ситуаций, возникших вследствие серьезного нарушения императивных норм международного права. На третьем этапе определяются субъект, форма и юридические последствия признания.

Другая проблема связана с соотношением самоопределения народов и территориальной целостности при односторонней сецессии вне деколонизационного процесса. Согласно п. 2 ст. 1 Устава Организации Объединенных Наций от 26.06.1945, развитие дружественных отношений между нациями основывается на уважении принципа равноправия и самоопределения народов [2], тогда как в соответствии с п. 4 ст. 2 государства обязаны воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности либо политической независимости любого государства [2]. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятая Резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 24.10.1970, допускает создание суверенного и независимого государства как форму самоопределения, но не предусматривает общего права на расчленение государств, отвечающих установленным Декларацией требованиям [4].

В Консультативном заключении Международного Суда Организации Объединенных Наций от 22.07.2010 «Соответствие международному праву одностороннего провозглашения независимости Косово» установлено отсутствие нарушения международного права самой декларацией

независимости, однако Суд не сформулировал общего права на сецессию и обязанности третьих государств предоставить признание [5]. Для правовой оценки одностороннего отделения целесообразно разграничивать наличие народа как носителя права на самоопределение, возможность осуществления внутреннего самоопределения в государстве-предшественнике, свободный характер волеизъявления населения, самостоятельность новой публичной власти, отсутствие запрещенного иностранного принуждения и соответствие обстоятельств образования нового субъекта императивным нормам международного права. Право на самоопределение не предрешает допустимость отделения и не порождает общей обязанности признания.

Правовая неопределенность возникает также при взаимодействии с непризнанными территориальными образованиями. Отношения в сфере гражданского состояния, здравоохранения, гуманитарной помощи, передвижения населения и противодействия трансграничной преступности требуют практических контактов с фактическими органами власти, хотя такие контакты не должны изменять международно-правовой статус территории. Н. Хаджигеоргиу показывает, что взаимодействие без признания может использоваться для исполнения международных обязательств и защиты потерпевших на территориях государств de facto [6, с. 5].

Для устранения неопределенности предлагается разработать под эгидой Комиссии международного права Организации Объединенных Наций руководящие принципы функционального взаимодействия с непризнанными территориальными образованиями. В них следует закрепить, что гуманитарное, санитарное, транспортно-техническое и правоохранительное сотрудничество, направленное на защиту населения либо исполнение международных обязательств, само по себе не образует признания государства, если официальный документ содержит оговорку о сохранении позиции относительно международно-правового статуса территории.

Заключение. Проведенный анализ позволяет предложить три направления совершенствования международно-правового регулирования: последовательную модель квалификации государственности с раздельной оценкой фактических признаков, правомерности происхождения и содержания акта признания; систему критериев оценки односторонней сецессии, разграничивающую самоопределение, допустимость внешней формы его реализации и последующее признание; руководящие принципы взаимодействия с непризнанными образованиями, отделяющие функциональные контакты от действий, свидетельствующих о признании государственности. Предлагаемые меры формируют более определенные юридические ориентиры для решений государств.

Список литературы

1. Конвенция о правах и обязанностях государств : подписана в Монтевидео 26.12.1933 // Собрание договоров Лиги Наций. – 1936. – Т. 165. – С. 19–43.

2. Устав Организации Объединенных Наций : подписан 26.06.1945. – Текст : электронный // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 23.08.2026).
3. Исаченко, Д. В. Двойные стандарты международного признания: право против силы? / Д. В. Исаченко // Международная аналитика. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 22–34.
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций : Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24.10.1970 // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать пятой сессии. – Нью-Йорк : ООН, 1971. – С. 121–124.
5. Соответствие международному праву одностороннего провозглашения независимости Косово : Консультативное заключение Международного Суда ООН от 22.07.2010 : документ A/64/881. – 47 с. – Текст : электронный. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/688916?ln=ru (дата обращения: 23.08.2026).
6. Хаджигеоргиу, Н. Практика взаимодействия без признания в международном праве: инструмент противодействия торговле людьми / Н. Хаджигеоргиу // Ежеквартальный журнал глобальных исследований. – 2024. – Т. 4, № 1. – С. 1–14.

УДК 340.11

ПОТЕНЦИАЛ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ИНСТРУМЕНТА МАТЕМАТИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Акулов Е. В., ORCID 0009-0004-3297-5619
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», г. Владимир, РФ
e-mail: e.v.akulov@yandex.ru

Введение. В современной юридической науке довольно активно развиваются междисциплинарные исследования. Соединение в рамках одной работы методов нескольких наук позволяет обогатить методологический аппарат исследования, получить качественно новые выводы и т.д.

В связи с данной тенденцией довольно актуальным представляется проведение исследований на стыке математики и права. Потенциал подобных исследований довольно высок, особенно учитывая продолжающуюся цифровизацию всех сторон жизни общества.

Цифровые технологии, которые активно внедряются в том числе и в правовую науку, тесно связаны с математикой. Это верно и для искусственного интеллекта. В рамках технологий искусственного интеллекта используется множество математических методов, таких как: линейная алгебра, теория вероятностей, математический анализ [1, с. 17-18], распознавание образов [2, с. 3] и т.п.

Следовательно, в связи с необходимостью формирования и обоснования теоретико-методологических основ математико-правовых исследований необходимо выявить ту роль, которую в рамках междисциплинарных исследований на стыке математики и права могут играть новейшие цифровые технологии, в том числе технологии искусственного интеллекта.

Цель исследования состоит в определении потенциала использования искусственного интеллекта в рамках математико-правового исследования.

Основная часть. Искусственный интеллект сегодня является одной из наиболее бурно развивающейся цифровых технологий. Он входит во все сферы человеческой жизни, в том числе активно включается и в сферу права [3, с. 245].

Действующее правовое регулирование связывает сущность технологий искусственного интеллекта с возможностью имитации когнитивных способностей человека и получения результатов, сходных с результатами человеческой деятельности [4].

Вполне очевидно, что к указанным когнитивным функциям человека относится и познание окружающей действительности. Значит искусственный интеллект должен иметь возможность познавать правовую реальность (или имитировать ее познание) и получать по итогам этого познания выводы, схожие с теми выводами, к которым мог бы прийти на его месте человек.

Конечно, вопрос об искусственном интеллекте как о самостоятельном субъекте правового познания является довольно спорным. На данный момент, вряд ли можно говорить о том, что искусственный интеллект сам может проводить комплексные исследования правовой действительности, сам ставить перед собой исследовательскую задачу и выявлять глубинные закономерности государственно-правовых явлений.

Однако применение искусственного интеллекта в познании будет только увеличиваться. Было бы недальновидным пренебрегать данной технологией при познании юридической действительности. Но пока она будет носить только вспомогательный характер для исследователя (конечно же, при условии его добросовестного отношения к своей деятельности).

Вышеуказанное и обуславливает наличие высокого потенциала использования искусственного интеллекта в рамках математико-правового исследования. Под руководством человека-исследователя искусственный интеллект может быть допущен к познанию правовой реальности в ее количественном, т.е. математическом выражении, ведь именно в данном случае в меньшей степени необходимо реальное человеческое участие и в большей степени могут проявиться плюсы «технического» интеллекта, например, возможность анализировать большие объемы данных и проводить сложные математические расчеты.

Так, например данную технологию можно применять для статистического анализа законодательства и правоприменительной практики. Известна значительная обширность правового материала, который необходимо анализировать для того, чтобы выявить закономерности правового регулирования. Как указал Председатель Государственной Думы Российской Федерации В. В. Володин, только за 2025 г. было принято 588 федеральных законов [5]. Ещё больше существует подзаконных актов, местных правовых актов, правоприменительных решений.

Возьмем для примера акты, принятые органами местного самоуправления. По данным Министерства юстиции Российской Федерации в федеральный регистр муниципальных нормативных правовых актов включено почти 14 537 000 муниципальных актов, из которых более 9 668 000 действующие [6].

Человек не обладает способностью воспринять и осознать весь этот объем данных несмотря на то, что именно на нём может базироваться комплексный анализ правовой реальности. К примеру, ученый может задаться целью выявить общие закономерности регулирования какого-либо вопроса в актах различных муниципалитетов. Но, мы показали, что общий объем

муниципальных актов слишком большой для восприятия человеком. В таком случае, возможно обратиться к помощи цифровых технологий для познания правовой действительности в данной сфере, в т.ч. к технологиям искусственного интеллекта.

Заключение. По итогам рассмотрения вопроса о возможном потенциале применения технологий искусственного интеллекта при производстве исследований на стыке математики и права, можно прийти к выводу о наличии значительного потенциала применения искусственного интеллекта в качестве вспомогательного инструмента при проведении математико-правового исследования, что обусловлено меньшей степенью необходимого участия человека-исследования при изучении права в его количественном (математическом) выражении. Данный вывод был проиллюстрирован конкретным примером, связанном со статистической обработкой и анализом больших массивов правовых актов.

Список литературы

1. Математика и искусственный интеллект / Б. Сапаргелдиев [и др.] // Международный научный журнал «Символ науки». – 2025. – № 3-1-1. – С. 17-18. – EDN: XQHBPW.
2. Мазуров, В. Д. Математические методы распознавания образов. Уч. пособ. / В. Д. Мазуров. – 2-е изд., доп. и перераб. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2010. – 101 с.
3. Соколова, А. А. Вызовы искусственного интеллекта в юриспруденции: междисциплинарная модель познания / А. А. Соколова // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 245-249. – EDN: KLRHQB.
4. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 30. – ст. 4089.
5. Володин назвал число принятых в 2025 году федеральных законов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20251223/gosduma-2064043095.html. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения: 08.10.2026).
6. Обзор практики ведения федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов за первое полугодие 2026 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.minjust.ru/obzor-praktiki-vedeniya-federalnogo-registra-municipalnykh-normativnykh-pravovykh-aktov-za-pervoe-2. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения: 08.10.2026).

УДК 342.413

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Железняк В. Ю., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-3412-6360
Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Донецк, РФ
e-mail: Zheleznyak_valeriya2017@mail.ru

Введение. Начало работы над созданием концептуальных основ обеспечения национальной безопасности Российской Федерации общепринято связывать с принятием 5 марта 1992 г. Закона РФ № 2446-I «О безопасности». По мере развития российского законодательства, регулирующего отношения в этой сфере, заложенные в 1991 г. основы неоднократно претерпевали изменения, обусловленные необходимостью адаптации к воздействиям как экзогенной, так и эндогенной среды. Одним из знаковых событий в этом процессе вполне обоснованно может считаться принятие в 2009 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [1]. Работа по совершенствованию нормативно-правовой базы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на этом не завершилась, и нашла свое отражение в утверждении новых редакций Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (в 2015 г. [2] и в 2021 г. [3]). Методология стратегического планирования в рассматриваемой области и по настоящее время активно развивается ввиду масштабных трансформационных процессов глобального уровня. В этих условиях разработка адаптивных механизмов, нацеленных на нейтрализацию актуальных угроз национальной безопасности Российской Федерации, равно как и обеспечение готовности к вызовам современности, становится одной из первоочередных задач. При этом накопленная к настоящему времени теоретическая и практическая база приобретает немаловажное значение в ее решении.

Цель исследования состоит в сравнительно-правовом анализе нормативной базы в области национальной безопасности, результаты которого позволят определить приоритетные направления совершенствования нормативно-правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой области.

Основная часть. Сравнительно-правовой анализ редакций Стратегий 2009 г., 2015 г. и 2021 г. выявил высокую степень концептуальной и содержательности близости подходов в первых двух документах. В свою очередь, Стратегия 2021 г. значительно отличается от предыдущих версий: содержит ряд принципиально новых формулировок в части понятийного аппарата и ключевых стратегических ориентиров. Так, в отличие от Стратегий 2009 г. и 2015 г., где национальная безопасность определялась через

защищенность субъектов (личность, общество, государство), в редакции 2021 г. акцент смещен на национальные интересы Российской Федерации. Хотя это понятие фигурировало во всех трех редакциях, только в 2021 г. оно заняло центральное место в раскрытии сущности национальной безопасности, что сфокусировало внимание на аксиологической составляющей ее содержания. Примечательно, что формулировка национальных интересов в 2015 г., тем не менее, ближе к версии 2021 г., чем к редакции 2009 г., и демонстрирует переход от концепции, базирующейся на потребностях государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства (редакция 2009 г.) к формулировке, акцентирующей внимание на значимых потребностях личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии (2015 г. и 2021 г.). Так что, несмотря на значительную конвергенцию Стратегий 2009 и 2015 гг., некоторые принципиальные отличия в них тоже имеют место.

Что касается стратегических национальных приоритетов, то если практически неизменными остались приоритеты в сферах обороны, государственной и общественной безопасности, а в международной повестке концепция равноправного стратегического партнерства (2009 г., 2015 г.) была замещена принципом взаимовыгодного международного сотрудничества (2021 г.), то остальные в последней редакции претерпели значительные изменения: культурная повестка трансформировалась в более широкую категорию защиты традиционных духовно-нравственных ценностей и исторической памяти; научно-технологический блок был дополнен информационной безопасностью; вместо относительно узких задач по повышению качества жизни, развитию здравоохранения и образования в новой редакции введена интегральная установка на сбережение народа и развитие человеческого потенциала; «экология живых систем» уступила место «экологической безопасности»; «экономический рост» заменили на «экономическую безопасность».

Определение национальной безопасности посредством лексемы «состояние» предполагает обязательное наличие показателей (параметров) для его оценки как в статическом, так и в динамическом аспектах. И здесь опять же просматривается схожесть первых двух редакций, т.к. каждая из них содержит перечень основных характеристик национальной безопасности с указанием на возможность его расширения по результатам проведенного мониторинга. При этом в 2015 г. система мониторинга претерпела некоторые изменения в сравнении с предыдущей редакцией. Так, по результатам сравнительного анализа перечней 2009 г. и 2015 г. представляется возможным выделить четыре группы индикаторов: представленные в обеих редакциях без изменений (стабильные); представленные в обеих редакциях, но с некоторыми модификациями (модифицированные); представленные исключительно в редакции 2015 г. (новые) или исключительно в редакции 2009 г. (исключенные) (табл. 1)

Таблица 1

Индикаторы оценки состояния национальной безопасности

Группа	Перечень
Стабильные	уровень безработицы; децильный коэффициент
Модифицированные	«уровень инфляции» (вместо «рост потребительских цен»); «доля современных образцов вооружения, военной и специальной техники в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах» (вместо «уровень вооружения, военной и специальной техники»).
Новые	удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств; ожидаемая продолжительность жизни; ВВП на душу населения; доля расходов в ВВП на развитие науки, технологий и образования; доля расходов в ВВП на культуру; доля территории Российской Федерации, не соответствующая экологическим нормативам.
Исключенные	уровень обеспеченности военными и инженерно-техническими кадрами; ресурсами здравоохранения, культуры, образования и науки в процентном отношении от ВВП, уровень государственного внешнего и внутреннего долга в процентном отношении от ВВП.

В редакции же 2021 г. фиксированный перечень таких показателей отсутствует. Вместо этого предусмотрена правовая норма, закрепляющая полномочия по его формированию за Президентом Российской Федерации, а также обязующая включение сведений по их определению в ежегодный доклад Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Президенту Российской Федерации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению. Данное нововведение обеспечивает возможность более оперативной корректировки перечня индикаторов в зависимости от решаемых задач в случае возникновения такой необходимости.

Заключение. В целом полученные выводы не обладают научной новизной и в той или иной степени отражаются и другими исследователями проблем национальной безопасности, но позволяют конкретизировать ключевые векторы развития законодательного регулирования общественных отношений в этой сфере.

Список литературы

1. Российская Федерация. Указы. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
2. Российская Федерация. Указы. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 31.12.2015 г. № 683 (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.
3. Российская Федерация. Указы. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. – Москва: Проспект, 2021.

УДК 340.131.4

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ЗАКОННОСТЬ»

Иванова Я. С., ORCID 0009-0001-0489-6313
Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
e-mail: Yana1vanova@mail.ru

Введение. При формировании структур цивилизованного общества огромное значение приобретает укрепление правовой основы функционирования государства как социально-политического образования, неукоснительное соблюдение во всех сферах деятельности общества принципов законности и правопорядка.

Вопросы законности глубоко прорабатывались в советской и продолжают активно исследоваться в современной российской юридической науке. Тем не менее, на сегодняшний день в научном сообществе так и не сложилось единого подхода к определению этого понятия. Рассмотрение обеспечения законности в деятельности органов внутренних дел не возможно без всестороннего анализа самого понятия «законность».

Цель исследования – теоретико-правовое осмысление феномена законности для создания целостной концепции, применимой в том числе к практической деятельности государственных институтов.

Основная часть. В научной литературе справедливо обозначается то, что все обозначенные дефиниции отображают реальные, но разные стороны этого многогранного социального явления и не противоречат один другому. Поэтому природной является идея о разработке комплексного понятия законности, что отображает все ее основные черты и особенности.

Впервые к объяснению сущности понятия законности пришел французский просветитель Ш.Монтескье. Он считал, что действительная свобода состоит в упорядочивании всех лишь власти закона. Свобода это право совершать все, что разрешено законами; если бы гражданин мог делать это, то этими законами запрещается, то у него бы не было бы свободы. Основным способом обеспечения законности Ш.Монтескье считал распределение взаимно сдерживающих одна другую власть: законодательную, исполнительную и судебную [1, С. 271-274].

Российский исследователь М.Коркунов утверждал, что в новых исторических условиях, с развитием государственной жизни усложнились функции государственного управления и поэтому не следует связывать обеспечение свободы и законности лишь с распределением трех функций: законодательной, исполнительной деятельности и правосудия. Обязательной, с его точки зрения, является также система сдерживания одной власти другой для того, чтобы не допускать злоупотребления. Для этого необходимо

применять следующие способы: распределение отдельных функций между разными органами; совместное осуществление одной и той же функции несколькими органами; осуществление разных функций одни органом, но в разной последовательности. Причиной нарушения законности М. Коркунов считал в недостаточной правовой и исполнительной культуре; организационных недостатках в создании аппарата и методах его деятельности; недостаточному уровне контроля, в том числе общественного; нерешительности в принятии решений [2, с. 210-216].

В конце 40-х годов XX столетия А. Е. Лунев, С. С. Студеникин, Ц. А. Ямпольская, исследуя вопросы законности, сделали вывод о том, что уважение к закону должно быть неотъемлемой частью моральных качеств человека. С другой стороны, обозначали они, законность характеризуется тем, что она гарантирует неприкосновенность права и охраняемых законом интересов граждан, причем должна быть не фиксация формальных прав граждан, а гарантия этих прав и средств их осуществления. Также отмечалось, что под термином законность имеется ввиду и результат законодательной деятельности государства; и принцип деятельности государства, и законодательный процесс. В связи с этим одни нормы определяют построение органов, которые специальную работу по обеспечению законности, другие – методы, с помощью которых выявляются нарушения закона, третьи – обеспечивают и гарантируют соблюдение прав и свобод граждан [3, с. 22].

В середине 50 –х годов прошлого столетия В. А. Власов дал определение законности как безусловного и точного соблюдение государственными органами, должностными лицами гражданами положений Конституции, законов и других нормативных правовых актов. Соблюдение законности в государственном управлении, по его мнению, обеспечивается: осуществлением контроля и проверкой исполнения; надзором прокуратуры; деятельностью судебных органов; общественным контролем и обжалованием незаконных действий учреждений и должностных лиц [4, с. 58].

Современная российская наука вносит свой вклад в исследование проблемы законности и способов ее обеспечения. Российские ученные определяют законность как конституционный принцип, суть которого состоит в обеспечении одинакового понимания и применения правовых норм всеми субъектами правоотношений. Соответственно, с одной стороны, законность – это качественная характеристика всей системы правоотношений, отражающая общественную оценку права. С другой – это основополагающая идея правовой теории и важный аспект юридических дискуссий. Кроме того, законность имеет статус конституционного принципа государственного управления, закрепленного в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ.

Если обратиться к более детальному рассмотрению понятия «законность», то следует учитывать взгляды на этот вопрос отдельных авторов. Так, юридическая энциклопедия определяет законность как правовой режим в государстве, при котором деятельность государственных органов,

юридических и физических лиц осуществляется в соответствии с требованиями закона. Соблюдению законности способствуют три ключевых фактора: во-первых, развитая правовая система, выражающая интересы большинства и гарантирующая равноправие и защиту прав человека; во-вторых, высокий уровень правовой культуры и уважительное отношение к участникам правоотношений; в-третьих, эффективные государственные институты, обеспечивающие внедрение и восстановление законности.

Заключение. Можно констатировать, что основополагающими принципами законности являются: неукоснительное исполнение правовых норм всеми без исключения лицами и структурами; единство правового регулирования, обеспечивающее идентичное понимание и применение законов в масштабах всей страны; а также недопустимость принесения законности в жертву практической целесообразности

Таким образом, рассмотрев понятие законности, можно определить, что один из ключевых инструментов реализации государственных задач и функций – это установление и поддержание режима законности, который представляет собой сложный политико-правовой механизм, объединяющий различные аспекты деятельности государственных институтов, и призван обеспечивать нормальное функционирование общества и его структур.

Список литературы

1. Монтескье Ш. О духе законов. – М.: Мысль, 1968. – 672с. – С.271-274 электронный рессурс URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O dukhe.pdf
2. Коркунов Н.М. Указ и закон. Исследование. СПб.: 1894. – 349 с. _ С.210-216. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/korkunov_nm_ukaz_i_zakon/?ysclid=mul8efnli2725958345
3. Лунев А.Е. Социалистическая законность в советском государственном управлении / Ин-т права Акад. наук СССР. – Москва : Юрид. изд-во, 1948. – 136 с.
4. Власов В.А. Социалистическая законность. М., 1948; 1993. – 106 с.

УДК 340.114.5

ОБЫЧАЙ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ИСТОЧНИКОВ РАННЕГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА

Колундаев М. В., ORCID0009-0002-2842-6524
Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
e-mail: kolundaev94@mail.ru

Введение. Формирование правовой системы на территории Древней Руси не происходило одномоментно, она формировалась на протяжении

длительного времени, изменяясь и дополняясь. На первых этапах становления русской государственности правовой обычай был единственной нормой, регулирующей общественные отношения, «обычай был правилом поведения каждого индивида в обществе во времена догосударственного периода»[2, с. 45]. С появлением первых письменных источников, например, «Русской Правды», обычное право не утратило свою важную роль в урегулировании жизни древнерусского общества, а лишь небольшая часть общественных отношений стала регулироваться писаным законом, большая же часть так же регулировалась обычным правом. Согласно Рыбакову В. А. «исторически у каждого народа право складывается само собой, как устоявшийся порядок отношений между людьми, непосредственно обусловленный осознанной необходимостью соблюдать всеобщие правила (обычаи)» [4, с. 13].

Основная часть. Правовой обычай в значительной мере выступал в роли механизма поддержания правопорядка, сохранения собственности и, что наиболее важно в тот период, определения прав на владение и использование земли. В традиционном обществе земля являлась ключевым ресурсом, от которого зависело хозяйственное благополучие и выживание общины, поэтому именно обычай устанавливал правила пользования землей, ее распределения, передачи и защиты от незаконного присвоения.

Нормы, регулирующие общественные отношения, передавались в устной форме из поколения в поколение. Они определяли допустимые пределы поведения, оговаривали недопустимое поведение и регулировали социальное поведения людей в общинах. «Первоначально право складывалось как совокупность новых обычаев, к соблюдению которых обязывали зарождающиеся государственные органы, и прежде всего суды» [5, с. 176]. Можно говорить, что обычное право формировало то, что в дальнейшем стало правовой культурой общества, формируя представления о долге, общественной ответственности, наказаниях и дозволенных формах социального поведения. Правовой обычай начал приобретать роль важнейшего инструмента социального контроля и способствовал устойчивому развитию общин как объединений группы людей. Правовой обычай был эффективным механизмом предупреждения конфликтов и мог разрешить споры без привлечения третьей стороны.

Под правовым обычаем нужно понимать исторически сложившееся правило поведения, которое в силу многократного повторения, общего признания и исполнения решений, принятых согласно ему членами общества, приобретает общеобязательный характер. Правовой обычай возникает не как результат конкретной ситуации и принятия решения по ней, а как итог закрепления, легализации и длительного развития общественной практики. Обычное право, приобретая юридическую силу, получает закрепление в сознании людей как привычка и должное поведение. В этот момент он перестает быть лишь традицией или обычаем, а становится источником права, который эффективно регулирует общественные отношения.

Правовой обычай регулировал отношения семейные, имущественные, уголовные и вплоть до соседских взаимоотношений, учитывая специфику тех или иных регионов Руси. Особое значение обычное право имело в регулировании семейно-брачных отношений. Правовой обычай определял порядок заключения брака, распределение ролей внутри семьи, правила наследования, а также обязанности родственников по отношению друг к другу. Благодаря ему происходило распределение обязанностей между членами семьи, определялось положение супругов, родителей и детей, а также общие требования к поведению в рамках семейного коллектива или внутри рода. Обычай считался обязательным и имел силу закона благодаря его признанию и соблюдению коллективом и санкциям со стороны общины.

Через обычное право находил свое выражение социально-экономический и культурно-этнографический строй общества, поскольку на его формирование влияли быт, образ жизни, организация общины, традиции, обычаи, методы добычи и распределения ресурсов, климатические условия и многие другие обстоятельства. «Обычаи являлись правом общества, которое переживает эпоху распада первобытнообщинного строя и образования классов и сословий» [1, с. 43].

Все это означает, что, рассматривая правовые обычаи, необходимо понимать, что они неотделимы от исторического контекста эпохи, в которой эти нормы формировались. Можно утверждать, что обычное право реально отражало потребности общества и его исторический опыт. Оно постепенно вырабатывало устойчивые правила поведения, которые позволяли упорядочивать отношения между людьми задолго до появления развитого государственного аппарата. По этой причине, говоря об их несправедливости, чрезмерной жестокости или негуманности в сравнении с современными правовыми нормами, необходимо понимать общественное восприятие норм права людьми той эпохи. Можно предположить, что право будущего будет разительно отличаться от привычных нам норм, но все же базироваться на них. Как когда-то обычное право стало основанием для развития письменных источников, таких как: «Русская правда», Судебник 1497, Соборное уложение1649 и т.д.

Заключение. Учитывая характер формирования норм правового обычая, можно утверждать, что они с момента своего появления обладали достаточно высоким уровнем легитимности. Ведь они воспринимались населением как нормы, сформированные в обществе и вышедшие из него, а не как что-то навязанное извне и «спущенное сверху», то есть в тот момент сформированное князем вопреки воле людей, «в первый период деятельность князей опиралась на существующее обычное право, причем применяемое само по себе без особого волеизъявления властей древнерусского государства» [3, с. 15]. В общественных отношениях того времени обычное право обеспечивало предсказуемость решений и согласование интересов различных групп общества, что помогало упорядочиванию социальных отношений на территории Киевской Руси.

Говоря о современной российской правовой системе, нужно отметить, что она до сих пор содержит элементы обычного права, несмотря на практически полное доминирование писаного закона для урегулирования общественных отношений. Обычное право сейчас регулирует отношения в гражданском и семейном праве, где оно восполняет пробелы в праве, а также способствует более гибкому урегулированию ситуаций, возникающих между субъектами права.

В этом смысле обычное право не противопоставляется современному праву полностью, а скорее интегрируется в него как дополнительный источник регулирования, особенно там, где формальных предписаний оказывается недостаточно. В качестве примера, можно говорить о наличии института «добросовестности», имеющего корни в обычном праве, который сейчас в современном виде стал важной составляющей Гражданского кодекса и правоприменительной практики. Можно утверждать, что обычное право не прошло бесследно для правовой системы, оно создало тот базис, который в дальнейшем способствовал формированию современной правовой системы.

Список литературы

1. Елецкий И. Ю. Правовой обычай как исторически устойчивый источник права / И. Ю. Елецкий // Интеграция наук. – 2018. – № 5(20). – С. 43-44. – EDN YYKNHN.
2. Ерегян А. Р. Традиционное право в условиях самоуправления Киевской Руси / А. Р. Ерегян // Общество и право. – 2014. – № 1(47). – С. 45-49. – EDN SAHKLN.
3. Малова О. В. Формы и способы санкционирования обычаев в истории русского государства / О. В. Малова // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 2(57). – С. 15-19. – EDN OYOGYH.
5. Рыбаков В. А. Правовой обычай как исторически устойчивый источник права / В. А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2007. – № 3(12). – С. 13-19. – EDN MBVVNV.
6. Черных В. В. Правовые обычаи Древней Руси как источник права / В. В. Черных, Г. А. Цыкунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 4(83). – С. 175-182. – EDN YLQBBT.

УДК 342.22(437)"155/156":341.655-042.4

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ КАК СПОСОБ ВЛИЯНИЯ НА ИЗМЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 50–60 ГОДЫ XX ВЕКА)

Лещенко И. И., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0007-3794-141X,
Свиридова К. Е., ORCID 0009-0007-8157-0353
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: ira_leshenko@mail.ru, k.sviridova.donnu.jur@mail.ru

Введение. Чехословакия в 50-60 годы прошлого века испытала на себе все способы влияния для внешнеполитической и экономической переориентации на Запад. После февральских событий 1948 года администрация президента Г. Трумэна сменила политику «помощи» и займов, которой Вашингтон пытался опутать Чехословакию в 1945-1946 годы, экономической блокадой, отказывая в предоставлении любой экономической помощи, контролируя американский экспорт в Чехословакию, отказывая в оформлении консульских счетов для чехословацкого экспорта в США, а также введении эмбарго.

Цель. Показать на примере Чехословакии применение экономических санкций как универсального способа влияния на изменение государственного устройства не только в краткосрочный период, но и в стратегической перспективе.

Основная часть. Уже 26 февраля 1948 года в секретной телеграмме госсекретарю Дж. Маршаллу посол Л. Штейнгардт рекомендовал «приостановить американский экспорт в Чехословакию» и достичь «хаоса в экономике и финансах», несмотря на то, что за предыдущие два года примерно 80 % внешней торговли Чехословакии было связано с Западом [1, p. 733]. До февральских событий в стране было национализировано только 62 % промышленности. Вся крупная торговля (70% импорта и 38 % экспорта) была в руках частных фирм [2, с. 22]. Насчитывалось 9 тыс. владельцев фабрик и заводов и 6 тыс. 500 крупных торговцев.

В расчёты Вашингтона входила задача санкциями затормозить экономическое развитие Чехословакии. Делегация Международного банка реконструкции и развития (МБРР) должна была 25 февраля 1948 года отправиться из Вашингтона в Прагу для изучения вопроса о просьбе чехословацкого правительства о займе в 350 млн. долл., однако «чрезвычайные обстоятельства» помешали этому [3, s. 112]. МБРР, находившийся под контролем американского капитала, отказался предоставить заём для развития чехословацкой экономики. Правительство США также прервало переговоры, проходившие по его инициативе, о заключении договора о дружбе, торговле и судоходстве с чехословацким правительством. Великобритания поддержала действия Вашингтона, и 26 февраля министр иностранных дел Бевин сообщил

послу ЧСР в Лондоне о прекращении англо-чехословацких переговоров о заключении торгового соглашения. Поддержкой ряда западных государств данной политики в отношении Чехословакии Соединённые Штаты намеревались изолировать ЧСР от западных стран. Страны-участницы плана Маршалла должны были, согласно этому плану, отказываться от экспорта в социалистические страны почти всех видов товаров, расценивая их как стратегические. 27 февраля Маршалл отказал ЧСР в новом займе для закупки хлопка. Американский конгресс 1 марта санкционировал прекращение экспорта в социалистические страны. На Чехословакию, единственную социалистическую страну – участницу Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ), эти санкции не должны были распространяться. ГАТТ было подписано в Женеве 30 октября 1947 года 23 странами, в том числе и Чехословакией. Однако, основные принципы торговых взаимоотношений США и Чехословакии, зафиксированные Генеральным соглашением, использовались Вашингтоном в своих интересах. Посол в Чехословакию Штейнгардт конфиденциально информировал госсекретаря о необходимости, *во-первых*, приостановить одобрение госдепартаментом чехословацкого проекта о получении оборудования для металлургической промышленности на 25 млн. дол. от двух американских фирм. По этому контракту Чехословакия уплатила США 4,5 млн. долл. По заявлению посла, чехословацкие закупки оборудования для доменных печей у фирмы Линза на 3 млн долл. не должны быть одобрены по «политическим соображениям». Эти деньги должны быть конфискованы для «удовлетворения американских претензий». *Во-вторых*, задерживалось одобрение проектов, по которым были уже заключены контракты, а именно: для автомобильной промышленности на сумму 25 млн. долл., для строительства кислородного конвертора стоимостью 1 млн. долл., для оборудования в текстильной промышленности на 5 млн. дол. [1, p. 733].

Чтобы лишить Чехословакию режима наибольшего благоприятствования в торговле, Соединённые Штаты использовали в качестве предлога проблему возврата чехословацкого золота, что было явным нарушением норм международного права. По решениям Парижской мирной конференции 1946 года всё похищенное гитлеровцами золото должно было быть возвращено странам-владельцам. США наряду с Великобританией и Францией являлись членами Трёхсторонней комиссии, созданной с целью осуществления этих решений. Они передали Чехословакии к началу 1948 года примерно шесть тонн золота в слитках и старинных монетах из 24,5 тонн, прекратив после февральских событий 1948 года возврат остальной части. Соединённые Штаты обосновывали это необходимостью возмещения финансовых претензий американских граждан и фирм в отношении национализированного имущества. В 1949 и 1950 годы Вашингтон направлял свою политику на фактическую блокаду чехословацкой экономики, основываясь на «Законе о контроле над экспортом», подчиняя её целям создания международной «системы стратегического контроля».

«Закон об усилении национальной обороны», принятый конгрессом 2 июля 1949 года, запрещал вывоз из США не только оружия или оборудования для производства вооружения, но и любого товара. 28 февраля 1948 года он был продлён сроком действия и получил название «Закон о контроле над экспортом».

Соединенные Штаты продолжали дискриминационную политику в отношении Чехословакии посредством «системы ограничений», которая обусловливала незначительный объём торгового оборота. До 1960 года существовал запрет на вывоз большинства американских товаров в Чехословакию, из-за которого американский импорт, будучи небольшим по объему, превосходил экспорт в несколько раз.

Через межведомственный комитет торговых договоров вашингтонское правительство предприняло ряд мер, направленных на прекращение обязательств между США и Чехословакией в рамках ГАТТ. 31 июля госдепартамент потребовал включить параграф об «окончании обязательств между США и Чехословакией» в повестку дня шестой сессии ГАТТ, которая должна была начаться 17 сентября 1951 года в Женеве. 27 сентября участники Генерального соглашения 24 голосами против 1 проголосовали за американскую резолюцию об отмене всех таможенных преференций для Чехословакии. Со 2 октября департамент государственного казначейства приостановил все расчёты с Чехословакией ввиду «чрезвычайных обстоятельств». В ответ 25 октября правительство ЧСР заявило об увеличении тарифов на все американские товары с 1 ноября 1951 года [5, p. 1416]. Таким образом, торговые связи в рамках ГАТТ были аннулированы.

Международный Банк объявил 15 января 1955 года об исключении Чехословакии, единственного члена банка от социалистических стран, из-за неуплаты взноса и недостаточное обеспечение экономической информацией.

Стремясь придать экономической войне против восточноевропейских стран международный характер, Соединённые Штаты к подобной политике принуждали других участников организации «стратегического контроля», в которую входили с 1953 года 15 государств. По требованию США, этим странам запрещался реэкспорт товаров из США в Восточную Европу.

Заключение. Таким образом, экономическая блокада выражалась, *во-первых*, в отказе от предоставления какой-либо помощи экономического характера, *во-вторых*, в контроле над американским экспортом в Чехословакию, *в-третьих*, в отказе от оформления консульских счетов для чехословацкого экспорта в США, *в-четвертых*, в запрещении чехословацких полётов в торговых целях над американской зоной оккупации в Западной Германии [4, p. 397].

Совершенно очевидно, что Соединённые Штаты пытались экономическими санкциями изменить положение страны в нарушении международных принципов ГАТТ, однако это лишь ускорило процесс переориентации Чехословакии на социалистические государства в ближайшей перспективе, но повлияло на стратегические цели.

Политика экономической войны с помощью «стратегического контроля» преследовала цели, *во-первых*, ослабить экономический потенциал Чехословакии посредством ее изоляции, *во-вторых*, придать экономической войне международный характер с привлечением других капиталистических стран. Но по мере укрепления экономического положения в конце 50-х гг. западноевропейские страны вышли из-под контроля США и расширили экономические связи со странами Восточной Европы. Это был один из факторов кризиса международной системы «стратегического контроля».

Список литературы

1. Foreign Relations of the United States, 1948. Eastern Europe. – Washington: Gov. Print. Off, 1974. – Vol. 4
2. Селезнев Л.И. Международные экономические отношения Чехословакии. – М.: Изд-во Института международных отношений, 1962. – 128 с.
3. Šedivý J. Februar 1948 a mierove spoluzitie. – Bratislava: Vdavatel'stvo politickej literatur, 1963. – 236 p.
4. Foreign Relations of the United States. 1949. Eastern Europe. – Washington: Gov. Print. Off., 1976. – Vol. 5.
5. Foreign Relations of the United States, 1951. Eastern Europe. – Washington: Gov. Print. Off., 1985. – Vol. 4.

УДК 342.9.

КООРДИНАЦИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Максуров А. А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0002-5781-6524
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»,
г. Ярославль, РФ
e-mail: alex.maks.yarosl@gmail.com

Введение. Происходящая в настоящее время «информационная» и «инновационная» промышленная революция, безусловно, нуждается в правовом регулировании общественных отношений, опосредующих действия и операции ее субъектов.

Такое регулирование сегодня не всегда можно признать согласованным, поскольку оно осуществляется на различных уровнях, в обособленных отраслях социально-экономической жизни, исходя из принятых в государстве стратегий, концепций и программ реализации вопросов правового регулирования в конкретных сегментах общественной жизни. Отличаются средства и способы, цели и задачи, методы и формы правовой регуляции.

Отмеченный недостаток негативно сказывается на эффективности правового воздействия, которое объективно нуждается в упорядочении.

Положительное решение вопроса возможно с помощью инструментария юридической координации.

Координация предполагает установление наиболее целесообразного соотношения в нормативном регулировании и в практике применения норм права. Она используется как инструмент в тех случаях, когда основанные на законе субординационные полномочия отсутствуют и субъекты формально равны и автономны.

Благодаря координации может быть достигнут синергетический эффект от деятельности в рассматриваемой области субъектов публичного и частного права, что благотворно скажется на правовом регулировании данной сферы общественных отношений.

Цель исследования – анализ потенциальных возможностей применения координационного регулирования как способа повышения эффективности деятельности субъектов публичного и частного права в связи с современными инновационными изменениями в промышленной области.

Основная часть. Координация не является универсальным методом правового регулирования. Однако, представляется, что положительные результаты координационного регулирования в рассматриваемой области могут быть в следующих аспектах.

Прежде всего, необходимо осуществлять последовательное согласование в условиях правотворческого процесса интересов субъектов публичного и частного права, которые различаются по целям, задачам и способам достижения целей [3].

Такое согласование, в случае предоставления субъектам частного права некоторых преференций и привилегий как способов поощрения в связи с правомерным, одобряемым государством и обществом, поведением может быть представлено на уровне Указов Президента РФ и Постановлений Правительства РФ. в отдельных ситуациях – даже на уровне нормативных актов органов исполнительной власти. Однако, если речь идет о возложении на субъектов частного права некоторых дополнительных обязанностей в регулируемой сфере, то подобное регулирование возможно осуществить только на уровне закона.

Очевидно также, что такое согласование должно быть осуществлено на основе предварительно разработанных принципов координации интересов участников соответствующих отношений, и выражаться в согласованных правовых актах [2], как нормативного, так и ненормативного характера, в зависимости от того, идет ли речь о правотворчестве (включая сложные формы систематизации законодательства) или же о применении права (включая его толкование), в том числе, в рамках контрольно-надзорной деятельности.

Необходима координация норм публичного и частного права в вопросах, затрагивающих интересы значительной части населения – двигателей и «потребителей» современной промышленной революции, например, в части исполнения актов юрисдикционных органов об ограничении доступа к

интернет-ресурсам, когда это обусловлено государственной необходимостью и призвано решать общественные задачи [1], тем более что сегодня интернет-экономика уже превалирует над «реальным сектором» не только по показателям валовой прибыли, капитализации, но и по количеству занятых [5].

Очевидно, что нормы частного права нуждаются в согласовании с требованиями рынка и не могут быть эффективными при отсутствии такого согласования [8]. К сожалению, сегодня согласованным образом почти не урегулированы сферы экономики, лежащие вне рамок непосредственно производственной сферы и торговли, например, в части маркетинга [4].

Значительная роль должна быть отведена юридическому толкованию, которое призвано вносить определенность и предсказуемость в гражданский оборот, например, верно ориентируя субъектов права, в каких ситуациях невозвращение кредита может рассматриваться как наступление предпринимательского риска, а когда оно уже будет обусловлено уголовно-наказуемым деянием [1]. Нужна определенность в подобных вопросах.

Наконец, крайне важно надлежащее урегулирование вопросов рассмотрения инновационных споров.

Сегодня их все чаще рассматривают специализированные судебные органы (суд по делам о защите интеллектуальной собственности, коммерческие арбитражи и проч.), однако назрела необходимость применения альтернативного порядка разрешения таких споров [7], например, путем медиации [6].

Решение такого важного вопроса юридической конфликтологии позволило бы повысить эффективность правовой политики в рассматриваемой области.

Заключение. Таким образом, инструмент юридической координации может быть эффективно использован для согласования действий и операция субъектов публичного и частного права, в той или иной степени влияющих на процессы современной промышленной революции, что обеспечит позитивный результат. Его использование возможно в сфере нормативно-правового регулирования, предполагающего согласование публично-правовых и частноправовых интересов, в рамках юридического толкования, при осуществлении контрольно-надзорной деятельности, в области применения права, включая практику разрешения юридических конфликтов и споров.

Список литературы

1. Власов, А. Александрович. Гражданское исполнительное право : Учеб. / [Власов А. А., д.ю.н., проф., Максуров А. А., к.ю.н.]; под ред. д.ю.н., проф. А. А. Власова; Верхов. суд Рос. Федерации и др. – Москва : Экзамен, 2004. – 350 с. – ISBN 5-94692-506-7 : 3000
2. Кивленок, Т. В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности / Т. В. Кивленок // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. – Владимир: ВГПУ, 2002, Вып. 3. – С.54-58.
3. Макаров, И. И. Координация в праве / И. И. Макаров. – Ярославль: ЯФ МФЮА. 2012. – 314 с.

4. Максуров, А. А. Общее понятие о правовом маркетинге / А. А. Максуров // Реклама и право. 2014. № 1. С.20-31.
5. Максуров, А. А. Предмет правового регулирования интернет-права / А. А. Максуров // Правовые вопросы связи. 2010. № 1. С.28-30.
7. Таланова, М. В. Политическая функция медиативной юридической практики / М. В. Таланова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 1. – С.23-32.
8. Таланова, М. В. Цели и результаты медиативной юридической деятельности / М. В. Таланова // Мировой судья – 2012 – № 2 – С.31-38.
9. Таланова, М. В. Эффективность норм частного права / М. В. Таланова / Частно-правовые отношения в условиях глобализации. – Saarbrüchen.: Lambert academic publishing, 2012. Часть 1. Глава 7. – С.109-116.

УДК 342.4

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДЕЛЫ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Павленко П. И., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0007-9252-8951,
Сигаев Ф. Е., ORCID 0009-0009-3943-7043
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: p.pavlenko.donnu.jur@mail.ru, sigaev.feliks98@gmail.com

Введение. Современное правовое государство функционирует на базе конституционных догматов, среди которых основополагающее значение занимает доктрина разделения государственной власти на независимые ветви. Данный институциональный механизм исторически сложился как эффективный инструмент предотвращения узурпации полномочий, минимизации произвола и обеспечения баланса интересов различных социальных групп. В условиях усложнения общественных отношений и трансформации правовой системы особый акцент смещается на судебную власть, которая выступает главным гарантом защиты конституционных прав и свобод граждан. Однако, реализация её автономии сопряжена с рядом организационных, нормативных и этических вызовов, требующих глубокого теоретического осмысления, совершенствования механизмов гарантий и адаптации к современным реалиям правоприменительной практики.

Цель исследования заключается в комплексном анализе принципа независимости судебной власти в системе разделения властей, раскрытии его институционального и функционального измерений, изучении доктринальных подходов к обеспечению судейской автономии, а также в выработке научно

обоснованных рекомендаций по укреплению гарантий независимости правосудия в современных условиях правоприменения.

Основная часть. Исторические корни доктрины разделения властей уходят в эпоху Просвещения, когда мыслители впервые сформулировали идею о необходимости дифференциации государственных функций для обеспечения свободы и правопорядка. В середине XVIII века французский философ Ш. Л. Монтескье в своем фундаментальном труде «О духе законов» обосновал невозможность сохранения правовой стабильности в обществе, если законодательная, исполнительная и судебная власти сосредоточены в руках одного лица или органа, подчеркнув, что только их взаимное уравновешивание способно предотвратить концентрацию полномочий и гарантировать справедливость [1, с. 472]. Данная политико-правовая мысль получила дальнейшее развитие в конституционном строительстве ведущих государств мира и стала неотъемлемым элементом современных демократических систем, обеспечивая правовую предсказуемость и защиту личности от административного давления. В российском правовом поле принцип разделения властей закреплен на высшем нормативном уровне, что предполагает создание независимой, беспристрастной и профессиональной судебной системы, способной объективно разрешать споры любой сложности и выступать арбитром в конфликтах между государством и обществом.

По мнению доктора юридических наук, профессора В. М. Лебедева, полноценная реализация судейской независимости возможна лишь при условии признания государством концепции автономии ветвей власти, поскольку сама суть разделения властей заключается в предотвращении концентрации полномочий и защите правопорядка от любых форм внешнего вмешательства [2, с. 15]. Следовательно, судебная власть не должна подчиняться директивам законодательных или исполнительных органов, а должна руководствоваться исключительно нормами права и внутренним профессиональным убеждением судей.

При этом каждая ветвь власти обладает собственной компетенцией, и недопустимо их взаимное проникновение, которое могло бы нарушить конституционный баланс государственного механизма. Конституционалист А. Н. Перов справедливо отмечает, что самостоятельность и независимость каждой ветви власти действуют строго в пределах установленной законом компетенции, и любое вмешательство одной ветви в деятельность другой является нарушением основ конституционного строя Российской Федерации [3, с. 83].

Таким образом, судебная власть выступает как самостоятельный правовой институт, наделенный исключительным правом на осуществление правосудия и формирование единой правоприменительной практики.

Институту судебной власти присущи как сильные, так и слабые стороны по сравнению с другими ветвями государственного аппарата. Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор В. О. Лучин указывал, что судебная

власть обладает уникальной способностью принимать решения, не свойственные законодательной и исполнительной властям, что подчеркивает её высокую степень самостоятельности, однако её слабой стороной является отсутствие прямой электоральной поддержки и собственных силовых механизмов принуждения, что требует привлечения внешних структур для обеспечения исполнения судебных актов [4, с. 329].

Несмотря на это, основная сила судебной власти заключается в её неуклонном следовании закону и способности выносить справедливые решения, основанные исключительно на нормах права. Для обеспечения эффективности правосудия необходимы надежные государственные гарантии, среди которых выделяются несменяемость, неприкосновенность судей, достойное материальное обеспечение и защита от любого внешнего давления.

Как подчеркивает В. В. Никулин, статус судьи обеспечивается комплексом государственных гарантий, исключающих вмешательство в профессиональную деятельность, регламентирующих порядок приостановления полномочий и предоставляющих социальную защиту на уровне, позволяющем сосредоточиться исключительно на отправлении правосудия [5, с. 62].

Особое значение в системе обеспечения независимости судебной власти приобретает конституционный контроль, который выступает важнейшим механизмом проверки соответствия нормативных актов основному закону государства. Конституционный контроль как особый вид правоохранительной деятельности, заключается в проверке законов и иных актов на соответствие Конституции, при котором уполномоченные органы вправе отменить неконституционные нормы [6]. В Российской Федерации данный контроль осуществляется Конституционным Судом, а также судами общей юрисдикции и арбитражными судами в пределах их компетенции.

Заключение. Таким образом, принцип независимости судебной власти представляет собой краеугольный камень правового государства и неотъемлемый элемент системы разделения властей. Его реализация обеспечивается комплексом конституционных, законодательных и этических гарантий, защищающих судей от внешнего вмешательства и создающих условия для объективного правосудия. Анализ доктринальных подходов и нормативных положений демонстрирует, что независимость судебной власти носит институциональный и функциональный характер, требует высокого уровня профессиональной и моральной подготовки кадров, а также эффективного конституционного контроля российского государства.

Список литературы

1. Монтескье, Ш. Л. О духе закона / Ш. Л. Монтескье. – Москва: Мысль. – 1999. – 680 с.
2. Лебедев, В. М. Гарантии независимости судебной власти в Российской Федерации: концепция, история становления и современное состояние / В. М. Лебедев // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 5–24.
3. Перов, А. Н. Конституционное право России: учебное пособие / А. Н. Перов. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет». – 2019. – 118 с.

4. Лучин, В.О. Конституционное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / В. О. Лучин. – 10-е изд. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА. – 2019. – 687 с.
5. Никулин, В. В. Конституционное право России: учебное пособие / В. В. Никулин. – Тамбов: Тамбовский государственный технический университет. – 2019. – 80 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Москва: Омега-Л. – 2023. – 64 с.

УДК 340.1

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Слесарева А. М., ORCID 0009-0002-2291-2417
ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», г. Москва, РФ
e-mail: almslesareva@xmail.ru

Введение. Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью государства в регулировании экономических процессов и необходимостью осуществления такого воздействия в установленных правовых формах. Современная экономика развивается в условиях сочетания рыночных механизмов и государственного регулирования, поэтому деятельность публичной власти затрагивает широкий круг вопросов, связанных с поддержанием устойчивости хозяйственной системы, защитой конкуренции, регулированием предпринимательской деятельности и обеспечением публичных интересов.

Основная часть. Правовые формы осуществления экономической функции государства характеризуют юридически значимые способы реализации данного вида государственной деятельности. Их назначение состоит в том, чтобы экономическое воздействие публичной власти осуществлялось не произвольно, а на основании правовых норм, в пределах компетенции государственных органов и с использованием предусмотренных законом механизмов. Экономическая функция в данном случае выражается как в общем воздействии государства на хозяйственную сферу, так и в юридическом оформлении конкретных направлений экономической политики.

В теории государства и права традиционно выделяют правотворческую, правоисполнительную и правоохранительную формы осуществления функций государства. Правотворческая форма выражается в установлении и изменении общеобязательных норм, регулирующих экономические отношения. Правоисполнительная связана с практической реализацией нормативных предписаний компетентными государственными органами.

Правоохранительная форма направлена на обеспечение соблюдения установленных требований, защиту прав участников экономических отношений и применение мер юридической ответственности при нарушении законодательства.

Содержание экономической функции непосредственно зависит от особенностей хозяйственной системы и задач, решаемых государством на конкретном этапе развития. А.А. Беженцев указывает: «Суть экономической функции, ее содержание близко связаны с характером национальной экономики, ее строением и путями эволюции» [1, с. 7]. Получается, правовые формы необходимо рассматривать в тесной связи с реальными экономическими процессами, поскольку изменение структуры экономики, роли частной собственности, характера конкуренции или масштабов государственного участия неизбежно отражается и на содержании правового регулирования.

Названные правовые формы получают конкретное содержание применительно к экономической сфере. Государство закрепляет условия осуществления предпринимательской деятельности, требования к отдельным видам производства и услуг, порядок государственного контроля и иные юридические рамки экономической активности. Наряду с установлением общих правил значительное место занимают решения, принимаемые применительно к конкретным субъектам и ситуациям. К ним можно отнести лицензирование, реализацию установленных требований, предоставление предусмотренных законодательством мер поддержки и применение предусмотренных правом ограничений.

Особенность правовых форм заключается в том, что экономические инструменты получают юридическое значение только после их нормативного закрепления и включения в деятельность компетентных государственных органов. Налоговые, бюджетные, финансовые и денежно-кредитные меры имеют собственную экономическую природу, однако порядок их применения определяется правом. А.А. Беженцев характеризует механизм реализации экономической функции как системное образование, включающее в себя нормативно-регулятивные, бюджетно-финансовые, фискальные и денежно-кредитные средства [1, с. 5]. Такое сочетание демонстрирует комплексный характер реализации экономической функции, где юридические и экономические средства образуют единый механизм государственного воздействия.

Связь права и экономики имеет двусторонний характер. Экономическая система формирует потребность в определенных правовых решениях, а содержание законодательства, в свою очередь, влияет на условия хозяйственной деятельности. И.С. Абдуллин и Т.С. Касимов прямо отмечают наличие неразрывной связи между экономикой и правом [2, с. 10]. В практическом плане это означает, что качество правовой формы влияет на результативность самой экономической меры. В связи с этим особое значение имеют конкретные основания применения ограничений, компетенция

государственных органов, порядок проведения соответствующих процедур и возможность контроля законности принятых решений.

Особое значение приобретает соотношение правового регулирования и самостоятельности участников рынка. Государственное воздействие требуется там, где необходимо обеспечить устойчивость хозяйственных отношений, защиту конкуренции, производство общественных благ или преодоление негативных последствий рыночных механизмов. При этом чрезмерное административное вмешательство способно снизить хозяйственную инициативу и усложнить экономический оборот. В статье И.С. Абдуллина и Т.С. Касимова прямые методы государственного регулирования связываются прежде всего с правовым, в том числе административным, воздействием на законодательном уровне, тогда как к косвенным средствам отнесены бюджетно-налоговая и денежно-кредитная политика [2, с. 12].

Эффективность правовых форм определяется не самим фактом наличия нормативных актов, а их способностью обеспечивать предсказуемое и последовательное регулирование. И.С. Абдуллин и Т.С. Касимов указывают: «Успешное развитие экономики в государстве зависит от совершенствования механизма государственно-правового регулирования экономических отношений» [2, с. 9]. Поэтому юридическая составляющая экономической функции охватывает одновременно установление правил, их практическое применение и контроль за соблюдением закрепленного порядка. В таком понимании правовые формы выступают необходимым условием перевода целей государственной экономической политики в конкретные юридически значимые действия.

Заключение. Рассмотренные положения показывают, что значение правовых форм осуществления экономической функции определяется не только юридическим закреплением государственной политики, но и качеством ее практической реализации. Правотворческая деятельность формирует нормативные основания экономического регулирования, правоисполнительная обеспечивает применение установленных правил, а правоохранительная поддерживает их обязательность и защищает участников экономических отношений от нарушений. Результативность экономической функции государства поэтому зависит от согласованности рассмотренных форм, обоснованности вмешательства в хозяйственные процессы и соблюдения баланса между публичными интересами и самостоятельностью субъектов рынка.

Список литературы

1. Беженцев, А. А. Экономическая функция государства: теоретико-правовая характеристика / А. А. Беженцев // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2026. – Т. 14, № 2. – С. 5-20. – DOI 10.21685/2307-9525-2026-14-2-1. – EDN AIVGHZ.
2. Абдуллин, И. С. Развитие методологии научного обоснования правового воздействия государства на социально-экономическую систему / И. С. Абдуллин, Т. С. Касимов // Юридическая наука. – 2022. – № 10. – С. 9-12.

УДК 340.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Таланова М. В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0002-5765-6431
ФГБОУ ВО ««Ярославский государственный университет им.П.Г. Демидова»,
г. Ярославль, РФ
e-mail: urist.diplom72@gmail.com

Введение. Сегодня цифровые технологии предоставляют новые возможности для исторических исследований в различных предметных областях.

Имеются и положительные примеры применения цифровых технологий, когда объектом интереса историка выступает государство и право, отраженное в деятельности органов власти и их должностных лиц, актах применения права, в том числу, судебных источников.

В частности, на основе интеллектуального программного поиска (количество и сложность дел) в базе данных удалось установить изменяющуюся в зависимости от губернии и исторического периода нагрузку на судей, определить специфику участия юристов в рассмотрении судом тех или иных дел, произвести компьютерный анализ текстов судебных решений, показать динамику изменений в сословном составе присяжных, выявить частоту и причины участия в судебном разбирательстве экспертов и иных лиц обладающих специальными познаниями [1, с. 39-47]. Технология блокчейн в отдельных случаях и регионах позволила восстановить соотношение между конкретными судьями в императорской России и рассмотренными ими делами [2, с. 105].

Тем не менее, применение цифровых технологий в историко-правовых исследованиях пока еще не стало повсеместным, в том числе вследствие объективных и субъективных причин.

Цель работы – анализ проблемных аспектов применения цифровых технологий в исторических исследованиях в предметной области государства и права.

Основная часть. Сегодня цифровые технологии, как правило, демонстрируют высокую результативность. Наблюдается преемственность и верифицируемость результатов, обеспечивая научную достоверность.

Так, в 2010 г. путем выполненного целой группой исследователей в течение учебного года количественного и качественного анализа 522 документов без применения интеллектуальных цифровых технологий была определена эффективность координационных действий органов власти советского периода [3, с. 17-19], а в 2026 г. благодаря технологии искусственного интеллекта тот же вопрос в отношении уже более 50 тыс.актов был решен за несколько часов работы [4, с. 165-169], а его решение привело, в относительных цифрах, к принципиально тем же результатам.

Вместе с тем, в отдельных случаях, когда объектом исторического исследования будут государственно-правовые явления, возникают сложности с использованием цифровых технологий, которые существенно сказываются на качестве и глубине исторического исследования.

В первую очередь, по данной тематике пока еще имеется сравнительно мало материала, который мог бы стать основой для обучения моделей искусственного интеллекта или исходным «сырьем» для цифрового анализа.

Так, кроме работ отдельных энтузиастов, до настоящего времени не оцифрованы даже широко распространенные в архивах дореволюционные акты применения права и даже нормативные акты губерний и земств. Не оцифрованы в большинстве случаев и региональные статистические данные времен императорской России и советского периода отечественной истории.

Все это создает преграды для широкого использования цифровых технологий при исследовании истории российского государства и права.

По мнению автора, необходимо развитие законодательства о цифровизации имеющихся архивных документов и создании накопительного архива из копий электронных документов действующих органов власти.

Полезной стала бы федеральная целевая программа «Российский цифровой архив», которая предусматривала бы поэтапные мероприятия, направленные на цифровизацию прежнего документооборота, существующего пока еще только в бумажном виде. Такая программа может быть разработана и утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации.

Не менее важным будет вопрос и о согласовании стандартов формирования web-архивов, сведения в которых должны быть по форме совместимыми [5, с. 56]. Представляется, что Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации должно совместно с заинтересованными ведомствами и, прежде всего, Федеральным архивным агентством (Росархивом) должно разработать и направить на утверждение в Правительство России стандарты цифровой архивизации, требования к сертификации и квалификации компаний и отдельных лиц, привлекаемых к деятельности по цифровизации архивной информации.

Пока не решенной проблемой для цифрового качественного анализа являются оценочные характеристики и абстрактность большинства правовых параметров (качество, эффективность и т.п.), однако, по всей видимости, этот вопрос решаем по мере обучения конкретных моделей искусственного интеллекта. По всей видимости, данные вопросы связаны со спецификой государственного регулирования Интернет-отношений [6, с. 28-30].

Также представляется значимым частичная (выборочная) проверка и верификация полученных с помощью цифровых технологий данных опытным путем, например, на семинарских занятиях [7, с. 15-18].

Заключение. В работе рассмотрены проблемные аспекты применения цифровых технологий в исторических исследованиях в предметной области государства и права. Приведены примеры их эффективного использования.

Обозначены возникающие при таких исследованиях проблемы и пути их решения.

По результатам исследования можно указать на очевидные преимущества и новые возможности, появляющиеся при использовании новых цифровых технологий в исторических исследованиях государственно-правовой тематики, чему в работе приведены примеры.

Вместе с тем, имеют место и недостатки (ограничения) применения указанных методов в современный период.

Такие недостатки могут быть разрешены правовыми (нормативное регулирование цифровизации архивов, стандартизация, сертификация и проч.) и технологическими (обучение моделей искусственного интеллекта) путями.

Список литературы

1. Таланова М.В. Генезис института специальных знаний в отечественном уголовном судопроизводстве до 1917 года // Экономико-правовые аспекты развития общества: сборник материалов Национальной научно-практической конференции. Том 1. Под общ. ред. Н.В. Никитиной, Е. В. Барашевой. Иркутск. 2026. С.39-47.
2. Максуров А.А. Блокчейн, криптовалюта, майнинг: понятие и правовое регулирование (2-е изд., перераб. и доп.). М.: Дашков и К. 2021. 288 с.
3. Максуров А.А. Использование математических методов при определении эффективности правовых явлений (на примере координационной юридической практики) // Современное право. 2010. № 11. С.17-19.
4. Таланова М.В. Математическое моделирование координации государственного управления: проблемы и перспективы // Математические модели техники, технологий и экономики: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 14 мая 2026 г. Санкт-Петербург: СПбГЛТУ, 2026. .С.165-169.
5. Макаров И.И. Координация в праве. Ярославль: ЯФ МФЮА. 2012. 314 с.
6. Максуров, А. А. Предмет правового регулирования интернет-права / А. А. Максуров // Правовые вопросы связи. 2010. № 1. С.28-30.
7. Мельников Ю.И. Формы координационного взаимодействия в праве: Координационный семинар // Вестник научных трудов Ярославского филиала Московской финансово-юридической академии. Юриспруденция. / Под ред. Ю.И. Мельникова, А.А. Максурова, Г.В. Семеновой. Ярославль. 2003. Вып.1. С.15-18.

УДК 378:34

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ vs ОЖИДАНИЯ РАБОТОДАТЕЛЕЙ

Хобби Ю. С., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0002-7431-8607
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
e-mail: yhobbi@list.ru

Введение. Трансформация экономики, развитие технологий и цифровой среды, а также изменение общественных отношений формируют новые требования к профессиональной подготовке специалистов. Особенно заметно это в юридической сфере: юристам необходимо обеспечивать правовое сопровождение процессов, которые быстро меняют содержание и формы профессиональной деятельности. В связи с этим возрастает значение сочетания фундаментальных знаний с практическими умениями, включая навыки работы с цифровыми инструментами.

Действующие образовательные стандарты предусматривают развитие профессиональных компетенций и личностных качеств обучающихся. Вместе с тем преимущественно академическая модель подготовки, ориентированная на передачу теоретических знаний, не всегда соответствует ожиданиям работодателей. Современная профессиональная среда требует от выпускника практической готовности, цифровой грамотности и способности решать несколько взаимосвязанных задач в условиях изменения законодательства и правовой неопределенности.

Цель исследования – выявить расхождения между требованиями образовательных стандартов и ожиданиями работодателей, а также определить возможные направления совершенствования подготовки будущих юристов.

Основная часть. Между содержанием федеральных государственных образовательных стандартов, регулирующих подготовку юристов, и актуальными потребностями рынка труда сохраняется разрыв. Работодатели заинтересованы в том, чтобы выпускник мог быстро включиться в профессиональную деятельность и обладал навыками, востребованными в текущей правоприменительной практике. Такой подход позволяет организациям сократить расходы на дополнительное обучение новых сотрудников. В то же время высшая школа, выполняя задачу фундаментальной подготовки, не всегда способна оперативно адаптировать учебные программы к быстрым изменениям законодательства и юридической практики.

Это противоречие не предполагает отказа от фундаментального образования. Напротив, оно указывает на необходимость дополнить его развитием универсальных, или сквозных, компетенций, применимых в различных сферах юридической деятельности. Подготовка специалиста должна

обеспечивать не только знание действующих норм, но и умение ориентироваться в изменяющейся правовой и экономической среде.

Анализ образовательных программ, реализуемых в соответствии с действующими ФГОС, показывает, что основу учебного процесса составляют традиционные юридические дисциплины, в том числе теория государства и права, гражданское, уголовное и административное право, а также соответствующие процессуальные отрасли. Одновременно работодатели в 2026 году обращают всё большее внимание на знание правового регулирования новых и быстро развивающихся сфер. Среди них – деятельность маркетплейсов, платформенная экономика, маркировка товаров, валютный контроль и особенности привлечения к административной ответственности. Расширение и усложнение предмета правового регулирования повышает значимость способности выпускника оценивать не только содержание правовой нормы, но и особенности её практического применения.

Изменяются и представления о роли юриста в организации. От специалиста ожидают не только правовой поддержки, но и участия в управлении рисками. Для этого необходимы не только профессиональные юридические знания, но и развитое бизнес-мышление, междисциплинарная подготовка и навыки проектного управления. Важным условием формирования таких компетенций является систематическое включение в образовательный процесс практических заданий, анализа реальных ситуаций и взаимодействия с представителями профессионального сообщества. Поэтому юридические клиники и разбор кейсов с участием практикующих специалистов целесообразно рассматривать не как факультативные форматы, а как значимую часть подготовки. Их развитие предполагает расширение сотрудничества образовательных организаций с работодателями.

Эмпирическое исследование, проведённое кафедрой государственного управления и права Мариупольского государственного университета имени А. И. Куинджи в рамках фундаментальной научно-практической темы «Теоретико-функциональные основы практико-ориентированной подготовки специалистов в области юриспруденции в контексте применения компетентностного подхода» (регистрационный номер 1025031400064-8-5.5.1), включало анкетирование работодателей. Полученные данные подтвердили наличие разрыва между уровнем теоретической подготовки выпускников и практическими навыками, необходимыми для профессиональной деятельности.

Одним из факторов, осложняющих разработку программ, ориентированных на конкретные результаты обучения, является отсутствие профессиональных стандартов для ряда юридических должностей, в частности юрисконсульта. В таких условиях образовательным организациям сложнее определить и согласовать с работодателями ожидаемые результаты подготовки. Вместе с тем нормативная база разработки профессиональных стандартов совершенствуется. Постановлением Правительства РФ от 10 апреля 2023 г. № 580, в редакции от 6 марта 2026 г., уточнён порядок разработки и

утверждения таких стандартов и скорректированы процедурные сроки [1]. Однако отсутствие утверждённого стандарта для одной из наиболее распространённых юридических специальностей по-прежнему затрудняет формирование единых требований к соответствующим компетенциям.

Результаты опроса также свидетельствуют о высокой значимости цифровых навыков для юристов. Все опрошенные работодатели отметили востребованность умения работать с правовыми базами данных. Навыки использования систем электронного документооборота указали 66,7% респондентов, а владение электронной цифровой подписью – 53,3%. Эти показатели позволяют рассматривать цифровую грамотность не как дополнительное преимущество, а как необходимую составляющую профессиональной подготовки наряду со знанием материального и процессуального права.

С учётом полученных данных, образовательным организациям целесообразно рассмотреть возможность включения в учебные планы специализированного курса или модуля, посвящённого цифровым компетенциям юриста. Его содержание может охватывать как практическую работу с цифровыми правовыми инструментами, так и правовые вопросы цифровизации: электронное правосудие, цифровой документооборот и ответственность за нарушения в цифровой среде.

Заключение. Современные условия требуют комплексного обновления юридического образования с учётом потребностей рынка труда, фундаментальных положений правовой науки и требований действующего законодательства. Приоритетным направлением такого обновления должно стать усиление практической составляющей обучения и последовательное привлечение работодателей к подготовке будущих специалистов. При этом важно сохранить фундаментальную теоретическую основу образования и одновременно развивать цифровые, коммуникативные и междисциплинарные компетенции. Их сочетание позволит готовить юристов, способных эффективно действовать в условиях меняющейся профессиональной среды.

Список литературы

1. О разработке и утверждении профессиональных стандартов: Постановление Правительства РФ от 10.04.2023 № 580. URL: https://base.garant.ru/406715757/ (дата обращения: 05.10.2026).

УДК 34.01

СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ ПРАВА: КОРРЕКЦИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

Чурицкая Е. О., ORCID 0009-0005-0802-5565
Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
e-mail: yekaterina.kholina.00@mail.ru

Введение. Статья рассматривает государство как особый субъект права, а также анализирует теоретические подходы, которые касаются его правосубъектности и взаимодействие с правом. Определены характерные признаки, отличающие современное государство от иных участников правоотношений.

Цель исследования: комплексный теоретико-правовой анализ государства как субъекта права, предполагающий систематизацию доктринальных подходов о взаимодействии государства и права, определение отличительных признаков государственной правосубъектности и выявление специфики участия государства в различных типах правоотношений.

Основная часть. Исследование государства как субъекта права относится к числу фундаментальных вопросов теории государства и права. Разрешение данного проблемного вопроса предполгагает осмысление специфики государственно-властных отношений, допустимых границ вмешательства государства в частную жизнь граждан, а также механизмов привлечения государства к ответственности.

На сегодняшний день в современной юридической науке сформировались ряд теоретических направлений, которые определяют взаимодействие государства и права и определяющие тем самым положение государства в правовой системе. Правовая доктрина проходит несколько ключевых подходов. Первый подход, который стоит выделить – это этатистский, согласно которому государство является приоритетным по отношению к праву. То есть право понимается как результат государственной деятельности, совокупность распорядительных актов, исполнение которых гарантируется мерами принуждения. Данная концепция, занимавшая особое положение в правовой доктрине советского времени, обосновывает второстепенную роль права и трактует его как средство достижения государственных целей [1, с. 44-45].

Естественно-правовой подход, наоборот, ставит право выше государства. Право зарождается до формирования государства и автономно от него; формирование государственного аппарата возникает из потребности обеспечить действие права, что влечёт за собой юридическую обязанность государства соблюдать и реализовывать действующие нормы права. Данная теоретическая концепция обуславливает формирование доктрины правового

государства, которая предполагает признание принципа верховенства права в качестве основополагающего критерия правопорядка и ограничителя публичной власти [2, с.60].

Согласно дуалистической доктрине между государством и правом устанавливается сложная сопряженная связь: феномены находятся в состоянии взаимной обусловленности, вследствие чего автономная эволюция одного из элементов невозможна.

Право в отсутствие государственного механизма бессильно, государство, в свою очередь, не способно функционировать без права как регулятора общественных отношений. Государство выступает непосредственным субъектом правотворчества и ключевым механизмом их принудительного осуществления, также право закрепляет организационное устройство государства, устанавливает границы компетенции его органов и придает правовую обоснованность его воздействию на общественные отношения [2, с. 49].

В рамках историко-правового анализа представления о правовом статусе государства характеризуется рядом последовательных этапов. В эпоху абсолютизма государство рассматривалось как объект естественного властного господства монарха, причем эта конструкция строилась по аналогии с режимом неограниченной частной собственности. В XIX веке на смену этой концепции пришла теория «государство – субъект права (юридическое лицо»), которая утверждала, с одной стороны, суверенитет государства, а с другой – правовой характер двусторонних отношений между государством и подданными [3, с. 31].

В системе субъектов права государство занимает особое место, а именно относится к публично-правовым образованиям, к этой же категории относятся субъекты федерации, муниципальные образования и иные территориальные единицы. Его специфика обусловлена совокупностью юридических признаков:

Первый признак – это суверенитет. За государством закрепляется исключительное право на осуществление властных полномочий на собственной территории и внешнеполитическая автономия, которая обеспечивает независимость в международных отношениях.

Вторым признаком является – территориальность. Государственная территория выполняет разграничительную функцию: она определяет географические границы юрисдикции государственного правопорядка, при этом нормативно допускается функционирование производных правовых режимов – в пределах субъектов федерации, автономных образований и муниципальных единиц.

Третий признак – правосубъектность. Государство наделено правосубъектностью, позволяющей ему выступать обладателем субъективных прав и исполнять возложенные юридические обязанности. Вместе с тем специфика правосубъектности обладает особой природой: в рамках гражданского оборота.

Четвертый признак – это корпоративная природа, при которой государство выступает посредником в правовом взаимодействии физических и

юридических лиц; его задача заключается не в подчинении индивидов внешней властной воле, а в гармонизации разнородных устремлений и интересов участников правоотношений [3, с. 265].

Государство выступает участником различных правоотношений. В межгосударственных отношениях оно является основным субъектом международного права. В рамках федеративных отношений государство выступает носителем суверенной государственной власти, определяя правовые границы компетенции и компетенции и распределяя компетенции между федеральным уровнем и субъектами федерации.

Специфика правового статуса государства состоит в том, что оно не только участвует в правоотношениях в качестве одного из субъектов, но и формирует нормативную базу этих правоотношений, занимая позицию ключевого субъекта правотворчества. Современное демократическое государство не вправе реализовывать свою деятельность вне правового поля: право легализует государственную деятельность, фиксирует пределы вторжения в частную жизнь граждан, а также обеспечивает механизмы контроля над государственным аппаратом и формирует юридические гарантии ответственности государства перед личностью [4, с.89].

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что государство в качестве субъекта права представляет собой сложное, иерархически организованное правовое образование, которое объединяет множество взаимосвязанных элементов и уровней правового регулирования. Правовой статус государства не сводится ни к роли правотворца, ни к роли обычного участника правоотношений: оно одновременно выступает субъектом нормотворческой деятельности и связано с создаваемыми нормами, обладает суверенитетом и несёт ответственность перед гражданами, а также выступает властвующим субъектом и равноправным участником гражданского оборота. Теоретико-правовое осмысление указанной двойственности сохраняет научную и практическую актуальность, особенно в контексте развития концепции правового государства, где взаимосвязь государства и права выступают не лозунгом, а конституционной необходимостью.

Список литературы

1. Теория государства и права : учебник для академического бакалавриата / под редакцией В. К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 578 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-08578-5.
2. Теория государства и права : учебник / А. Г. Бережнов, А. А. Кененов, М. Н. Марченко [и др.] ; под ред. М. Н. Марченко. – Москва : Издательство «Зерцало-М», 2020. – 720 с. – (Классический университетский учебник). – ISBN 978-5-94373-459-5.
3. Протасов, В. Н. Теория государства и права : учебник и практикум для среднего профессионального образования / В. Н. Протасов. – 2-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 368 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-19270-4.
4. Комаров, С. А. Общая теория государства и права : учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 528 с. – (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-15392-7.

СОДЕРЖАНИЕ

Административное, финансовое и экологическое право

Анкудинова Я. С., Бирюкова Н. Ю., *Суркова В. А*. О проблемах квалификации административных правонарушений в цифровую эпоху 7

Барбашова Н. В., Алексеева Т.А. Нормативно-правовое регулирование качества и тарифов централизованного водоснабжения и водоотведения в Донецкой Народной Республике 10

Барбашова Н. В., Загорская Е. Д. Коллизии в правовом регулировании воохранных зон и прибрежных защитных полос 13

Барбашова Н. В., Ракитянский Р.А. Правовые и организационные основы прокурорского надзора за исполнением законодательства об ответственности за экологические правонарушения 17

Бесчастнов В. В., Жарова К. А. Эволюция института административной ответственности в таможенной сфере: исторические этапы и современный вызов правоприменения 22

Вересов В. Н., *Читах Ю. А.* Юридическая ответственность за нарушение режима информационной безопасности при ведении учёта лиц, лишённых права управления транспортными средствами 25

Гарькавенко Л. В. К вопросу профилактики правонарушений в сфере обеспечения общественного порядка и охраны общественной безопасности на территории новых субъектов Российской Федерации 28

Голобородько В. И., Храпинский Б. Л. Ключевые аспекты административных правонарушений, связанных с охраной собственности 31

Гордиенко Г. Г., Репина А. В. Государственная регистрация коммерческих организаций как административная процедура: порядок, проблемы и перспективы 34

Евдокимов О. Г. Тенденции трансформации правового статуса микрофинансовой организации 37

Каблов Д. С., Белых Е. М. Основные направления совершенствования деятельности государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства Внутренних Дел Российской Федерации 40

Каблов Д. С., *Казус Н. Е.* Проблема разграничения понятий «процессуальное принуждение» и «юридическая ответственность» в контексте кодификации административного судопроизводства 43

Каблов Д. С., *Тимохович А. А.* Цели и направления информационной безопасности в сфере обороны 47

Карпов К. А. Нарушения финансового законодательства на рынке ценных бумаг Российской Федерации в эпоху цифровизации общественных отношений 50

Колоколов А. В. Административно- и уголовно-правовые меры защиты традиционных ценностей от деструктивной идеологии: классификация и направления совершенствования законодательства 54

Коробейникова К. В., Калита Е. А. Актуальные проблемы применения административной ответственности за правонарушения в сфере обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации 57

Коробейникова К. В., Манжула И. А. Правовые проблемы формирования доходов федерального бюджета в условиях трансформации налоговой системы 60
Косяк Е. Л. Оскорбление и унижение человеческого достоинства как административные правонарушения: сходство и различие составов 63
Косяк Е. Л., Новиченко А. А. Проблемы и пути совершенствования административной ответственности за нарушение прав в сфере интеллектуальной собственности 66
Котляр А. В., Бернацкая М. С. Расширение правовой ответственности членов семьи как вектор развития системы защиты прав несовершеннолетних 69
Котляр А. В., Седина И.О. Административно-правовые гарантии статуса государственного служащего в органах внутренних дел 72
Котляр А. В., Швец А. В. Профилактика правонарушений и место в ней общественных объединений правоохранительной направленности 75
Круть Ю. И., Лёгенькая В. А. Роль этических норм в деятельности государственного служащего 78
Круть Ю. И., Рябикина К. А. Проблемные аспекты законодательного регулирования обеспечения экологической безопасности в процессе осуществления недропользования 81
Круть Ю. И., Федорченко А. Ю. Пути совершенствования правового режима экологически неблагополучных территорий в Донецкой Народной Республике 84
Куделя В. В., Лаврик А. С. Правовые гарантии на благоприятную окружающую среду: особенности реализации и защиты в Донецкой Народной Республике 88
Лихачев С. В., Мордвинова А. О. Цифровая трансформация принципа гласности: баланс между открытостью данных и защитой тайны следствия в деятельности органов прокуратуры Российской Федерации 91
Лихачев С. В., Третьяк А. А. Административно-правовой статус Министерства обороны Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект 94
Лихачев С. В., Холодков В. В. Методы административного воздействия при обеспечении общественной безопасности 97
Ляшенко В. А., Асташенко С. А. Дифференциация административно-правовых режимов деятельности субъектов малого предпринимательства в Российской Федерации: административно-правовые основания и механизмы реализации 99
Матвеев В. Ю. К вопросу о содержании понятия «педагогический работник» 102
Медведев Д. К., *Кущенко А. А.* Принципы деятельности судебных приставов как основа административно-правового статуса судебного пристава 105
Медведев Д. К., *Малый В. А.* Ограничения и запреты для государственных гражданских служащих в Российской Федерации: правовой анализ 108
Моисеенко М. А., Авсенина В. А., Петрова А. А. Подпись без контроля: фиктивный «human-in-the-loop» и ответственность за ошибки искусственного интеллекта при санкционировании бюджетных расходов .. 111
Навальнева Н. С. Цифровой рубль: проблемы и перспективы использования 114

Навальнева Н. С., Ярошенко М. А. Принцип обязательности оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности и проблемы его реализации на практике 117
Насонова И. В., *Дембовский С. П.* Налоговые преференции как инструмент преодоления институционального кризиса закрытой акционерной формы хозяйствования 120
Олейник А. Р. Дебиторская задолженность как предмета залога имущества, регламентированного налоговым кодексом Российской Федерации 123
Панько Н. А., Меренкова Д. М. Ограничение права на доступ к информации как способ противодействия информационным угрозам 126
Пашков С. Н., Борухов Е. В. Антимонопольное регулирование и конкуренция: соотношение понятий 129
Пашков С. Н., Грищенко Э. Г. Налоговые агенты в системе налоговых правоотношений 132
Пашков С. Н., Кашапова В. П. Сущность административно-правового регулирования таможенного контроля 134
Петров Н. В., Поцыбенко Е. П. Дискуссионные аспекты правовой квалификации счета ЭСКРОУ 137
Подмаркова И. П. Понятие демографической безопасности в российском праве 141
Подмаркова И. П., Логвин М. В. Правовые механизмы противодействия финансированию терроризма в Российской Федерации 144
Ренжигло Р. Е., Манжула Т. Ю. Налоговый контроль в Российской Федерации: структура правонарушений и проблемы правоприменения 147
Ренжигло Р. Е., Сорокина Н. Н. Право свободного доступа к информации о состоянии окружающей среды 150
Ренжигло Р. Е., Терещенко К. А. Проблемы функционирования Министерства юстиции Российской Федерации 153
Свечкарёв В. Г., Емец Д. С. Правовое регулирование формирования здорового образа жизни средствами физической культуры 156
Собин Д. В., Брагин М. С. Проблемные вопросы разграничения диверсионной и террористической деятельности в условиях военного положения как особого административно-правового режима 159
Сухова Е. А. Карантинная фитосанитарная зона как форма территориализации биологического риска 162
Сынкова Е. М., *Дзюмак А. А.* Особенности правового регулирования перестрахования в Российской Федерации 165
Сынкова Е. М., *Павленко Р. С.* Особенности правового регулирования государственной гражданской службы в Российской Федерации 168
Сынкова Е. М., *Савков В. М.* Об административно-правовом статусе плательщика налогов и сборов в Российской Федерации 171
Ткаченко Д. А., Переславская Л. Ю. Понятие и юридическая природа прокурорского надзора как вида государственной деятельности 174
Ткаченко Д. А., Федин А. А. Проблемные аспекты в сфере правового регулирования предотвращения изменения климата в Российской Федерации и пути их решения 177

Топузов Д. И., Згара К. А. Цифровая трансформация юридических услуг как драйвер изменений в подготовке специалистов 180
Утрендеева Х. Н., Мамбетова С. А. Сравнительный анализ правовых режимов военного и чрезвычайного положения: основания введения и объём ограничений прав граждан 182
Хачук К. Д., Тараненко Т. В. Административно-правовые гарантии прав граждан и проблемы их реализации 185
Хмель О. В. Развитие института государственной тайны в Российской Федерации 188
Цветкова А. А. Проблемы законодательного регулирования ответственности за совершение побоев 191
Цветкова А. А., Клименко И. С. Административная ответственность за нецелевое использование бюджетных средств: проблемы квалификации и пути совершенствования 194
Чеботарев С. А., Журиков Б. П. Актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере миграции 197
Шильникова А. А. Структура административно-правового механизма государственно-частного партнерства в условиях современных вызовов 200

Конституционное и международное право

Анохин А. Е. Пределы усмотрения субъекта Российской Федерации при перераспределении муниципальных полномочий 204
Головина Е. О. Международные и национальные гарантии обеспечения прав туристов в условиях политико-правовой нестабильности 207
Голубцов А. В. Денацификация Украины: исторический опыт и правовые аспекты 210
Голубцов А. В. Евразийский суд по правам человека: целесообразность создания 213
Кулакова Е. В. Сравнительно-правовой анализ моделей судебного конституционного контроля: мировой опыт и российская специфика 216
Кулакова Е. В., *Воротынец Е. Р.* Понятие и принципы международно-правовой защиты прав ребёнка 220
Кулакова Е. В., *Клоповская М. Ю.* Международно-правовой потенциал устава ООН в контексте исторической эволюции и современных вызовов 224
Макаренко Г. И. Вопросы социальной защиты, реализации экономических прав граждан и обеспечения правопорядка: региональный аспект (на примере города Севастополя) 228
Медведчук А. А. Критерии пропорциональности и необходимости ограничений права на информацию в условиях гибридных угроз и военной агрессии 231
Орлов Е. И. Горизонтальное и вертикальное измерения принципа разделения властей в России 234
Подмаркова И. П., Криничный И. А. Проблемы международного права XXI века: кризис нормативности и поиск новых механизмов регулирования 237
Поляков В. Ю., *Мордасов Д. Э.* Деятельность ВТО по охране нематериального культурного наследия 240

Полякова Н. Г., *Полянская Н. М.* Понятие и сущность принципов jus cogens 243
Попкова Н. П. К проблеме реализации права на жилище в условиях монополии права частной собственности на жилые помещения 246
Репникова Э. Ю., Кузнецов А. А., Лаась А. Э. Искусственный интеллект и права человека в условиях цифровой глобализации 249
Смирнова А. А. Трансформация информационных прав личности в условиях цифровой экономики: конституционно-правовой аспект 252
Тимофеева А. А. Правовые основы привлечения граждан к выполнению социально значимых работ на местном уровне 254
Тимофеева А. А., *Бондарь Я. В.* Место и роль прав женщин в системе международного гуманитарного права и международного права прав человека 257
Хобби Ю. С., Цикилек Д.С., Проценко Н. М. Юридическое образование как конституционная ценность: проблемы формирования правовой культуры студента 261
Чубарова Е. А., Михайлов А. В. Проблемы признания современных государств в международном праве и пути их решения 264

Теория и история государства и права

Акулов Е. В. Потенциал технологий искусственного интеллекта как инструмента математико-правового исследования 268
Железняк В. Ю. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: ретроспективный анализ 271
Иванова Я. С. К вопросу о сущности и содержании понятия «законность» 274
Колундаев М. В. Обычай как один из ключевых источников раннего отечественного права 276
Лещенко И. И., Свиридова К. Е. Экономические санкции как способ влияния на изменение государственного устройства (на примере Чехословакии в 50–60 годы XX века) 280
Максуров А. А. Координация правовой политики в условиях современной промышленной революции 283
Павленко П. И., Сигаев Ф. Е. Независимость судебной власти как конституционный принцип: институциональные гарантии и функциональные пределы в системе разделения властей 286
Слесарева А. М. Правовые формы осуществления экономической функции государства 289
Таланова М. В. Использование цифровых технологий в историко-правовых исследованиях 292
Хобби Ю. С. Юридическое образование vs ожидания работодателей 295
Чурицкая Е. О. Современное государство как субъект права: коррекция доктринальных подходов 298

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2026: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ, КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
XI Международной научной конференции,
10–12 ноября 2026 г.,
г. Донецк

ТОМ 8
Юридические науки
Часть 1

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки	*В. Дёмина*
Технический редактор	*М.В. Фоменко*
Компьютерная верстка	*К.С. Ушакова, М.В. Фоменко*

Адрес оргкомитета:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 28.10.2026 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 17,9.
Тираж 50 экз. Заказ № 26окт121/8а.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
E-mail: donnu.izdatelstvo@mail.ru

